

Алексей Яшин

ЖЕНЩИНА В ЧЕЛОВЕЙНИКЕ

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Алексей Яшин

**ЖЕНЩИНА
В ЧЕЛОВЕЙНИКЕ**

Москва
«Московский Парнас»
2018

ББК 84 Р7 (Рос.— Рус.)

УДК 882

Я 96

Алексей Яшин. Женщина в человейнике: Роман одного дня / Предисл. Л. В. Ханбекова: Академия российской литературы.— Москва: «Московский Парнас», 2018.— 395 с., ил. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

ISBN 978-5-6041074-0-9

Горьковское определение писателя как «инженера человеческих душ» есть не только прерогатива литературы социалистического реализма, но во многом, если не в большем, и творчества художников слова, русской словесности новейшего периода, который в данной ипостаси автор несколько ранее определил в своем «Манифесте нового русского критического реализма», широко обсуждавшемся на страницах отечественной литературной периодики. Совсем не случайно акцент поставлен на определении «новейший», ибо волею непреложной социальной эволюции человечества живем мы сейчас в период нарастания пика глобализации, когда «все смешалось в доме Облонских»: христианскую мораль заменила этика утилитаризма, во главу всего поставлена «общечеловеческая ценность», то есть доллар-евро, а та же литература успешно вырождается в пресловутые компьютерные «лайки».... И Россия здесь вовсе не сбоку, несмотря на внешние трения с Западом. Молох глобализации стальными челюстями пережевывает весь мир. Но мы, русские, во многом еще сопротивляемся. Ладно, наш жилистый мужик не так прост, долларом, европедлерством и интернетовским оглу плением его сходу не возьмешь. А каково нашим женщинам, вовсе не глупой «слабой половине», но все же, в отличии от мужчин, русская баба (это не унижительно вовсе, наоборот!) все еще остается, прежде всего, биологическим субъектом, каковым ей и положено быть матерью-природой. А отойди она от своего основного предназначения — и рухнет человеческий мир, на смену которому придет ноосферный облик Земли в форме виртуальной техногенной реальности... В этой книге содержится попытка дать образ русской женщины в глобализующемся человечестве — человейнике по меткому определению выдающегося нашего философа и ученого-логика А. А. Зиновьева. Сложился ли этот образ и соотносится ли он с факторами действительности? — Вывод читатель сделает сам для себя.

Иллюстрация на обложке

Олеся Янгол (Юрмала, Латвия).

Политипажные иллюстрации в тексте из староизданных книг конца XIX — начала XX вв. Подписи к ним А. А. Яшина.

© Яшин Алексей Афанасьевич, текст,
подписи к иллюстрациям, 2018

© Ханбеков Леонид Васильевич,
предисловие, 2018

© Олеся Янгол, обложка, 2018

© Яшин Алексей Афанасьевич,
художественное оформление, 2018

К ЧИТАТЕЛЮ

Известный современный русский писатель-прозаик, лауреат многих всероссийских, международных и иностранных литературных премий, главный редактор всероссийского литературного журнала «Приокские зори», уже второй десяток лет издающегося в Туле, член правления Академии российской литературы Алексей Яшин — давний друг, единомышленник и участник Независимого литературного агентства «Московский Парнас». А «Приокские зори» его создатель номинирует как выходящий под эгидой Академии. На второй же десяток пошел счет книгам, преимущественно романам, изданным Алексеем Афанасьевичем в «Московском Парнасе». И предваряя нами сейчас не исключение. И еще: Алексей Яшин — активно работающий на исследовательской ниве ученый с мировой известностью, создатель научных школ с мало что говорящим непосвященному названиями: «Биофизика полей и излучений», «Феноменология ноосферы» — и соответствующих им научных дисциплин. На мой давний вопрос о сочетании «в одной голове» серьезного, профессионального литературного творчества, столь же профессиональной научной деятельности и глубоко неформального участия в российском литературном процессе, а сейчас и в белорусском, как члена Беллитсоюза «Полоцкая ветвь», ответ был получен в чисто яшинском североморском (то есть понимай как хочешь: с юмором, серьезно и так далее...) контексте: «Наверное, Леонид Васильевич, гены перемешались в таком порядке — или беспорядке? — отца из калужских старообрядцев-поповцев и архангельской матери с примесью шотландских кровей, у которой в ее селе Великий Халуй бытовали, как то принято в русских старинных поселениях, две фамилии: Третьяковы и Прянишниковы».

...Дело давнее и «тонкое», но появление писателя Яшина в нашем «парнасском», а далее в академическом сообществе, сразу было отмечено как «выход в московский литературный свет» незаурядного дарования с его своеобразным литературным почерком, колоритным языком, проницательным взглядом на окружающее бытие, что сразу выдает в нем не только генетического потомка (см. выше), но и просто воспитанного в природно суровой, но человечески доброжелательной среде «владений» Краснознаменного Северного флота СССР. Там лишних слов не говорят, но все обдумывают заранее. А это обдумывание есть кладезь знаний о мире вещей и людей для будущего писателя.

...И мы в долгу не остались, отметив появление в нашем литературном сообществе такой своеобразной и заметной личности, тем более — выпускника еще знаменитого «пименовского» Литературного института им. А. М. Горького Союза писателей СССР, активиста семинара писателя-фронтовика Бориса Зубавина, первого главного редактора «Нашего современника».

В издаваемой «Московским Парнасом» серии «Созвездие России» выходят книги, посвященные литературной деятельности Алексея Яшина: моя «Тульский энциклопедист» (2008) и Натальи Квасниковой «От сатирика слышу!..» (2013).

Но, как бы сказал Афанасий Андреевич, отец нашего автора, боевой моряк-североморец, «от звонка до звонка» участник Финской кампании и Великой Отечественной войны, пора и к делу.

Дело же, то есть содержание предваряемой книги, в том, что наш автор по природе своего творчества есть, по определению одного из рецензентов его прежних книг, тож из «парнасцев» и академистов <имя рек>, фундаменталист. Это не есть расхожая «окаменелость» во взглядах («Суждения черпает из забытых газет времен очаковских и покорения Кры-

ма...» — как сказал наш классик... Хотя бы Крым в очередной раз только что покорили!), но традиционный для классической литературы прием: не торопясь (в отличии от нынешних пиарщиков печатного слова...) и сосредотачиваясь на характерных приметах своего времени, давать словесные портреты этих явлений. Так делали наши гении Достаевский и Толстой. Что уж тут говорить о «Человеческой комедии» Бальзака, «Великих творческих эпохах» Ромена Роллана, а из более близких к нам — сериях романов Артура Хейли и Вениамина Каверина...

И наш автор в своих книгах, от романа к роману, сосредотачивается на тех аспектах современного бытия, которые он полагает важнейшими — в их соподчиненности и последовательности художественного отображения.

Существенно, что события дней текущих у Алексея Яшина оцениваются в сопоставлении со временами прошлыми, хотя бы и не столь далекими. Это опять же «рабочие» приемы классической литературы, за пределы которой автор старается не выходить. Любой его роман — в канонах классики, как бы он ни старался, что называется, озадачить читателя. То подзаголовком к названию ставит «авантюрный роман», то «педагогическая поэма в трех частях»... и так далее. «Чтобы читатель заранее на дремоту не настраивался», — усмехается наш североморец.

С такой логической подоплекой, как за ним водится, Алексей Яшин и назвал свой первый роман*, где женщина уверенно выступает в главной роли, философским.

* Яшин А. А. Любовь новоурского периода: Философский роман в 3-х частях с эпилогом / Предисл. Л. В. Ханбекова.— М.: «Московский Пarnas», 2009.— 712 с., ил. (Библиотека журнала «Приокские зори»). См. также в электронной форме на сайте www.pz.tula.ru (раздел «Библиотека журнала «Приокские зори»).

Принято полагать, что связка логика — философия — женский характер либо литературно спекулятивна, а то и вовсе абсурдна. Но, на наш взгляд, в «Любви новоюрского периода» она очень даже сработала.

Так и во второй своей книге, предваряемой сейчас нами, с «женским» движением сюжета автор придерживается опрадавшей себя триединой связки. С тем понятным уточнением, что логика и философия — за автором, а за представительницами прекрасной половины человечества — все их своеобразие, в естественной и нарочитой запутанности которых не то что мужчина с его логикой и философией, но и они сами никогда не разберутся... Но ведь в этом, по преимуществу, и состоит сверхзадача в создании литературного женского портрета на фоне реальной эпохи — попытка разобрать такой запутанный клубок. Особенno, если автор старается смотреть на мир глазами своей героини. Сложно, конечно, все это, но ведь «нет таких крепостей», за штурм которых берется писатель, сам себя заинтриговавший — и себе же заданной головоломкой...

А ведь сегодняшняя женщина, тем более — русская, по рождению ли, по духу, стоит пристального взгляда на себя: оценивающего, анализирующего, отсеивающего зерна от плевел, а то и просто любующегося и восхищающегося.

Живем же мы сейчас в эпоху страшного раздрайа, душевного, морального и так далее, вплоть до материального... Это молох Антихриста-глобализма — определение Алексея Яшина. Оно из его романа «Задушевные беседы об умозамещении». Но автор в полной мере переносит его и в эту книгу. Здесь и матерому мужику, сильному русскому характеру, несложно устоять в явной нелепице, но с нужным комуто «курсом» всего происходящего. Каково же в таком водовороте женщинам? Даже детям здесь на-

много проще: за них родители думают и «разруливают». Тем более, что сейчас ювенальный возраст (гримаса эпохи!) достигает едва не половины третьего десятка лет жизни...

А женщинам сложно в такую эпоху растеряевшины гармонично сочетать в своем естестве и душе сугубо биологическое, родопродолжительное назначение и участие в социальном процессе. От последнего ведь не спрячешься за спиной мужа, не закроешься на патентованный замок ни в двухкомнатной «хрущевке», ни в коттедже на Рублевке...

Художественная литература является своеобразным, отличным от всех других видов творчества человека типом анализа. Развернутые писателем ширина и глубина раскрытия заданной темы убеждают читателя или оставляют равнодушным. Сложилось ли в восприятии целостная картина — успех, не сложилась — провал. Сказанное не является экскурсом по части категории «общих слов», но оттеняет характерную для прозы Алексея Яшина творческую манеру, а именно: при всем привлекаемом событийном многообразии, сложной иерархии главных и второстепенных персонажей, колоритности образов и сцен действия, речевом разнообразии и прочих литературных приемов, характерных для русской словесности, наблюдаем сюжетное единство. Вернее, логику сюжета. Только так можно «алгеброй гармонию поверить».

Все названные отличительные особенности яшинской прозы читатель тотчас уловит при чтении, поэтому в части литературной специфики ограничимся сказанным.

При всей заостренной сюжетной линии, а во временной части и вовсе сведенной к «одному дню Лизы» — главной героини, наш автор пишет именно роман.

Алексей Яшин в прямом следовании русской классике выделяет три типа современного женского

характера, прямо указывает на идущую от Достоевского традицию такой психологической дифференциации. Вовсе не случайно он дал главной героине Лизе и профессию гуманитарного психолога. Это не дань нынешней расхожей моде, дескать, хочу в экономисты-юристы, психологи-маркетологи (прости меня, господи, за эти американизмы...). Но все та же продуманность сюжета. Не намеком, но, что называется, «прямым текстом» автор обыгрывает знаменные сны Веры Павловны. «Второй сон Лизы» — название одной из глав.

Много в романе и других реминисценций. А вот «единодневность» сюжета уже из классики зарубежной. Кто сказал, что из нее русскому писателю нечего взять или брать зазорно?

На память сразу приходит такая сюжетная организация: «Улисс» Джойса; «Самопознание Дзено» итальянского писателя XX века Итало Звево. И, конечно же, из более далеких времен книга «Жизнь и мнения Тристрама Шенди» Лоренса Стерна.

Не грех учиться у Запада, если есть чему! В конце концов, по сравнению с Европой Россия — слишком молода исторически. Только бессовестно внедряемым сейчас в русский язык «нашими славными» СМИ американизмам учиться не нужно...

Но почему в названии романа женщина в человечике? Как объясняет сам автор в аннотации на второй странице книги, термин ввел в обиход недавно покинувший этот не лучший из миров (в особенности сейчас) Александр Зиновьев, выдающийся философ, ученый-логик и публицист.

Кстати говоря, и собственно текст романа начинается с многозначительного эпиграфа — из книги Зиновьева «Коммунизм как реальность»... Термин — по аналогии с пчельником, муравейником и пр., то есть в современном мире человек все более и более становится безликим винтиком все того же молоха Антихриста наших дней... Предельно удачное и

краткое поименование современного социума! Женщина же в человейнике тем более становится обезличенной пчелой или муравьем. Хорошо, если она, подобно названным биологическим особям, трудится на благо своей семьи и — по необходимости — социумного молоха. Хоть это-то позволяет ей ощущать в себе остатки человечности...

Оглянитесь вокруг, уважаемый читатель, и даже во внешнем облике современной женщины, особенно молодой, вы увидите эту принадлежность к «рою винтиков» молоха: все на них — и в них! — одинаковое, инкубаторское. Прически, вернее, их отсутствие при распущеных волосах, одежда, косметика,— все от телерекламы и третьесортных кутюрье!

А послушайте речь нынешних женщин! Даже не скучное ее содержание изумляет, а фонетика: на единой ноте «между ля и си» с чуждым русской речи логическим (если так можно употребить это слово) ударением — полу вопросом на окончании фразы... Словно горячая картошина во рту катается. Это что — подражание англоамериканскому? Словом, вроде по-русски говорят, но речь в «фонетическом переводе».

...Но все же русская женщина таковой и остается, более-менее повзрослев и обзаведясь семьей. И тогда в них генетически проступает различие по душевному складу. Это-то и дает возможность тонко анализирующему автору увидеть в «женщинах человейника» выделенные им три типа современного русского характера. Это же является одной из доминирующих задач, поставленных и решаемых Алексеем Яшиным в его новой книге.

Намеренно не раскрываю даже обрисом эти типажи. Это как в детсадовском возрасте: «Угадайте, ребятки, что у нас будет на сладкое в обед?» Ибо задача всякого всякого предуведомления — создать эффект интриги ожидания. Заметим, что наш автор не только фундаменталист, он и эстет. Даже самые

интимно-тонкие моменты раскрытия черт женского характера преподносит с джентльменской вуалью, если позволите так выразиться. Эстетическое отношение к литературному творчеству Алексей Яшин переносит и на «техническую» сторону издания своих книг, полиграфически оформляя их и в наши архитрудные, затратные времена. Эстет — он во всем эстет. Это же относится и к одному из авторских «коньков»: сопровождение текста умело подобранными политипажными иллюстрациями и подписями, можно сказать — литературными миниатюрами...

Еще хочется отметить и другой авторский «конек», уже опробованный им в ряде предыдущих книг: Алексей Яшин щедрою рукой «отдает» своим персонажам сугубо литературные тексты: малую прозу, стихи, афоризмы и максимы. Для создания же эффекта авторства героя своего произведения наш новатор в литературных жанрах нарочито стилизует «отдаваемое», приближает его к личности героя, «принижая» литературный слог. Сложный прием, конечно, но он, по нашему мнению, позволяет в наибольшей полноте раскрыть типаж, характер персонажа.

Так и в этой книге Яшин приводит многостраничный литературный дневник — записи Лизы, главной героини, по мере чтения которого опосредованно раскрывается образ и характер девушки, затем — взрослой женщины, которая, собственно, и делает эти записи в литературной форме — уже с высоты достаточного жизненного и интеллектуального опыта.

Алексей Яшин — писатель социальный. Данное качество главенствует во всех его произведениях, пусть и не менторски-назидательно. На то она и художественная литература...

В добрый путь — к читателю!

Леонид Ханбеков, Почетный президент Академии российской литературы (г. Москва)

Интимная жизнь коллектива не исчерпывается совместной производственной или служебной деятельностью. Она включает в себя также разнообразную совместную общественную деятельность... а также личные взаимоотношения, вырастающие на этой основе (сплетни, гостевание, любовные связи, совместные выпивки, локальные группки, мафии, круговая порука, взаимные услуги). Последние-то и придают внутриколлективным отношениям характер интимности. Они сплачивают коллектив а единую семью не вfigуральном, а почти в буквальном смысле слова. Они сплачивают коллектив в нечто большее, чем семья, а именно — в своего рода единую личность (суперличность) коммунистического общества, в такое «мы», которое имеет право рассматривать себя как «я».

А. А. Зиновьев «Коммунизм как реальность»

КИТАЕВКА И ЕЕ ОБИТАТЕЛИ

♦ В 1899 году в Северном Китае вспыхнуло народное восстание против европейских, американских и японских империалистов, которые после поражения Поднебесной в японо-китайской войне пятью годами позже захватили часть территории на Севере страны от побережья Желтого моря до Маньчжурии, превратив ее фактически в колонию и прямо по Карлу Марксу и его «Капиталу» начали активно ввозить туда этот самый капитал и производство: классика политэкономии капитализма...

Это восстание, продлившееся до сентября 1901 года и завершившееся победой оккупантов, известно

в истории как «боксерское восстание», но правильное, китайское самоназвание — Ихэтуаньское восстание. Просто верховодившие в его подавлении, понятно дело, англичане — а куда без них в колониальных войнах денешься? — уловили в переводе многословного названия китайского бунта упоминание про кулак («Кулак во имя справедливости и согласия»), мигом соотнесли его с названием гордости национального спорта по части цивилизованного мордобития и с джентльменским цинизмом нарекли восставших боксерами, а саму смуту — боксерской.

Итак, Япония и США, Россия и основные европейские страны, всего восемь государств, начали войну против Китая, ибо его правительство под давлением захвативших Пекин ихэтуаней объявило также войну империалистической «восьмерке». Правда, правящая китайская верхушка тотчас же предала восставших... Подавление слабо организованных ихэтуаней, оказавшихся без поддержки правительственныеых войск, вышло кровавым. Особо отличились в беспримерной жестокости немцы, словно репетируя грядущие две мировые войны. Дивизия потомков тевтонов зверски уничтожила миллион (!?) китайцев. Даже их союзники выражали неудовольствие.

Бог их, тевтонов, дважды наказал во вновь наступившем столетии, но вот из всей этой «восьмерки» ударников империализма только участие России сколь-либо оправдано сугубо государственными, стратегическими соображениями. В северной своей ветви восстание захватило Маньчжурию почти до самой русско-китайской границы по Амуру. Главное — в зоне действий ихэтуаней оказалась достраиваемая Китайская восточная железная дорога и ее ответвление в Харбине на арендованный Россией у Китая Порт-Артур на оконечности Ляодунского полуострова — главной базы русского флота на Тихом океане. Достройка КВЖД завершала весь гигант-

ский проект Транссиба в планах начатой еще при Александре Третьем стратегической экспансии Российской империи в Тихоокеанском бассейне.

Спешить с достройкой дальневосточного концевого участка Сибирской магистрали следовало и по причине обратной — на запад — экспансии все более и более милитаризующейся Японии; на носу явственно стояла война с самураями. Тем более, что на русском престоле сидел уже Николай Второй, явно не собиравшийся прощать островному соседу шрам на своей голове от удара ему, путешествующему цесаревичу, саблей «японского городового» — тогдашняя присказка, вошедшая в русский фольклор... Тем более, несколько ранее по схожему случаю — сабельному удару по голове наследника британского престола — Англия объявляла Японии войну; хотя и формальную, но все же войну. Любят же японцы лупить саблями европейских наследников престолов...

Ихэтуани же девизом своих действий провозгласили уничтожение всего построенного на китайской земле империалистами, прежде всего путей и средств сообщения, железных дорог и телеграфа. Поэтому России пришлось силой оружия защищать от повстанцев две с лишком тысячи верст строящейся КВЖД и ее ответвления на Порт-Артур, обширной инфраструктуры строительства.

♦ В «столице» КВЖД Харбине, уже наполовину русском и китайском городе, притянувшем на железнодорожное строительство десятки тысяч землекопов-кули, к агитации лазутчиков-ихэтуаней не прислушивались: русское начальство платило хорошо, а землекопные распорядители, техники и десятники рукам воли не давали, ограничиваясь для нужной строгости и должного порядка в работах незлобивым матом. Последний, особенно касающийся мужского достоинства, кули не то что не обижал, но и вовсе нравился: они воспринимали эти слова по-китайски,

где те означали и вовсе добрые дела и понятия, относящиеся к должности руководителя и сплочению трудящихся... Фан Чжэнчжу, приносивший в бригаду, как ее называли русские, под руководством кули Ле Хувея на продажу в разнос лепешки из чумизы и из-под полы самогонку-ханку, знаяший начатки грамотности, подобрав брошенную русским десятником пустую папиросную коробку, рисовал на обороте ее случайным угольком несколько иероглифов и показывал обедающим землякам: «Смотри, Ле Хувей! И остальные смотрите: какими почетными должностями вас, грязных землекопов, именует изустно русский начальник!»

А бригадир Ле Хувей, выпив ханки, к чему русские не придирились, и закусив чумизовой лепешкой, пространно разъяснял своим подчиненным, что-де гоните бунтовщиков взашей, коль скоро они явятся на стройку: «...Нам с ними не по пути. Их все одно англичане, немцы и японцы всех перебьют. Вот и нашу с вами деревню под Мукденом германцы в железных шапках островерхих сожгли, все семьи постреляли — нам и возвращаться некуда. Наоборот, следует лучше работать: как построят дорогу, так мы уж сумеем в товарных или в насыпных вагонах пробраться в Россию, где на всех работы хватит!»

И мудрый Ле Хувей вечерами, когда стройка затихала, китайские кули разбредались по фанзам-времянкам, русские десятники и мастеровые уже в своих деревянных фанзах на колесах, где они жили, ужинали с водкой и шанхайским крепким пейцзю*, а ихние начальники и путейские офицеры на рикшах уезжали в город в свою гостиницу и пили бейдзю и баландзю** в ресторане, уводил свою бригаду пого-

* Пиво (кит.)

** Водка и коньяк (кит.)

рельцев-односельчан к постройкам депо, где стояли разбросанные по путям разносортные товарняки и угольные полуwagonы, на которых по временной, технической, как ее называли русские, узкоколейке завозили беспрерывно шпалы, рельсы, станционное оборудование, топливо и продовольствие. До полной темноты Ле Хувей обучал, добиваясь полной слаженности в действиях, свою команду забиваться в углы разного типа вагонов, расстиляться по их крышам, прикрываясь рогожными мешками таким образом, чтобы никто с земли и бугорка наверху не заметил. Хвалил ловких Сяна Цзы и Чжэн Чэня, одобрял понятливость Хэн Юнтута и Лю Фэня, поругивал мешковатых братьев Чуней: Шаня и Хая.

Ле Хувей же подбадривал нытиков и лентяев, повторяя слышанные от граматного Фан Чжэнчжу слова учителя мудрости Кун-цзы^{*}: «Учиться и время от времени повторять изученное, разве это не приятно?» И от себя добавлял пространный комментарий: «Вот и военный инженер капитан Пантелеев также говорит нам, даже по-китайски с бумажки читает, что тяжело в учении, зато легко в бою. Так он слова мудрого Кун-цзы по-своему толкует. Понятно дело, русским все одно с японцами воевать придется, поэтому и строят железную дорогу до Люйшуня^{**}. И все мысли у них о войне. Мы же люди мирные и учимся мы делу мирному: как проще уехать в Россию, когда мы с русскими туда дорогу построим. Даже если бы деревня наша и уцелела, все одно житья здесь не будет: немцы с англичанами и всеми другими ихэтуаней скоро подавят и уйдут, а японцы останутся здесь надолго, может и насовсем, так что жизни нам все одно не будет, ибо и русских они

^{*} Конфуций.

^{**} Китайское название (самоназвание) Порт-Артура.

потеснят. Так что, односельчане, будем днем работать, а по вечерам практиковаться на вагонах. Главное — учитесь у русских рабочих их языку!»

◆...Когда Лиза была маленькой, а особенно в первых школьных классах училась, ей неприятно было слышать коллективное прозвище «китаевские», которым ребята именовали всех проживавших «на горе», то есть на обширной, в несколько кварталов, южной оконечности города, действительно, самой высокой в Тулуповске и обрывавшейся в глубокий овраг, за километровой шириной низины которого уходящие за горизонт строения пригорода смотрелись как под ногами.

Родители и отцовские дедушка и бабушка Лизы на ее возмущение посмеивались, резонно добавляя, что-де ты-то коренная, до седьмого поколения, русачка и китайского в тебе, в смысле на себе, только тот ширпотреб, что железнодорожными составами и миллионами огромных сумок в мелкую сине-белую клеточку барышников-челноков завозится из Поднебесной. Увы, приходится и тебе, Лизок, что-то из него покупать — другого в магазинах и на рынках ничего не осталось... На дворе стояла первая половина девяностых годов, прозванных народом уже тогда лихими.

Но старейшина рода, в своей многочисленности проживавшего в поместительном двухэтажном доме с пристройками, отставной боевой полковник, прадед Лизы Егор Фомич Сиваленков ко всему в своей жизни, уже готовящейся разменять девятый десяток, относился основательно. Как в первый послевоенный год строил этот огромный дом, планируя в будущем жить под одной крышей чисто по-русской традиции семьей в три-четыре поколения, так и от правнучки-ноги обидчивого непонимания он не отмахнулся. И как-то под малый советский праздник, которые все

без исключения по въедливой вредности потомка калужских крестьян он стал отмечать после свержения в стране этой самой советской власти, все обстоятельно Лизе разъяснил. Да-да, как та отложила в своей цепкой детской памяти, было это пятого мая; прадед сам-двою с правнучкой, ибо остальное семейство, озабоченное добыванием хлеба насыщенного в наступившие бесхозные годы, на причуды Сиваленкова Старшего не откликалось, отмечал День советской печати. Кстати, он к этой печати имел самое прямое отношение, поскольку в конце семидесятых годов выпустил в местном издательстве книгу о героическом пути своего Краснознаменного гвардейского танкового полка, за что был принят в члены Союза журналистов СССР.

Лиза пила вишневый компот домашней выделки от прошлогоднего урожая, которого и сейчас, в разгар весны, в подвале еще сохранялось с дюжину трехлитровых банок, а Егор Фомич, добавив к ежедневным обеденным наркомовским ста граммам еще столько же профессионально-праздничных, неторопливо, но четко выделяя основные моменты, как в годы предвоенной службы и в войну привык доказывать, стоя с указкой у развешанной на стене карте-трехверстке, объяснял правнучке-второкласснице происхождение столь обижавшего ее коллективного прозвища «китаевские».

Лиза тогда не все поняла, даже многое не смогла наглядно для детского своего разумения представить, но по прошествии многих лет, когда уже не девочкой Лизой именовалась, но Елизаветой Васильевной с фамилией после не совсем удачного замужества Ямщиковой, а прадед-полковник давно покинул этот не лучший из миров, все пазлы, как сейчас по-американски несется от телевизоров, сложились в одну емкую, по-своему яркую и впечатлительную картину:

ничего неясного, тем более — обидного для жителей и тогдашней «горы», и нынешней, где все изменилось до неузнаваемости.

В пору дошкольного детства Лиза сама складывала такие картинки, даже не догадываясь о их «пазловом» названии. Называлось это игрой в кубики: деревянные кубики с приклеенными ко всем граням бумажными цветными, непонятными на первый взгляд рисунками. А вот сложишь их правильно вплотную друг к другу — и оживает картинка к сказке...

◆ — Ты, Лизавета Батьковна, в старших классах будешь мировую историю изучать. Там и объяснят учителя все подробно, в частности, что творилось в Китае в начале этого века, то есть почти сто лет назад. Я-то на свет появился в двенадцатом году, как говорится, между двух русских революций аккурат посередине, поэтому в школьной, а потом и во взрослой жизни часто встречал людей, что не понаслышке, а сами на себе все это испытали: и строительство той части Сибирской железной дороги, что тянули к Владивостоку и Порт-Артуру по китайской, правильнее — маньчжурской, территории в самый разгар там Боксерского китайского восстания, и воевали спустя пару лет с японцами в тех же местах у Харбина и Мукдена, тем более за Порт-Артур бились. А у меня на парадном кителе виши медаль, вот-вот, эта самая, «За победу над Японией», и второй орден Красного Знамени,— в сорок пятом прямо из-под Праги нашу дивизию переподчинили маршалу Василевскому и перебросили в Забайкалье — громить Квантунскую японскую армию. Так что и мне все на том же Северо-Востоке Китая довелось воевать на ударных чангунском и шэньянском направлениях... Там и охромел чуток... правда, на всю жизнь. Потому и в генералы не вышел.

Здесь в «кабинетную» комнату Сиваленкова-старшего вошел «младший» дед Николай Егорович, доселе чем-то занятый во дворе по хозяйству. С одобрительного кивка «старшего» налил из графинчика, принял стопку. Заметив, что дверца шкафа с парадным мундиром растворена, подмигнул внучке, поддразнил отца традиционным в семье:

— Что ж ты, батя, до генерала-то не дослужился?

— Генерал, Колька, в России не звание, а счастье! Кажется, Салтыков — Щедрин сказал, а он-то уж был партикулярным генералом. Счастье же не всем перепадает. А ты не поделдыкивай, мал еще, до пенсии почти четыре года. Не встревай, у нас с Лизой серьезный разговор.

Хмыкнув, беспенсионный дед Лизы вышел вовсюси, а Егор Фомич продолжил.

— ...То есть жить в тех местах в начале века стало совсем невозможно, поэтому, как только Транссиб дотянули до Харбина, а оттуда ветки на Владивосток и Порт-Артур, так китайцы всеми правдами и неправдами, забиваясь на полустанках в грузовые вагоны и на углевозы насыпные, шедшие в обрат порожняком, а то и просто, рискуя ежеминутно свалиться под колеса, на крышах и вагонных сцепках, устремились в Россию. И это при том, что, начиная еще с маньчжурских станций, их беспощадно сгоняли железнодорожные осмотрщики, полицейские наряды, конные разъезды злющих забайкальских и амурских казаков. И тем не менее тысячи, десятки тысяч китайцев прорывались в Россию. Саживали их на станции — ждали другие составы, грузовые, где хоть за что-то можно зацепиться. На следующей — опять сгонят и вообще отгонят по дальше от дороги... Год — другой уходил на поездку до крупных сибирских городов. На пропитание

зарабатывали всякой грузчицкой работой на станциях: набывают худоватый заплечный мешок сухарями и сушеной рыбой — и снова штурмовать проходящие поезда. И только в одном направлении едут — на запад, ибо все хлебные места обочь дороги, что близки к родине, уже заполнены их сородичами, имеющими в Китае семьи, прибывшими в Россию на заработки.

И уже по срединной Сибири в малочисленных ее городах образовался избыток дешевой и неприхотливой китайской рабсилы. Все дальше и дальше на запад. Уже и Урал перевалили бедолаги бессемейные, которых на родине в обрат никто не ждет, а вот и Москва, а от нее лучами во все стороны света, вплоть до теплых и холодных морей, до державных границ, убегают железнодорожные пути. И городов по этим путям не счесть!

Ты, Лизавета, представь себе, как будто ты бросила камень в речку или пруд, а от места его падения в воду во все стороны побежали волны: сначала довольно высокие, размером с брошенный камень, а чем дальше разбегаются, тем меньше и меньше. Так себе волнишки, и они вскоре вовсе пропадают. Вот такими затухающими волнами по всей России, по всем ветвлениям железнодорожного полотна вплоть до середины второго десятилетия нашего века растекались китайские беглецы с родины. Как уже сказал, семейные на заработках густо осели близ китайской границы. Поменьше числом расселились по сибирским городам. Но и на Европейскую Россию китайцев хватило.

Странствовали крепко сбитыми группами, как правило, из односельчан или бригад кули на строительстве Транссиба в Маньчжурии. Ехали вглубь России до тех пор, пока не обнаруживали станцию, вблизи которой еще не обосновались их соотечест-

венники — более шустрые. Как правило, выбирали они губернские или крупные уездные города, узловые станции, где с большей вероятностью можно найти для пропитания всякую черновую работу.

Для проживания прибывшие китайцы выбирали места впритык к полосе отчуждения железной дороги за пределами городской черты, но отдаленные от него лишь насыпью с путями, недалеко от станции и там, где «чугунка» огибала городские окраины. По образцу своих родных фанз сооружали неприхотливые жилища из всякого хлама, который во множестве всегда скапливается у технических станционных строений: досчатые горбыли, обрубки некондиционного леса-нетоварняка, ржавые листы железа, фанерные обрезки, разбросанная кровельная щепа. Как сказал, Лиза, остроумный Чехов, нет такого предмета, из которого китаец не приготовил бы обед... Правда, Антон Павлович и дальше эти слова продолжил, но тебе это еще рано знать. Тем более, что у нас на дворе сейчас политкорректность демократическая, едрен огурец! Вот точно также сметливый китаец и дом не дом, но жилище во всяком случае всегда себе построит из бросового пристанционного мусора. А коль скоро вблизи крупных станций почти всегда располагались лесные биржи, лесоторговые базы по-нынешнему, то и фанзы выходили вполне похожими на завалящие пригородные домишкы.

Работы на всех хватало тяговой, в основном, грузчицкой на станционных путях, и в самом городе: водовозами, золотарями по отхожим местам, метельщиками улиц — и мало ли чего в городском хозяйстве чем брезговали сами жители, требовало по своей кропотливости и черновой работе неустанных китайских рук! Мало-помалу на казенной земле полосы отчуждения китайцы заводили огороды — уже не одним черным хлебом и сухарями начали питаться. И

на кухонные дворы дворянских, купеческих и чиновных особняков все чаще начинают заходить китайцы с лотками удивительно вкусной зелени, не имеющей русских названий, цветным на срезе репчатым луком, сахарной морковки, разными сортами капусты.

Помятуя, что на новом месте их не ждут русские невесты с приданым, переселенцы везли с собой женщин. Но их все одно было мало, поэтому обустроившиеся китайцы брали в жены молодых нищенок, сирот из окрестных деревень. Уже первое поколение родившихся детей, сохраняя китайские черты, в чем-то походило на русских. Забывался и родной язык, уступая место новым словам и звукам их произношения.

Вот таким-то образом, Лизавета, и появились во всех крупных городах самостройные поселки, отделенные от городской черты железнодорожной колеей. В городские архитектурные планы и карты они, понятно дело, не входили, а народ называл их везде одинаково китаевками. Вот и тулуповская Китаевка из окон второго этажа нашего дома видна, как я тебе уже показывал, благо мы живем на горе, а она внизу по курсу на юго-запад, сразу за железной дорогой. И дома там сейчас не диковинные фанзы из строительного мусора, а ничем не отличаются от наших соседей здесь, на самой оконечности горы, где пятиэтажки поопасались строить из-за близости оврага.

— И что, дед, там до сих пор китайцы живут?

— Ха-ха, куда хватила! Давно они перемешались, ассимилировались, говоря ученым языком, с местным населением. Ты своим детским цепким взглядом присмотрись к нашим соседям по горе, что из бывших барачных домов, а теперь в пятиэтажках живут и в вашей школе учатся, и, быть может, отметишь: чем-то они отдаленно китайцев напоминают,

но только самую малость: вроде у кого раскосинка в глазах, зимой, когда загар сойдет, чуточку желтизной кожа на шее и лбу отдает, а у взрослых на голове волосы темноватые и прямые. Кто из мужиков в усах щеголяет, так они несколько редковаты и то-порщатся. Но, опять же, если очень внимательно приглядываться. Единственно, что прямо указывает на их дальних предков, так это странновато, если хорошо разобраться, звучащие фамилии: Фандеевы, Юнтуевы, Чунькины — вот они-то от китайского корня.

— Ой, деда, у нас в классе Коля Чунькин есть!

— Правильно, а в соседней пятиэтажке мой знакомый, и ты его знаешь, тезка Егор, только Никифорович, с фамилией Фандеев проживает. Теперь на пенсии, а раньше инженером на Механическом заводе трудился. Вот такая она история — и короткая, и длинная во времени...

♦ — Деда, а как эта Китаевка из-за железной дороги к нам на гору перебралась?

— Вот я и говорю: история человеческая одновременно короткая и протяженная во времени, особенно, когда само время сжимается, как у нас в стране в этот век, увы, уже уходящий: революции, войны, великие стройки и напряжение всех сил людей. Мнено с завершения долгой жизни, с моих восьми десятков, пришедшихся на самый бурный отрезок истории страны, все как на ладони, как через микроскоп или телескоп, выбирай что хочешь, яснее ясного видно. Вот за пять лет до революции родился, а теперь и обратной ей контрреволюции дождался! Каково мне, в тридцать три года боевому полковнику-танкисту и с Золотой звездой за Прагу на кителе, сейчас с экрана телевизора слушать тошнотворную словесную блевотину, извиняюсь, Лизавета, всяких бухарских недоумков в мелкоклеточных пиджаках, как клопы высоко-

чивших из-под своих плинтусов да прямо во всевозможные президиумы и трибуны!

Что-то, Лизавета, хотя и самую малость принял, но развернуло меня аж на полкруга тысячных*. Ладно, это все по-стариковски. Вернемся к теме согласно диспозиции, выражаясь по-армейски.

Я себя четко помню с пятилетнего возраста, как раз с года революции. И у нас в тогдашней Калуге своя Китаевка имелась. Китайцы все с той же дико-винной зеленью, морковкой и капустой, совсем на нашу белокочанную непохожей, по нашей фабричной улице, застроенной бараками и похожими на деревенские избами, по утрам мелким, как сейчас у физкультурников в парке, бегом торопились в сторону центра города, где жили люди почивнее и побогаче. К нашим фабричным они даже и не совались: все одно диковинку их никто не купит, а хулиганистые подростки вслед посвистывают и что-нибудь обидное про косоглазых прокричат. Потому разносчики и пробегали мелкой рысью мимо наших халуп и бараков. По слухам от всезнающих базарных торговок и приказчиков из городских лавок и магазинов, что жили или квартировали на нашей улице, знали: китайцы вполне вписались в местную жизнь, у себя в Китаевке за железнодорожным полотном обустроились, уже не нищенствуют, а справно трудятся. Даже городская дума в своих годичных проектах учитывает их как организованную, надежную и дешевую рабсилу в части очистных и иных забот градоначальства об общем благе жителей Калуги.

Говорили меж собой досужие старухи на нашей улице, что и епархия обратила внимание на жителей Китаевки: вроде как видели в ближней к ней церкви

* Принятое в артиллерии деление при наводке орудия на цель полного круга обзора на тысячу угловых единиц — «тысячных».

крестящихся на иконы странновато, но чисто одетых людей с желтоватым оттенком кожи. На цыган не похожи, низкорослы... Словом, крещеные китайцы*.

Но грянула революция, а за ней и война гражданская по всей стране. Железная дорога, особенно Транссиб, оказалась по понятной причине в самом горниле боев. К ней рвались и красные, и белые, всякого разбору зеленые. Кто овладевал полотном, паровозами и вагонами, бронепоездами в особенности, тот и наступал успешно. Или отбивался от противника стойко. Здесь и обитатели многочисленных китаевок оказались втянутыми в чуждые для них кровавые роспри насмерть рассорившихся русских.

Кстати, Лизавета, о бронепоездах. Я вот в своей библиотеке — Егор Фомич, страстный книгочей, которым сделался в долгие пенсионные годы, с гордостью оглядел две безоконные стены своей «кабинетной» комнаты, наглухо заставленные самолично и любовно сделанными им самим остекленными полками-стелажами, плотно заставленными томами — вон там справа, ниже к полу подбираю для твоего будущего чтения, когда годами повзрослеешь и головой поумнеешь, правильные и нужные книги, которые ты прочитать просто обязана... как солдат еще до получения первой ефрейторской лычки должен назубок, хоть среди ночи разбуди, знать все уставы армейской службы. Там на полке стоит книжка известного нашего писателя Всеволода Иванова «Бронепоезд № 14-69», что он написал еще в конце Гражданской войны и о ней самой: как красные партизаны сражаются с белогвардейцами в сибирской тайге, где вся жизнь людей, все войны «прижаты» к железной дороге. И в партизанском отряде на равных с ос-

* См. в данном контексте рассказа Лизиного прадедушки роман Андрея Белого «Крещеный китаец».

тальными воюет Яшка-китаец. А в ответственный момент, чтобы остановить белогвардейский состав, без колебаний ложится на рельсы... Это как сейчас по телевизору высокопоставленные говоруны обещают доверчивому народу лечь «как только, так и сейчас». Но Яшка-китаец взаправду лег и погиб.

И во многих других книгах и фильмах о Гражданской войне непременно участвуют китайцы — всегда на стороне красных. На Дальнем же Востоке, где китайцы в начале века целые села построили и заполонили, в партизанских красных армиях целые роты и батальоны состояли из китайцев*. Так сказать, сплоченными рядами шли «по долинам и по взгорьям»^{**}...

И наши китаевки, памятную мне по детству калужскую, а тебе тож по детству и начальной школьной жизни столь обидевшую тебя невольным прозвищем Китаевку тулуповскую, та далекая война не обошла, конечно.

◆ — Деда, а в школе во втором «Б» классе учится девочка по фамилии Цой, но она тоже обижается, если ее китаевской дразнят...

— Обижается правильно, ибо она не китаянка, а кореянка. Цой, Пак, Ким — это корейские фамилии; в Тулуповске, впрочем, как и в других городах, люди с такими именами нередки. С некоторыми их носителями я в Тулуповске и вообще по жизни не то что встречался, но и работал, а раньше служил, воевал вместе. Лучше я тебе на карте покажу.

* Много чего из реальной истории знающий Егор Фомич в воспитательных целях не рассказал правнучке, что и сами «приамурские партизаны» по преимуществу состояли из каторжан и иных деклассированных слоев, а китайцев использовали для карательных целей, например, уничтожения всех жителей Николаевска — самого большого города на Дальнем Востоке...

** Марш дальневосточной белой армии; с новыми словами он стал и маршем красных...

Егор Фомич встал из-за стола, чуть прихрамывая, к чему в доме все настолько привыкли, что и не замечали этого, подошел к нужной книжной полке и вернулся с большим, довоенного еще издания географическим атласом. Справился по оглавлению и раскрыл на нужном месте.

— Смотри, это наш Дальний Восток и сопредельные с ним страны на выходе к Тихому океану. Вблизи Владивостока наша страна, полагаю, наши думские депутаты скоро определятся с ее нынешним названием, граничит с Китаем и узкой полоской с Северной Кореей, правильнее — Корейской Народно-Демократической Республикой. Но корейцы не расселялись по России «железнодорожным» способом, как то делали китайцы, ограничившись проживанием на русском Дальнем Востоке. Собственно же в нашу страну они попали, так сказать, по директивному найму. В первый раз царское правительство, явно по договоренности с властями Кореи, расселило достаточно большое число корейцев в русской Средней Азии, чтобы те занимались разведением хлопка и обучали этому делу местное население, ибо бурно развивающаяся текстильная промышленность в центре России — Иваново-Вознесенск и другие города и поселки чуть севернее Москвы — требовала все больше и больше хлопкового сырья. А во второй раз в тридцатых годах уже Сталин, имя которого круглосуточно полощут в грязи сейчас радио и телевидение, распорядился переселить корейцев с нашего Дальнего Востока в Краснодарский край: наладить там выращивание риса и знаменитого корейского лука. Знаешь его сама: очень крупный и фиолетового цвета. А уже из этих мест в послевоенные годы они начали расселяться по всей стране. Многие из них, в смысле из потомков первых корейских переселенцев, стали очень известными людьми: профессорами, дирек-

торами заводов, спортсменами. И у нас в Тулуповске такие есть. Тоже, как и китайцы, почти все смешились с русскими, поскольку стремление к национальной обособленности у них не выражено в характере...

— Деда, но почему нас в школе китаевскими-то дразнят?

— Экая ты, Лизавета, торопыга! Я вот по своей старческой болтливости и подвожу к этому. Уже и подвел совсем. После войны, когда волею командования мы с твоей прабабушкой Катериной, царство ей небесное, не довелось ей правнучку свою увидеть, за четыре года до твоего рождения скончалась, и двумя детьми осели в Тулуповске и построили вот этот самый дом, то вокруг только пустыри были и разбросанные в беспорядке домишкы, от старой подгородней деревни оставшиеся.

Вот тогда-то началось строительство на этой городской окраине крупного завода технической резины, что в полукилометре от нашего дома, прекрасно тебе известного. Время самое послевоенное, все «прореженное» этой войной население Тулуповска работает на других многочисленных заводах и фабриках. Стал вопрос о привлечении рабсилы со стороны. Вербовкой это тогда называлось. И Китаевку нашу разросшуюся не обошли стороной. А под жилье завербованым ударными темпами и руками тех же привлеченных выстроили двухрядную линию рабочих бараков о двух же этажах каждый, покрашенных в бледный синий, отдающий и зеленцой, цвет. Видимо, только такую известковую краску и завезли на строительство в большом количестве... Протянулась же эта линия от нашей горы почти до центрального парка на пару километров.

Сейчас этих бараков уже мало осталось. В шестидесятых годах целый микрорайон пятиэтажек воз-

вели методом народной стройки. Но все одно — по дороге в школу ты сразу узнаешь эти послевоенные постройки по их въедливому цвету. А раз большая часть прежней Китаевки к нам на гору в эти новопостроенные бараки переселилась, то и кличут всех местных китаевскими. Ты уж, Лизавета, на ребят не обижайся. Тем более — я тебе все разъяснил, по местам расставил.

◆...Бригада кули Ле Хувея после окончания строительства КВЖД, перед самой русско-японской войной начала свой долгий путь в Россию. По совету мудрого торговца Фан Чжэнчжу решили они пробираться в центральную Россию. «Все сибирские станции уже населены нашими беглецами,— говорил тот Ле Хувею,— а одна станция много народа не прокормит. Так что переезжайте Уральские горы, добирайтесь до Москвы, а от нее лучше держитесь в хлебную южную сторону». Фан Чжэнчжу два года учился в школе в пригороде Пекина, потому немного знал географию.

Почти год они добирались до будущего места обитания. Началась война русских с японцами, одноколейный Транссиб был перегружен: на восток один за другим шли воинские эшелоны с солдатами, пушками и снарядами. В обрат они везли десятки тысяч раненых. И военизированная охрана свирепствовала, беспощадно гоняла китайцев с крыш и вагонных сцепок. Все же добрались до Москвы, где повезло на путях Курского вокзала забиться в пустой товарный вагон шедшего на юг состава. Но в Тулуповске их обнаружили осмотрщики и выгнали взашей. Поэтому с каким изумлением смотрели на них станционные рабочие и вообще все встречные люди, Ле Хувей сообразил: они первые в этом городе китайцы.

Так появилась тулуповская Китаевка за железнодорожной линией, огибавшей город с западной его

окраины. В тридцатых годах с введением паспортов в СССР для городских жителей и обитатели Китаевки, приписанные к близлежащему району Тулуповска, стали их обладателями. В паспортном столе их китайские фамилии, особо не раздумывая, «переводили» на русский язык. Так потомки Хэн Юнтуна стали Юнтуевыми, взрослые дети Лю Фэня — Фандеевыми, а многочисленные сыновья братьев Шаня и Хая Чуней, достигшие шестнадцати лет, получили фамилию Чунькиных. Остальных также «перекрестили». Только гордый Ле Хувей, глава основанной им Китаевки, в почтенном возрасте добился оставления ему и его семейству родной фамилии, согласившись только на слитное ее написание: Лехувей. И посейчас в Тулуповске проживают ее носители. Есть даже в чем-то знаменитые люди.

У бандита век короток, хотя так обычно говорят о женщинах. Действительно, у него только два пути: в могилу на очередной «стрелке» и в благонамеренные, законопослушные граждане: предприниматели, депутаты, банкиры, даже в городские головы и губернаторы. В обоих случаях это уже не лихой качок, а покойник или партикулярный, уважаемый в обществе человек. Но бывшего бандита в нем всегда легко вычислить, особенно если они соберутся вместе, например, на инаугурацию коллеги в высокую административную должность. Их выдают... обрюзглые бабы лица, скорее рожи. Это как у товарища Маленкова, которого Сталин дразнил бабой, а сотоварищи по ЦК — Маланьей. А почему у них такие лица тоже понятно: сморщились и обвисли некогда накачанные анаболиками морды.

За спиной каждого неправедно живущего стоит черт, житель преисподней. Примерно так святое Евангелие выражает свое отношение к институту частной собственности. То есть каноническое христианство, православие особенно, совершенно однозначно относит ее к проявлению в человеке темных сил от Антихриста. Идеал нравственного человека по Христу — это указание совершенствования людей и общества в целом на многие века и тысячелетия вперед. Преодолев инстинкт частнособственничества, человек перестает быть биологическим видом, животным и начинает выполнять ту миссию, для которой он и был создан всей предшествующей эволюцией. Это почти удалось в краткой истории СССР, но Антихрист (временно) одержал победу руками своих верных клевретов на Земле — «атлантистов» Запада, исповедующих извращенное Кальвиным христианство; основной завет протестантизма: Господь любит только избранных, а таковых отличает исключительно большое личное богатство.

ЯВНОЕ — ОБРАТНАЯ СТОРОНА ТАЙНОГО

Фрося ему ничем не отвечала, и даже когда Нефед Степанович говорил ей про маркизет и про искусственный шелк в Свердловске, дочь не поинтересовалась его словами. «Фашистка она, что ль? — подумал про нее отец.— Как же я ее зачал от жены? — не помню!»

Андрей Платонов «Фро»

◆ «Не верь коню леченому, вору прощеному и понятно кому крещеному» — гласит несколько под забытая в наше демократическое время русская пословица. А как быть с женщинами? «А при чем тут женщины?» — тотчас встрынет скептик. «А как же без женщин?» — ответим мы. Потом пословицу эту не следует, конечно, понимать «в лоб», тем более сейчас, во времена высшего развития демократии на Руси, когда коней всех на колбасу перевели, воры в законе миллиардерами значатся в списках журнала «Форбс»... А вот третий персонаж пословицы? — Во-первых, мы не виноваты, что пословица сочинена где-то в веке девятнадцатом, когда граждане из «чертых оседлости» стали массово принимать Христову веру, чтобы можно было проживать в Москве, Петербурге, Рязани и так далее. Во-вторых, опять же не наша вина, что в том же девятнадцатом веке так называлась почтенная, ветхозаветная национальность, причем не только темными крестьянами и мастеровыми, но и в сочинениях великих русских писателей: от грубоватого Достоевского до гуманистриев и человеколюбцев Тургенева и Толстого.

Что же теперь нам делать с зловредными и едкими русскими пословицами? Переписывать их в

иной терминологии, как, например, в Америке либералы приказали негров называть афроамериканцами; глядишь и у нас скоро появятся афторусские... Но в том-то и богатство русского фольклора, что он уже успел посмеяться и над модернизаторами пословиц. Помните, как в одном анекдоте советских времен, приуроченному к 600-летию Куликовской битвы: дескать, Верховный Совет издал указ о переиначивании известной пословицы о незванном госте? — Отныне пословицу читать: «Незванный гость лучше татарина!»

Однако, хватит на щекотливые темы витийствовать. Тем более, как пугают добрый наш народ (который любит соринки в чужом глазу рассматривать) прокоммунистические газеты: 37-й год на дворе! Суть же неудобной пословицы в том, что надо настороженно относиться к людям, которые стараются казаться не теми, какие они есть в душе и характере, которые якобы изменяются к лучшему и так далее, и все в том же ракурсе. Таким образом, и получается, что все персонажа этой пословицы... переодетые в мужское платье женщины?!

«Позвольте, милейший,— снова встрял скептик,— с чем-то можно согласиться, например, страсть женщин к косметикой или чем иным свои недостатки — от некоего идеала что ли — маскировать, но вот религиозное чувство присуще женщине изначально!»

Да, женщины склонны к мистическому, а это в любой религии важный момент. Еще любят они золотые крестики на золотой же цепочке сейчас носить — напоказ, как украшение (правда, говорят злые языки, что женщина за цепочку родину продаст...). А вообщество после пушкинской «Сказки о золотой рыбке» ничего нового про женский характер уже и сказать нельзя.

«А религия?» — все талдычит скептик.

А вот возьмите такую женскую черту, как способность адаптироваться ко всему и всея. Та же религия. Я как-то шел по тротуару и никак не мог обогнать двух подружек; тротуар узок, а две женщины умеют и неширокую улицу занять собой, своими сумками и, главное, опасно для стороннего жестикулирующими руками. Примирившись, понуро поплелся восторгом, поневоле слыша их беспредметный разговор. Запомнилась фраза: «Вот у нас в церкви стоять все время приходится, а у католиков сидят!»

А я развел мысль в духе пушкинской сказки. В православном храме благолепно и чинно, хор поет, священник рокочет приятным баритоном, золото опять же со всех сторон... Но вот хорошо бы в нашем городе восстановить некогда бывший польский костел. Там удобнее: люди покойно сидят, ксендз или аббат нравоучительные беседы ведет, запахи горящих свечек и ладана к разумному минимуму сведены...

Хорошо в храме католическом, а в протестантском, например, у баптистов, молельном доме проще, душевнее: людивольно расселись, служка тихонько на фисгармонии наяривает, пастор по-семейному беседует, не утомляя чтением малопонятных текстов ветхозаветных писаний...

А еще лучше в такую церковьходить, где посетители возлежат на диванчиках с подушечками, пьют кофе и беседуют с настоятелем на домашние темы, а тот зачитывает им наиболее интересные заметки из скандальной местной газеты «Толока»...

Тут уже недалеко и до церкви-клуба: возлежат на диванах, пьют вино, лучше всего итальянское «асти» по восемьсот рублей за бутылку, закусывают шоколадом... Нет, не на диванах возлежат, в двухспальных альковах; рядом — усатый конногвардеец. А где священник этой либерализованной церкви? — А он тут лишний.

«Охальник!» — восклицает скептик, — зачем за

перо берешься, если, как сам сказал, Пушкин уже все о слабом поле написал?»

Действительно, зачем? А вот одна черта женского характера интересует.

♦ И нашу Лизу, самою будущую женщину, эта черта заинтересовала на пике ее переходного возраста. Тем более, что возраст этот пришелся на окончание «лихих девяностых», когда стараниями СМИ страна либерализовалась в части тем ниже пояса, а у женщин еще и выше талии, до высшего мирового уровня. Подростки обоего пола по вечерам, заняв все скамейки в парках, скверах, во дворах жилых домов, под пивко и чипсы из пакетов вполне здраво рассуждали о преимуществах немецкой фильмовой порнухи над штатовской и французской, впрочем, похваливая и скандинавскую. В Лизиной школе уже две восьмиклассницы забеременели, а в сумочках у некоторых ее одноклассниц, наряду с помадой и пудреницей с зеркальцем, присутствовали пара презервативов и блистер таблеток постинор. Еще эти продвинутые однокашницы, договариваясь на переменах о том, куда они пойдут вечером на танцы или иные зрелища, с ленивой усталостью рассуждали: «...Ну-у, Ленок, если в клуб пойдем, то противозачатку обязательно брать; я прошедшим летом еще ни разу из таких мест неоттраханной не возвращалась...» Словом, к милленеуму, говоря по-импортному, сексреволюция в новой России по размаху затмила все иные, бывшие в двадцатом веке, революции и контрреволюции.

Хотя и строгого воспитания в семье «с традициями», Лиза не в пустыне проживала. Поневоле разучившись краснеть, слушая откровения одноклассниц «про это», она с некоторым удивлением ощущала в себе все возрастающее любопытство, естественное для ее возраста, смешанное с чем-то волнующим, чувственным. И уже с целенаправленным интересом подмечала все к этому относящееся.

...Так и возвращаясь с зимних каникул, проведенных в Москве в семействе одного из своих дядек с двумя дочерьми, двоюродными сестрами Лизы и того же возраста, она поневоле (как автор выше не смог обогнать двух откровенничающих по церковной части подруг) услышала еще более конкретный рассказ не знакомой ей Веры Тимофеевны. Ехала Лиза вечерним экспрессом-электричкой, что недавно пустили от Тулуповска до столицы, где парные мягкие кресла отделены друг от друга высокими спинками, то есть для каждой пары пассажиров возникает иллюзия уединенности. Потому они, в особенности женщины, особо не стесняются в выборе тем беседы. Так и Вера Тимофеевна со своей соседкой, что сидели в креслах, отделенные от Лизы этими высокими спинками...

Еще прадед Егор Фомич до своей кончины в год, когда Лиза только перешла в третий класс, научил ее множеству русских пословиц, не всегда для публичного произношения, нет, не матерных, конечно, но слишком едких, а также манере слушать других людей как бы «со стороны», в мыслях своих выстраивая нечто вроде связного и образного рассказа.— Как писатели в своих книгах их пишут. «Это тебе, Лизавета, очень в жизни пригодится,— пояснял прадед,— и накрепко зацепи в памяти замечательную английскую присказку, вернее даже правило поведения: «Беседуя, джентльмены не имеют в виду присутствующих!» К сожалению, женщины ему не следуют, а все переводят на себя и собеседника...»

◆ В этом году, хотя и високосном, наверное в ознаменование наступившей в стране политической и иной стабильности — и дума справная подобралась, и президента переизбрали с энтузиазмом — эпидемия гриппа случилась вялая: старый гонконгский вирус выдохся воевать с человечеством, а нового еще не вывели в секретных лабораториях... Это так на-

род невесело щутит после малопонятных вспышек САРС'а и куриного гриппа.

В нашем городе, хотя и рядом со столицей, хвоя эта и вовсе незамеченной прошлась. Может поэтому народ потерял бдительность. Совсем забыла о гриппе и Вера Тимофеевна, старший менеджер местного отделения известной московской фирмы «Светоч плюс», тем более, что по установившейся традиции к началу весны накатывала трудовая горячка.

Так и получилось, что трудовая горячка на исходе вялой эпидемии перешла у Веры Тимофеевны в горячку гриппозную. Свято исповедуя телевизионную рекламу «Нам болеть некогда», старший менеджер перенесла хвоя на ногах, дотянула до единственного в фирме выходного воскресенья; думала за сутки отлежаться, не отвлекаясь на домашние дела. Бродя как полегчало, только суховатый кашель по вечерам беспокоил, и она относила это на счет своего греха: покуривала, что неудивительно при ее сложной работе. А утrenнюю ломоту, ощущение то жара, то холода во второй половине дня объясняла неустойчивой погодой начала ранней весны.

Однако к концу недели сам шеф, Андрей Денисович, порекомендовал сходить к врачу:

— Всю работу не перелопатишь, всех денег не заработаешь. Вид у тебя, извини великодушно, неважнецкий. Сходи в поликлинику, лекарства попей, дня три-четыре дома полечись.

Вере Тимофеевна стало неудобно, что подводит фирму в такое напряженное время, но кашель и озноб допекли. Вообще-то говоря, в их коллективе не было принято болеть, благо молодежь в основном работает. В свои тридцать семь лет она, как порой с горечью думала, самая старшая в фирме.

Однако воспользоваться благорасположенностью шефа ей не удалось. Врач объявил острый бронхит в нехорошей форме и выписал направление в больни-

цу — бывшую медсанчасть завода сельхозмашиностроения, куда пациенты должны являться со своим постельным бельем, покупать на трудовые лекарства и с прочими удобствами.

Андрей Денисович, досадуя в душе, тем не менее одобрил рекомендацию врача, но относительно бывшей медсанчасти имел свое мнение:

— Нечего в этом клоповнике тебе делать, Вера Тимофеевна, да и не последние мы люди. Давай в областную пульмонологию, у меня там дядька лечился. **Хвалит**.

— Да ведь просто так в областную больницу не пойдешь, надо еще в их поликлинику попасть...

— Ве-ера Тимофеевна, голубушка, ты ведь сама в позапрошлом году готовила документы по офисной мебели для новой кардиологии облбольницы — помнишь, мы тогда перехватили заказ у «Стройсервиса ЛТД» и выступали комиссионерами от питерских мебельщиков, им заказ перебросили и обслужили в порядке шефства наших медиков с минимальным нашим наваром.

— Да-да, припоминаю. Думаете — помнят еще?

— Ха-ха, а для чего я это все делал? У меня, видишь ли, слишком много родственников преклонного возраста. Да и сам, не дай бог, с такой перегрузкой какую-нибудь хворь подцепишь. Значит так, иди скоренько сдай дела своему заму, а я пока с Семеном Иосифовичем, замом главврача по финансово-хозяйственной работе, созвонюсь.

Вера Тимофеевна за четверть часа ввела в курс дела своего неофициального заместителя Сережу, благо тот после окончания университета работал в фирме третий год, сам по образованию компьютерщик, особо и не надо было объяснять. Выглянул из своего кабинета Андрей Денисович и сделал рукой зазывающий жест.

— Все в порядке, Семен Иосифович распорядил-

ся. Завтра утром поезжай, в приемной назовешь фамилию. Там уже знают. И в палату поприличнее поместят. Да-а, в понедельник у нас зарплата, а ты зайди в бухгалтерию, я распорядился, получи. Пригодится на фрукты-соки. И возьми у главбуха стодолларовую карточку^{*} на мобильник: чем еще в больнице заниматься как не звонить. Главное — не торопись с выпиской, не шути со здоровьем, даром что молодая...

Вера Тимофеевна на последние слова в душе поморщилась, однако вполне искренне поблагодарила за заботу.

Андрей Денисович проводил ее до двери кабинета, чуть помедлил, притянул к себе бывшую подругу. Вера Тимофеевна вспыхнула и уткнулась лицом в плечо некогда ее Андрея.

— Держись, Верунчик, еще повоюем!

С чуть покрасневшим лицом Вера Тимофеевна зашла в бухгалтерию, потом еще в несколько комнат к отдельно сидящим сотрудникам, затем в общем зале попрощалась со своими и не своими подчиненными, заглянула на выходе из офиса в каморку к охраннику Славе. На улице ее уже поджидал, облокотившись на дверцу «тойоты», шофер фирмы «на разгоне» Василий, сорокапятилетний бывший инженер из ракетного НПО «Меткость».

Так Вера Тимофеевна, ранее из медучреждений знавшая только роддом, оказалась в больнице.

♦ Как и во всех отделениях громадного по провинциальным масштабам здания облбольницы, в пульмонологии, кроме общих палат, имелся одноместный «люкс» и рядом с ним, через стенку, двухместный номер. На «люкс» Вера Тимофеевна явно не тянула, тем более, что его в данный момент занимал

* В те годы мобильная связь оплачивалась по долларовой ставке, и на экранах телефонов суммы высвечивались в долларах-центах.

крупный начальник из НПО «Меткость». В двухместном же номере соседкой оказалась старушка, дочь давно почившего генерала, именем которого названа одна из улиц города. В память о военных годах. Старушка, хоть и древняя годами, но в меру бодрая, за сутки, оставшиеся ей до выписки, успела ввести соседку в больничные порядки.

На следующий за заселением день Вера Тимофеевна осталась в палате одна и все неполные две недели оставалась хозяйкой довольно поместительной комнаты, даже с небольшим холодильником. Лечивший ее заведующий отделением Сергей Федорович, склонный к практическому юмору, на осторожный вопрос пациентки о будущей соседке заметил в том смысле, что в его отделении в основном лечатся пожилые женщины-хроники. А они люди прагматичные, разумно сочетают заботу о здоровье и о семейном благополучии. Поэтому на лечение ложатся поздней осенью и зимой, а только солнце повернет на весну-лето, как все выздоравливают и устремляются на дачные участки. «Так что, уважаемая пациентка, думаю, вас никто не обеспокоит. А вы у нас проделаете все положенные процедуры — дней десять-двенадцать, не более. А потом — для закрепления успехов — рекомендую пару недель провести в оздоровительно-терапевтическом отделении».

Более всего при поступлении в больницу Веру Тимофеевну беспокоил вопрос о курении, ибо еще в приемном отделении с нее взяли подпись: такая-то извещена, что в больнице, включая нежилую территорию, курение запрещено. Нарушители без предупреждения досрочно выписываются с сообщением по месту работы.

Однако в первый же день убедилась: грозное это предупреждение в русле национальных традиций, где законы суровы, но не выполняются. Как ни зайдешь в туалет, так сизый дым под потолок (туалеты здесь

индивидуальные, без «М» и «Ж», с задвижкой изнутри); прямо напротив большая палата, где пробуют избежать призыва в армию подростки по направлению военкомата. То и дело шныряют из комнаты в туалет с пачкой сигарет.

А ей, сам-одна в палате, и выходить никуда не надо: солнечная сторона, днем с закрытым окном даже жарко.

Ближе к вечеру второго дня навестил муж; Вадим Аркадьевич, работавший зав. сектором в областном департаменте связи и коммуникаций, палату одобрил, сказал, что ему такая не по чину. Извиняющимся голосом сообщил, что завтра на три-четыре дня с шефом уезжает в командировку в Рязань, а послезавтра мать (свекровь жила с ними) придет навестить с детьми. «Да-да, знаю, я им только что звонила». Скоро муж заторопился: неудобно, шеф свою служебную машину дал, а еще надо в департамент заехать, документы кой-какие отобрать для поездки. Муж выглядел озабоченным, оно и понятно: на службе все в мандраже, через неделю губернаторские выборы, жена в больнице, у детей переходный опасный возраст, да еще — что за времена, что за нравы! Все чертов телевизор виноват — мамаша в начале седьмого десятка дружка себе, видите ли, завела, полковника-отставника овдовевшего!

◆ Свято место пусто не бывает, тем более в лечебницах с их вечным дефицитом мест. Уже вечером второго дня, после ухода мужа, после ужина, к ней в палату пришел кот. Молодой, чуть больше года, черный без единого пятнышка, лоснящийся короткошерстный, чуть удлиненный, словом, масштабная копия настоящей пантеры. Вере Тимофеевне сразу показалось: это маленький перст судьбы. Между тем кот ознакомился с палатой, из вежливости — видно, только что поужинал на раздаточной кухне отделения — скучал кусочек колбасы, что вместе с про-

ним принес муж, оценивающе посмотрел на хозяйку комнаты и вспрыгнул на свободную кровать. Вера Тимофеевна погладила ласково котика, почесала за ушком. Кот свернулся клубком и покойно уснул.

В десять часов пришла с последним за день уколом медсестра Нина Митрофановна, работавшая только в ночную смену. Одобрительно посмотрев на кота, медсестра, завершив короткую процедуру, присела к нему на кровать и рассказала короткую еще биографию будущего истребителя грызунов.

Больница, а точнее огромный больничный комплекс, строился в золотые семидесятые годы, денег не жалели, тем более их тогда не воровали, строили по самому того времени современному проекту. Даже в Москве завидовали. Все корпуса комплекса связаны подземными тоннелями-переходами, которые под зданиями заканчиваются лифтовыми площадками. Соответственно, все сообщение между корпусами, перевозка больных в каталках, неодушевленных грузов, особенно зимой, выполняется по этим тоннелям.

Понятно, что в полутемных тоннелях тотчас появились мыши и крысы, которым никакие меры дератизации* не страшны; к отравленной пище они не подходят после того, как для «пробы» дают поесть ее уже обреченной, больной крысе. Да и не будешь постоянно раскидывать яды по тоннелям, где постоянно ходит медперсонал, где везут на операцию больных... На счастье, сразу за больничным забором располагался большой пригородный поселок, построенный в послевоенное время выселенцами из западной Украины во время чистки в бандеровских районах. Поскольку поселок сплошь состоял из частных домов, то два-три раза в год образовывался излишек подросших котят. Тотчас они нашли дорогу в боль-

* Меры по массовому уничтожению грызунов — от англ. *Rat* — крыса.

ницу и заселили круглогодично теплые и сухие тоннели.

Следуя инструкциям, соответствующая служба периодически отлавливала наиболее неосторожных мурок и васек. Однако все прекрасно понимают, что без них крысы и мыши расплодятся неимоверно. Но все равно жить котам и кошкам в подземных переходах приходится настороже и регулировать свое стадо. Умные кошки стараются распихать свое подрастающее потомство по корпусам, поближе к добродушным больным, медсестрам, кухонным работникам и равнодушным, в силу своей профессии и низкой зарплаты, ко всему и всяя врачам. Здесь единственный их враг — злющие старухи-санитарки.

Так и Черныш, это имя поселившегося у Веры Тимофеевны кота, попал в главный корпус больницы, осваивая этаж за этажом, поднимаясь все выше и выше по боковым лестницам, где медицинского начальства не наблюдается. На месяц, тогда еще шестимесячным котенком, Черныш задержался на втором этаже в отделении общей хирургии, потом, поднимаясь все выше, достиг шестого этажа и застрял в гостеприимной пульмонологии.

— Жаль только,— завершила рассказ Нина Митрофановна,— если попадется на глаза кому из начальства, его у нас в больнице много, часто с инспекциями ходят. Тотчас прикажут выбросить да еще и проверят... А кот необыкновенно красивый и умный. Пока врачи в отделение — на глаза не показывается, а насчет туалета сам сообразил. У нас одну из процедурных, что в конце коридора рядом с ординаторской, уже полгода капитально перестраивают, весь пол в стружках. Туда он и ходит. Кто только научил? Впрочем, как у людей все — захочешь жить, всему научишься...

Ну, отдыхайте с котом, спокойной вам ночи.

В субботу приходила свекровь с детьми Ольгой

и Димой, школьниками престижной первой городской гимназии. Дети сразу запросили кота домой. Да и сама Вера Тимофеевна понимала, что в доме уже пятый год пустота после смерти добермана Тиля. Обещала детям подумать, тем более что Черныш и не собирался уходить с обжитого места.

Но совсем покорил Черныш сердце своей обретенной хозяйки невероятной сообразительностью. Субботу и воскресенье кот преспокойно спал, вставая только поесть и сходить в ремонтируемую процедурную. Дышал он ровно и спокойно, абсолютно здоровый кот. Самое интересное, что подметила наблюдательная Вера Тимофеевна, в выходные дни без врачей и все больные старушки словно отдыхали от своих недугов, даже особо не кашляли. Но ровно в восемь утра понедельника из всех палат отделения, исключая комнату с допризывниками, как по команде, начинался неумолчный кашель, который и продолжался по пятницу включительно с восьми до четырех дня с перерывом на завтрак, обед и тихий час.

О причинах регламентированного кашля больных Вера Тимофеевна догадалась тотчас. Усмехнулась добродушно. С тем большим изумлением ровно в восемь утра понедельника она услышала, как Черныш, оторвавшись от «вискаса», специально в воскресенье принесенного девятиклассницей Ольгой, нарочито и трудолюбиво закашлял. И так он делал по нескольку раз за день с понедельника по пятницу включительно с восьми утра до четырех часов пополудни...

В следующее воскресенье Ольга пришла со специально купленной пластмассовой корзинкой с крышкой и унесла Черныша домой на ПМЖ*.

♦ За время пребывания в отделении Вера Тимофеевна ни с кем знакомств не свела: контингент не

* Постоянное место жительства; из лексикона эмигрировавших из России.

тот, а когда болезненные симптомы почти исчезли, то и вовсе почувствовала себя отдыхающей во внеплановом отпуске. А если учесть, что последние два года в фирме отпусков плановых и вовсе не было, то настроила себя на отдых с минимумом общения с окружающими. Тем более, что рядом тихо урчал засыпающий после кормежки Черныш. Телевизор она и дома почти не смотрела, наглядевшись уродов по служебным делам, поэтому сразу отвергла предложение мужа привезти из дома маленький, тот, что летом брали на дачу.

Зато попросила дочь принести почитать из того, что сейчас «вообще народ читает». Ольга и принесла ей несколько книг из числа популярных среди старшеклассников их элитной гимназии: толстенный том «Властелина колец», пару книжек Пелевина, серийный детектив под женской фамилией и последний роман Татьяны Толстой.

Почти отвыкшая за последние суматошные годы от чтения чего-либо кроме местных бульварных «Толоки» и «Юного ленинца», Вера Тимофеевна заново училась читать нечто связное, сюжетное. Впрочем, более или менее прочитала только детектив, в котором главная героиня через каждую страницу рассуждает о цвете и консистенции кала своей любимой собачки...

А более всего она предавалась сладострастному ничегонеделанию, благо ранневесенняя погода и тишина за окном навевали легкий сон в любое время суток. К полудню комнату ее на солнечной стороне разогревало, Вера Тимофеевна приоткрывала окно, накрывалась одеялом и дремала, вдыхая очистившиеся бронхами свежайший воздух городской окраины с самыми верными предвестниками разгара весны: запахом разогревающейся земли и сжигаемого на частных огородах растительного мусора. Эти волшебные запахи навевали сладкие сны о юности, лете, любви... Какое тут общение с вечно кашляющими

(по будням до четырех пополудни) больными! Правда, последние дни — после уноса Ольгой Черныша — иногда возникало желание с кем-либо поговорить, но благоприобретенная лень тела и души прогоняла это желание... А к ночи ей просто хотелось мужчину, желательно не мужа, в мыслях которого, по всей видимости, и в минуты столь редкой в последние годы близости все крутились перипетии административных пакостей мелкого чиновника.

Все же на процедуры и в отделенческую столовую выходить из палаты приходилось не раз и не два за день. Из более или менее достойных внимания Вера Тимофеевна отметила молодую женщину из третьей палаты, которая считалась привилегированной, приравненной к люксовой. Звали ее Светланой. Даже в больничной простоте она выделялась своим атласным халатом и легким, но постоянным макияжем; прическу также держала в порядке. Они с ней иногда перебрасывались парой слов ни о чем. Всего и узнала Вера Тимофеевна: Светлане только что стукнул тридцать один год, в больницу она попала на день раньше ее по подозрению на бронхиальную астму (к счастью, ограничилось тем же послегриппозным осложнением). И еще курит.

По всей видимости, как и она сама, Светлана в больнице тоже склонялась к ленивому отдыху, а для неутомительных бесед у нее была партнерша — совсем молоденькая девушка, студентка, соседка по обеденному столу. Словом, дежурная *vis-a-vis*.

...Выписывая Веру Тимофеевну из отделения, Сергей Федорович, как всегда задумчивый и отрешенный от мирской суэты, велел на будущее осторегаться осложнений и легко получил ее согласие полторы недели побывать в оздоровительно-терапевтическом отделении. «Это только на пользу, закрепите лечение, процедуры там все больше физкультурного порядка, режим вольный, даже рекомендуют днем гулять на

улице. Условия хорошие — комната на двоих вас устроит? Почти санаторий... Да это и есть бывший профилакторий химкомбината на нашей территории. Теперь комбинат к частникам перешел, а тем только бабки нужны зеленые, вот всю социалку и сбросили».

Лень полностью завладела Верой Тимофеевной: отдохать так отдохнуть! Тем более такой загадочно-обаятельный мужчина рекомендует...

◆ В день перевода в бывший профилакторий Вера Тимофеевна получила от старшей медсестры нужные бумаги, презентовав в свою очередь приятной даме флакон приличных духов, собралась и присела — на дорожку — в ожидании санитарки, что должна проводить ее (оздоровительное отделение в дальнем углу больничного городка, за общим забором, под пологом ближнего леса) и передать тамошнему персоналу.

Вместо разлапистой старухи-санитарки явились молоденькая медсестра Настя, тоже получила от Веры Тимофеевны пачку «vogue» и приличную зажигалку, сообщила: пойдем, мол, втроем; Светлану из третьей палаты Сергей Федорович тоже определил в оздоровительное отделение.

Действительно, у двери своей палаты их поджидала Светлана, одетая явно не по-больничному; не то чтобы вызывающе роскошно, но по всему чувствовался устойчивый хороший вкус, как непременная составная часть ее образа жизни, круга общения — почти овеществленная черта характера.

— Решили продолжить отдых³ — спросили они друг дружку в унисон и рассмеялись. Дождались лифта, перегруженного в это время дня, и вышли из корпуса.

Шли они до трехэтажного здания бывшего профилактория минут десять, не торопясь, с перекуром. Вера Тимофеевна со Светланой по понятной причине для выездоравливающих больных в погожий апрель-

ский день, а Настя вовсе не торопилась возвращаться в отделение к своим кашляющим подопечным. Она же во всех деталях описала специфику места их будущего пребывания и дала массу полезных советов.

— ...Одноместных палат всего две, но обе сейчас заняты. В одной какой-то полковник, не армейский, не знаю, сейчас много всяких в формах появилось, по взяточному делу — может в «Толоке» читали на той неделе — от следствия отмазывается. Каждый вечер к нему подчиненные являются, водку пьют, совещаются.

А другую занимает настоящий больной, бизнесмен крутой — ему операцию по пулевому ранению в нашей хирургии делали. Но он после утренних процедур сразу уезжает на своем «мерсе» с водилой и возвращается к вечеру. Но вы не беспокойтесь, двухместные не хуже, все же профилакторий бывший. А Сергей Федорович о вас по телефону созвонился, сама слышала: дескать, примите двух очаровательных девушек из моего отделения... Да, при вселении попроситесь на солнечную сторону, днем оконную дверь на лоджию открывать можно, да и выходят там окна на территорию, а с другой стороны только хоздвор.

И еще, есть у них манера пытаться выписать через неделю, но если хотите побольше полежать, отдохнуть, то можно напрямую с Галиной Андреевной поговорить, она женщина понятливая, либо в процедурных с тамошними медсестрами — чтобы расписали процедуры через день на полторы недели. Ну, вот и пришли. Вы здесь в холле подождите, а я с вашими бумагами к старшей медсестре поднимусь.

Дежуривший в здании молоденький милиционер при появлении роскошных молодых женщин мигом сбросил свою сонливость и даже попробовал заигрывать, но они отошли к ряду диванчиков, присели.

— Да, Светлана, вы не против нашего соседства?

— Отчего же, в таких ситуациях вредны два ка-

чества: хреп и телевизор в палате. Я избавлена от этих напастей...

— Я, к счастью, тоже.

— Ну и прекрасненько. Думаю, решим и с солнечной стороной. Вон Настя спускается, судя по всему со старшой: типаж располагает к договоренности.

♦ Настя дала верную ориентировку. Палата на солнечной стороне второго этажа оказалась свежеотремонтированной. Обстановка — почти санаторная, процедуры неутомительны, а столовая вообще поразила неким намеком на зимний сад. Выход на улицу с утра до семи вечера — свободный. Лес для прогулки еще не просох, но в трехстах метрах начинался городской микрорайон, кстати, одинаково незнакомый для Веры Тимофеевны и Светланы. Там же располагался рынок и конечная остановка нескольких маршрутов автобусов и автолайнов. При желании можно сесть в нужный и через полчаса выйти на другой стороне города. Чем на второй же день обе и воспользовались, побывав дома.

В первый же день после ужина к ним явились знакомиться два подвыпивших мужика из палаты напротив, но были легко и словесно вышиблены Светланой. Вера Тимофеевна и опомниться не успела, хотя и сама полагала себя бойкой на язык, а в ситуациях с нагловатыми мужичками имела достаточный опыт: работа старшим менеджером научила.

— Ха-ха-ха! Ловко вы их, Светлана, выпроводили. А вроде как ужин без свечей и шампанского обошелся?

— Вера, давай, если не против конечно, без «выканья», а то за полторы недели и до бальных туалетов дело дойдет!

— Конечно, конечно, Света... я и сама хотела предложить.

— Ну и прекрасно, а по такому случаю и новоселью давай на малый брудершафт; у меня бутылоч-

ка «мартини» припасена — настоящего, не подмосковного розлива.

— Замечательно, а у меня коробка конфет вполне приличных... только вот к отбою медсестра что-то, наверное, должна измерять? Давление, температуру...

— Ну-у, дорогая, многое хочешь. Здесь медсестры такие телки крашеные подобрались, что давление померить и кому необходимо не допросишься! А насчет температуры — как принесут градусники, так и заберут. Вон мужики, что свататься приходили без фраков, нимало не беспокоятся! Пожалуй, они тоже не явятся.

Действительно, их малый брудершафт никто не потревожил. Где-то в половине десятого впорхнула медсестра; ее угостили конфеткой, она понимающе кивнула и градусников не предложила.

◆ Настоящий «мартини» и новое место подействовало: заполночь, а сна как ни бывало. Как это принято у женщин вообще, а опытных в жизни тем более, разговор новых подруг велся вокруг до окло, осторожными нащупываниями, со стороны слушая — беспредметный.

— ...Ты вот, Вера, несколько себе же и противоречишь. Неспроста детей в элитную гимназию отдала, подальше от улицы, двора, дискотек этих сумасшедших, словом — подальше от реального мира.

— Интересно ты говоришь; в смысле речи, как роли разные исполняешь: давеча мужиков шуганула — решила, что ты продавщица, извини. А сейчас с почти мужской логикой, что твой профессор, рассуждаешь.

— Это все по жизни. Вообще-то я филолог по образованию, Ленинградский университет окончила, то есть Петербургский, но в Питере долго к новым наименованиям- переименованиям привыкают. В аспирантуру оставили, но через год пришлось по ряду обстоятельств домой в Тулуповск вернуться.

— Надо же? А я еще в советское время наш заочный финэк закончила; начинала рядовым плановиком на заводе. Потом разное было. Сейчас вроде бы в жизни стабильно, фирма наша — филиал московской, пока не шатается.

— А чем ваш филиал занимается?

— Сложно, Света, сказать. Я стараюсь за пределы своего места на выходить... Сейчас вроде как готовим для продажи «под ключ» мебельные магазины. А там кто знает?

— Понятно. На отмывке, значит, столичной налички от наркоты, древнейшей профессии и прочего. Впрочем, не задумывайся. Так спокойнее.

Вера Тимофеевна не сочла тактичным поинтересоваться: чем в жизни занимается ее соседка? Захочет — сама расскажет. В наше время не принято интересоваться излишне и навязчиво: и профессией, и доходами, и семейным положением... даже местожительством порой. Поэтому и скоренько отвела разговор на другое.

— Я заметила: здесь медсестрички как на подбор, все молоденькие, красивые... Что они дальше думают делать? Зарплату их даже пособием по безработице язык не поворачивается назвать.

— Да вроде как за них беспокоиться не стоит. Наиболее умные, то есть самые глупые в жизни поньинешнему, пойдут дальше учиться в мединститут. А остальные присматриваются.

— Это как же?

— А просто. Сама что ли молодой не была? Ах, да, ты же в другое время жила. Я и сама его краешком глаза застала. Просто проходят жизненную стажировку: год-другой — и рванутся в самое пекло нынешней борьбы за место под солнцем. Даже если это солнце тухловатое... А здесь самое место для приучки: народ разный проходит чередой, вроде как уже и не больные.

— Так все откровенно и расчетливо?

— Давай, Верочка, допьем на сон грядущий.

Пора и поспать, а то утром тяжело вставать.

♦ Ни наступившая тишина и темнота с отблеском полной луны на оконном стекле, ни приятная теплота от выпитого вина не навевали на Веру Тимофеевну сон. Что-то разбередил душу легкий, ни к чему не обязывающий вечерний разговор. И чего она к девчонкам-медсестрам привязалась? Действительно, сама что ли не грешна в этой жизни?... Да и в той, советской. Живой ведь человек!

Потаскухой не была; это точно. Голый разврат всегда отвращал. Была любовь? — Конечно, но ведь и безо всякой любви бывало, даже удовольствие получала; так сказать, приятное с полезным сопровождала. И в страшном сне не могло присниться ей, чтобы Ольга узнала, как мать ее потеряла девственность в нынешнем, пятнадцатилетнем возрасте дочери. Но это девичье любопытство было. А через два года влюбилась; и еще год целый счастья, ревности, слез и восторга. Заодно и первый аборт с громким домашним скандалом. Однако, опомнилась, по рукам не пошла. Поступила на вечерний учиться в финансово-экономический.

На дворе тогда стоял восемьдесят пятый, начало горбачевщины: идиотизм водочных очередей, первые кооперативы, с телеэкрана Мишка с Райкой чередуются; один все про «консенсус» толкует, вторая красуется в привезенных из Лондона и Парижа нарядах. На что неизбалованные советские девчонки, а хихикали над нелепым сочетанием красно-золотых туфлей и черных колготок... Надели на корову сарафан! Но уже потихоньку приучались завидовать всем и всея: потом и родину за видик продали всем скопом; даже и не поймешь, кого жадность больше обуяла, баб или мужиков?

Тогда же и пресловутый секс объявился, и раз-

делилась приязнь мужчины и женщины друг к другу на любовь и «занятие любовью», то есть откровенное «бордельеро». И пошло, и поехало на упрощение нравов. Даже сейчас, закаленная жизнью в стае волков, прошедшая огонь, воды и медные трубы безысходности и всеобщего бардака последних полутора десятков лет, она слегка краснела в тесноте палаты, вспоминая студенческие годы: и днем на работе в плановом заводском отделе, и вечером в институте, и после занятий — вечером и ночью («Мам, я сегодня у Наташи заночую, нам курсовую делать!»). На красивую девку, как мухи на сладкое, мужики, особенно матерые, липнут. Да и ситуации выбирают — отказать нельзя! И время пошло такое: не до высоких моральных принципов... хочется не просто жить, но жить без особых хлопот и напрягов.

Откажешь плотоядному начальнику отдела на работе, перетрахавшему всех своих починенных — от восемнадцати до сорока пяти лет, так уволит, времена самочинства наступили. Уже трудно стало куда-либо устроиться, а в институте еще продолжают справки, что работаешь, требовать. И доцент гнилозубый привязался; однокурсницы посоветовали: лучше под него пару раз лечь, чем до отчисления доводить. У кого парни крутые имелись — те отвертелись; у Веры же его не было.

А дальше собственный темперамент взыграл: один — другой — третий... Но как и все ее сверстницы, уже выбирала с деньгами, шампанским в кабаках, с тачкой — для куража. И успокаивала себя: ведь не проститутка, не за деньги — из рук в руки, — а либо по крайней необходимости, или же для удовольствия. Да и тайно все, пройдет и забудется. На третьем курсе опять взяла себя в руки, а мать сосватала ее за подающего надежды инженера из городской телефонной сети. Был он не местный, из Куйбышева, где закончил электротехнический инсти-

тут связи, старше Веры на четыре года. Вадим ей очень нравился, тем более, что вскоре после женитьбы ему дали вполне приличную квартиру, благо к получению ордера Вера была уже на девятом месяце беременности Ольгой. После рождения дочери взяла в финэке академический годичный отпуск.

А через три года и сына родила. Многие и сейчас спрашивают: ладно, первый ребенок, еще советская власть не рухнула, в вот второго-то в треклятом девяностовтором? Да, родила, и самые эти беспокойные годы жили они относительно (других) неплохо, нет, не то слово — относительно спокойно; здесь спасибо мужу и своим родителям, их профессии даже в годы всеобщего развала что-то значили...

Однако ближе к середине девяностых, когда всю страну охватила неуемная алчность, а женщин и вовсе повело, оставив детей на мать, Вера Тимофеевна бросилась во все тяжкие торговые, моталась в Турцию, стояла на блошином рынке, приучилась пить водку «для сугрева», освоила торгово-спекулятивную феню, спала с опекающими братками... И неизвестно, до чего бы докатилась (известно до чего!), но судьба ее хранила и снова вернула на стези своя, хотя и преподала урок жестокий. Как-то случилось едва не в один месяц: дефолт и наехавшие братки свели к нулю все плоды трудов ее; мать забастовала — давай, занимайся детьми! А она наградила тихого своего супруга гонореей, где-то благоприобретенной. Развод не состоялся только благодаря святой терпимости мужа.

Но на вольной торговой жизни был поставлен крест. Благо муж получил при новом губернаторе пост в департаменте связи и коммуникаций. А Веру Тимофеевну, что после годичного перерыва наверстывала упущенное в воспитании детей, он же устроил в фирму «Светоч плюс».

Сон все же сморил ее.

♦ На следующий вечер продолжение беседы не

состоялось, поскольку обе обитательницы палаты, как и порешили накануне, после утренних процедур разъехались по домам — привилегия этого заведения, а вернулись только к восьми вечера, слегка нарушив режим: Вера Тимофеевна приехала первой, спустя четверть часа — ее соседка. Впрочем, сегодняшний дежурный мент Боря недовольства красивым дамам и не собирался высказывать, тем более, получив «за беспокойство» от одной плоскую бутылочку ординарного коньяка, а от другой — на закуску — плитку шоколада.

Обе с непривычки больничного безделья устали в накопившихся домашних делах (так обе друг другу объяснились) и улеглись еще до официального отбоя. Светлана выглядела несколько мрачноватой, а Вера Тимофеевна успела только рассказать о занимательной встрече.

...Удачно сев в набитый в этот предвечерний час автолайн, следующий по замысловатому маршруту до облбольницы, она с приятным изумлением узрела в своем соседе по сиденью Сергея Федоровича, как всегда с модной уже который год трехдневной щетиной *а ля Абрамович*. Который Рома.

Тот без предисловия пояснил: был, имея ученую степень, на защите диссертации в университете в качестве члена соответствующего совета, потом, как положено, пообщался с коллегами на банкете. Сейчас едет, «как и очаровательная соседка», в «родной дурдом» — сегодня в ночь дежурит по корпусу, то есть почти по десятку отделений. Поинтересовался житьем-бытьем на новом месте, спросил о Светлане, при этом чуть улыбнулся.

Вера Тимофеевна охотно вступила в разговор с приятным мужчиной, хвалила нынешнее свое и Светланы житье, благо и рынок, магазины рядом, можно самим себя побаловать, не беспокоя приездами домашних.

— Хотя и жизнь сейчас непонятная, порой страшная, но хоть товарное изобилие наступило, не надо по три часа за колбасой в очереди толкаться или из Москвы сумками волочить.

— М-да. Оно может и так, но вот недавно в той же Москве на конференции по своей специальности встретил давнего приятеля; он главным диетологом в одном из управлений Минздрава трудится, в люди вышел. В перерыве зашли перекусить в буфет... ну, слово за слово, он мне и рассказал про все это изобилие. Ничего хорошего. Пищевая химия одна.

А вот полгода тому назад наше промышленное, или как там оно сейчас называется, министерство упразднило государственные стандарты на любую продукцию: съедобную, машиностроительную, просто строительную, словом, на все и всея.

— Это как понимать? Я когда-то работала плавником на заводе, так там без ГОСТ'ов и ОСТ'ов шагу не ступишь!

— Вот так и следует понимать, особенно в части продовольствия. Не секрет уже давно, что наш рынок здесь почти полностью захвачен зарубежниками, а они гонят всякое, извиняюсь, дермо. Стандарты им были единственной помехой. Вот теперь его и нет больше. Да не только импортеры; свои тоже начали этот же самый «продукт» в лаковой упаковке на прилавок мегатоннами вываливать.

— Но ведь что-то должно регламентировать качество, так и чистую отраву начнут продавать?

— А хитро придумали, скорее с западников со-безьянничали: вместо стандартов ввели сертификат соответствия. То есть производитель обязан на этикетке продукции точно сообщить ее состав. А покупатель сам решает: покупать или мимо проследовать.

Давайте пофантазируем. Опять же извиняюсь за некоторый волюнтаризм, но так нагляднее. Допустим, некий ловкий бизнесмен решил занять свою нишу на модном нынче рынке пищевых добавок,

якобы полезных для здоровья. Но как? Вроде все уже смешали, по упаковкам рассовали, рекламу бешенную на радио и телевидении сделали. Но парень наш бизнесментер не без юмора и придумал жидкую пищевую добавку в виде витаминизированного шипучего напитка «Поллитра здоровья» — в изящной полулитровой посудине в форме графинчика.

Договорился с фермой по разведению ослов близ Алма-Аты о поставке ослиной, пардон, мочи в цистернах, а в пригороде, например, нашего города, по дешевке арендовал в разорившемся колхозе небольшой заводик, точнее цех, по переработке молока, кое-что из неразворованного оборудования восстановил, что-то прикупил. Заказал на ближнем заводе стеклотары изящные графинчики... И процесс пошел!

Мочу фильтруют, осветляют, пастеризуют. На 100 литров жидкости замешивают килограмм витамина «С», то бишь дешевой аскорбиновой кислоты, добавляют для аромата десять граммов лавандового масла, разливают по графинчикам и по цене 120 рублей за посудину развозят по всем коммерческим аптекам. На рекламу не поскупились. Бабки рекой потекли, а на красочной этикетке с видом на высокогорный каток «Медео» крохотными такими буквами, без лупы не прочтешь, точный, безо всякого обмана, состав обозначен: «Биологическая жидкость *Asinus domesticum* — 98,5 %; витамин «С» — 1,0 %; масла и экстракты лаванды, горной ромашки, элеутерококка — 0,05 %; консервант пищевой — 0,45 %».

Вроде как все по-научному написано; народ наш уважает науку. А если какой умник попробует права качать, то никакой суд или инспекция санитарная ему не помогут. Извините, скажут, гражданин хороший: все соответствует в напитке этикетке; моча это и есть биологическая жидкость на медицинском языке, а в переводе с принятого в той же медицине латыни *Asinus domesticum* означает «осел домашний».

Вера Тимофеевна от души рассмеялась. Здесь автолайн подкатил к конечной. Сергей Федорович учтиво проводил спутницу до прямой дорожки к профилакторию, раскланялся и отправился на ночное бдение.

Светлана, уже лежа в разобранной постели, выслушав рассказ, тоже посмеялась, но скорее из вежливости.

◆ Света-то уснула тотчас; и где-то это она, незамужняя, так утомилась? Впрочем, это ее дело. Не хочет — пусть не рассказывает. У каждого сейчас своя жизнь, свои заботы. А ее опять посетила бессонница, родная сестра вчерашней.

Конечно, моделью добропорядочности она не стала — в том смысле, что влюбилась в своего шефа, на пять лет ее моложе. Как она в минуты самобичевания понимала: это последняя большая любовь, раз на молодняк потянуло... Именно тогда она четко — для себя — поделила жизнь на две части: с Андреем во время редких свиданий в его загородном коттедже не вспоминать мужа и детей, и дома — забывать о любовнике.

Однако, все закончилось паскудно: ее возлюбленный как-то попробовал подложить ее под московского своего шефа, любителя шатенок бальзаковского возраста. Она отказалась, Андрей Денисович ее заботжал, отношения прекратил, а Веру повысил в должности до старшего менеджера. Хоть и молодой, но хорошо знал психологию людей. А себе завел «для здоровья» молоденькую компьютерную операторшу из своей же фирмы.

Господи! Думала порой она, уже близко к сорока, а я все не угомонюсь... Гормоны что ли у меня такие? Или кто в предках страдал неуемной любвеобильностью? Как-то по душам поговорила со своей теткой, бывшей некогда завмагом, женщиной многоопытной... потому и оставшейся незамужней. «Дет-

ка,— рассмеялась та после рассказа-исповеди племянницы,— не городи на себя напраслину. Баба как баба. В молодости с кем не бывает, а потом одно на другое наложилось: муж слабоват по этой части оказался, а времена наступили паскудные, дразнящие, из нормальной жизни выбивающие; трахнуться стало, что бутылку пива выпить! В прежнее время тайла бы все в себе, от силы — завела на стороне мужичка, раз в месяц на квартире у холостой подруги с оглядкой услаждались. А летом в один санаторий ездили бы... А теперь все вокруг прямо-таки подталкивает. Как тут женщине в соку, красивой, устоять? Известно ведь, что баба слаба на передок...»

Подумав, Вера Тимофеевна согласилась с доброй и опытной в жизни теткой.

Захотелось курить. Встала с постели, укуталась в теплый махровый халат до пят, осторожно, чтобы не потревожить соседку, приоткрывала дверь на лоджию, выскользнула в весеннюю полуночь, еще не теплую, но уже и не холодную. Сыроватые, с подпалинами, волнующие запахи ранней весны закружили ее голову, зябко заныло тело, набирающее сил после болезни. Она зевнула, сладко потянулась. В бывшем бандеровском пригороде с порядками освещенных луной одноэтажных домов частного сектора свистали и орали невразумительное хулиганистые подростки. Им вторил девчоночный визг. Лаяли собаки, а со стороны уже цивильного микрорайона доносилось мягкое шуршанье автомобильных шин и откуда-то негромкая музыка. Природа и люди готовились после зимней спячки к торжеству любви.

◆ Из-заочных дум и курения на лоджии Вера Тимофеевна проспала утро. Разбудившая ее Светлана даже пошутила насчет бурно проведенной ночи... в мечтаниях.

— Да, Светочка, так оно почти и было. О нелегкой женской доли размышляла.

— «Все мы, бабы, стервы, послушай милый мой...» — пропела явно повеселевшая с утра соседка, — вставай, подруга, пойдем в «зимний сад» завтракать; горячая каша с утра — первое дело!

Однако рисовая каша в это утро оказалась едва не замерзшей. Завстоловой популярно объяснила: пищу у нас готовят централизованно, развозят по отделениям, мы только разогреваем, а у нас сегодня электроплиты не включаются, электрики только к полудню подойдут.

Вернувшись в палату, сами сгношили завтрак: электрокофеиник накануне привезла Вера Тимофеевна, а у Светланы изначально имелся кипятильник. Сварили яиц всмятку, сделали бутерброды с сыром и ветчиной, заварили кофе.

— Это все, конечно, хорошо, можно и баночку икры открыть по случаю ремонта в столовой. Понятно, что здешние электромонтеры вряд ли к вечеру починку сделают... А не прокатиться ли нам после процедур, а? Доедем до центрального парка, погуляем; дорожки там уже просохли. На птичек посмотрим, воздухом подышим. А затем в один приличный ресторанчик заглянем и пообедаем... там электроплиты постоянно исправные.

— Это, Света, заманчивое предложение. Но — извини, как-то отвыкла здесь уже от хлопотных поездок. А потом... в ресторане кто из знакомых, врачей, наконец, увидит? Как-то нехорошо получится...

— О, об этом не беспокойся. Я вызову машину; никаких автобусов и «лайнов». Ресторанчик же за городом. О нем и знает кто мало. Вряд ли твои коллеги, опять же департаментские сослуживцы супруга, не говоря уже о наших добрых врачах, там бывают. Соглашайся, а?

В конце концов, думала Вера Тимофеевна, хотя и в больнице, но нельзя лени позволять овладеть собой полностью. Потом и любопытство: новые мес-

та, как-то связанные с соседкой. Сама она о себе почти ничего не говорит... может, обстановка что объяснит?

Светлана чуть-чуть улыбнулась на ее согласие, догадываясь о мыслях соседки и временной подружки. Пощелкала по клавиатуре мобильника и отошла к раскрытой двери на лоджию. Вера Тимофеевна дипломатично вышла из палаты — помыть посуду из-под завтрака.

♦ В половине двенадцатого, приведя в полный восторг так симпатизировавшего им дежурного милиционера макияжем «по полной программе» и тщательно подправленными прическами, они вышли из здания, а Светлана по-хозяйски подвела подругу к сиявшему черным лаком джипу из числа тех, что язвительный наш народ называют бандитскими. Дверцы им предупредительно распахнул водитель Гена.

...Но еще больше изумился милиционер Боря на своем суточном дежурстве, когда в семь вечера тот же джип лихо развернулся в каком-то метре от стеклянной двери корпуса, а вошедшие дамы весело приветствовали стражу шикарными прическами — поклонились себе после обеда в загородном ресторане — и бутылочкой шотландского виски.

После общего отбоя Светлана покойно заснула, а Вера Тимофеевна, терпеливо дожидаясь неспешного сна, проигрывала в голове богатые впечатления минувшего дня.

Кое-что в нынешней жизни она понимала, но этот мир — от джипа по загородного ресторана и элитной парикмахерской — был явно иного, качественно более высокого класса. Кстати, роль Светланы в этом мире по-прежнему оставалась для Веры Тимофеевны непонятной.

В ресторане при загородном же клубе, где царила деловая дневная обстановка, в салоне красоты Светлану знали, но как-то... Вера Тимофеевна по-

дыскала нужные слова: вежливо и безлично. Шофер Гена — само воплощение корректности и предупредительности, словом, на службе.

Разговор сегодняшний завязался еще на прогулке по парку, продолжился за обедом, в салоне, в неторопливом осмотре только что открывшегося торгового центра, в машине, где шофер отделен от пассажирского отсека с диванчиками слегка затонированной перегородкой.

А тему задали сопливые девчонки, старшие школьницы или студентки-первокурсницы, что попарно или по-трое, по-четверо заняли все парковые лавочки по причине солнечного дня, хохотали в голос, прикладываясь к горлышкам пивных бутылок. Вера Тимофеевна кстати вспомнила: во времена ее юности, когда даже алкаши стеснялись пить из горла, таких называли горнистами — по сходству с гипсовыми садово-парковыми аляповатыми фигурами пионеров, трудолюбиво выдувающих из своих инструментов общий сбор...

*Мне снятся незаконченные сны —
Дождь за окошком... сигареты «Прима».
И вдруг, прекрасна и неповторима,
Возникшая из гулкой тишины,
Идешь ко мне ты и... проходишь мимо —*

тихонько пропела на знакомую Вере Тимофеевне мелодию Светлана, улыбаясь и глядя на хохочущих девчонок.

— Это чьи стихи?

— Местный поэт. Его стихи часто на музыку перекладывают. По городскому радио раз-другой слышала. Когда мозги начинают сохнуть от центрального телевидения, читать желанья нет, а поговорить не с кем, то включаю местное радио. Как в детство-юность на время возвращаешься!

— Ушли мы, Света, от сентиментальности, ох,

как далеко ушли... А вот эти девчушки ее не знали и знать не будут. Без надобности! Порой с опаской и на своих благовоспитанных детей поглядываю: что их ждет? Особенно за Олю страшно. Сколько опасностей у девочек, девушек, молодых женщин в этом уродливом мире? Однажды под плохую погоду, под нездоровье, а может телевизор на ночь пересмотрела... словом, нехорошее про дочь приснилось. Потом полдня с дурной головой ходила.

— Это ты про нынешний разгул сексуальной раскрепощенности?

— Нет, хуже намного. Как вспомню тот сон, так мысленно перекрещусь; на панели она мне привиделась...

— Ну-у, это крайний случай обыденного явления.

— Не поняла, Света?

— Знаешь, давай без политкорректности и по-английски: джентльмены присутствующих в виду не имеют. Кстати, только британцы и могли ввести в практику общения этот замечательный принцип: говори о чем хочешь, а собеседники тут как бы не присутствуют. Как и их дети, мужья, жены и так далее, конечно.

(Лиза, слушая в электричке рассказ Веры Тимофеевны, тотчас вспомнила схожее поучение прадеда).

— Ну, это понятно. Правда, я полагала, что для женщин этот принцип не годится: женщина все одно примеряет на себя. Наверное, логики мышления нашему полу не хватает.

— Я бы не сказала. Это не от отсутствия логики, а от излишка самонадеянности. Тоже вид распущенности. Логики у женщины сверх меры, но только в том смысле, если это приносит ей практическую пользу: деньги в первую очередь, здоровье детей, возможность полениться и подурить. Кстати говоря, и любовь, и пресловутый секс здесь почти что на последнем месте, как это ни печально.

— Послушай, Света, а тебе не кажется, что ты не совсем права в отношении любви и секса? Понятно, что в наше ненормальное время это почти так, но ведь это временно? Вспомни свою юность, литературных персонажей, старое кино и театр...

— А как же золотое правило логики: исключения подтверждают правило? Все опять же и тот же крайний случай обыденного явления. Впрочем, пошли к выходу, поедем обедать. Там днем, а впрочем и в любое время суток, тихо, уютно и располагает к отвлеченным беседам.

♦ — Знаешь, здешнее заведение с оттенком здорового консерватизма, нечто вроде губернского римейка английского клуба, поэтому экзотической кухни здесь не держат — традиционная русско-французская в стиле дореволюционных купеческих трактиров Москвы... не Петербурга с его эклектикой, именно Москвы Гиляровского. Это я к тому, что особо смотреть в меню не следует, а закажем — в компенсацию больничной каше — совсем вредное для фигуры: оливье с крабовым мясом, сборную солянку, зразы здесь изумительны, осетрину на углях, сыр, кофе и бутылочку рейнского. Может еще что закажем. Идет?

...Разговор на заданную тему продолжился на веранде за десертом, которую еще не расстеклили на лето, но каминь уже погасили. Однако полуденное солнце и без того затопляло кубатуру зальчика.

— Купринскую «Яму» читала, конечно. Многие в разговорах на подобные темы относятся обычно к этой повести, а самой рассудочной героиней полагают ту самую проститутку, что имела гимназическое образование. Помнишь, сифилисом преднамеренно клиентов заражала, мстя мужчинам вообще, как классу потенциальных насильников и сладострастцев. Что-то в этом есть, но мыслить следует несколько в ином плане, а точнее — в сочетании биологического и соци-

ального в человеке. Степень образования здесь особой роли не играет.

— Нет, Света, как же не следует степень образованности, воспитания учитывать?

— С воспитанием сложнее, хотя женская воспитанность — это либо обман, либо самообман, но чаще всего корысть. Как ни прискорбно, но редкая женщина контролирует себя в том смысле, чтобы не дать в себе некоей разумной доли потребительства перерости в безрассудную жадность. В конечном итоге, роль образования и воспитания только в разборчивости и некотором антураже. Понятно, что это мое личное мнение.

Ты никогда не задумывалась: в чем разница между женщиной, считающей себя проституткой, и, так сказать, добropорядочной девушкой, женщиной, семейной матроной?

— Ну, Света, и вопросы ты задаешь; наверное, во многом: социальном и биологическом, как ты говоришь.

— Немного те так. Биологическое и социальное определяют лишь степень того, что принято называть проституцией.

— Но ведь на панель толкает крайняя нужда, безысходность, нищета и голод.

— Ой ли, Верочка! Это ты, наверное, про Катюшу Маслову вспомнила из школьной программы? Оглянись, дорогая, и не лукавя скажи самой себе правду... И времена здесь ни при чем; проститутки и в золотые советские шестидесятые-семидесятые водились, когда нищих-то не было. Здесь все просто и ясно, хотя и прискорбно для нашего пола: явная, профессиональная проституция — крайнее выражение биологической сущности самки. Не зря же это — древнейшая профессия.

— Можно подумать — мужики лучше!

— Они не лучше, они другие, исключая, конечно-

но, голубых. У них проституция не между ног произрастает, а в голове.

В этом месте беседы на веранде Вера Тимофеевна вспомнила давнюю малоприятную домашнюю сцену, когда мужу позвонила какая-то сучка (она ее сразу вычислила) и прямым текстом сообщила: «Твоя благоверная недотрога трахается со своим шефом». Муж по своей природной тупости устроил скандал. Не могла же она сказать этому дурню, что на его нищенскую зарплату они не проживут, а ей нужно место старшего менеджера, чтобы вовсе не вылететь из фирмы (сейчас же она даже и оправдывала себя: «деловое» начало с Андреем Денисовичем переросло в любовь; по крайней мере с ее стороны...). Поскольку же у супруга никаких прямых доказательств не было и быть не могло, она огрызнулась: «Это я-то проститутка? Настоящая проститутка — это ты, лижешь зады, цепляясь за жалкое чиновничье место... не стыдно при двух детях и работающей с утра до ночи жене штаны в своем департаменте протирать? Был бы мужиком, вкалывал как все, давно свою фирму открыл бы. Нормальные люди сейчас коттеджи имеют и счет в банке!»

◆ Новый импульс теме дала неспешная прогулка по магазинам.

— ...Естественное биологическое начало, то есть чтобы мужчина содержал женщину, а она продолжала род, уродливо превращается в свое социальное отображение. Это не мои слова, а из умной книги, но в них сущая правда. Как только социалка и экономика в стране, неважно в какой, падает в пропасть — появляются толпы уличных и... так сказать, иных жриц любви. Как порядок в государстве наводится — они исчезают.

Но ведь если понимать проституцию как предел падения, хуже бомжей и нищих, то вот сейчас, накануне первого десятилетия двадцать первого века, да-

же в несчастной нашей России, разве в проститутки идут из-за куска хлеба?

Обрати внимание: в какой одежде и как идут молодые девицы по улице? Правильно, в предельно обтягивающих зады и лобок джинсах или брюках. А главное, поступь, вся походка такая, что она несет нечто драгоценное, а все остальное — ноги, голова, туловище — обрамление для перемещения этой драгоценности в пространстве и времени. И в глазах читается, и вслух говорится, а на телевидении сматывают: скорее бы окончить школу или институт, уехать из этой рашки, подцепить богатого старого идиота и наслаждаться жизнью. Вся ее надежда на свою единственную драгоценность в обрамлении остального тела...

— Света, но ведь эти-то девушки, продавщицы, все как фотомодели, а работают в магазине?

— Не смеши меня! Это наши красотки-медсестры работают, хотя и востро ухо держат. А эти девочки уже давно ангажированы. То-то вид у них у всех томный, довольный и ко всему безразличный.

— Что-то не похожи наочных бабочек?

— Они не на панели работают; это более высокий класс: содержанки купчиков средней руки, братьев, милицейских и иных полковников, чиновников районного и городского масштабов.

— Тогда для чего эта комедия — торчать целый день в магазине?

— Так содержатели их не совсем дураки; во-первых, чтобы форму, экстерьер, так сказать, держали. А во-вторых и в главных: под присмотром того же хозяина магазина, а если без дела оставить — шашни со всеми подряд будут заводить, обленятся, растолстеют. А купчикам они нужны исключительно в полную частную собственность, как их лавки, магазины, машины, счет в банке... А вообще в этих самых салонах, магазинах или как их там, все уже перетра-

хались друг с другом от скуки жизни. Но и деловой момент обязательно присутствует. Но главное в нынешней нашей жизни — это целенаправленный разврат из телевидения, глянцевых журналчиков, «женских романов» в мягких переплетах. Да и не только в нашей разнесчастной стране, во всем так называемом «цивилизованном мире». Видно, действительно, пришло время белой расе уйти в небытие.

◆ Прокрутив в высоком темпе долгую дневную беседу, Вера Тимофеевна незаметно переступила порог занимательного, страшного в своей откровенности и логичности построения сна. Самое скверное — сон застрял в памяти на несколько недель. Она никому о нем не рассказывала.

Наутро Вера Тимофеевна проснулась с большой головой. Но то было на это утро не последнее событие. Вернувшись с умывания, она застала соседку заканчивающей телефонный разговор, разобрала только последние слова: «...Хорошо. Через полчаса врач будет, попрошу бумаги поскорее оформить, а то и бог с ними!»

— Ну, дорогая моя, сожалею, что больше не смогу поддерживать компанию. Труба зовет — на этот раз в Токио. Там и долечусь в цветении, как говорится, японской сакуры.

...Распрощались они сердечно, обменялись номерами телефонов и обещаниями не забывать эти короткие, но насыщенные больничные дни.

Вера же Тимофеевна трудолюбиво пробыла положенное время в оздоровительном отделении. Заведующая Галина Андреевна подобрала ей в новые соседки тихую, аккуратную пожилую учительницу, нехрапящую. Самое же главное — вволю наговорившись за сорок лет в школе, Ирина Степановна за день произносila не более двух десятков слов...

Минула весна, потом не очень жаркое лето. Осень с ее легкой грустью окутала город вечерней

дымкой. Вера Тимофеевна почти забыла о больничном житье-бытье. Светлана ни разу не позвонила. И она ее также не беспокоила.

Как-то приятным раннеоктябрьским вечером, переделав домашние дела, Вера Тимофеевна присела перед телевизором. Супруг в соседней комнате корпел над принесенными со службы бумагами. Дима в дальнем — от телевизора — углу гостиной тоже мучался с уроками повышенной сложности, а Ольга задержалась у подружки, что жила в соседнем подъезде, о чём и предупредила по телефону. Кот Черныш отдыхал.

По всем центральным каналам шли бесконечные «менты» и игры навроде «Как украсть миллион». Наскучивши добрым лицом Дукалиса, Вера Тимофеевна переключила на местную коммерческую программу, где показывали презентацию элитного клуба с рестораном японской кухни, с саунами, казино и отдельными бизнес-кабинетами. Камера ловила наиболее значимых людей города: мэра, местного промышленного магната, владельца сети супермаркетов... Вот голос за кадром почтительным полушепотом представил очередного гостя — владельца крупнейшего в области банка и нескольких заводов, бывшей гордости оборонпрома.

С тем большим изумлением углядела Вера Тимофеевна в его спутнице, роскошно одетой даме, Светлану. На ее восхищенное восклицание вышел из своей комнаты Вадим Аркадьевич, а Вера Тимофеевна, торопясь, пока кадр не переместился, рассказала про свою больничную соседку. Супруг близоруко наклонился к экрану.

— Да? Что же раньше не говорила? Эта дама оч-чень даже известная.

— Ты-ы-ы знаешь ее? Откуда?

— Понимаешь, — Вадим Аркадьевич покосился на угол, где зубрил математику сын, приглушил го-

лос,— лично, конечно, не знаю, но ведь у нас в департаменте такие бабенки! Чего только не знают, даже то, что и знать не положено, а фотки ее на светских раутах печатают в «Толоке». Ты вот ее не читаешь, а из желтой прессы многое можно узнать...

— И чем же Света знаменита? Сама она не говорила, да мы с ней только три дня в одной палате находились. Я так прикинула: наверное, в банке на какой-нибудь средней должности.

— И хорошо, что не любопытствовала. Все равно ответа не получила бы. А начала она свою карьеру в середине девяностых, окончив университет в Питере, референтом и «для представительства» — здесь ты отчасти угадала — при директоре филиала московского «Бета-банка», большом любителе натуральных блондинок. Банк скоро погорел, хозяин, прихватив содержимое банка, смотался в Европу; там своих блондинок хватает.

Но это твоей, так сказать подруге, пошло только на пользу. Стала разборчивей и начала неуклонно подниматься по «служебной» лестнице. Теперь же, как только что видела, — официальная содержанка и *VIP*-дама у самого Арнольда Ефимовича, а выше его в городе и области человека и нет.

...Засыпала в тот вечер Вера Тимофеевна со сложным чувством, а тут еще супруг, распалившись собственным рассказом о великосветских прелестницах, полез хотя и с редкими, но все равно надоевшими ласками. В самый интересный момент, который Вадим Аркадьевич со скучным канцелярским юмором называл «моментом истины», она зевнула и некстати вспомнила о давней сослуживице, еще в бытность работы на заводе. Та весело рассказывала на весь отдел, что установила оброк своему скуповатому мужу: брать с него за каждый интимный момент по червонцу «на шпильки». Хотя и советские времена были...

Кот Черныш, самое невинное существо в доме, плавно перешел от отдыха ко сну. Чисто биологическое создание, он и не помышлял ни о чем другом. Благо его Мурка проживала в соседней квартире.

◆ За внимательным слушанием занимательного рассказа разокровенничавшейся, незнаемой Лизой Веры Тимофеевны, явно со своей близкой подругой возвращавшейся из Москвы из поездки по делам своего «Светоч плюс», незаметно промелькнули два часа пути экспресса, сделавшего только одну остановку в Серпухове. Даже на выходе из вагона ей не удалось рассмотреть лица говоруны — та со своей спутницей выходили первыми, а на перроне затерялись в толпе пассажиров. Лиза же, поеживаясь после расслабляющего вагонного тепла на разыгравшемся к восьми часам вечера морозе, обогнула торец вокзального здания и удачно села в подкативший троллейбус ее маршрута. В те двадцать минут, что троллейбус, придерживаясь северо-западной окраины города, вез ее прямо к «дому на горе», Лиза, следя давним поучениям прадеда, мысленно пересказывала услышанное, представляя себя некоей условной сторонней наблюдательницей. Ей это, как всегда, удалось. Еще особо отметила: и Егор Фомич, и героиня рассказа Веры Тимофеевны единственная блондинка Светлана почти в одних и тех же словах говорили, разделенные без малого десятком лет, о замечательном английском правиле, позволяющем, как она сейчас прекрасно понимала, говорить в глаза неприятному тебе человеку все, что думаешь о нем и его самых отвратительных качествах, при этом сохраняя взаимную видимость дружелюбия... Само же содержание рассказанного Верой Тимофеевной Лиза не то чтобы не восприняла, хотя что здесь воспринимать? — все ей было ясно, не первоклассница ведь, да еще при таких бойких по части «про это» подругах, знакомых и просто знаемых из школьного окружания, не гово-

ря уже о телесериалах и вообще всей жизни вокруг, сколько она себя помнила с пятилетнего возраста...

Здесь другое и совсем уж интересное. ...Не зря в их большой семье, не в смысле живущих вместе, но разъехавшихся и не теряющих родственных связей — вот только сама неделю с «московскими» провела, — часто говорят: Тулуповск — город маленький; хотя с полмиллиона с гаком в полторы сотни тысяч жителей, но все одно большая деревня. И мудрейший в роду прадед Егор Фомич и здесь в голове тогдашней маленькой девочки Лизы все расставил по местам: «...Почему Тулуповск его жители называют большой деревней? — По той аналогии, что в деревне все друг друга знают: что надо и что вовсе не надо знать. Понятно, что в городе нашем, на исходе советского времени мечтательно прогнозируемом обкомом как будущий «миллионник» и даже с готовым проектом этакого полуметра — загубленных трамвайных линий, все друг друга не знают, это за всякими пределами реальной жизни и ограниченной человеческой памяти на лица и имена.

Но Тулуповск с давних времен традиционно поделен социально и территориально на однородные группы жителей, своего рода классы: рабочие-металлисты, рабочие-металлурги, рабочие-машиностроители и так далее по убывающей. Далее, достаточно узкий круг творческой интеллигенции, зато обширная каста инженеров, специалистов и, так сказать, научных работников в части военной промышленности. Ну, конечно, группы учителей, вузовских работников, врачей. Самое интересное, что и бесклассовое советское общество, и территориальное перемещение людей в шестидесятые — восьмидесятые годы, когда на месте одноэтажного деревянного города возник фактически новый и многоэтажный Тулуповск, и, наконец, массовое уничтожение промышленности, что мы сейчас наблюдаем, и превращение

населения в единый класс-гегемон торгаши — все это никак в общем-то не сказалось на такой вот издавна сложившейся в городе кастовости. Или клановости — какое слово тебе понятнее, Лизавета?»

Затем, выбирая слова, наиболее понятные для младшеклассной правнучки, Егор Фомич разъяснил: опять же так получилось, что внутри каждой такой группы даже сейчас во времена вавилонского смешания и столпотворения, лично ли, шапочно или по именам, но все представители старших и средних поколений коренных тулуповцев знакомы друг с другом. А что касается «детей горбачевской переустройки», то и они сейчас вовлечены в различные торгащеско-спекулятивные, ларечно-офисные группировки, то есть тоже знакомы. Что уж тут говорить о немоверно разросшемся классе различного чиновничества? — Они не только знают-ведают друг о друге, но и кровно повязаны по взяточным, подхалимным, протежирируемым и другим делам.

...Словом, по принципу «большой деревни», по выходу из троллейбуса, остановившегося прямо напротив ее дома, Лизу озарило: Света из путевого рассказа разоткровенничавшейся Веры Тимофеевны — это их соседка по дому и даже по подъезду: Сиваленковы на втором этаже, она на четвертом — самая шикарная молодая женщина из тех, что Лизе доводилось видеть, Светлана Анатольевна Холодова. Истинно большая деревня... хотя бы и не по профессиональному признаку.

«Ты любишь конфеты и секс до утра...» — песенный рефрэн современного общества потребления, построить которое — цель жизни наших реформаторов. Но всякой цели сопутствуют реализующие ее задачи. Одной из этих задач является превращение в скорейшие сроки детей, родившихся от нормальных родителей, в уродов американо-европейского образца (там не все уроды, есть еще национальные и сексуальные меньшинства). Удел такого скороспелого урода — служить приказчиком в оптовке более удачливого сверстника или заворачивать гамбургеры в палатке на блошином рынке. Не его это вина — за убогость мышления, скучу пребывания в земной юдоли, апатию в жизни. У нас страна православная, католического чистилища, где можно откупиться деньгами, нет, поэтому всех вершителей испорченных судеб ждет раскаленная сковорода.

Мне всегда обидно за некоторых животных, особенно за свинью. Это очень чисто-плотное, уравновешенное сельскохозяйственное животное, стержень мясной промышленности. До сих пор человечество не придумало лучшей закуски под сорокаградусную, нежели соленое сало с чесноком или деревенская гла-зунья из двух десятков яиц на сале и посыпанная укропом... А вот поди же, самые дурные наклонности наших демократов ассоциируют со свиньей. Допустим, понятно еще выражение «свинья в ермолке» — это о реформаторах экономики и государства первого призыва. А какое отношение наше парнокопытное имеет к половой распущенности (также порнография от «порхиа» — латинского наименования животного)? Ума не приложу... Может потому все, что нормальному человеку наиболее противны гипертрофированные половые устремления к несовершеннолетним девочкам со стороны зажравшихся, толстых как свиньи, «папиков» — владельцев департаментов, нефтяных труб и всей нашей жизни?

ДОМ НА ГОРЕ, ИЛИ ГДЕ РОДИЛСЯ, ТАМ И ПРИГОДИЛСЯ

*Дранкою крытые домики,
Трубы печные из крыши,
Да на моем подоконнике
В банке стеклянной камыш.*

Валентин Киреев «Милая малая родина»

♦ В год столетия Октябрьской революции, когда на разменной монете наконец-то появилось название нашего государства, а вместо герба Банка России — «раздетого» орла, что ввело в обиход Временное правительство А. Ф. Керенского — начали чеканить официальный герб, когда Лизе, теперь все чаще Елизавете Васильевне, исполнилось тридцать два года, лето случилось неровное, нервическое. Редкие жаркие дни сменялись надуваемым с севера ветреным холдком, часто гремели грозы, порой сутками хлестал дождь. Частые магнитные аномалии и грозовые разряды, по всей видимости, в головах даже абсолютно здоровых людей, к каким не без основания относила себя Лиза, электрически замыкали и путали всякие там нейроны и синапсы. Иначе почему, проснувшись июльским утром по-летнему в шесть часов, она еще с десяток минут лежала, не раскрывая глаз, и обдумывала содержание последнего перед пробуждением сна с явными признаками навязчивого кошмара.

Снилось, что едет она в междугороднем автобусе вроде как по маршруту «Нижний Новгород — Пенза». Кстати, в этих местах она никогда не бывала даже проездом... Автобус, приобретенный частной компанией пассажироперевозок на гамбургской автомобильной свалке, трудолюбиво пыхтел своим дизелем. Сидевшие в салоне пригрелись на солнышке и подремывали. Во сне Лиза, накрепко запомнив наставления прадеда, уже привычно наблюдала за дей-

ствием как бы взглядом стороннего наблюдателя. Умиротворение пассажиров нарушил громкий окрик водителя, перемеживаемый вежливым матом: «Все, приехали, давайте на выход, уважаемые!» И «сторонняя» Лиза вслед толпе вышли из автобуса. Дорога упиралась в торцевую стену обычной жилой пятиэтажки, обехать которую справа и слева не представлялось возможным: в обе стороны света от торца дома и до горизонта тянулись расставленные с интервалом в полтора метра столбики с табличками запретительного «кирпича».

«Кордон,— пояснил привычно шофер,— граница соседних сельских районов, уже четверть века как объявивших друг другу экономическую блокаду. Так что будем автобус по частям переносить через внутренность дома, имеющего статус административного нейтралитета и подчиненного непосредственно Всемирному торговому союзу».

Отобрав из числа озадаченных пассажиров пяток крепких мужиков, водила раздал им гаечные ключи, отвертки, молотки, начал показывать: что отвинчивать и передавать для переноски через внутренность дома: колеса, листы обшивки салона, кресла, узлы дизельного мотора и так далее вплоть до неразборной крестовины, которую поручил нести все тем же крепким мужикам. Женщины брали всякую мелочь по своим силам.

Потянулась нагруженная железом вереница от бывшего автобуса, теперь пирамиды металломолома, к двери ближнего подъезда. С мужскими матерками и болезненными женскими ойканьями разносортное железо доставлялось на чердак, выносилось с чердака через самый дальний подъезд и складывалось у торца дома, от которого шло прерванное административно нейтральной пятиэтажкой продолжение асфальтового шоссе. Также перебравшиеся через чердак на территорию другого сельского района шофер

со своим сменщиком, опять-таки с помощью разохочившихся крепких мужиков заново собирали автобус. Столпившиеся вокруг усталые, но довольные пассажиры хвалили достоинства и преимущества отечественного автопрома, смело взявшего курс на отверточные технологии...

Пошабашив, пассажиры присели на дорожку на травке обочины дороги, женщины прихорашивались после пыльного чердака, где приторно и сладковато пахло от мумифицировавшихся мертвых голубей, а мужики достали дорожные припасы, хорошо выпили, закурили и завели оживленные разговоры с водилой и его сменщиком на специальные темы, в частности, о преимуществах в российской глубинке дизельных машин над бензиновыми. Здесь к отдыхающим подошел чиновник от административно нейтрального дома в голубой форме миротворца ООН и собрал с них налог за проход: по сто двадцать битковенов в виртуальной валюте. Однако не отказывался и от рублей, долларов, монгольских тугриков и так далее — по официальному курсу. Не отказался демократичный миротворец, как выяснилось, бывший колхозный пастух, и от стакана фирменной нижегородской водки «Козьма Минич». Впрочем, он скоренько раскланялся: «Спасибо, господа-товарищи, мне на другую сторону — там карьерный самосвал с рудой подъехал; надо местный народ на чердачный перенос организовать. До темноты придется горбатиться, едрен ее фень!»

Все же интеллигентного вида пассажир поинтересовался у пастуха-миротворца о цели сбора налога за переход. Тот по неизжитой привычке первой профессии выразился преамбульно десятиэтажным, но ответил конкретно: «На реализацию программы поддержки среднего класса». С тем и пошел в сторону подъезда. На смену ему явились два местных деревенских жителя, торговавшие вразнос ядреным све-

кольным самогоном, еще горячей вареной картошкой — по виду и вкусу явно генномодифицированной — и крутыми яйцами от домашних несушек. Затарившись всем этим, пассажиры расселись в салоне компаниями по интересу. Автобус тронулся, сотрясая всю примолкнувшую округу веселыми разбойничими песнями.

◆ Раскрыв же глаза, в которые фотовспышкой влилось игристое раннеутреннее солнышко, тем не менее уже подскочившее на уровень ее второго этажа, Лиза рассмеялась: вот тебе и дипломированный психолог, опять же кандидат этих самых психнаук с диссертацией о толковании сновидений по Фрейду с доминантой дневной вербальной информации, получаемой от средств массмедиа с их целевой установкой! Совсем забыла, что вчера, взявшись с готовкой ужина, что называется «для фона» включила маленький кухонный телевизор, стоящий на холодильнике, на вторую программу, чтобы между делом послушать по «врезке» местного телевещания тулуповские новости. Однако, то ли программная сетка поменялась, а скорее всего поленилась посмотреть на часы, а долгие июльские дни разбалансировали физиологический механизм естественной ориентации во времени суток... словом, вместо фоторепортажа о вчерашнем автопроисшествии прямо под окнами Лизиной квартиры вещала столица. И шла передача из серии тех, что она на дух, в смысле на слух, и на вид не переносила: в съемочной студии стояли друг напротив друга, словно в старину деревенские кулачные бойцы на веселом завершении храмового праздника, две шеренги записных политологов-говорунов, кормящихся от ТВ, с непременным участием думцев от малоимущих фракций. Как на одесском базаре, они в полный голос гомонили все одновременно. Опять же, как обычно, муссировался вечно, уже четверть века, насущный вопрос: о наметившейся

радостной тенденции снижения динамики падения уровня отечественной экономики...

Но Лиза уже начала готовить фаршированные рисом и мясным фаршем перцы, поэтому воспитанная в ней еще прадедом Егором Фомичем чистоплотность и армейская дисциплинированная аккуратность не позволили ей перепачканными липким фаршем руками переключить на пульте программу, а лучше и вовсе выключить рассадник дезинформации. Понятно, на экран она не глядела, не прислушивалась, но по своей психологической профессии обреченно знала: все эти визги, шаляпинские басовые обличия, радостные теноровые всхлипы, влетев помимо ее желания в уши, осядут в кладовках памяти подсознания, чтобы по случайному перебору в нейронно-синапсной паутине мозга всплыть в каком-либо неспокойном сне. Например, когда на Солнце произойдут турбулентные всплески плазмы, породив в атмосфере Земли завихрения магнитных бурь.

Так вот и сегодняшней ночью случилось, отобразив в любопытном сне рассуждения говорунов с телевизора про тенденции в экономике, каковой, кстати говоря, в стране давно уже нет. Есть внешняя и внутренняя торговля по древнему как мир бартерному образцу: мы вам нефть, вы нам — некондишенширпотреб. Внутренняя торговля суть чистейшей воды спекуляция «купи — продай». Автомобильная же «окраска» суматошного сна — здесь и думать нечего — от вчерашней утренней автомобильной свалки, что восхитила весь город. Восхитила, поскольку обошлось не то что без жертв, но и без видимых царапин у единственного персонажа представления. Ежедневные городские газеты вышли с горделивой «шапкой»: «Наши автолихачи побили баки московским!» Здесь следует знать, что издавна Тулуповск и Белокаменная пыхтят и тужатся доказать, что их город основан на целых два года раньше супротивно-

го. А под «шапкой» впечатляющий вид, что Лиза и другие обитатели их дома воочию наблюдали вчерашим ранним утром. Но здесь присутствовал и другой момент: именно на вчерашний день тулуповские радио, телевидение и пресса с помпой объявили о проведении десятого, юбилейного, соревнования по *автослалому* в пригороде близ металлургического завода. Вот так и получилось, что по случайному совпадению, которые, вообще говоря, подчиняются сугубо выверенным законам математической статистики, *автослалом* начался на четыре часа раньше утвержденного городской администрацией образцово-показательным прыжком автомобиля с сооружением фигуры пирамиды с *автосломом*.

...За несколько минут до ее обычного летом шестичасового пробуждения в тишине робко уходящей ночи и яростного наступления светоносного дня Лизу накрыл из открытой на прохладную, по сравнению с дневной температурой, конечно, ночь створки застекленного полубалкона-полулоджии такой дробящийся грохот с доминированием металлических обертонов, что первой ее мыслью вслед мигом отлетевшему сну было чисто женское, биологическое сочетание страха перед случившимся обвалом дома и радостью, что ее семилетняя Наташа за городом в многочисленной компании перепутанных для ее детского восприятия дедов и бабок, а также всякой родственной малышни. «Будет кому по жизни позаботиться о ней...» — совсем была раскисла в хреноватой патетике Лиза, вроде как и не чувствуя онемевших рук-ног, но к реальной жизни ее вернул во вновь наступившей опасливой тишине громкий, изящно-интеллигентный мат Светланы Анатольевны с четвертого этажа, где бывшая великосветская *VIP*-дама, а ныне матерая в свои без небольшого пятьдесят лет, но все столь же породисто красивая, львица имела обычай в это раннее время выпивать первую чашку кофе с сигаретой.

Летом она устраивалась с этими полезными для оптимизма предметами перед такой же раскрытой створкой полубалкона-полулоджии.

◆...Кстати, именно этой львице, сохранившей с первой еще молодости до нынешней второй роскошные и натуральные волосы чистого льняного оттенка, весь их девятиэтажный, двухподъездный и почти элитный дом «с башенками» был обязан обычной летне-утренней тишиной. Здесь опять помог ее изощренный интеллигентский мат и роскошный вид.

Как кричали по радио и телевидению в девяностые годы демократы всех мастей, но все с вирусом либерализма головного мозга, советская страна, а равно предшествующая ей Российская империя, являли собой классический пример сугубо колониальной страны, нещадно эксплуатирующей окраины «великой империи». Как помнила Лиза со школьных лет, один из признаков статуса колониальной державы — это обилие представителей народонаселения эксплуатируемых колоний в стране-метрополии, куда они массово стекаются в поисках хлеба насущного, за который круглосуточно горбатятся, занимаясь самым черномазным делом. А коренное население метрополии сидит на престижных местах и прогуливается с тросточками и об руку с дамами в фижмах по тротуарам, рассеянно глядя на чумазых колониальных рабов как солдат на вошь...

Лиза в самом младшем возрасте только и застала советскую колониальную власть, но никаких рабов на улицах города не видела. А ее родители и вся большая семья по возрастной восходящей до прадеда Егора Фомича со смехом слушали и комментировали эти радиотелевизионные рассуждения о рабах на окраине Советского Союза. Но вот уже в сознательном возрасте старшеклассницы, пришедшемся на окончание лихих девяностых и начало стабилизирующих новую жизнь страны двухтысячных, когда

сверху было объявлено о полнейшей демократии и ликвидации колониальных советских пережитков, тем более, что все окраинные ханства, эмираты, султанаты, незалежности и самостийности превратились в суверенные государства со своими флагами, гербами и неконвертируемой валютой, жители бывшей колониальной метрополии со смешанным чувством восторга и опасения увидели орды с бывших окраин, нахлынувшие в одночасье на самую черновую работу. Впору было коренным метропольцам взять эти самые тросточки в зубы и обок под руку с дамами в фижмах целыми днями прогуливаться между своими загородными коттеджами и ресторанами люксового класса. Действительно, наше время — эпоха кривозеркалья. Если в колониальном СССР чумазых рабов в метрополии даже в страшном сне не наблюдалось, то в предельно демократизованной стране-правопреемнице всю черновую, малоквалифицированную работу, включая базарную торговлю, стали делать гастарбайтеры, как их толерантно приучили народ называть наши СМИ, заодно приглушив голоса насчет колониальных империй в России дореволюционной и послереволюционной до горбатого Иудушки включительно. Сам же этот процесс нарекли гарантированной демократией свободой выбора места проживания и рода занятий. Со ссылкой на весь остальной цивилизованный мир.

Впрочем, жителей бывшей метрополии все это устраивало. Ко всему исторически привыкшие, русские люди жили себе нищенски, но зато не напрягались тяжелой работой. И пришельцы с бывших окраин заняли пустующие ниши. Таджики и молдоване застроили всю страну супермаркетами, где отмывался черный нал из столицы. Более квалифицированные братья-хоклы и сябры-белорусы добывали нефть и газ в Сибири. И так далее. Даже цыганки напрочь исчезли с улиц городов, уже более не раздражали

народ своими приставаниями «дай, да-арагой, погадаю тебе». — Занялись серьезным делом, окормляя население наркотой вразнос.

И все бы хорошо и благопристойно, если бы не гастарбайтеры-дворники, напрочь вытеснившие из дворов наших привычных, трудолюбивых «баб-Маней» и несколько запьяняцеватых, но уверенно работающих лопатой и метлой «дядь-Ваней». Эту нишу полностью захватили посланцы солнечной Ферганской долины и окрестных ей мест. ... Еще учась в старших классах и готовясь к школьной олимпиаде по любимому ею предмету истории, Лиза отыскала на стеллажах новой прадедовой «кабинетной» комнаты, в которой после смерти восьмидесятидвухлетнего Егора Фомича ничего не переустраивали, раритетное издание — учебник географии Российской империи почти полуторастолетней давности. Учебник начинался суровыми словами: «Российская империя есть государство по преимуществу военное...»

Лиза с восторгом исторического неофита в два дня прочитала книгу, а на олимпиаде заняла первое место, поразив педагогическое жюри неведомыми им подробностями в части образа жизни, нравов и обычаяев окраинного населения империи в середине девятнадцатого века. Единственное замечание сделала представительница местного педуниверситета, доцента с исторической кафедры: «Все прекрасно и информативно. Чувствуется, что ученица хорошо проработала материал доклада, использовав не только интернет, но и достаточно редкие литературные источники. Вот только на будущее: даже передавая материалы давно минувших времен, следует представлять их, как бы это сказать... в более политкорректной, толерантной форме. Тем более, что речь идет уже о самостоятельном государстве, с которым наша страна поддерживает в рамках СНГ дружеские отношения».

Уже после проведения олимпиады их историчка попридержала Лизу после урока и пояснила, что-де не следовало ей в докладе, рассказывая о сартах, как именовали в старые годы население Ферганской долины и окрестных географических мест, акцентировать внимание на склонности этих людей к торговым делам и вообще к непыльным занятиям в жизни. Ссылки ученицы на староизданный географический учебник для гимназий училка во внимание не приняла.

♦ Захватив же в Тулуповске в свои руки все дворницкое хозяйство, улыбчивые потомки ферганских сартов, то бишь нынешние узбеки, скоренько установили свой режим трудовой деятельности, а именно: появлялись они в городе с поздневесенними поездами шайтан-арбы, когда снег сам по себе уже растаял, а убывали на историческую родину еще до первых осенних листопадов. В летнем промежутке между привозящей и отвозящей их шайтан-арбами гастролирующие дворники и сопровождающие их жены час-другой ранним утром неторопко подметали и без того чистые дворовые тротуары, точнее, мели жены, а главы гастарбайтерских семейств где-то по мелочи подрабатывали — преимущественно на городских рынках.

Но вот задували октябрьские ветры, устилая тротуары желтой листвой, которую окатывали холодные дожди, накрепко приклеивая ее к щербатому асфальту. А там и зима с чередованием обильных снегопадов и оттепелей. Поскольку с этого революционного месяца и до позднеапрельского таяния никто и ничего в городе не убирал, то народ, проклиная всех и всея, особенно местные власти, с превеликим трудом пробирался по узеньким протоптанным ими же самими тропками, от которых поднимались в обе стороны брустверы из залежалого грязного снега, как в геологическом срезе прослоенного оттепельным льдом. На все возмущения административные власти отвечали в

том смысле, что никто не желает трудиться дворниками. Но кто пойдет в них, если, прогорбатившись с ломами и лопатами-шахтерками всю зиму, их по весне поувольняют, как только домчит первая среднеазиатская шайтан-арба? Сострадательный русский народ, который и каторжника-душегуба пожалеет, понимал, что сами власти в административный перехлест попали: с одной стороны, от дворников-азиатов толку никакого нет при их сезонных наездах, главное — сам факт их появления разрушил традиционную систему комплектования местных дворников; с другой же — высокая госполитика довлеет, ибо на самых верхах согласовываются квоты гастарбайтеров, которых местные власти волей-неволей должны обеспечивать занятостью. Потому всякий отказ принимать «квотированных» дворников пресекается сверху, как попытка разрушить дружественные отношения с нынешними суверенными эмирятами и ханствами. И без того у России союзников почти не осталось...

Русский человек ко всему привыкает. Попривык и к нечищенным, заваленным льдом и слежалым снегом дворам и тротуарам. Вот и лето, все окрест распаяло, а на майский субботник, взятый властями на вооружение от прежнего режима, добросовестные граждане и образцово-показательно в полном составе вышедшая на праздник труда администрация всех уровней в едином примиряющем порыве выметают мусор с тротуаров, скверов и дворовых палисадников. Так что только-только прибывшие с исторической родины улыбчивые гастарбайтеры в полном восторге: хоть дедовскую юрту, как на высокогорном джайляу, ставь прямо на земле или асфальте!

Но этим летом азиатские дворники вывели из себя даже самых долготерпимых жильцов дома. Равно как и других домов города, а может быть и всех городских домов страны. В Китае построили завод по массовому изготовлению ручных травокосилок с

бензиновыми моторчиками. Понятно дело, что клепали их в масштабе 1:1 (как пишут инженеры на своих чертежах) с образца добротного немецкого производства. Внешне китайские клоны мало чем отличались от германского прародителя, даже работали без сбоев и поломок, но только трещали и завывали ровно наш отечественный гусенечный трактор, на полном газу натужено взбирающийся на крученую горку... явно тракторист торопится до закрытия сельмага затариваться «очищенной» к скромному ужину в кругу семьи.

Словом, за приличный откат эшелон этих приборов закупило главное в стране ведомство по коммунальному хозяйству (для личных хозяйств народ покупал тихозвучные немецкие оригиналы) и все по тому же Транссибу пригнало в Европейскую Россию. Здесь травокосилки большими партиями вчинили огорченным коммунхозовцам областных и крупных районных городов. И Тулуповск не миновала солидная партия сомнительных по массовой полезности механизмов, тотчас получивших устойчивое прозвище «трещалки». Все дело в том, что в промышленном Тулуповске даже после сокрушительной деиндустриализации девяностых и последующих годов, тем более с двумя дымными металлургическими заводами, дожди шли сугубо кислотные. Как строго научно доказал видный профессор экологии из местного университета в своей докторской диссертации, тот странный факт, что в городе хорошо растут деревья, особенно тополя и конские каштаны, но трава произрастает редкая и хилая, имеет простое биологическое объяснение: земля совершенно отравлена этими кислотными дождями, что глушит нормальный всход и рост травы, а вот деревья и кустарники «перешли» от корневого питания из земли на так называемое внекорневое, то есть влагу и полезные для них азотные, калийные и фосфорные удобрения из-

влекают своими кронами из кислотных дождевых потоков...

Профессора тотчас пригласили на годичную стажировку и обмен опытом (за сорок тысяч долларов годового оклада) в американский университет промышленного штата, а тулуповские горкомхозовцы совсем погрустнели: ведь половина тяжелогрузного фургона трещалок повисла на городском балансе. Но не зря великий наш сатирик Михаил Евграфович Салтыков — Щедрин во время оно в генеральском чине действительного статского советника заведовал тулуповской казенной палатой! И горкомхозовцы, как в том «городе Глупове», порешили: распределить трещалки по ЖЭК'ам, или как их там сейчас имеют, а последним снабдить скучающих летом без дворнищих докук гастарбайтеров. На резонные замечания знающих реальную жизнь жэковцев о хилости и низкорослости травы на вверенных им территориях, вспомнив что-то слышанное ими на уроках школьной ботаники от много чего знающих советских учителей, ответственные коммунхозовцы в пиджаках и галстуках невнятно отвечали о пользе для роста и густоты трав регулярного их окашивания.

◆ Как бы некстати и не к месту вспоминали тулуповские коммунальщики уроки школьной ботаники, но дворники-гастарбайтеры пришли в полный и неописуемый восторг от китайских бензомоторных цацек. Как потомки средневековых сартов, проводивших все светлое время суток в монотонном сидении в торговых лавках, а в самое жаркое полуденное пекло в чайханах с пиалами зеленого чая, то есть как истинные сыны (вне городов с их торговлей) горных арыков и барханистых пустынь, выходцы из бывшей советской Средней Азии очень любят работу однобразную. То есть в их генах — рассуждающая Лиза, как психолог по профессии, даже в мыслях своих строго себя же поправила: не генетически, но гено-

фенотипически! — в сложной человеческой филогенетике сохранился многопоколенный жизненный опыт: монотонная работа, вообще однообразный образ жизнедеятельности, отвлекает от несусветной жары на границе гор и пустынь. Мозг при этом напрочь отключается, сводя мышление к узкому зацикленному кругу подстать простейшим, бесконечно повторяющимся движением рук и ног.

...И хотя климат Тулуповска далек от температурных крайностей среднеазиатских долин на стыке гор и пустынь, но гены (и фенотипика, опять поправила свои мысли Лиза) гастарбайтеров нашли в травокосилках от Чуньзиньского велосипедного завода почти что свое второе «Я», как принято выражаться уже от науки социальной психологии... Проще выражаясь, монотонное выкашивание на придомовых территориях и без того редкой и чахлой тулуповской травы настолько увлекло азиатских дворников, что те совсем забросили свои рыночные подработки и с чувством отдались со стахановскими темпами полюбившемуся занятию. А поскольку жэковское начальство с подачи утвержденной горкомхозом сметы начисляло своим дворникам оплату, исходя из фактически выкашиваемой площади в квадратных метрах, то смекалистые арабайтеры, умело сочетая приятное с полезным, вышли со встречным предложением: выкашивать закрепленные за ними площади еженедельно. Озабоченное своими сварливыми — с жильцами — делами жэковское руководство рассеянно согласилось, не вникнув в суть стахановского порыва. Попросту дало отмашку: делайте, мол, что хотите, только не толпитесь в жилконторе!

Жильцы «Дома на горе», как его привычно с дня постройки именовали в этой части города за заметное возвышение фигуристой девятиэтажки над соседними кварталами стандартных «хрущевок» советской строительной эпохи — деваться некуда при ны-

нешней бюрократии — смирились с тем, что их дворник Кизим начисто выкосил всю траву вокруг здания и во дворе и теперь все скреб и скреб почти что голую землю. Тем более, что делал он это в середине будних дней, когда жильцы занимались своими делами вне стен дома, где оставались только дети и пожилые. Но последние уже потеряли остроту слуха, а доносившийся через форточки вой Кизимовой травокосилки глушили включенными на полную громкость телевизорами: смотрели бесконечные передачи на медицинские темы. Дети и вовсе сидели перед «компами», зашорив внешние звуки наушниками...

Но когда нервическая, даже истерическая, переменчивая погода лета года столетия Великого Октября к середине июля месяца сменилась, впрочем, как потом оказалось, ненадолго, тридцатиградусной жарой, Кизим генофенотипически, как бы опять сказала Лиза, вспомнил: на исторической родине в жару все полезные и бесполезные дела свершают тотчас по восходу солнца, а оставшееся до прохладного вечера многие часы проводят в чайханах за пиалами зеленого чая. И начал Кизим окапывать почти голую землю, что, лишившись травы, начала покрываться могильным мхом в два приема: в шесть утра, когда, исключая молодые энергичные пары, что, подчиняясь естественным биологическим часам, уже занялись любовными играми, весь народ в доме блаженно почивал, и в восемь-девять вечера, когда трудящийся (и не очень...) люд расслабленно — кроме молодых пар — отдыхает. Поскольку чайханы в Тулуповске отсутствовали, а единственная халяльная^{*} кофейня находилась в историческом центре города, далеко от Дома на горе и пользовалась сомнительной репутацией, по какой причине туда часто заглядывали полицейские

* То есть с подачей халяльной, разрешенной Кораном пищи; это как кошерная (кошурат) еда у правоверных иудеев...

чины от миграционной службы и наркоконтроля, то долгое дневное время мусульманской сиесты Кизим опять начал проводить в базарных местах.

◆ На раннеутренний и вечернийвой сенокосилки жильцы дома бурно поначалу протестовали, а главы молодых пар грозились набить баки иностранному дворнику. Так бы оно и случилось в других странах и частях света, но здесь в права вступил исконный русский менталитет: во-первых, человек-то трудится, а работающих на Руси всегда уважали, отсюда и пословица: работа дураков любит; во-вторых и в главных, дворник — лицо почти что государственное; вот в царской России только по отношению дворника квартальный надзиратель давал разрешение на получение загранпаспорта жильцу дома, даже если этот жилец потомственный дворянин, рюрикович по боковой линии, или купец высокой гильдии... Ну разве можно руку поднять на такое почти гослицо? Да еще по телевидению без конца и без начала талдычат наставительно и с угрозами о привлечении про всякие толерантности, политкорректности, общечеловеческие ценности, расовую и национальную, религиозную тож, веротерпимость. Словом, народ и с таким явным покушением на личную жизнь, каквой и тракторный грохот Кизимовой травокосилки, почти что смирился. Пенсионеры врубали с раннего утра свои телевизоры на самую полную громкость, а энергичные молодые пары, наглухо затворив окна, обливались потом в душных и раскаленных квартирах в своих неустанных любовных играх.

Но нашла коса на камень, хотя и говорит народная мудрость, что нет приема против лома. Всего неделю с небольшим стахановец Кизим врубал свой механизм в шесть утра, порой даже опережая начало исполнения гимна по радио — именно эти семь-восьмь дней негласная честь, совесть и главный авторитет дома Светланы Анатольевны Холодова нежи-

лась на кипрском пляже, обдуваемая волнующими и освежающими ветерками, почти что дыханием Средиземного моря. В Дом на горке она вернулась ближе к полуночи, поскольку и сам самолет по расписанию приземлился во внуковском аэропорту в половине восьмого часа вечера... словом, вошла она в свою квартиру, когда Кизим уже почивал в дворницкой коморке.

Вошла же Светлана Анатольевна в свое четырехкомнатное, как и у Лизы, с которой они несколько лет как сдружились, несмотря на разницу в возрасте и опыте жизни, «гнездышко» — по торцу дома с выступающим треугольником фонарем и с окнами по обе стороны, на улицу и во двор — не одна, но сама-двоев с теперешним ее другом. Впрочем, в отличии от прежних, давних отношений с мужчинами, теперь все было на паритетных началах: по любви взрослой, без баловства, и для — отменного у нее — здоровья. Ее визави не только щеголял в служебное время погонами полковника по части налоговой службы, но и был на некоторое число лет моложе сорокавосьмилетней подруги. Но эту разницу в возрасте Светлана Анатольевна с лихвой затмевала своей мощной, львиной, неувядающей красотой. Она и не скрывала таких мелочей; даже в разговорах с не очень дружелюбными к ней женщинами-сослуживицами безо всякой осторожности, как бы мимоходом, само собою разумеющимся, говорила: «Я дружусь с мужиками только в разумной мере моложе меня! Дело не в паспортных данных, но на сколько ты выглядишь...»

С моложавым и просто молодым полковником они и летали на Кипр. Для жены налоговика — он находился... впрочем, Светлану Анатольевну это никако не интересовало. Но на то он и полковник щекотливого по характеру деятельности ведомства, чтобы самому во всем разобраться. «Наше дело — красиво ноги раздвигать,— с очаровательным женским

бесстыдством затрагивала она в дружеских посиделках с Лизой подобные темы,— а все остальное мужик должен уметь обустроить... если, конечно, кроме главного достоинства у него и в голове непусто. А-а,— взмахивала она рукой,— можно и главным ограничиться!»

И страшно до содрогания душевного даже представить себе гнев Светланы Анатольевны, когда ровно в шесть утра следующего по возвращению домой дня, в самый сладостный миг первого в наступившем дне соития со страстным до невероятия, взведенным до пружинного состояния полковником-атлетом, когда она, распаленная до полуубмороочного состояния, неровно задышала, готовая вот-вот сорваться от неzemного удовольствия в клокочущем львином рыкестенании... вот здесь-то в растворенное на балконелоджии (все с приставкой «полу») окно ворвался отвратительным диссонансом тишайшему летнему утру и вершине зреющей страсти тракторный грохот со свистящим подыванием, исходящий от Кизимовой травокосилки. Даже боевой — а он не только в кабинете штаны просиживал, потому и три большие звезды на погонах имел в неполные сорок лет — полковник на какие-то секунды испугался.— Не железный грохот, конечно, его взволновал... но хорошо по жизни бывалого левака знаемые реакции организма очень темпераментных женщин на внезапный и резкий раздражитель.

♦ Но слишком опытна и умна была подруга полковника. Отложив гнев на минуту-другую, она успокоила партнера ласковыми касаниями закинутых за его спину рук и вся вжалась загорелым, жарким теплом своим в груду мужских, едва не лопающихся от напряжения мышц. И сладострастно зарычала, застонала, заглушая в пределах спальни рев китайского инструмента.

Не успел в изнеможении отвалившийся на спину

полковник удивиться вслух вою и грохоту за окном, как Светлана (для него уже давно без отчества) вспорхнула с постели оливково загорелой нимфой и как была неглиже и с художественно растрепанными белокурьими прядями, пролетев — так наяву показалось налоговому полковнику — пространство спальни, облокотясь торсом на высоком подоконнике раскрытой на ночь створки балконного окна так, что ее классической формы «аэродром» в разумную меру полноватые груди устроились все на том же подоконнике, увидела Кизима с трещащей травокосилкой на облысевшем внешнем газоне, что отделял дом от дороги, мигом все поняла и... Здесь даже видавший виды в своей малоэстетической служебной деятельности полковник восхитился.

Светская львица, получившая на самом исходе советской власти филологическое образование в престижном Ленинградском университете, она, нимало не заботясь о видимом Кизимом ее неглиже почти что от сосков грудей и выше до белокурой взлохмаченности, излила на трудолюбивого сына горных арыков такой изящный интеллигентский мат, перемежаемый с абсолютно неполиткорректными, нетолерантными и ксенофобскими инвективами, самым невинным из которых было «поезжай в свой Чуркистан», что Кизим, тайно влюбленный в первую красавицу дома и полагавший Светлану Анатольевну неформальной его хозяйкой, на все время темпераментного монолога застыл истуканом и, подобно историческому шейху Абу-ль-Хасану Харакани*, в мыслях своих повторял: «О, боже, уведоми землю о любви моей!» Вся его жизнь в эти минуты гнева небожительницы с четвертого этажа пронеслась перед ним, и дал он сам себе страшную для личного

* Нур аль-улум.— Иран, 1929, Т. 3, С. 212 (на персидск. яз.).

бюджета клятву, что больше никогда не включит ставший для него ненавистным, как шиитская сура «Два светила» для правоверного суннита^{*}, бензиновый тарахтящий прибор. И завершил эту клятву атеист Кизим, выпускник Самаркандинского пединститута, кораническим же обращением: «Во имя Аллаха, милостивого, милосердного». В чем он и заверил белокурую хозяйку дома, вежливо дождавшись окончания ее гневного обличения.

Действительно, отныне жильцы Дома на горе были избавлены от многодецибельного звукового террора. Кизим же регулярно докладывал своей жэковской начальнице, что трава на вверенном ему участке остановилась в росте. Как человек с высшим, хотя и среднеазиатским, образованием, он объяснил такое странное поведение растительности изменением международного климата. Начальница попросила гастарбайтера не умничать, но в душе с ним согласилась: бензин для травокосилок тоже не копейки, как в советское время, стоит... Светлана же Анатольевна с истинно женской добротой и отходчивостью на другой день, встретив провинившегося дворника у подъезда, презентовала исправившемуся сувенир с Кипра: настоящую, то есть не китайскую, бензиновую зажигалку с выштампованными на корпусе наядами и дриадами. Ведь помнила, что Кизим курящий!

...Проводив пополудни бравого полковника к за�давшейся его семье, Светлана Анатольевна попросту, по-соседски зашла к младшей подруге тож с кипрскими сувенирами по части женской бижутерии и косметики, а к неторопливой беседе в июльской сиесте прихватила бутылочку восхитительного муската островной лозы и коробочку с пахлавой — с того же острова, но турецкой его части.

* Сура 115-я «Два светила» завершает шиитский Коран и не признается суннитами, для которых священная книга завершается 114-й сурой Меккской «Люди».

Со смехом вспомнив свой аполиткорректный разнос «нашему простодушному азиату Кизиму», Светлана (и для Лизы она давно была без отчества...) между двумя откровенными женскими тостами — «чтобы мы никогда не пустовали» и «пусть у них на нас по линейке стоит» — объяснила причину, по которой среднеазиаты, исключая действительно нищих таджиков, стремятся на трудовые гастроли в наши места. Будучи любознательной и доверяя исключительно первоисточнику, она в свое время все дотошно выведала у Кизима, у которого от очаровательной «хозяйки» никаких тайн за душой не имелось. Получалось так, что в новоявленных ханствах и султанатах, давно уже вовлеченных в сферы интересов Китая и Турции, работы на всех хватает и жить можно, не бедствуя особенно. Но вот если хочешь по минимуму подражать тамошним баям от торговли, промышленности или чиновничества, то есть построить двухэтажный дом для большой семьи и прикупить автомобиль узбекской отверточной сборки, детей опять же образованием обеспечить, то выход один: ехать на север во владения белого царя, как в Средней Азии после ее покорения войсками генерала от инfanterии Михаила Дмитриевича Скобелева именовали Россию... хотя бы и сами в ее состав входили.

И еще более существенный момент. В отличии от уважающих традиции предков русских, молча, но упорно сопротивляющихся переводу всех денежных расчетов на виртуальную «карточную» систему, полагая это сущим баловством, в бывшей советской Средней Азии китайцы и турки быстренько перевели весь оборот дензнаков в безналичные *транзакции*, заодно прилично заработав в бартерной форме, спихнув устаревшее оборудование для банков и торговых сетей. Как обиженно рассказывал Кизим очаровательной «хозяйке», за услуги обслуживания банки

снимали едва не половину зарплатных сумм. То есть наличка даже в неконвертируемой местной валюте вовсе исчезла из обихода. А для достройки вторых этажей домов и покупки подержанных авто требовалась только «общечеловеческая ценность» — доллары или евро, на худой конец юани и рубли. Вот и потянулся не по своей охоте среднеазиатский народ на неуютный русский север. Это от ласковых-то жен, пышущих жаром лавашей и плова с бараниной! И вообще от завещанного предками покоя и тепла родных мест...

После незлобивой традиционной третьей «за наших трудолюбивых в постели мужиков и их славных верных жен» подруги заговорились допоздна о своем, девичьем. Благо еще не завершившееся отпускное время позволяет не торопиться. И полковник душой отдыхал в теплом семейном кругу. Про саму Лизу у них шел отдельный разговор.

◆...Сорванная с постели за несколько минут до ее обычного летом шестичасового пробуждения страшным грохотом с уличной стороны дома, куда выходила спальня с растворенной на теплую ночь створкой балконного окна и услышавшая в столь же внезапно наступившей, словно в оцепенении, тишине изящно-интеллигентный мат Светланы Анатольевны с балкона этого же их ряда, только двумя этажами выше, Лиза, не хуже чем ее старшая подруга из постели с полковником в ранее ими со смехом обсужденном эпизоде,— хотя и спала сама-одна, но по жаре голая под простынью — нагишом выскочила на брустверный, почти по самую шею закрывавший ее от нескромных уличных взглядов балкон-лоджию, скосила глаза влево и увидела великолепную картину. Впрочем, поначалу даже не авария пришла ей на ум, но принятый сейчас у молодых бесшабашников за рулем трюк: у левого фасадного угла дома, где оставляли на ночь свои авто посетители размещенно-

го в полуподвале с того же левого торца ресторана «Заводной апельсин», пожелавшие до утра остаться со своими спутницами (само заведение дам для услуг не держало...) в «нумерах» на первом этаже — купленными рестораном квартирах, громоздилась залихватская пирамида. Поверх двух «гостевых» машин, одна из которых перевернута на бок, еще с вращающимися от удара колесами, уютненько так, словно на витринной горке в автосалоне, расположилась без всяких заметных поломок и вмятин третья — «налетчика» марки «*Lexus RX-350*». Как и у Лизы, но только не ее мышастого цвета маренго, а бесстыдно ярко-красная. «Дураки любят красное», — тотчас мелькнула в голове одна из множества пословиц и присказок — от прадеда Егора Фомича.

...Как затем Кизим, третье лето приезжающий зарабатывать на машину узбекской отверточной сборки, пояснил вышедшем на грохот жильцам своего и соседних домов-пятиэтажек, водила с нетрезвой наружностью, явно с ночной гулянки, мчался со скоростью за сто с лишком верст по совершенно пустынной в этот час дороге и плевать он хотел на «лежащего полицая» напротив *нашего* дома — стоящего на уличном перекрестке. От взлета машины на «полицае» неверные руки вывернули руль влево. Авто вместе с водилой разбились бы в хлам об угол дома на такой скорости, если бы бог, что младенцам и пьяницам ладошки подставляет (это уже от Лизы), не предусмотрел через своих доверенных лиц на земле, в данном случае планировщиков придомовой территории, скромную клумбочку, окаймленную по кругу низеньким бордюром из бросовых камней — строительного мусора. Но и такого трамплина было достаточно, чтобы лихой «лексус» взлетел и, перевернув ближнюю машину, угнездился поверх двух «гостевых» авто нехилых марок...

С этого момента выбежавшая на балкон Лиза и

сама могла комментировать произошедшее. Все в той же наступившей, звенящей в лучах взошедшего солнца тишине раздался скрип и хлопок дверцы целехонького летающего автомобиля. Лихач, молодой парень в джинсах и зеленой майке с отштампованным тройным счастливым числом 777, на глазах зрителей трезвеющий, гимнастически соскользнул с автопирамиды, ошарашено повертел головой и кинулся наутек, огибая дом с «апельсинного» торца. Лиза с пробудившимся древним инстинктом гонщика за дичью перебежала через спальню и коридор в кухню с окнами, выходящими уже на двор: все же четырехкомнатная квартира имеет удобства на все случаи жизни... Действительно, виновник утреннего торжества, обогнув дом с ресторанныго торца, запетлял по сложно устроенному двору, придерживаясь курса на котельную квартала и университетский учебный стадион. Только скрылась от глаз зеленая майка, как со стороны того же торца выбежали двое разгневанных «гостей», что явно угадывалось по застегиваемым на ходу рубаках; окна гостевой квартиры с нумерами также выходили на автостолпотворение. «Где эта сволочь?!» — Самые цензурные слова из произносимых ими, слышимые всем домом. Появившийся вслед им Кизим со знанием всех дворовых закоулок и маршрутов отступления указывал возможные пути преследования.

Незлобиво посмеявшись над чужой бедой, Лиза все же отыскала глазами свою машину на дворовой стоянке, убедившись в ее порядке. Да-а, подумала в упрек себе, частная собственность портит характер человека.

♦ Помятуя, что лучшая приправа к еде есть умеренный голод, Лиза не стала портить утренний аппетит чашкой кофе и сигаретой, как то делала в настоящий момент времени Светлана Анатольевна на своем четвертом этаже, поэтому вышла с кухни и

вернулась в спальню. С запозданием накинув на себя халатик, в рассеянии подошла к давешней распахнутой створке балконного окна, но вовсе не лице-зреть на обрастающую народом, гаишниками и эмчэ-энниками, а затем и эвакуаторами автосвалку. Инстинкт гончей пропал, техника дела ей была неинтересна. Тем более — гомон толпы. По женской, неизбыивной и сейчас в этот железобетонный век, добродете даже чуток пожалела пострадавших: «Да-а, хорошо с девочками погуляли мужички; им сейчас не разъяснения гаишникам давать, а репетировать оправдательные перед женами речи!»

Облокотившись локтями на подоконник, а левой щекой на ладонь, Лиза рассеянно смотрела поверх крыш пятиэтажек на противоположной стороне улицы, механически лишь фиксируя пролетавшие в полуметре от ее лица столбики пепла, что стряхивала курившая двумя этажами выше Светлана. Спохватившись, поздоровалась с ней изустно, не видя лица. Обе хорошо знали по многолетней привычке соседства режим начала летнего дня друг друга.

— Доброе утро, *Лизавета!* Как же весело оно началось? Как говорится, и в киноходить не надо: все прямо на дому. Однако, у меня сегодня ранние дела, потом пощебечем. Адью, дорогая! Труба зовет...

Как то было всегда, от общения со Светланой, даже такого утреннего мимолетного, на душе стало покойно и нервически весело: как шампанского выпила. Но обычное к ней обращение Светланы тотчас подняло со дна памяти прадеда Егора Фомича, иначе как Лизаветой ее не именовавшей.

Скончался он тихо и безболезненно на восемьдесят третьем году своей бурной, как весь двадцатый век, жизни, когда Лиза училась в третьем классе. Но поскольку из всего многочисленного трехпоколенного потомства его именно она являлась непререкаемой любимицей прадеда, то до девятилетнего ее

возраста Егор Фомич, восполняя пробелы школьного образования лихих девяностых годов, многое чем напитал восприимчивую юную головку. Особенно по части ближней истории страны и участия рода Сиваленковых в ней. Еще он привил интерес к грамотной русской речи, а в особенности ко всяkim метким словцам, пословицам и поговоркам. «Наступает время полной неграмотности,— ненадоедливо поучал он Лизу,— что есть признак душевной ущербности и умственной тупости. И чтобы полностью не растворится в безликом этом мире главное спасение есть грамотная русская речь и письмо. А Иван Сергеевич Тургенев и вовсе полагал русский язык оставом надежности жизни». ...Конечно, Егор Фомич говорил ей другими, понятными для младшеклассницы словами. Это сейчас, вспоминая прадеда, Лиза «переводила» их на язык, несколько испорченный ученостью — по ее же собственному определению — взрослой Елизаветы Васильевны, то бишь кандидатши психологических наук... будь они не к ночи помянуты; то ли в шутку, а может и всерьез добавляла мысленно Лиза эту ученую степень, коль скоро ей приходилось рекомендоваться этим титулом.

...И сейчас, подпервшись ладошкой о щеку и локтком о деку подоконника, прямо тебе загоревавшая баба-молодка, Лиза, вспоминая доброго и любимого ею более всех из большой семьи прадедушку, все смотрела поверх крыш домов на противоположной стороне улицы, не обращая никакого внимания на сутолоку у растасковаемой автокраном аварийной пирамиды машин. Постепенно усилием воли, вспомнив простенький психологический тест, она и вовсе «отодвинула» от себя гомон на углу дома, сосредоточившись на картинке из далекого детства. Только очистившийся за ночь от привычной городской копоти теплый, еще не жаркий, воздух, пронизываемый лучами невысокого над горизонтом солнца, переходяще-

го от зоревой багровости к блестящей ослепительности, как бывает при сосредоточении воспоминания, зазвенел неназойливо в ушах. Утренние обращения к памяти — самое впечатлительное по достоверности воспроизведимой картины далекого прошлого.

Мнилось, стоит она с Егором Фомичем у окна, примерно на том же месте привязки к окружающему, что и сейчас, но только на втором этаже их прежнего семейного дома. Прадедушка, рассказывая о причинах появления столь обижавшего Лизу прозываща обитателей их Горки «китаевскими», о строительстве в послевоенные годы по соседству с ними резинового завода, о длинной линии двухэтажных бараков, заселявшихся, как рабсила, разным людом, в том числе и с подлинной Китаевки, показывал ей: «Вот-вот прямо смотри, хотя и мелковато, но и Китаевку различишь».

Тогда по другой стороне улицы между пятиэтажками постройки шестидесятых годов еще просматривалась далекая перспектива: местность от Горки полого и долго уходила на самую окраину города, по низине которой проходила невидимая отсюда железная дорога. А от дороги в сторону горизонта также полого и долго восходило зеленое полотно полей, расчерченных лесозащитными полосами. И еще по левому краю полотна взбегало вверх шоссе на Калугу, родные места Егора Фомича. Правее же чуток от шоссе, недалеко от не видимой Лизой железной дороги, действительно в сизой утренней дымке словно бы колыхались силуэты маленьких домишек, разбросанных в художественном беспорядке, что есть, как бы сейчас сказала Лиза, совершенный порядок эстетический. Это и была та самая Китаевка.

...И хотя сейчас взрослая Елизавета Васильевна уже не видела ни Китаевки, ни огромного зеленого полотна полей, прочерченных линиями лесопосадок, ни калужского шоссе, зато почти физически осязаемо

чувствовала присутствие рядом доброго, могучего обликом прадедушки Егора Фомича. И вроде явственно вдыхала сладостный запах трубочного табака «Золотое руно»: где этот памятный дымок — там и Егор Фомич. Даже в воспоминаниях.

◆ Как рассказывал прадед, или старший дед по-домашнему, Лизе, самое обидное событие для него в жизни — это ранение в ногу в последний день активных боев с самураями, где его Краснознаменный гвардейский танковый полк, в смысле — Краснознаменной была дивизия, наступал на чанчуньском — шэньянском направлении. Обидно не само ранение шальной пулей со всего лишь трехнедельным лечением в читинском окружном госпитале, включая доставку туда санитарным поездом. И не собственно легкая хромота на всю жизнь. Даже особо не бросающаяся в глаза. Сам Егор Фомич, человек самообразованный, то есть хорошо начитанный, шутковал по ее поводу в приличествующей случаю обстановке, в медицинской тож: «...Это как в «Двух гусарах» Толстого: вошел в комнату, мол, приятной наружности человек, отрекомендовавшийся местным помещиком. Судя по его энергически развязным ногам — из бывших кавалеристов. Что-то в этом роде, давно читал. Так и моя походка чем не энергическая развязность бывшего танкиста, а?»

Но вся обида состояла в том, что зловредная самурайская пуля, еще хитрее и ядовитее самих самураев, тюкнула обок колена левой ноги в такое замысловатое, придуманное хирургами и другими белохалатниками место, что по всем рентгеновским снимкам выходило: он вообще не может сгибать ногу и даже опираться на нее! — К строевой не годен, а он-то уже в мыслях примерял на плечах кителя — через три года учебы в Бронетанковой академии — генеральские погоны. А как же иначе Егор Фомич планировал дальнейшую воинскую жизнь? — Гвар-

дейский полковник в тридцать три года, комполка с геройской звездой за Прагу, воевавший еще в Испании и монгольском Халхин-Голе.— «Это вам не хрен собачий»,— прорывалась порой застарелая обида на нелепую случайность жизни за семейным праздничным столом... обычно после третьей — четвертой стопки.

Конечно, пробовал он доказать совершенную медицинскую бюрократию: как Маресьев на протезах, он может на своих двоих, включая раненую, под гармошку полчаса плясать русскую с коленцами и выходом, а по рентгеновской пленке с присовокупленной к ней справке «не годен» должен в это же время передвигаться на инвалидной повозке. До калужского своего земляка Георгия Константиновича, знавшего командира-танкиста с «испанской биографией» Сиваленкова по Халхин-Голу, «достучаться» не было никакой возможности: слишком много на Жукова навалилось дел и хлопот в советской оккупационной зоне Германии. И круг его общения, считая командование союзников, стал совершенно иным.

Еще в читинском госпитале узнал: его дивизию «разобрали» по полкам: какой в Германию под начало маршала Ротмистрова, один полк оставили на Дальнем Востоке.— Все их затем влили в новые части; чтобы сохранить геройское гвардейское звание — тож в гвардейские дивизии. А вот его, Сиваленкова, полк почему-то в сиротском одиночестве отвезли и ссадили на окраине Тулуповска, близкого к его родной Калуге. Кстати, только на Ротмистрова и оставалась надежда остаться в строю. Из Читы, догоняя свой полк, раненый полковник на неделю задержался в столице, где ему по медицинскому отношению и предписанию начальства уже не существующей дивизии следовало официально завершить свой боевой и строевой путь в главном управлении бронетанковых и механизированных войск. Он же

нарочито медлил пару-тройку дней туда являться, ибо «разведка» в ведомственной гостинице, где он остановился, донесла: Ротмистров, только недавно получивший под свое командование все танковые армии на территории советской зоны Германии, должен вот-вот прибыть ненадолго в Москву.

...Все же удалось полковнику попасть на прием к маршалу. Павел Алексеевич, хорошо знавший Сиваленкова по Курской и Корсунь-Шевченковской операциям, крестник его полковничьих погон, рассудил мудро: «Сейчас грядет большое сокращение численности армии. Хотя ты и кадровый-прекадровый, заслуженный сверх всякой меры, но с твоей медкартой к чиновным тыловым крысам лучше не соваться. Вот тебе направление в академию. Учись, дальше время подскажет, когда вся эта горячка с сокращением пройдет».

◆ Не откладывая в долгий ящик, пока еще по документам числился комполка, прямо от Ротмистрова двинул в академию, где в кабинет генерала-начальника вошел, маскируя хромоту той самой «энергической кавалерийской развязностью», что и должна отличать боевого полковника со звездой Героя, иконостасом орденов и медалей, в том числе довоенного образца, тремя нашивками за ранение и контузии. Самоличная подпись прославленного маршала на направлении и вовсе оградила Сиваленкова от ненужных расспросов начальника. Тот только поинтересовался нынешним пунктом дислокации полка, поставил разрешительную визу пониже подписи маршала и направил в кадровый отдел академии, встав из-за своего стола и дружелюбно хлопнув нового слушателя по плечу: «Как же, помню твою фамилию — он справился по бумаге направления,— Егор Фомич, по боевым сводкам! Мы ведь с тобой дважды по одним и тем же фронтам пересекались. С твоим-то опытом здесь, в академии, торчать не к чему;

командуй своим полком, а в учебную часть шли нарочными или спецпочтой выполненные задания и на экзамены являйся. Успехов тебе, полковник!»

Самые дурные предчувствия Егора Фомича сбылись тотчас по приезду в Тулуповск: вместо боевого гвардейского полка он нашел наспех расквартированных по казармам местного гарнизона и приписанным к нему жилым баракам солдат и офицеров без боевой техники, которую, не разгружая в Тулуповске, отправили тому же Ротмистрову в *нашу* Германию. Не успел он расположиться в гостинице КЭЧ* и наспех переговорить с временно исполняющим обязанности комполка подполковником Федотовым и замполитом Курносенко, как вестовой доложил о прибытии из Москвы фельдегеря с пакетом из главного управления бронетанковых и механизированных войск. Всю шло великое сокращение разбухшей к окончанию войны до полутора десятков миллионов армии, поэтому Сиваленков, подготовившийся после московского общения с разным военным народом к самому худшему, внешне спокойно зачитал еще не ушедшем Федотову и Курносенко приказ о расформировании полка в части его личного состава с передачей гвардейского знамени и самого его номерного наименования «продолжателю славного воинского пути вновь формируемой части Группы советских войск в оккупационной зоне Германии».

Как следовало из разъяснения к приказу, подлежат увольнению в запас рядовые, выслужившие с зачетом военного времени положенный срок, а также старшинский и офицерский составы, не состоявшие на начало войны на военной службе. Состоявшие же, то есть кадровые, могут продолжить службу в других частях или уволиться в запас.

* Квартирно-эксплуатационная часть (воен.).

Самым существенным в разъяснении являлось то, что уволенным гарантируется жилищное — с учетом наличия семей — и трудовое устройство в Тулуповске, как пункте расформирования полка. И на этот счет военным и гражданским властям города будет выслано соответствующее предписание из Минобороны, согласованное с соответствующими ведомствами — по списку расформировываемых частей.

Из кадровых офицеров в полку были только сам Сиваленков, Федотов и зампотех Шулейкин, а из «ундеров» один лишь старшина... Война танкистов скоро выбивает и алчно требует молодой горячей крови. Но с Егором Фомичем вопрос повис в воздухе, а подполковник Федотов и майор Шулейкин, опять-таки с зачетом льгот военных лет, уже выслужили полную пенсию и, не имея по возрасту и скромному военному образованию особых карьерных надежд, склонялись к отставке.

Тот момент, что вопрос о нем самом «повис», было в данной ситуации Сиваленкову на руку: на долгую процедуру расформирования и обустройства в Тулуповске должность комполка за ним сохранялась. Тем более для Егора Фомича началось жаркое время хозяйственных забот, которые отогнали напрочь докуку личную. Война порушила планы людей, а у многих разрушила родные гнезда... словом, почти весь офицерский состав, многие старшины и сержанты, даже выслужившие свое солдаты решили остаться на последнем привале их славного полка. Егор Фомич, забыв про хромоту, этаким соколом, прихватив Федотова, Курносенко и матерого, основательного в любом деле Шулейкина, с утра до ночи летал по учреждениям города — от обкома и облвоенкомиссариата до директоров заводов и начальства КЭЧ и тулуповского гарнизона. Требовалось устроить прорву людей на работу и дать им временное

жилье. Тем более, что начали прибывать выписанные в Тулуповск офицерские, старшинские и даже солдатские семьи.

Главное, согласно предписанию Минобороны, горисполком выделил под компактную застройку личными домами с приусадебными участками свободную пустошь на юго-западной окраине, в окаймление которой упиралась тоже строящаяся улица двухэтажных бараков для иногородних рабочих сооружаемого в первую послевоенную пятилетку завода технической резины. Каждый демобилизованный, не считаясь чинами, расписался в выделенном ему квадрате на генплане Танкового городка — официальное название нового квартала частной застройки.

Егор Фомич лично вычертил черновой эскиз планировки, как и Петр Первый придерживаясь даже в гражданском строительстве духа воинского артикула и строгого геометрического порядка: строгий квадрат общего забора городка и параллельно-перпендикулярные улицы и переулки квартала с названиями по танковой части: собственно Танковая — центральная, Башенная, Орудийная, Гусеничная и даже Зарядная. Главам семейств и работающим родственникам предоставили полугодовые оплачиваемые отпуска. Не оказалось сложности со стройматериалами и транспортом, автомобильным и гужевым.— Все за счет Минобороны с долевым участием города с его заводами.

Себе участка Сиваленков на плане не обозначил и жену Екатерину с двумя детьми из Калуги не торопился выписывать, раз-два в месяц навещая их, благо недалеко от Тулуповска.— Все еще надеялся на благоприятный исход в части генеральской карьеры, а что танковому генералу в этом среднерусском городе, удаленном от стратегических направлений прорыва в сопредельном азимуте, делать? Мечты, мечты... А в академии дела шли хорошо, два экзамена уже сдал.

◆ Оно и в военное время генеральские должности не пустуют, но в мирное в особенности. Со школьных лет помнил он замечательное высказывание Салтыкова — Щедрина: дескать, в России генерал это не должность-звание, но счастье... А счастливым каждый себя мнит быть, даже боевой служака и бессребренник в личной жизни Егор Фомич. Период расформирования полка завершился, Танковый городок успешно застраивался. И бумага из кадрового управления танковых и механизированных войск, адресованная на тулуповский облвоенкомат, подоспела: по причине последствий ранения полковника Сиваленкова Е. Ф. перевести по ведомству нестроевых с сохранением звания, права ношения мундира и именного личного оружия (за Корсунь — Шевченковскую операцию), и рекомендовать облвоенкому изыскать для Героя Советского Союза, слушателя военной академии полковника Сиваленкова Е. Ф. соответствующую должность, не связанную со строевой службой. Впрочем, как разъяснили уважительно принятому генералом-облвоенкомом Егору Фомичу, тот может не торопиться с этой самой «соответствующей должностью»; в бумаге из кадрового управления особо отмечалось, что «на время обучения в академии за полковником Сиваленковым Е. Ф. сохраняется его полный прежний оклад содержания: денежный, вещевой и продуктовый».

«Так что, дорогой Егор Фомич,— подмигнул ему по-свойски генерал,— видать у тебя в бронетанковом управлении высокого звания заступник имеется? Никак сам Павел Алексеевич? А я все смотрю, как лихо все получилось с Танковым городком. И все по отношениям и согласованиям из Москвы!»

Оба рассмеялись, почти что сдружившись ранее по хлопотам со строительством. Тем более, что генерал-майор Островитянов сам фронтовик, а нынешнюю канцелярию, как он именовал сегодняшнюю

должность, получил по схожей с Сиваленковым причине: ранение в Висло-Одерском наступлении. Только не в ногу, а в плечо. Впрочем, тоже в левое...

Генеральский вестовой принес на расписном подносе, явно из военных трофеев, заварной фарфоровый чайник литрового объема, накрытый салфеткой, чайные приборы с мельхиоровыми подстаканниками, сахарницу и тарелочку с порезанным лимоном. «Никита у меня с сорок второго, службу знает», — генерал кивнул в сторону тарелочки, вынимая из тумбы стола бутылочку «грузинского».

После второй, разливая на правах хозяина здоровой правой рукой чай по стаканам, Острогитянов порекомендовал действительно не торопиться с «должностью»: «Это от тебя никуда не уйдет. Есть у меня на примете кое-что, главное, твоего немалого ранга. Тем более в академии учишься. Теперь же займись домашними делами, хватит по бивакам странствовать. Квартиру приличную устроить? Или своим домом хочешь зажить со своими танкистами?»

От квартиры Егор Фомич отказался: именно, мол, надоело квартировать по «бивакам». А в Танковом городке сам планировку делал, все площади уже заняты. Опять же с боевыми товарищами хорошо на фронте; в домашней же жизни всякая субординация рушится, а без нее неуютно себя чувствуешь. «Опять же не на боевых позициях. Женщины появляются, отсюда и всякий бабский передел, скандалы; мужиков, бывших однополчан, мигом друг против друга настроят... Нет, с боевыми товарищами хорошо по праздникам встречаться, под это самое воспоминаниям предаваться, но общаться каждодневно, да еще когда бабы на каждом углу... Нет, Тихон Андреевич, не по мне это. Буду строиться отдельно».

Под пустое донышко «грузинского» фронтовики договорились: Егор Фомич привозит в Тулуповск семью и временно поселяется в резервной квартире

КЭЧ'а, что используется для проживания офицеров с родственниками в похожих на Сиваленковскую ситуациях. Сам же начинает, используя свои «геройские» льготы, строительство дома. Так появился двухэтажный Дом на горе, в котором в год прихода к власти Меченого с его полусухим законом и родилась Лиза, первая правнучка Егора Фомича. И самая любимая и лелеемая из многочисленных потомков главы рода.

◆...На момент появления Лизы на свет Егор Фомич в свои семьдесят три года, да еще в парадном мундире по табельным дням советских праздников, с геройской звездой и иконостасом наград «три наката», с отменно ухоженными, нафиксатуаренными и подкрученными на кончиках усами «а ля маршал Ротмистров», вовсю обращал на себя взгляды матерых тяжелой женской красотой сороколетних бальзаковок. После окончания строительства Дома на горе облвоенком Островитянов, крепко держа слово фронтовика, сосватал Егора Фомича на должность заместителя начальника местного военно-инженерного училища по техническому оснащению: зам по тылу, говоря по-армейски. В скором времени, когда слушатель Сиваленков обмывал с однокашниками-фронтовиками в традиционном ресторане «Прага», что напротив серого здания Минобороны, диплом об окончании академии — увы, так и не ставшем трамплином к генеральскому званию,— тулуповское училище перевели в разряд высших военных учебных заведений. В нем Егор Фомич и прослужил двадцать с гаком лет до выхода в отставку. И еще полтора десятка лет все там же, но уже не служил, а работал, обучая курсантов тактике боя в ранге ведущего преподавателя. Впрочем, переход от службы к работе внешне на нем мало сказался, учивая право ношения мундира... и наградного ору-

жия* — американского лендлизовского «кольта», как он любил после праздничной третьей стопки непременно замечать.

Но Лиза по детским своим годам запомнила прадедушку в домашней одежде, пишущего в своей Кабинетской комнате, она же солидная библиотека, военные воспоминания и заказанный Минобороны учебник по истории развития тактики танковых войск. Медовый запах табака «Золотое руно» московской фабрики «Ява», которым Егор Фомич заправлял свою трубку из продолговатой картонной коробочки с откидной крышкой желтого цвета с золотым тиснением слов, вытекал из всегда приотворенной двери кабинета и ароматизировал весь большой Дом на горе. Иначе его окрестные жители и не называли. И знала она, уже учась в начальных классах: если старший дед выходит из дома в военной одежде, то идет он на заседание или встречи по части областного совета ветеранов, а в гражданской — по разным журналистским делам. На правом лацкане штатского, как он его именовал, пиджака значок с изображением пишущего пера, то есть члена Союза журналистов СССР. Все же остальное, свободное, время он посвящал воспитанию Лизы, порой вызывая чувство ревности у «младшего деда», его сына Николая Егоровича, с бабушкой Натальей. А вот родители Лизы — отец Василий Николаевич, сам внук главы рода, и мать Татьяна, — как люди переходного от советской власти к нынешней период (серединка на половинку — по меткому словцу Егора Фомича...), — относились к

* Широкая практика награждения в Великую Отечественную войну именным оружием иностранных марок имела, как нам представляется, два основания. Во-первых, из отечественного личного оружия выбор был невеликий: большой и тяжелый ТТ, а также устаревший револьвер. Во-вторых, древнейшая традиция: награждать оружием побежденного противника или боевого союзника.

главенствующему воспитанию хозяина дома очень даже одобритально. Учительница Татьяна Филипповна видела в Егоре Фомиче мощнейший противовес осатаневшему к началу девяностых годов «телеящику», а ее супруг, вовремя поменявший успешно начатую после окончания института партийную карьеру на легальное предпринимательство средней руки, и вовсе не имел времени на воспитание дочери. К тому же в начавшиеся лихие девяностые, поддавшись всеобщему соблазну, нарушил принятое табу в Доме на горе: начал подгуливать — в смысле налево, благо в подчинении его частной лавочки (опять же по определению деда) всегда имелись на все готовые за прибавку жалованья девицы современного покроя нравственности и морали.

Но длилась малина недолго. По заведенному в большой семье обычаю Татьяна напрямую и безо всяких политесов обратилась за советом к Егору Фомичу. Тот с армейской прямотой порекомендовал «вышибить у внучка дурь из головы сковородкой». Самолично выбрал на кухне среднюю по весу, что из серого литьевого чугуна, и продемонстрировал младшей снохе на своем кабинетном глобусе, но схематично, не повреждая добротной выделки трофейный немецкий земшар чуть ли не восемнадцатого века, с какой силой и куда бить: «Чтобы запомнил, но и дураком не стал!»

Так Татьяна Филипповна и поступила, когда супруг вернулся домой после трехдневного загула с новой своей подчиненной удивительной стройности и сексуальной изобретательности, да впридачу с бюстом номер четыре. ...Врача не вызывали. Врач-хирург имелся дома и с большим опытом работы: старшая сноха, Лизина бабка и супруга Николая Егоровича Наталья Сергеевна. Она профессионально спокойно диагностировала у загулявшего сына неклиническое сотрясение («Так тебе и надо <далее

по-хирургически неприятно») мозга и гематому поверх черепа. Опять же случай неклинический.

Красавицу Татьяну супруг очень любил, поэтому дал честное слово, конечно, лицемеря в душе, что с леваком покончит. Прошло совсем небольшое время, по истечении которого наш предприниматель средней руки почти с ужасом осознал: в его-то самые кобелиные годы и вовсе перестало волновать при виде самых видных собою красоток. Даже при их откровенных намеках поближе познакомиться. Зато супруга его — надо же куда-то расходовать мужику нижнепоясные силы! — всю первую половину дня, дома и в своей школе, выглядела душевно расслабленной, на глазах всех хорошила и супруга ласково именовала Васильком... Такое поведение бывшего гуляки все взрослые в семье одобрили, а его отец Николай Егорович, ведущий конструктор в знаменитом научно-производственном объединении «Меткость», что возглавлял академик Гусаков, даже похвалил сына на своем военно-инженерном языке: «Был ты, Васька, доселе пулеметом, что попусту растрачивал патроны, стреляя наугад в белый свет по редким целям противника, а сейчас как славная мосинская винтовка точно в цель бьешь, раз за разом попадая в десятку. Пора, пора вам с Татьяной Лизе братика или сестренку соорудить!»

Но все же бывший гуляка за приличные деньги освидетельствовал свою битую голову в областной больнице, где имелся единственный, редкостный тогда томограф. Солидный врач, не в пример нынешним недоучкам, долго комментировал сменявшие друг друга на экране компьютера снимки, а Василий Николаевич с тоской слушал малопонятную медицинскую речь, что-де у вас, милейший, наблюдаются хотя и не опасные для здоровья, но все же последствия ушиба головы. В правом полушарии мозга чуток «двоит» миндалевидное ядро и в районе гипоталамуса тож. А

оны, уважаемый, ответственны за регуляцию инстинктивного поведения. Так-то, батенька!

Когда же Василий безо всяких экивоков рассказал о своих тревогах, врач радостно <от своих знаний> воскликнул: «Ну-у, все верно, ведь тяга к перемене объектов, так сказать, мужского внимания и есть выраженный инстинкт. Так что вот так... Понизился инстинкт-то».

И совсем Василий зауважал эскулапа с седеющей профессорской бородкой, когда тот поинтересовался: не произошло ли каких изменений после контузии с речью. Да, изменения и здесь случились: ранее словоохотливый, особенно в завлекающих комплиментах девицам и молодым женщинам, теперь Василий приобрел ни с того ни с чого манеру говорить размежено и обдумывая слова супреждь их произношения. Врач повторно пришел в восторг: «Так у вас, батенька, в левом полушарии опять же не опасные для здоровья этакие подвижки в центре Вернике, что ответственен волею того, кто нас создал, за сенсорность речи! А это как раз было темой моей кандидатской диссертации...»

Чтобы умный доктор не начал рассказывать о содержании диссертации и препонах в ее защите со стороны очень уж заносчивых московских светил нейрофизиологии, Василий, еще раз выслушав заявления в полнейшем здоровье, рас прощался. Не обидев местного светилу материально.

...Вот такая веселая жизнь большой семьи протекала до сноса первого Дома на горе, когда ребенок Лиза еще не задумывалась о странном поведении взрослых людей.

Было бы удивительным, если в час волка женщины оставались теми же милыми девушкиами с идеалами, с оттенком целомудрия, хлопотливыми, но обаятельными женщинами — ласковыми матерями и любящими женами, почтенными бабушками, хранительницами естественной мудрости и наставительницами больших семей в три-четыре поколения. Такие качества слабого пола воспитывались веками в специфической русской жизни и истории и были отшлифованы в нравственно ориентированном советском государстве. Но женщина, как и ребенок, есть фотографический отпечаток реальной жизни: меняется уклад последней — изменяется и женщина, а в стае волков, охотников за наживой, и она становится волчицей, воспитывает волчат-детей, грызется с мужем-волком, сдает за ненадобностью в дом престарелых своих родителей, не успевших усвоить закон новой стаи.

У некоторых старушек, не из числа городских, есть манера персонифицировать вещи обезличенные. Например, в поликлинике или больнице (лечение у нас пока еще де-юре бесплатное) они упорно называют прибор для лазеротерапии «Лазарем». Также вместо слова олигарх они произносят «олигархер». Избави, бог, что старушки эти иронизируют над ветхозаветной национальностью властителей дум и финансов нашего времени! Они хорошо помнят времена свирепствования «Закона об антисемитизме» имени Ленина — Троцкого. Все дело в последних трех буквах, ибо это есть вполне цензурное, грамматическое название буквы «Х» русского алфавита, принятное до реформы 1918-го года. И бытовало также цензурное выражение: «Ишь какой гордый, Х...м смотрится!» А уж горделивости нашим олигархерам не занимать.

ЛИЗА ОТ ДЕВОЧКИ К ДЕВУШКЕ НА СМЕНЕ ЭПОХ: МЕСТО ДЕЙСТВИЯ И ЗАВЕТЫ ПРАДЕДА

Ее лицо было совсем рядом, Вадим чуть потянул девушку вверх, и их губы встретились. Вадим нежно коснулся губ девушки, она лежала, боясь шелохнуться, тогда Вадим поцеловал смелее, еще сильнее. Такого с замиранием сердца поцелуя у него не было уже давно.

Леонид Иванов «Люди добрые»

◆ Когда окольным путем до Егора Фомича дошла чудесная история об исцелении внука от греха блудодеяния всего лишь единственным ударом сковородкой по голове, то начинавший военную службу орудийным наводчиком старый танкист только усмехнулся и здесь же приписал целительность удара себе. Пояснял же интересующимся, что Татьяну он инструктировал на примере трофейного глобуса, который повернул западным полушарием и велел метиться, мысленно заменяя глобус головой, точно в средоточие разврата — империалистические Штаты, желательно в окрестности Нью-Йорка. «Вот с таким идеологическим прицелом Танька и попала куда надо. Зато теперь не нарадуется на своего Василька! Едрен его вошь, единственную в нашей семье заразу мелкобуржуазную!...»

О том же, что такие чудеса с головными ушибами не редкость, Егор Фомич знал по своей долгой боевой жизни. Здесь же рассказывал для подтверждения усомнившимся собеседникам историю из этой самой жизни. Служил в Отечественную войну у него в полку младший лейтенант Костромин. Только он прибыл с ускоренного выпуска Казанского танкового учили-

ща, как в первом же бою контузило в голову помкомвзвода: в лобовую броню вдарили гаубичный снаряд немецкой самоходки. Контузия оказалась столь серьезной, что после фронтового, а затем и тылового госпиталя списали Костромина подчистую.

Когда же Егор Фомич готовил к изданию книгу о боевом пути своего полка и всей Краснознаменной танковой дивизии, то списывался со многими однополчанами. Каким-то образом на своего бывшего командира вышел и контуженный в первом же бою Костромин. Прочитав полученное письмо, Егор Фомич не сразу и вспомнил младшего лейтенанта — слишком короткой оказалась его фронтовая служба, а потом сколько народа прошло через его полк, особенно в самые кровавые годы войны?

Но — вспомнил, а содержанию письма изумился. Сообщал Костромин, что от той контузии и следа через год после списания подчистую не осталось. Зато он, двоечник по немецкому языку в школе и в училище — ну, не давались ему никак иностранные языки! — после выздоровления приобрел такие способности к этим языкам*, что его скоро заметили в родном Новосибирске. Когда академик Лаврентьев создал Сибирское отделение Академии наук СССР, Костромина взяли в штат переводчиков с редких языков. Как этот уникум писал бывшему командиру, знает где-то под три десятка языков: современных и древних. На изучение любого из них уходит не более трех недель. Но поскольку ему начальство академгородка по части истории и филологии дает обычно разовые задания: изучить какой-нибудь редкостный язык и сделать перевод, а дальше мова эта уже не

* Чтобы читатели не отнесли этот роман к разряду «магического реализма» (это как «Сто лет одиночества» нобелиста Габриэля Гарсия Маркеса...), сообщаю, что был у автора такой знакомый из Новосибирска по фамилии Переберин, которого до сих пор помнят в тамошнем Академгородке.

потребуется, то Костромин научился тотчас забывать усилием воли уже ненужный язык...

Более всего Егор Фомич тревожился, чтобы эти истории про пользу головобития не дошли до детей: «Они ведь равно плохому и хорошему легко научаются. Дурной пример заразителен, хотя бы он и дал положительный результат, как в случае с Васькой и новосибирским Костроминым. И так живем мы в «китаевском» баражном районе, шпанистом донельзя!»

Но Лиза, еще первоклассница, как-то подслушала из-за приотворенной двери разговор бабки Натальи с пришедшей к ней гостью, тоже врачихи, где со смехом говорили о Васькином исправлении и отцовской (для Натальи) истории про новосибирского языкового уникума. Про отцово заболевание и способ его исцеления она не поняла, но пример незнаемого юного фронтового лейтенанта запомнился очень даже хорошо и внятно. С тех пор и закрепилась у ней привычка легонько, не обращая на себя внимания окружающих, постукивать себя по виску костяшкой согнутого указательного пальца, если не давалась задачка по арифметике, далее по геометрии или алгебре, не запоминалась строфа стихотворения к уроку литературы и так далее. Привычка эта не изжилаась и по сей день, уже имеющей семилетнюю дочь, названную в честь бабки-врачихи Натальи Сергеевны, от которой Лиза ребенком и узнала про пользу постукивания костяшкой пальца повыше уха. Хотя бы пользу мнемоническую, как бы сейчас сказала Елизавета Васильевна, учений психолог. Со смешанным чувством недоумения и холерической веселости обратила она внимание во взрослой, женской жизни, что дотрагивается инстинктивно костяшкой пальца до виска повыше уха, если близость с партнером не завершилась у нее оргазмом. Как всем и всея известно, по специальной своей логике в таком конфузе женщина всегда винит своего *vis-a-vis*, но здесь? И

Лиза по женской же изворотливости нашла объяснение своему невольному жесту (уже имея психологическое образование): все же вина на партнере, а на ком еще? — Она же по правилу *фрустрации* и женской доброте взяла его вину на себя. Некстали вспомнила из давнего, случайно слышанного в электричке-экспрессе, разговора незнакомой ей Веры Тимофеевны с нынешней соседкой Светланой с четвертого этажа и именно тот эпизод, где незнакомка вспоминала свою коллегу по работе, что брала с законного мужа «на шпильки» (советский) червонец за каждый акт близости. И к чему вспомнила? Да не просто вызвала из подсознания в активную память, как говорят в учебниках по психологии, а еще и подумала: «А если муж той бухгалтерши лег спать в хорошем настроении и после банкета с неподдельным, что имел место быть в советские времена, коньяком «Грэми» десятилетней выдержки и решил повторить рекорд давней брачной ночи? Разорится ведь мужик, всю заначку истратит...»

◆ ...Самым ярким воспоминанием о раннем, предшкольном детстве у Лизы было долгое переселение из старого Дома на горе в новый, где совершенно взрослая Елизавета Васильевна и живет посейчас.

Егор Фомич вовсю использовал свои «геройские» льготы и звание кадрового полковника, поняв, что в генералы ему не выйти по причине злосчастного ранения в левую ногу, чтобы по-барски, как сам говорил, благоустроиться в Тулуповске. Построенный немецкими военнопленными, коих приятель облвоенком выделил в распоряжение полковника-танкиста целиковый взвод с опытным строительным инженером из бывшего германского фортификационного ведомства Тодта, что был не просто рядовым руководителем в строительстве первого керченского моста, сооруженного за полгода. Дом на горе в точности повторял поместье тюрингского помещика конца де-

вятнадцатого века. Особенno на тогдашнем послевоенном фоне гористой южной оконечности города: остатки изб прежней подгородней деревни, карьеры и разбитые подъездные дороги новостроящегося завода технической резины и возводимая улица двухэтажных бараков, тянувшаяся вниз до самого Танкового городка, в которые по мере их сдачи заселялись окрестными колхозниками по вербовке и прежними жителями близкой Китаевки, создавшим здешним местам славу самого хулиганского района города.

Немцы строили в охотку, поскольку «герр оберст» со звездой Героя на мундире, что по «юберзетцу»* военнопленных на рейховские награды равнялась с высшим германским знаком отличия — Железным крестом с мечами и дубовыми листьями, не жалел личных денег, благо их много за войну не-растраченных собралось, и казенного коштowego довольствия на приварок к скучной лагерной пайке плененных врагов. Особенно отмечал двух из числа вермахтовских танкистов: унтер-офицера Франца и ефрейтора Карла: «Хорошо вы, бывшие сволочи, воевали против нас! Настоящий солдат — он и по ту сторону фронта солдат!» На что Франц и Карл, покашливаясь на полубуханку хлеба с соткой обрезка сала в руках герра оберста, охотно отвечали: «Гитлер капут, а геноссе Ротмистров ээр гут!» Они знали, что их хозяин служил в войсках прославленного советского маршала.

На новоселье были званы все военные власти города, включая двух генералов: начальника тулуповского военного училища и облвоенкома Островитянова. Конечно же однополчане из Танкового городка. К началу лихих девяностых первоначально скромная для таких обширных хором семья Егора Фомича из него самого и перевезенных из Калуги супруги Катерины с

* По переводу (нем.)

двумя «предвоенной постройки» детьми, а также старенькой матушки хозяина дома, разрослась до четырех поколенний. Но и отток из дома в семидесятые-восьмидесятые годы наблюдался большой. Дети Егора Фомича, а затем и старшие внуки получая образование в двух местных институтах, техническом и педагогическом, в высшем уже военном училище, где еще недавно заместителем начальника служил глава и патриарх дома, по приказам, распределениям или просто по желанию разъезжались по всей стране, обзаводились семьями. Но связь с Домом на горе поддерживали самую родственную, беспрекословно подчиняясь даже на расстоянии, вырастая в чинах и должностях, главе рода Егору Фомичу.

Итак, на момент сдачи Меченым с его камарильей страны на милость победившего империализма (в иной формулировке геройский полковник не изъяснялся даже в официальной обстановке), только готовящаяся стать школьницей девочка Лиза в громадном для ее роста и возраста доме выстраивала для себя иерархию обитателей: непрекаемый глава семьи прадедушка Егор Фомич, или для нее старший дед; просто дед Николай Егорович и единственная бабушка (прабабушка почила за четыре года до ее рождения) Наталья; папа и мама, они же Василий Николаевич и Татьяна Филипповна. И, конечно, сама Лиза — добрый гений Дома на горе и особливая любимица прадедушки.

Летом и на Новый год дом гудел от наехавших членов большой семьи из обеих столиц и других городов. Впрочем имелась еще близко от южной части города дача, построенная рачением Егора Фомича в семидесятые годы, мало чем уступающая Дому на горе. А денежно взлетевший в самом начале девяностых предприниматель — изгой в семье по части капиталократии — Василий и вовсе круглогодично жил в коттедже, что отбахал в северном предместье Тулуповска.

Когда в предпоследний год жизни Егора Фомича строительная компания присмотрела под строительство дома элит-класса с башенками, то на Горе оставалось только единственное частное владение — Дом на горе... и самое лакомое место на пересечении улиц и господствующее по высоте. Как Егор Фомич не бился, но против лома нет приема: строительная компания «кормила» слишком важных персон в новой областной и городской власти. Но все же звезда Героя на первых шагах капитализации страны еще имела какое-то значение в провинции. Словом, добился он компенсации от компании за нарушенное семейное гнездо: четырехкомнатную квартиру — и непременно на втором этаже! — в новом Доме на горе. ...И еще двухкомнатную в центре города. На время довольно быстрой постройки здания жить было где: в южном и северном дачно-коттеджных предместьях Тулуповска. Немного не дожил глава рода до нового новоселья на Горе. А в начале второго десятилетия нового века скончался на семьдесят четвертом году жизни и «младший» дед Лизы — оружейный конструктор Николай Егорович.

По завещанию Егора Фомича единственной владелицей квартиры должна стать по достижению гражданского совершеннолетия Лиза. И так получилось, что в год столетия Октябрьской революции, миновав не очень удачное замужество, в квартире проживали она с дочерью Наташей, названной в честь бабушки Натальи Сергеевны, и с собственно этой бабушкой, удивительно бодрой в свои семьдесят восемь лет. Родители Лизы — в своем коттедже. В нынешнее переменчивое по погоде лето старшая и младшая Натальи жили за городом, чередуя этот коттедж с обустроенной «южной» дачей. А Елизавета сам-одна хозяйкой в квартире, наезжая туда и сюда: на север и на юг городских предместий. Временное одиночество — лучший вид отдыха...

◆ Все еще усмехаясь символическому сну с перетаскиванием автобуса через подъезды и чердак «хрущевки», поставленной прихотью архитектора, в смысле прораба, поскольку служителей музы монументального строительства для возведения стандартных пятиэтажек вовсе не требовалось, прямо на междугороднем шоссе, Лиза в тишине раннего утра — не чета вчерашней автосвалке — и немыслимой в городе днем, вечером и даже ночью чистоте воздуха (все же дом на окраине города!), подойдя к распахнутому окну фигурного балкона, явственно почувствовала сидящую у такого же окна, но двумя этажами выше, старшую подругу Светлану. Но сообразила: никакая это не интуиция, не будет она хлеб у конкурентов психологов, то есть доморощенных экстрасенсов, отбивать. Просто безветренная тишина и чистота утреннего воздуха донесли до ее носа смешанный запах изысканного табачного дыма и настоящего, привезенного с загранотдыха с полковником, кофе — не чета дерму из местных сетевых универсамов голландского, французского и китайского «подданства». Только Светлана начинала раннее летнее утро — когда без полковника и его мужских эквивалентов — с такими обонятельными и вкусовыми изысками. Мигом ощутив в своем стройном организме сосущий голод, пищевой и PP -витаминный*, сделала на кухне кофе, с чашкой и зажженной сигаретой уселась у балконного окна.

— С добрым хоть сегодня утром, подруга, — также по ложному наитию уловила этот момент Светлана сверху.

— И тебе, тоже ранняя птичка, привет со второ-

* PP -витамин, или фермент, можно так и этак называть, суть никотиновая кислота. Исключая подражавших всем и всея школьниц, младших студенток и пацанов, курильщиком становится тот, у которого организм почему-то плохо вырабатывает эту кислоту...

го этажа,— засмеялась Лиза, выпустив в окно первый, самый вкусный клубок дыма.

— Однако, дорогая, я уже завершаю утреннюю сиесту. Сейчас за мной заедут. Сегодня еду спозаранку в одно шикарное место на полпути в столицу. Как говорится, звана на светский раут на виллу знатного бюджетного вора в погонах, московского начинаящего миллиардера. Долларового, разумеется. С кем еду — потом объясню. Так что условно раскланиваюсь. Адью! Не скучай в твоем любимом одиночестве.

О том, что временное одиночество есть лучший вид отдыха, понятно дело, Лиза узнала от прадеда Егора Фомича. Как и все на ее последующую жизнь узнала от него, научившись услышанное держать в голове и до девяностолетнего возраста, когда «старшего» деда, увы, не стало.

Егор же Фомич, с высоты своего огромного жизненного опыта, порой внимательно посматривая на второклассницу Лизу, если в его Кабинетной комнате или в парадной гостиной — в последний год существования старого Дома на горе — еще кто присутствовал, вроде как кося под старицкую дурашливость, имитировал одесских классиков: «Я родился и начально рос при императоре Николае Кровавом; в начальной школе я долбил таблицу умножения при предсвнаркома Владимире Ильиче; служил и воевал в Испании, в Монголии, на фронтах Великой Отечественной, с самураями сражался на Дальнем Востоке вдругорядь при нашем великом Генералиссимусе; строил этот дом, ковал большую, в четыре поколения, семью при четырех... вру, при пяти генсеках, не считая послесталинской неразберихи на вроде детской давней считалки: «Берия, Берия, вышел из доверия, а товарищ Маленков надавал ему пинков». Жил вместе с вами со всеми, уже и Лизавету включая, при последнем, этом самом пятом,

генсеке, за полушку сдавшем великую страну американским империалистам и заслужившем титул Иуды Второго, предателя всех времен и народов. Вот сейчас доживаю свой век уже при втором президенте, а для обкорнанной по территории России — первом, в котором от русского характера осталась только тяга к сорокаградусной...»

Опять внимательный взгляд на Лизу, рассеянно доселе слушавшую неинтересное перечисление прадедом имен, фамилий, событий и прозвищ. И продолжал уже по конкретной своей теме: «...По той причине, что жизнь моя, хотя и бурная в первой половине, началась при царе, завершается при президенте, а в промежутке между ними текла под сенью «горячо любимых», для меня самая серьезная смена эпох — в революцию-то дитем неразумным был — вспять от социализма к торгово-воровскому примитивному капитализму пришлась на возраст какой-никакой умудренности. А вот Лизаветино детско-юношеское взросление, как обухом по голове, придется на эту самую смену эпох: искусственную реставрацию изжившего себя, а точнее — образцовую порку России за великий социальный прорыв. Кстати, когда мне иные скептики на утверждение, что у нынешних новых поколений не будет, мягко говоря, будущего, задают контрвопрос навроде того, что «а у нас разве оно было, коль все закончилось катастрофой страны?» — я отвечаю: «Именно у нас оно было! Хотя бы мы можем сейчас сравнить и сказать: мы жили в счастливейшее по оптимизму время и в уникальной, социально ориентированной стране!»

Как-то раз после такой «речевки» (после четвертой за праздничным столом) Егор Фомич, всех слегка удивив, благодушно рассмеялся, вспомнив из военного своего бытия и сравнив удачно с нынешним: «...Помню, после Курска вышла нам короткая передышка. Расположились на окраине небольшого

городка, и бойцы помогали обустраивать в сохранившихся зданиях управления бывшего механического завода наш новый дивизионный фронтовой госпиталь: на сто километров поближе к Берлину, как шутковали мои танкисты... А рядом что-то навроде склада обнаружили, где среди всякой рухляди, не вывезенной хозяйственными фрицами в Фатерлянд, наткнулись на ящик подшипников, наших, довоенных, в добротной тавотной смазке. И как раз внутренний, под вал, диаметр прямо-таки кольцо обручальное. Вот расслабившиеся мои подчиненные, особенно молодые солдаты свежего призыва, повадились очищать их от смазки, надевать на указательный палец и раскручивать, приговаривая: «Сохраню на память до самого Берлина и обратно, вернувшись после дембеля домой. А как поведу свою Настюху расписываться в сельсовет, так ей серебряное, а то и золотое колечко куплю (гулять так гулять!), а себе в эмтээсовской мастерской выточу стальное — из внутреннего кольца этого подшипника!» Увы, не все мой бойцы до столицы Чехословакии — нас на Берлин не ориентировали — дошли, не все в сельсовет под роспись со стальными колечками от подшипников пошли...»

К чему это мудрый прадед сказал? — Никто из присутствующих не понял, но в цепкую детскую память Лизы это вошло и накрепко в чулане подсознания закрепилось. И всплыло-таки в этот год столетия революции, самою которую Егор Фомич встретил в возрасте чуть поменее Лизиного, когда она слышала рассказ прадеда об обручальных довоенного производства подшипниках... Всплыло, когда веселые дикторы-комментаторы радио и телевидения вовсю обсуждали в эфире новый гэджик-игрушку «нашей славной молодежи, которой предстоит окончательно достроить нынешнюю Россию до великой сверхдержавы», а именно — мировое увлечение спи-

нерами, дружно вводя в обиход русского языка новый американализм: верчение на указательном пальце цацек на подшипнике. Только не настоящем, а на пластмассовом. И уже нынешняя мастерская мира дешевых поделок в лице Сычуаньской фабрики фенолформальдегидных игрушек завалила все континенты и океанические острова этими штучками. Но будущие ли обручальные кольца они бессмысленно вертят? Увы, тупо уставившись, как наши славные дворовые коты на мелькание спиц проезжающих велосипедистов, на вращающиеся гэджики, нынешние бронеподростки все тупеют и тупеют.

...А после последней седьмой стопки — извините, мол, меня старика, еще седни в гости зван (все извинительно заухмылялись, глядя на подкручивающего нестареющие усы главы семьи)... ну-у, по ветеранским делам — Егор Фомич уже прямо к Лизе обращается: «Расти, моя любимая правнучка, в сложное это <далее малоцензурно шепотом и в сторону> для переходного возраста время. И помни слова твоего беспутного в расхожем смысле этого слова прадеда: сильный воспитанным от рода своего характером при любом раскладе жизни останется человеком! Женщинам это намного труднее, но ты осилишь, Лизавета».

◆ Но, как тут же сообразила Лиза, временное одиночество, конечно, лучший вид отдыха, но самато суть его для женщины в полнейшем расцвете молодых сил и ума в чем?

«Работать по специальности», — как Светлана называла времяпрепровождения в постели с мужиком? Но Лиза не обладала сверхтемпераментом своей старшей подруги, вечной натуральной блондинки. Нет, разумеется, в свои тридцать с крохотным хвостиком лет, с природной русской красотой, которую она не портила чрезмерной косметикой, что сейчас всех уравнивает и делает бройлерными куклами, на-

конец, «пройдя курс» регулярности семейной постельной жизни, Лиза мало в чем себе отказывала по этой части, но... ведь временное одиночество в Доме на горе есть и отдых от этого самого, да? Так она адресовалась с вопросом сама к себе, любимой.

И чем же мне, сама-себя-любимая, заняться сейчас? — Одни вопросы и вопросы. Только на отдыхе в одиночестве они и возникают. А не перечитать ли свои эссе и афоризмы, которых накопилось уже под сотню машинописных, компьютерных то бишь, страниц? Надо сказать, Егор Фомич в числе прочих своих полезных качеств передал ей, так сказать, генофенотипически и устными наставлениями, и привычку «документировать» свои рассуждения, что она и начала делать: только научась писать, стала вести свои детские, школьные, а потом и университетские дневники, тщательно скрывая эту старомодную привычку от посторонних глаз — особенно от подружек. Иначе засмеют «ботаничку»! Эссе же свои и афоризмы она залпом написала, вернее — перенесла из головы на бумагу после «разбегания» с мужем, дав зарок: ровно год с этой половиной человечества не общаться вовсе. ...И нашла чем этот год заполнить, все вылила в связные слова, давая оценку женской природе. При этом в голове постоянно держала ранее не понятные ей наставления прадеда: «О женском пишешь — как бы со стороны на это женское смотри, как мужчины на вашу братию поглядывают!»

Лиза умудрено улыбнулась, раскрыла заветную папку, уютно устроившись на диване, а обок на столике — заваренный чайник. На смену утреннему балконному кофе.

«Новейшие критики Шопенгауэра с особым сарказмом отмечают, что-де его афоризмы о женщинах есть плоды чистого мышления, ибо он сам «не знал ни одной женщины». Это суждение крайне несостоятельное, философски спекулятивное.

Не обязательно совсем в течение жизни быть пять раз женатым официально, иметь две-три сотни «переходящих» дам, дюжину законных и несчетное множество незаконных детей. Это скорее затемняет познание женщины, чем просвещает. Точно так же дегустатор тонко чувствует букет вин, отпивая по глотку, а запойный пьяница глотает литрами, отличая лишь три градации напитков: «кислятина», «сладкое, для баб» и «ох, забористый!»

Познающий жадно и много понимает только грубую физиологическую основу отношения полов, но истинный знаток женских характеров и категорий любви к женщине редко бывает любвеобильным, хотя и всегда воспользуется случаем проиграть весь спектакль, включая и антракты, что немаловажно для истинного ценителя этого тонкого искусства.

Аромат улавливается не вблизи бездонного чана, но от тонкого фиала. Может поэтому именно франкфуртский мыслитель наиболее глубоко понял женскую природу.

Вряд ли стоит ожидать от этих записей никаких новых открытий и изысканий в части обрисовки женского характера. Все о нем сказано и пересказано за долгие века и тысячелетия человеческого мудрствования и письменности, тем более о таком предмете, что составляет основу человеческого существования в прямом смысле этого слова: женщина и любовь.

...Впрочем, исключая детективы и «датские» социально-заказные поэмы, вся литература создается вокруг любовной интриги; даже порнография есть своеобразный выход бунтующего либидо».

Всякий любитель шахматной игры знает: в каждой стране с традицией этой умственной забавы сами фигуры выдерживаются в национальном колорите. Сейчас на просторах 1/6 части света образовалась масса самостийных княжеств и ханств. Не имея возможности отличиться успехами в науке, промышленности, финансах и так далее, основной национальной идеей становится внешнее отличие: язык и костюм. Не знаю, как они обойдутся с названиями фигур типа переименования коня в ишака или короля в султана, но вот того же короля с королевой-ферзем ни почем не стоит обрядить в исторические костюмы, а стереотипные партии ассоциировать с национальными танцами.

Почему в шахматах нет женских фигур? (Жаргонная «королева» есть ферзь — мужского рода). Очевидно, индузы — изобретатели игры — изначально задумали ее как воплощение формальной логики, где есть только «да» и «нет», в то время как пресловутая «женская логика» чаще всего оперирует с ситуацией «ни да, ни нет, а истина в том, что мне нужна очередная золотая цепочка, как у подруги». Именно на такую своеобразную логику и сделали (в числе, конечно, многого другого) ставку разрушители СССР: все более или менее здоровые женщины тотчас уволились с заводов-фабрик, НИИ-КБ и рванули с мешками за тряпьем в Турцию. Поневоле за ними последовали и мужья, дабы не отстать в заруботке.

ЛЮБОВЬ И ЖЕНЩИНА

◆ Любовь и женщина не только суть понятия, но и фонемы неразделимые; так люди привыкли дополнять в этом словосочетании одно другим.

◆ Любовь — это и дорога, и указатель, и цель, и место отправления; она же и остановка дилижанса, что везет девочку, потом девушку, женщину, почтенную мать семейства по жизни.

◆ Утренняя, дневная, вечерняя и ночная молитвы каждой женщины, в любом возрасте, молитвы, не слышимой никем, кроме ее самой: «Господи! Пошли мне любовь истинную, еще неизведанную, глубокую, верную, долгую. Господи! Не смотри, что я еще (или уже) молодая, старая, больная, глупая, слишком умная, хромая, красивая, неплодная, горбатая... пошли мне любовь к кому угодно: молодому, старому, больному...

Господи! Ведь только любовь и держит меня на свете, и я тебя, Господи, люблю, так возлюби и меня, пошли мне в награду любовь: любовь за любовь».

◆ Высшие моменты любви женщины: к матери, к кукле, к первому и последнему мужчинам, к ребенку и внуку; все остальное — оттенения этого шестиглавого здания.

◆ Женщина идет по дороге жизни, скромно поступив взор, кокетливо оправляя рюши и оборки платья, а где-то невидимо для других, в самом сокровенном уголке сердца ведет ее по этому пути неугасимый огонек, свет в окошке, звезда ее жизни — вечная любовь, даже не оформленная в конкретном образе.

◆ Женщина любит мужчину, детей, животных, сладости, наряды, цветы. Она любит, скажете вы, и саму себя? — Да, но любит лишь настолько, чтобы не потрять главного атрибута любви: женской привлекательности.

◆ Женщина в любви консервативна; раз полюбив, всю остальную жизнь она проигрывает то же самое без малейших нововведений, в отличие от мужчины, что учится любить от рождения до смерти.

Это качество женщины приносит ее партнеру и величайшее счастье — уверенность в женской любви, и величайшую обиду: кто же хочет подходить под стандартный прием?

Все дело в том, что мужчина располагает временем, и возможностью смаковать любовь, учиться ее искусству и фантазировать в чувствах; у женщины же времени нет, ей надо любить как можно скорее и наверняка, без длительных неопределенностей, ибо ей еще многое нужно успеть: любить, родить, воспитать.

◆ Печать любви лежит на лице женщины всю ее жизнь, но с годами оттиск ее заметно меняется. В раннем детстве это — выражение печали, инстинктивное, пока неосознаваемое предчувствие забот и неизбежных разочарований, трудностей любви.

В отрочестве — любопытство, желание как можно больше понять, узнать внешнюю сторону любви.

В юности преобладает томление, желание, предтеча скорого разрешения чувства. Во время первой любви, в переходе от юности к молодости наблюдаем торжество, радость основного достижения жизни женщиной.

Период зрелости отмечен печатью удовлетворения и контролируемых, подчиненных страстей. Это плодоношение, высший расцвет и утешение, данное женщине за все предыдущие и последующие годы жизни.

В годы последнего всплеска любви — это ласковое выражение ждущих глаз, тела, души и сердца.

Затем приходит остыивание истомленных страстями любви тела и души. Увядание, старость, дряхлость, наконец; в глазах остается только неугасаемое воспоминание о прошедшем, печаль. Эта печаль очень по-

хожа на печаль зари жизни. И здесь старость уподобляется младенчеству, но только без его будущего... Иссякла дароносица любви.

◆ Женщина без любви как гидропонное растение, не может жить без искусственных условий: ненужных принципов, разврата, опьянения, учености до самоотречения, благо потребность самоотречения есть условие вообще жизни в сложившихся для нее обстоятельствах.

◆ Искусственная любовь женщины — по необходимости, по случайному увлечению и так далее — подобна бутону, поставленному в вазу с водой; вроде бы и распустился, чуть поцвел ярко и скоротечно увял, так и не дав плода.

◆ Женщина питается любовью днем и ночью, утром и вечером, во сне и наяву. Эта любовь во всем втекает в ее душу: в крике новорожденного, в мокрых перепачканных пеленках, в объятиях мужских рук, в тепле солнца, в воздухе весны; вся природа источает любовь, проникающую в душу женщины и питающую ее.

◆ Любовь женщины есть первооснова всякой любви; всякая любовь всасывается в человека с молоком матери: к людям, к собакам, к земле, к Луне даже, к каждой былинке и норному зверьку.

◆ Женская любовь как полет вслепую, никто не знает: куда, зачем, как долго? Но ничего не поделешь, все повинуются воле невидимого, управляющего ими; он знает и цель полета, и место назначения, и время.

◆ Тайны и малопонятны движущиеся причины направленности женской любви; почему она выбирает того, а не этого? Почему один мужчина, красавец, физическое совершенство, вызывает лишь скуку ее взгляда, а другой, может, и невидный собой, порождает страстное желание, и она ни перед чем не остановится, не удержит ее долг, обязанности, даже

честь и долг верности, долг материинства... заставит, принудит избранного обладать телом и душою своею.

Но только на первый взгляд эти движущие силы темны. Нет, они мудры и точны в своем действии; это законы живой природы, отточенные миллионами лет эволюции. Продолжение рода и его улучшение — вот двигатель женской любви! Отсюда и те генетические, внешне проявляющиеся признаки, которые, как магнитом противоположного полюса, притягивают женщину к мужчине, выбранному в партнеры: мужская доминантность, крепкое здоровье, отменно работающий желудок, энергия — признак сильного либидо, основы жизнестойкости. Не малую, но далеко не основную, роль играют внешние данные — признаки здоровых органов секреции, печени, почек, дыхания.

Пусть это звучит несколько натурально и обнаженно, но, что делать, любовь — это маска, красивая маска естественных биологических процессов.

◆ Любовь — содержание жизни женщины.

«Была ты невестою крымского хана, а стала казачкой донской». Это из современной эстрады, которая тоже играет свою шахматную партию по уничтожению русского духа; умело подыгрывая порой на национальных чувствах, весь пыл-жар безголовых певичек, сплошь почему-то в трусах выходящих на сцену, направляя на формирование из вроде бы нормальных подростков кривляющихся идиотов. Такое им задание дано кукловодами этой небезобидной игры. На страшном суде они продолжат пляски в трусах на раскаленных сковородках вместе с педерастами, выдающимися экономистами, нефтяными и газовыми «королями»... впрочем, перечислять всех долго.

В отличие от шахматного короля, которому постоянно грозит утрата трона, современные финансовые тузы бывшей нашей страны и в ус не дуют. Все у них есть за уворованные миллиарды, а раз все есть, то в действие вступают биологические законы и первый из них: желание обладать неограниченным числом самок. Но как это сделать, ибо силы-то уже подорваны в период первоначального накопления? Вот здесь на помощь может прийти столь ими нелюбимая мусульманская религия, ибо аллах обещает правоверному, попавшему в рай, тысячу наложниц-гурий, каждая с тысячей не менее красивых прислужниц. Соответственно мужские силы правоверного увеличиваются во много тысяч раз... Резюме: как говорит наш добрый народ про олигархов: в грому мы их видели!

НЕ ТАК ПРОСТО...

♦ — Александра Семеновна!

— Надежда Никифоровна! Давно не виделись-
то?

— Да, года три, как вы переехали в Гончаров-
ский поселок, ведь не ближний свет, на другой сто-
роне города... Нет-нет, вру, помните? В позапрош-
лом году на базаре встретились, когда огурцы на
засолку брали.

— Вспомнила, помню, голубушка Надежда Ни-
кифоровна, помню. Как живете? Супруг как, новос-
ти в доме какие есть; за полтора-два года многое,
полагать, случилось?

— Да всех-то новостей и не переберешь. Алек-
сеич мой жив-здоров, что ему сделается — все в
домино с мужиками во дворе лупит. Да, новость-то
главная: Аня, Сергеевны дочка, замуж этой весной
вышла, на пасху свадьба в мае была.

— Анюта? Да ну, вот уж новость так новость!
Как, за кого, что? Я уж, грешным делом, думала,
совсем в девках засиделась... Постой, сколько же ей
теперь? Мы, значит, в ваш дом переехали, значит...
тридцать два года? Ну, молодец девка, не упустила
своего. Рада, рада, передавай ей от меня поздравле-
ние, самой бы зайти, повидать вас всех, да далеко,
недосуг, все дела и дела...

— И не говорите, хлопот с ними, с той же
Анютой как мучалась Сергеевна, терзалась? Дело к
тридцати, а она то с одним, то с другим... Соседи,
помнишь, нехорошо говорить стали, умолкают, как
Сергеевна к лавочке во дворе подходит. Каково ма-
тери-то про дочь слушать? Да, голубушка моя, ведь
самое интересное и не сказала тебе: последние-то год
с лишком ходила она, хороводилась с одним, интел-
лигентным таким, говорила — по научной части.
Женихом его и считали, довольна Сергеевна была

им: вежливый, с машиной, уже и о свадьбе говорили, как — на тебе! Смотрю — раз, другой, а Аня-то наша, модница, с новым, из себя невидным, молчаливым... тот, прежний-то жених, туда-сюда, с букетами, с шампанским — куда там! От ворот поворот, а с новым своим уже через пару месяцев расписались.

Дом наш весь так и ахнул: это же надо, вроде далеко не девчонка, а такое выкинула? Баловство, да и только; к таким-то годам и ветер в голове, как равно школьница! Сделала — и просто ей!

— Да нет, Надежда Никифоровна, у вас-то дочери не было, а у меня, сами знаете, как раз на выданье. Ночей порой не сплю, дожидаюсь. Все думаю, думаю... не так просто это.

◆ Не так просто было все, не как словоохотливая соседка Надежда Никифоровна думала об Ане. Впрочем, Аня — это для матери и соседок, а так уже давным-давно, она и не старалась вспоминать как давно,— Анна Егоровна в школе для учеников и коллег преподавателей. Сама-то Аня понимала: не так все просто было в произошедшем с ней и в последние месяцы, и в долгих, ох, каких долгих годах, отдалявших ее от беспечной юности. Не так просто...

Аня с детства не обделена ничьим вниманием. Дочь интеллигентных родителей и это на фоне соседей по дому, сплошь рабочих и работниц соседних сахарного и арматурного заводов. Даже потом, когда училась в девятом классе, и умер скоропостижно отец, главный инженер арматурного, к такому семейству их — она да мать-учительница — весь дом, такой неспокойный и резковатый в поступках и суждениях, относился с уважением, не только памятуя хорошего начальника Егора Васильевича, умершего совсем молодым, но больше, пожалуй, из-за спокойного, уравновешенного характера матери Анны.

Дочь росла такой же красавицей, стройной, чуть

тяжеловатой станом, с коричневыми влажными и спокойными глазами. Волосы девичьих кос как-то незаметно распустились в пышные, темные, крупно вьющиеся пряди. И походку матери она унаследовала, ту самую походку, что заставляла смолкать самые пьяные и несдержаные языки дворовой шпаны.

К окончанию школы Аня была первой красавицей и класса, и двора, а может быть, и всей школы, и всего квартала сахарного завода.

Она это — иначе не была бы женщиной — прекрасно понимала и достойно носила свое нелегкое бремя. Известно, какие дочери вырастают в интеллигентных семьях, да еще если к семнадцати остаются вдвоем с матерью. Это серьезные, практически смотрящие на жизнь, но внутри, в душе — романтические девушки, подобия своих серьезных матерей, повторение их юности; как будто и не было разделяющей эти пары четверти века?

Во всяком случае, Нина Сергеевна не вслушивалась в утренние переклички соседок на балконах о том-де, что ночью опять в подъезде дворовые девочки и мальчики вино пили, драка была...

Ее Аня и мысленно себя не могла представить в положении той же соседней Верки, пьющей из горла портвейн на подъездной лестнице в окружении пьяных же парней, а после..., нет-нет, это не для нее. Она так осознанно и решила в год шестнадцатилетия — год искуса: не для нее — и точка.

И даже, когда в конце десятого класса, почти что случайно, по первому и минутному увлечению-затмению потеряв то, что до этого потерять казалось ужасным, немыслимым (он — худощавый, с бородкой; попала в мастерскую с подругой, что поопытнее), не потеряла голову и, помучавшись душою сколько нужно, перегорела: что-то осталось в воспоминаниях влекущим, что-то отвратительным.

А художник с бородкой? — Поняв на другой

день, что была она для него десертной клубникой, больше его не видела и видеть не хотела.

Вся была в мать, поэтому после школы и поступила в педуниверситет.

◆ Привыкшая делать все серьезно, Аня в университете училась не как некоторые, впрочем, многие числом, то есть шалтай-болтай, но исправно ходила на лекции, семинары, а вечером без особого интереса (понятно, в ее-то возрасте?), но понимая, что нужно, читала толстенные руководства по морфологии, синтаксису, педагогическим теориям. В новомодных соцсетях интернетовских особо не зависала

При всем том вовсе не была синим чулком; в ее-то годы и при такой внешности?

Были и мальчики, но все ограничивалось поцелуйчиками, прощаниями у подъезда в десять вечера, а веселилась все больше в компании своих сокурсников, чисто студенческих сборищах, откуда как-то не принято уходить по-двое. Не брезговала и клубами.

Только в конце завершающего, последнего курса спохватилась: более половины девочек повышли замуж, а она и не заметила. Но от осознания этого легче не стало, появилось неведомое ранее чувство нудноватого ожидания. Внешне же Аня стала чуточку посуевливее; там, где раньше проходила мимо, царственно глядя поверх голов, теперь поводила глазами, примечала. Где раньше бы промолчала, теперь высказывалась, замечая это досадливо за собой.

Мать заметила сразу, поняла правильно и чуть встревожилась. Признаки были еще не угрожающими, но заставляли дочь жить поторопливее.

В жизни Ани появились теперь уже не мальчики, а мужчины, с их мужской заботливостью, вниманием и... мужской настойчивостью. Она понимала, и хотя в душе что-то держало ее на невидимой привязи, не давало почувствовать себя свободной, тем не менее стала вести себя со знакомыми мужчинами как жен-

щина, уже без того первого ужаса, как всепонимающая женщина.

Мать устроила по своим прежним гороновским знакомствам Анию в школу, не в свою, конечно, другую и для дочери, и для себя. Так что Аня могла себя успокаивать, что-де ей не к чему было в университете торопиться замуж, чтобы избежать сложностей в трудоустройстве. Мать осторожно соглашалась, соседи вслух одобряли и выказывали полное понимание, но заглаза уже шушукались. И что это? Такая красавица и на те! До сих пор никак не остановится... и все прочее, что женщины в таком случае говорят.

Самый же ужас, что не заметила, как тридцать стукнуло. Испугалась страшно: куда годы ушли? И опять не сказать, что жила одними тетрадками-конспектами и вечерами разговоров с матерью, совсем нет, было много друзей и не просто друзей. Ездила летом в Крым и в Сочи, раз и в Турции побывала; ездили парами — вот тебе и медовый месяц!

Были увлечения, нередко дома ночью мать одна бывала, а после и мужчины у нее оставались, и мать, понимая, но все же стесняясь и чуть волнуясь, готовила ужин на троих. Дважды пришлось делать унизительную процедуру, правда, не в общей конвейерной больничной палате, а у знакомого врача, но неприятно, одним словом.

После стала осторожнее, здоровье и комфортное течение жизни не портила себе. А тут тридцать, и пора бы полюбить истинно, всей душой. Но тот возрастной момент упустила, а может влияние воспитания, жизни с мамой вдвоем? Кто знает, как давно холод и неудовлетворенность в душе поселились.

Порой Аня беззвучно плакала, запервшись в своей комнате. А мужчины, такие ласковые и внимательные, сильные, куда-то уходили. Куда их тянуло от спокойной и красивой женщины, главное — с

понимающей матерью: не всякая ведь мать позволит дочери приводить домой и оставлять до утра мужчин, с дочерью невенчанных.

Самое обидное, что не только они, но и она уходила, оставляя в сердце лишь легкую тоску воспоминания, почти беспредметного. И вот тридцать. Страшно.

◆ Переборов в себе нечто вроде гордости,— Господи! До чего дошла: жениха ищу! — Аня, как все и всегда делала решительно, тщательно все про-думав, сама себе не признаваясь в то же время, выбрала Виктора, доселе шапочного, через подруг, знакомого, но порой интересовавшего ее. Так, мимолетом всплывает в памяти его остроумие или просто уместная реплика, изящный профиль породистого интеллигентного лица. А раз решила — за дело, а пригласить к себе мужчину с ее внешностью, умом и манерами, да еще с отшлифованным добрым десятком лет опытом общения с людьми — ее круга и провинциального бомонда — труда не составило.

Тот было неправильно понял. Аня не была даже близко потаскушкой, избави Бог! Это-то он хорошо знал. Но знал он и присущее Ане желание порой расслабиться, не связывая себя, а вообще-то в кругу ее знакомых давно было решено, что Аня женщина свободная и роскошная; захочет, в постель с собой положит, разонравится или блажь найдет — пинка и кончен бал.

Вот Виктор и подумал, что на сей раз он избран в таком качестве. Прекрасно, чего же еще желать? И она женщина неглупая и свободная, он тоже не лыком шит, отчего же не поиграть в удовольствие на двоих, в Европе ведь живем!

Однако получил холодное предупреждение и скоренько был поставлен на место: играй, милый, роль жениха по всем правилам. Виктор растерялся и влюбился вмиг, как только и влюбляются в красивую,

неглупую женщину, лишь только она позволит это сделать. Самое главное — и ее все сильнее и сильнее потянуло к теплу, уюту, родной душе. Много думала, как пасьянс раскладывала, и все выходило: пожалуй, любит его. Во всяком случае с юности уже не было, чтобы волновалась о другом (исключая, конечно, мать): как бы не простудился, без пальто ушел, а осень...

И решилась. Дело было обговорено, осталось за малым. Соседки наконец-то успокоились. Слава Богу, Анька перестала кавалеров менять — и стыдно! Пора, ведь не работница какая со швейки, в общаге на казенной койке мающаяся без тепла человеческого. Все-таки в школе работает, завуча замещает, детей воспитывает, сама телом статная, видная, фигуристая, модная такая — загляденье. Никак на девушку не тянет, а настоящая женщина, глядя на которую матерые мужики носами сизеют и слюни глотают. Наконец-то за ум окончательно взялась, и жених под стать как есть.

Аня усмехалась. Шла влажным днем домой из школы, вспоминая соседок и чуть грустно улыбаясь. Да, соседушки сердобольные, не так все просто. И неожиданно, вспугнув копошащихся на тротуаре голубей, совсем неожиданно для себя она, такая уравновешенная, заплакала, отбежала под арку старой кладки дома и все вытирала и вытирала ручьем текущие слезы, шепча беззвучно: любить, любить хочу! Любви, любви хочу! Господи, помоги мне... Долго плакала.

♦ Дома, успокоившись от непривычной нервозности, поняла, что и месяца не выдержит семейной жизни с Виктором. Сожалела, что сама в сети завлекла, а теперь вот...

Просто, без обиняков все ему объяснила, прося простить — глупейшая просьба, что только раззадоривает, приводит в любовное неистовство мужчину.

А у самой нервы за два дня совсем сдали. Длилось это мучение с пару недель, а потом — словно небеса сжалились над нею, послали свыше случай. В гостях, куда пошла в надежде хоть на время загасить мучения души, в своей же компании встретила кроткий, но и сильный взгляд. Смотрел этот незнакомец именно так, как нравится женщинам: видел в ней женщину прекрасную, сильную, но мятущуюся. Видел ее именно как женщину, но то был не похотливый взгляд самца, а взгляд мужчины, словно говорящий: я для тебя, ты — для меня.

Ей вмиг все стало в нем нравиться: слова, не то чтобы красивое, скорее мужественное лицо, крепкое тело, а главное — его теплое, сухое, такое уверенное и покоряющее пожатие руки. Аня с мистическим ужасом почувствовала, что ее украли.

С того пожатия она успокоилась, пытка дергающихся нервами ушла. Незнакомец, а с того вечера знакомец, был настойчив, но то была та настойчивость, в той именно мере, что опять-таки нравится женщинам. Вот только тогда к ней пришла любовь.

Все остальное Надежда Никифоровна дорассказала давней своей приятельнице Александре Семеновне, случайно повстречав ее в троллейбусе.

Уже почти под десяток лет все женское население страны в возрасте от детсадовского до бальзаковского с мая по октябрь щеголяет в одеждах с декольте на пупке, хотя это антисанитарно, неприлично и вредно для здоровья. Да еще эти пупки и прокалывают под блестящие висюльки. У всякого нормального мужика при виде этих висюлок возникает удивительно стандартная мысль: «А ведь во время полового акта — в обычной позе — эти пупочные серьги надо снимать?»

А в шахматах? — Неужели скоро появятся ферзи с голым пупком?

«В России генерал не должность, а счастье», — сказал герой одного из бесчисленных сериалов из бандитской жизни (кажется, это слова Салтыкова-Щедрина?). А один современный физик, после того как его в 11-й раз не избрали в Академию наук, изрек: «Академик это не профессия, а черта характера». Рассказывают, что И. В. Сталин, одевший в форму полстраны: от школьников до дипломатов, собирался ввести мундиры и для профессоров, академиков. «Генерал-лейтенант от биофизики», — какового звучит? Впрочем, их и без униформы много...

ЖЕНЩИНА В ОТДАЛЕНИИ

◆ Всегда женщина сначала стремится показать себя в отдалении и, только произведя впечатление издали — чисто внешне,— начинает понемногу, осмотрительно приближаться.

◆ В темноте все кошки серы, а женщины привлекательны и загадочны. Еще если мужик пьян...

◆ Женщина в отдалении всегда желаема, быть может, даже более желаема, чем ставшая близкой.

Узнать, значит сделать шаг к отчуждению. В этом и состоит парадокс привлекательности незнаемого.

◆ Женщина в отдалении, как едва различимый корабль на морском горизонте, не поймешь: фрегат ли это королевского флота, пиратская бригантина, а быть может, купеческий барк? Что несет он на своих мачтах, бортах, в трюмах? — Грозный ли ряд заряженных пушек, смертельную ли опасность дикой воли или пожирающей чумы, а может пресыщен восточными пряностями, веселящим хмелем заморского вина? Или деловой товар быта заполнит его трюмы: мебель, столовая утварь, бюргерский покойный альков... Кто знает.

Приблизится корабль и заберет вас с собою; опять-таки куда? — В тесный трюм вековой неволи или в светлую каюту счастливого путешествия по морю жизни, а может, возведут вас на капитанский мостики, вручат компас, штурвал, карты, и подчинится судно беспрекословно и навечно вашей избранной воле.

◆ Никто не пройдет равнодушно мимо женщины; мимолетный взгляд, но бросит на нее: девчонку, девушку, зрелую женщину, даже дряхлую старуху отметит боковым зрением. Очевидно, что природой гипнотизм женской притягательности заложен независимо от половой чувствительности. Опыт Гальвани с мышцами лягушки...

◆ Какая пропасть лежит между школьницей и тридцатилетней женщиной; сколько галактических лет разделяет их в части любовного познания мира и женского опыта жизни? Но издали, со стороны глядя на них, мы всегда забываем об этом и спешим отметить лишь чисто общие женские признаки и на этом основываем схожие впечатления. Вот женщина с такими-то достоинствами и теми-то недостатками, даже забывая добавить: для этой все характеристики в будущем, а для той — в настоящем. Отчего так? Или физиологическое тяготение всепобеждающее, даже для разумнейших, рефлектирующего склада людей.

Пожалуй, что так. Никто не в силах противостоять зову природных сил; это не патология; патология, когда наблюдается обратное.

◆ Каждая случайно попавшаяся на глаза женщина, просто встреченная на улице, кого вы обогнали на тротуаре, или малознакомая соседка по дому, ваша сослуживица или секретарша, начальница на службе становится, как само собой разумеющееся, с одной стороны, возможным объектом вашего мужского партнерства, с другой — субъектом избирающей любви.

И это действительно первая мысль при первом взгляде, более того, в ответном женском взгляде читается то же самое.

Какое равноправие остатков воззрений матриархата и патриархата?

◆ Не зная женщину, никогда не пытайся определить ее характер. Нет более беспочвенной фантазии, ничто в твоих домыслах не совпадет с действительностью, исключая тривиальное: что-де ее «характер чисто женский».

◆ Умный взгляд также абсолютно ничего не говорит в незнакомой женщине, как и ее улыбка, грусть, гнев, слезы. Вы полагаете, что умный взгляд — от ума, улыбка — от счастья, грусть — от ушедшей

любви и т. п. Ничто не верно; умный взгляд — от удачно подобранных очков, подведенных век и накрашенных ресниц, прически, открывающей лоб.

Улыбка может говорить обо всем в жизни женщины, но чаще всего это маска, дополнение к туалету (вспомните казенные белозубые улыбки-маски американцев?).

Грусть же скорее говорит о противоположном: женщина в апогее любви, насыщена ею.

Ни один дипломат не сравнится с женщиной в умении владеть своим состоянием и маскировать его.

◆ Увидев некрасивую женщину, не спешите ее жалеть; женщина только и живет любовью, а любовь лишь начинается красотою лица и тела, питается же она красотою души. А эти две красоты разными руками раздаются.

◆ Юноше должно бояться обманчивого блеска красоты Незнакомки; зрелый же муж редко обманывается на этот счет.

◆ Женщина в отдалении всегда молчалива, ибо слова ее, жесты, смех и взгляд ничего не выражают для неизбранного мужчины... в отдалении.

◆ Незнакомая женщина есть величайшая конформистка; она предупредительно рассмеется на любую вашу остроту, с участием одобрит любое, самое нелепое философствование, охотно и не задумываясь поддержит ваш праведный гнев, вашу радость, горе и восхищение. Но ни в коем случае это не говорит о полном ее согласии, ибо тотчас же с другим конфидентом она поддержит, разделит, одобрит прямо противоположное.

Женский конформизм всегда инстинктивный и авансовый.

◆ Напишите слова «черное» и «белое», далее поставьте между ними знак равенства. Поздравляю, вы точно и однозначно, а главное, проницательно, определили характер малознакомой женщины.

◆ Природа создала один совершеннейший капкан, который ловит на расстоянии: своим видом, очень редко словом. Это женщина, идущая навстречу.

◆ Лишь один взгляд Незнакомки не обманывает и тотчас же зачеркивает возможные фантазии: взгляд, обращенный к другому.

◆ Случайно встреченная женщина может вызвать интерес, побуждение, импульс, но никак не пресловутую «любовь с первого взгляда», ибо последнее есть какое-то неутолимое половое устремление.

◆ Сила безусловной рефлексии: женщина, будь она некрасива, нестройна, глупа и перезревша, все равно старается на расстоянии произвести противоположное впечатление. Очень модно и ярко одевается, красится, причесывается, фасоном одежды компенсирует телесные диспропорции, глупость скрывает заучиванием чужих фраз и мнений, ускоренно доразвивается чтением женских журналов... И все иное в этом роде.

Глупенькая! Неужели она не понимает, что в отдалении мужчина знает ее час-другой, от силы месяц, пусть два, но потом всю жизнь обнаженными предстанут ее лицо, тело, ум, манеры.

Знает, ох, как прекрасно знает. Но еще лучше знает, а скорее неосознанно догадывается, какое значение имеет первое впечатление. И он, и она — оба знают пустоту, ложность первого впечатления, но как-то странно им обманываются.

— Коготок увяз, всей птичке пропасть,— воркует она ему, опустив шляпку с вуалькой, сняв «компенсирующую» одежду и выпалив скороговоркой свои суждения о политике, литературе и спорте. А тот немного потоскнет и... повеселеет, решив, что не в уме главное дело, даже не в пропорциях и объемах талии, груди, бедер — с лица не воду пить! На том стоит каждое второе супружество. А может и первое.

♦ О неестественности отметим. Порой женщина, стараясь выгодно подать себя, преподнести в более, чем она есть, совершенном виде, громко произносит спичи о политике и бизнесе, жестикулирует терминами искусства и науки, старается выглядеть чересчур феминисткой, охотно встречает в чисто мужские компании.

Она того не понимает, что все неестественное в женщине тотчас гасит мужской интерес, и сообразить не может, что несопоставимо много теряет, чем приобретает такой неестественной «привлекательностью».

Во всяком случае мужчина начинает смотреть на такую женщину, как если бы на ней были надеты зимой летние босоножки, в июльскую жару — меховые сапоги, парик сбился на левое ухо, а из-под него вылезли пряди совсем уж контрастного цвета, или еще какая нелепица того же рода.

♦ Как разнообразна женщина в приемах внешнего впечатления! Нередко она стремится привлечь нарочитым пренебрежением. Здесь, понятно, следует учитьывать всевозможные тонкости игры: сильное природное оружие предосторожности у красивой и умной женщины, причем именно той степени красоты-ума, что покоряет и издали мужчин.

Поэтому холодность и пренебрежение ее охраняют, охлаждают и отталкивают всех, кроме достойного ее избрания. А иначе, что бы ей оставалось делать? И как жить, не превратившись в клоаку отправления похоти или не став жестокосердечной разбивательницей доверчивых сердец поклонников.

Другое дело, когда речь идет о женщине в меру красивой, а может и просто привлекательной, с достаточным житейским опытом. В отличие от первой, она сознательно пользуется оружием нарочитого пренебрежения, но уже не для отпугивания излишних (если только юнцов?), а для привлечения избранного, но обычным путем не попадающего в ее сети

ласковых взглядов и нежных слов. Это — разновидность метода вышивания клина клином.

Но глупы те, как правило и некрасивые вдобавок, простушки, что обычно в качестве добровольных дуэний без жалованья оттеняют подруг-красавиц. Они, слепо подражая своим патронессам, тоже начинают «пренебрегать»; увы, им-то это не в засчет.

◆ Очки никогда не украшают женщину в отдалении, если только она по наитию не подберет им в *pendant* компенсатор. Например, им может являться чуть более покладистый характер, более ласковый голос, изящные для нашего грубого века манеры, продуманная избранность одежды и пр. Словом, такими дополнениями к туалету, как холодно поблескивающие очки, женщины должны — в сторону понижения впечатления — компенсировать впечатление от якобы чуть большей, чем есть на самом деле, молодости, беззаботности, даже вольности поведения. То есть в понимании женщины, не она компенсирует ухищрениями необходимость ношения очков, но вроде как надевает последние, чтобы казаться скромнее. Сам черт ногу сломит, пока разберешься!

Всякая цель требует для своего достижения не легкого труда.

◆ Казалось бы, что внешнее впечатление есть дело только внешности. Да, это так; впрочем, к женщинам сказанное не относится.

Посмотрите на женщину несколько меньшего по норме роста, а также несколько большего. Можно рассуждать, что обе они из кожи вон, но постараются создать впечатление нормы умным выбором обуви, причесок, фасона и расцветки одежды... Ничуть не бывало. Конечно, и это будет puщено в ход дела, но никакая маломерка или великанша на этом не остановится.

Удивительные другие средства бросают они в бой. Маленькая женщина имеет прекрасный бытовой

ум, обязательно мило кокетлива, обладает приятным высоким (не визгливым!) голосом, склонна к мелким изящным искусствам и художественному рукodelю. Вообще говоря, маленькие ростом и статью женщины привносят в дом уют.

Высокая же женщина не менее обязательно умна, курит, чрезвычайно эмансипирована, говорит глуховатым контральто, читает и имеет массу других достоинств, например, стройные длинные ноги.

И та, и другая, благодаря такой массированной самокомпенсации, удачно выходят замуж и именно за тех, кто им более всего нужен: меньших и великанов ростом (иногда, но часто — наоборот).

◆ Эффект преломления — это когда женщина в отдалении всегда выглядит моложе своих лет, красивее чем она есть, а также умнее, стройнее и... доступнее или недоступнее, смотря по тому, какую цель она преследует.

◆ Все в незнакомой женщине обманчиво, но пострайтесь понять ее природу и все в ней станет правдивым. И все согласно природе, ее создавшей.

◆ Воспитанность женщины — вот что не поддается разгадке на расстоянии. Почему-то именно это качество так нивелируется для внешнего впечатления.

◆ Внешнее впечатление, которое почти никогда не обманывает, это комплекция женщины. Чем худее женщина в сторону от нормы, тем более аффектированы ее качества: любовная неутомимость, привязанность, злость, ласковость, мстительность.

Женщина строго нормативной комплекции очень себе на уме. Золотое сочетание всех качеств — это женщина приятной пышности. Полная женщина, кустодиевская тож, склонна более всего к кипучей лени; и любит кое-как, и ненависть к ней не приживается. Она чаще всего добра, привязанность ее не утомляет. Очень любит детей и домашний уют.

◆ Женщина в отдалении чисто инстинктивно, на

всякий случай, подает знаки поощрения незнакомым, просто встречным мужчинам. Но вот что интересно. Так же подсознательно, не задумываясь, она градуирует до определенной черты свою долю поощрения разным мужчинам. Абсолютный максимум получает тот, чей вид выражает яркий тип идеального здорового самца. Далее по нисходящей следуют: начальник-самец, просто привлекательный молодой мужчина, поэт с локонами, самодостаточный зрелый мужчина средней потенции, наглец, веселый хам, бобер, муж чужой жены, приличный молодой человек, спокойный мужчина второй молодости, идеалист-бессребреник с бесцветной внешностью.

◆ Иная женщина со стороны глядится прямо-таки гастрономически, но ведь и неживое розовое мясо и сало смотрятся тоже очень хорошо, особенно для голодного человека.

Господи! Сколько же соблазнов на пути к познанию истины: женщины и вино, кальян и эполеты воина, мирская слава и покой домашнего очага... Все и вся сговорились против подвижника науки. Тем не менее — это суть диалектики познания: сопротивление нарастает по мере приближения к истине. А последняя, словно дразня, все дальше и дальше отбегает от своего преследователя...

Раньше народ увлекался спиритическими сеансами. Как это ни странно, но с развитием научного мировоззрения страсть к мистическим играм не ослабевает. Только в наше время это называется экстрасенсорикой, парapsихологией, биоэнергетикой, уфологией и пр. Человек мазохистски любит время от времени быть одураченным. Так стоит ли создавать высокоучченые комитеты по борьбе с лженаукой? Зачем лишать людей удовольствия?

ГЕНЕАЛОГИЯ ЛЮБВИ

◆ Кто не служил, тот не поймет эйфории дембеля. Это и радость возвращения в дом, с которым был разделен долгим годом, тем более в таком возрасте время замедляется, год за десять идет. Словом, главное ощущение — полное обновление в жизни. Двадцать лет и впереди вся жизнь, а за плечами, за таким небольшим еще возрастом уже так много, целый год солдатской жизни.

За месяц до дембеля Андрей узнал и еще одну новость в его же жизни, хотя скорее в будущей, что начнется через четыре недели. Впрочем, новостью можно было назвать с натяжкой, ибо еще когда уходил в армию, сгупив и не постаравшись поступить в «универ», отец его, подполковник медицинской службы, мечтательно рассуждал с девяти вечера до одиннадцати, что-де через два года с почетом отставят его от должности, и с приличной пенсией вместо госпиталя будет по утрам ходить служить в штатскую больницу, на худой случай в поликлинику; жаль, по возрасту в частную медицинскую «лавочку» не подходит...

Не секретом было для Андрея, что эту штатскую лечебницу отец видел не в их северном городке среди болот и лесов, где, ох, как не совсем весело жились эти три года после Питера — издержки всякой военной службы,— а в родном Тулуповске, куда семья ездила к многочисленной родне уже двадцатое с чем-то лет; каждые пять годов ездила из разных мест.

А вот и окончательное, решенное: из армии, с Урала ехать теперь Андрею надлежало за Москву и далее, немного в южную сторону, в столь знакомый город, где много летних друзей, теток, дядьев, двоюродных братьев и сестер, бабуся опять же... В этом самом среднерусском городе бывший медицинский подполковник купил на военно-трудовые сбережения на ближней окраине очень даже приличный дом, по-новомодному именуемый коттеджем. Окраин-

на в том городе оказалась, что называется, в двух минутах ходьбы от центральной, имени Владимира Ильича, конечно, по совковской традиции, улицы, то бишь проспекта. Дом стоял на фигуристой горке (Лиза не отказалась себе в удовольствии соотнести со своим домом...), под которой река, опоясывающая полгорода, за ней — дальний, синий лес, так знакомый с детских лет. «А учиться, сынок,— писала в своем последнем в армию письме мать,— поступишь в здешний университет; он хороший, филиал от знаменитого московского...»

Пропуская месяц времени до дембеля и еще три с небольшим, видим Андрея, умудренного уже месяцем жизни первокурсника, ходящего с утра на лекции, а вечерами бархатной золотой осени гуляющего в городском парке с массой новообретенных друзей-первокурсников.

Впрочем, не забыты и старые, летние по отпускам-наездам приятели, но все новое так притягательно, так... так ново! Простим же Андрею вскружившую голову свободу, что царствует и в распорядке всей жизни, и в привязанности к новообретенным друзьям.

Только ли приятелям? Нет, и приятельницам, конечно. Откроем секрет; он впервые в жизни не по школьному, по-взрослому влюбился в Беллу, девушку из соседней группы их же факультета.

Как-то гуляя по парку с сокурсником из своей группы, встретили их: ее, голубоглазого ангела Беллу и — что за напасть! — всегдашнюю Аллу, ее подругу, также однокурсницу.

Он и обрадовался, и потянулся было как дитя малое к Белле, но досадливая мысль всплыла помимо воли и желания; опять эта... Эта мешала и раньше подойти тихонько, в стороне от гитарной трескотни поведать милой Белочки о своих самых серьезных чувствах к ней. Однако сколько он ни искал такого случая, всегда мешала та, вторая. Или Белла дразни-

ла его, не отпуская подругу ни на минуту? — порой и такая кощунственная мысль приходила к Андрею.

Нет, не то чтобы Алла вызывала в нем какую-то определенную неприязнь. Вовсе нет. Если она и была менее красива чем его ангел, то, серьезно разобравшись, все различие сводилось к косметике. Скорее, неприязнь была безадресным неприятием ко всему мешающему своим особым отношением к объекту страстного стремления.

С того вечера так и повелось. Он с двумя-тремя приятелями, они обе и еще разные, меняющиеся личики семнадцатилетних девчонок-первокурсниц. Обычные шумноватые, дразнящие вечера; треп, танцы, кино, иногда для храбости бутылка-другая пива.

— Господи! Хоть бы эта Алла — неопасно, конечно — поболела пару недель...

И если Белочка всегда смеялась, лукавила глазами, напропалую кокетничала с ним, с другими, что его бесило, распалило, дразнило юную страсть,— всегда на лице ее было выражение: вот какая я! А глаза, казалось, каким-то чудесным образом следили за самой собою... то Алла? Впрочем, как определить ее характер? Может, Андрею мешала его искусственно нагнетаемая в самом себе неприязнь к ней, мешающей?

Может быть. Во всяком случае он не вдумывался: а что, собственно, она собою представляет? Он любит Беллу, любит как только и можно ослепленному молодостью, смехом, энергией, красивым личиком, изящной тонкой фигурой, любить в двадцать лет после года казарменной жизни в глухом военном городке, где из женщин только — офицантки в офицерской столовой, библиотекарша и буфетчица. И те или офицерские жены, или разобраны холостыми лейтенантами.

И имена-то их, как бы в издевку над ним, подобрались раскатистые: Белл-л-ла! Алл-л-ла! Сплошные «лы»...

Что их так сближает? Вроде как противополож-

ности во всем; она голубоглазая, другая с влажными, коричнево-оранжевыми глазами, несколько крупноватыми; Белла тоненькая, но, грубо говоря, плечистая, современная изящная девушка, Алла, пожалуй, более женственна. Тоже не скажешь, что есть признаки полноты, хотя бы грозящие проявиться в возрасте, но есть женская пропорциональная округлость; увы, женственность в наше время почему-то проигрывает выраженной спортивности.

Белла, вызывающе наперекор «беспринесной» моде, с английской стрижкой, Алла с естественно-каштановыми распущенными волосами. У одной глаза в тонком рисунке французской косметики, а у другой — обрамленные изящной французской же оправой очков; первая есть сама живость, подвижность в характере, вторая — себе на уме, правда, по хорошему себе на уме. Пожалуй, она и поумнее; в смысле глубинного интеллекта, конечно.

Все в них разное, а держатся друг за друга, ровно сестры в незнакомом месте. Самое же заметное, что вторая чуть ли не силой препятствует переходу отношений между Беллой и Андреем за пределы обычного «здравствуй — пока». Ей-то что за дело?

◆ Однажды, воспользовавшись тем, что к началу лекции, куда в перемену перешли всем потоком из другой аудитории, Алла где-то застопорилась в толпе, Андрей нагло сел рядом со своей мечтой. Та вроде и внимания не обратила на отсутствие подруги и весь час щебетала ему на ухо всякий девичий вздор. Случайно оглянувшись, как и многие впереди сидящие на чей-то гомерический чих, счастливый Андрей встретил взгляд, да-да, именно ему адресованный взгляд Аллы, сидящей выше на четыре ряда; что-то вроде сожаления (сожаления?) и жалости к нему прочел он в этом внимательном взгляде. Это что еще за новость? И тут же обо всем забыл.

Действительно, после этого случая все стало намного проще. Андрей стал встречаться с предметом своего вожделения по вечерам; раз-другой сходили в

кино, однажды были в городской новинке — только что открывшемся клубе «Наутилус». Белла была бесподобна, лучезарно весела. Андрей не раз и не два ловил на себе завидующие и откровенно восхищенные взгляды парней и даже усатых красавцев типа спортсменов или преуспевающих провинциальных офисников. В эти мгновенья он даже забывал, что Белла приходила в среднем лишь на каждую третью договоренную встречу.

Самое интересное, что теперь он перестал питать неприязнь к Алле, даже подружился с ней, девчонка была она неплохая. Он же был счастлив, радость так и лилась из него. Любил он весь мир, как вдруг все рухнуло.

Андрей, счастливый, что договорились — лично, не по телефону — о завтрашней встрече, ехал домой с занятий на своем номере троллейбуса. В кармане грела душу только что полученная стипендия, от родителей отговорится половиной суммы, а завтра поведет Беллу в полюбившийся ей клуб «Наутилус». За спиной громко говорили, он оглянулся и узнал парней; по знакомым отдаленно лицам и вспомнившимся пересудам однокашников (университет небольшой, филиал, то есть все варились в одном кotle) сообразил, что это пятикурсники с другого факультета, причем со славой отчаянных буршей, кутил, сердецов делового толка.

Сам себе не веря, холода от пяток до сердца, весь съежившись, как прячась от кого-то, он услышал (вчера... вчера они с Беллой договорились встретиться, не пришла, а сегодня взволнованно говорила ему, что с отцом сцепилась по-крупному). Он поверил как всегда, тем более весь ее вид говорил о большой семейной неприятности: некрасиво набрякшие веки, которые даже толстым слоем макияжа не скроешь, как будто ночь не спала...); и услышал он, как его голубоглазая любовь, а парни в разговоре единственно что ее полную биографию не рассказали, весь вечер и ночь провела в этой развеселой компании. В отврати-

тельных подробностях, на которые морщились пассажиры постарше, разговора он узнавал в ней те черты, что были скрыты от него ужасом неизвестности. Узнал что и как она пьет, что ничего не стоит ей за вечер, тем более за ночь переспать с двумя-тремя по их жребию, и что не в первый это раз...

— Белла не динамит, что надо!

— Говори! А ты, Вадимушка, еще кобенился в нашу компанию брать, малохольная дескать, ха-ха!

Он еле добрел от остановки до дома, а там не выдержал, позвонил ей... такой милый, родной голос, и все рассказал по-мальчишечи, сквозь почти ненасколько сдерживаемые слезы.

— Господи, какой ужас! Это ведь тебя разыграли, ведь не раз вдвоем видели,— в ее голосе звучала неподдельная обида за себя, но главное за него, потрясенного каким-то хулиганским злоязычием.

Он верил и не верил, ночь не спал, родителям грубил, а утром еще до лекции — Белла всегда опаздывала,— потеряв совсем голову, отозвал в уголок коридора Аллу и напрямую спросил ее. Она посмотрела на него, как тогда на лекции, тем же жалеющим взглядом: «А ты не знал?» Теперь-то он знал; правда, минутные сомнения не покидали еще долго.

Прошло целительное время, все больное переболело. Андрей смотрит теперь на мир серьезными, немного грустными, всепонимающими глазами. Сначала было нелегко, но со второго семестра Белла ушла на другой факультет, где «чертежей почти нет»; факультет в другом здании.

...Алла же очень нравится матери Андрея; она лелеет некую тайную мечту: Алла умна, серьезна и очень женственна, а сын все же не с шестнадцати-семнадцати лет в институт поступил, так и в перестарки недолго попасть! Обычная материнская боязнь, дочь ли, сын у нее... Андрей теплеет душой, встречая Аллу по утрам у институтской ограды и счастлив от того прощального — до завтра — поцелуя при вечернем расставании. «До завтра, милый!»

Наука — субъект женского рода, поэтому опытный ловец карьерных успехов применяет все приемы профессионального ловеласа, главнейший из которых — иметь дело только с молодками; им легче задурить голову. Не потому ли новые отрасли науки столь привлекательны для скороспелых профессоров и молодцеватых доцентов?

Отчего так не любят почти гениального мастера слова Андрея Платонова ни коммунисты, ни современные демократы? А вы возьмите любую его фразу, например, эту — из «Эфирного тракта»: «Девственность и женщин, и мужчин стала социальной моралью, и литература того времени создала образцы нового человека, которому не знаком брак, но присуще высшее напряжение любви, утоляемое, однако, не сожительством, а либо научным творчеством, либо социальным зодчеством. Времена полового порока угасли в круге человечества, занятого устроением общества и природы».

ЖЕНЩИНА ВБЛИЗИ

◆ Когда падает под давлением усилий или условий завеса, и женщина, дотоле витавшая где-то в отдалении, оказывается вблизи, рядом, становится твоей, в крайнем случае находится возле тебя, то с удивлением, радостью или ужасом, хорошо, когда со счастьем, наблюдаем абсолютную несхожесть того, кем была, и чем теперь стала женщина.

Полная непреемственность, антикорреляция независимо от того, каким ранее представлялся ее характер. Может она стать вблизи кем угодно: тигрицей любви, львицей домашнего очага, затупленной пикой занудливости, валькирией страстей, чистым ангелом души, хамоватой и пресыщенной самкой, любящей супругой и матерью, грязнuleй в месяцаами нестиранном халате... кем угодно, словом.

◆ Что казалось издали белым, стало вблизи черным, причем во всех качествах. Точно такое же чудесное перевоплощение произошло и во внешности. Та, что издали, со стороны смотрелась изящной, со вкусом одетой, аккуратно и в меру накрашенной, аппетитного телосложения, пропорций и форм, остроумной бальзаковской дамой, весьма расположенной к вам и лишь в силу вашей настойчивости и собственно симпатии к вам щедро на все соглашающейся — вообще-то, конечно, против веления долга и совести, лишь бы осчастливить вас избытком потаенной любви, — вблизи, раздетая телом и душой, оказывается жирной, угреватой, рано постаревшей от избытка пищи и похоти, грубой и неразвитой гастрономической торговкой, нечистой мыслями, телом и на руку к тому же.

Точно так же серенькая птичка с гладкой прической, молчаливая и незаметная, вдруг оказывается ласковой, умелой во всем женщиной и приятной, ум-

ной собеседницей. Что удивительно, только тогда и рассмотришь красоту души и тела, дотоле скрытую неброской издали внешностью.

◆ В том-то и состоит основное, распространенное заблуждение мужчины, что он упорно желает в ставшей ему близкой женщине видеть последовательное развитие качеств, ранее наблюдавшихся в отдалении. Глупый и наивный, он почему-то хорошо знает, что во всех областях жизни товар никак не соответствует рекламе, а здесь он ищет соответствия.

◆ Мы отмечаем, что женщина в отдалении соответствует определенному стереотипу, но это стереотип «заклекательности», ибо, только оказавшись рядом с мужчиной, она становится в его глазах действительным стереотипом, моделью одного пошива. Это уже стереотип женщины собственно. А, собственно говоря, почему не быть такому стереотипу? Что, наконец, в нем особенно общего для женщины? — Абсолютно ничего. Вам не нравится, что у нее вблизи оказалось женское тело как у всех женщин, да? Или что она страстно желает любить вас и только вас, и потому требует того же самого, хочет иметь ребенка, хлопотать всю жизнь, неся бремя и любовницы вашей, и повара, и советчицы по быту, и... и... Да?

Но вы говорите, что-де во времена приспособления, то есть знакомства, она была умнее или красивее, или женственнее, или более модно одевалась, тщательнее следила за собою, любила театр, хорошее вино и веселые компании. Даже в том обвиняют, что раньше курила и что теперь с некурением потеряла свою эмансипированность...

Друг мой, а ты понеси хоть годик бремя замужней или просто близкой женщины на себе, потом и говори. А эмансипированность? — Рекомендуется ле-

чение от противного: женись на шкафе с трудами по феминистике и эмансипации, а лучше — поближе познакомься с сорокалетней старой девой, докторанткой Института архивоведения.

◆ Несомненно, что половая основа, именуемая ныне импортным словом «сексуальность», есть та сила, что вырывает женщину из туманной дали ожидания и ставит ее вблизи мужчины, соединяет их. Но также не подлежит сомнению, что новое устремление, ранее, то есть в отдалении, тесно объединенное с эротикой, теперь разделяется. Как ни парадоксально, но установившееся половое общение тотчас приводит к ослаблению эротического впечатления в партнерской паре; вот почему для сохранения уравновешенности характера, где ничто не должно выпадать, мужчина, обладающий длительно и постоянно одной и той же женщиной, эротический комплекс поддерживает на посторонних, находящихся «вдали» женщинах. Отсюда и ходячее, но разумное мнение, что брак есть целомудренный секс. Объяснение очень простое; эротический момент есть момент завлечения, сигнал о половом здоровье, сигнал-разрешение на возможное объединение в любовную пару. А у супругов или долгих любовников отпадает необходимость в подобной сигнализации; у них либидо утоляется непосредственно в соитии, минуя стадию эротического магнетизма.

◆ Более всего поражает мужчину мгновенное «одомашнивание» ставшей близкой ему женщины. В этом проявляется инерция его характера; во-первых, безответственность, во-вторых, затянувшееся ощущение жениховского состояния. Но что он хотел? Быть не настолько наивным, чтобы не сообразить, что все предшествующее для женщины было только стремлением к созданию своего дома. Совсем не требуется

быть специалистом по социологии и физиологии брака, чтобы понимать это.

◆ Порой мужчину пугает и должно настораживать внезапно пробуждающаяся в ставшей близкой женщине активность полового чувства, телесной любви, хотя перед этим, в период сближения, иногда достаточно долгий, измеряемый и годами, она с видимой неохотой, почти нежеланием отдавалась ему, оставаясь в соитии холодной, словно выполняя некий мучительный долг, всем видом своим показывая, что это стыдно и мучительно для нее. Есть чему насторожиться.

Но не будь ребенком, ибо не пугать, но восторгать должно это тебя. Это есть знак того, что любимая женщина решила полностью тебе отдаваться, своей любви, без остатка, без запаса на черный день. А ее прежняя сдержанность двоякого происхождения. Во-первых, это природный составной элемент в любовной игре привлечения; во-вторых, следует иметь в виду истинное целомудрие женщины, которое для подавляющего большинства их вовсе не фикция, но совершенная реальность.

Есть меньшее число и противоположных женских характеров, действительно по-крупному играющих в ложную стыдливость и целомудрие; они-то и делают нехорошую погоду в создании неверного представления у мужчин. Правда, практика дальнейшей жизни очень быстро выявляет истину, а мужчина позже не любит вспоминать о своих напрасных опасениях и недовериях.

◆ Если женщине есть что скрывать — морщины, рыхлую кожу лица, словом, признаки того, что скоро состоится возрастной скачок от тридцати до сорока лет, а что еще может скрывать женщина от мужчины? — она пользуется косметикой. При этом она избегает солнечного света и предпочитает искусст-

венный, причем не китайский газосветный, а излучаемый доброй старой лампочкой Ильича. Лучше же всего чувствует себя в торшерной полутени. При этом она стремится не подходить к визави слишком близко; когда женщина есть что скрывать, то ее чаще можно видеть в отдалении, нежели вблизи. Но торшерный интим противоположен стремлению быть в отдалении, ведь это дико, когда партнеры жмутся по разным углам затемненной комнаты. Что же ей, бедной, делать? Она не долго мучается и находит выход, то есть убирает свет совсем.

Думается, что значительная часть сближений с немолодыми уже женщинами происходит в темноте. Вряд ли здесь причиной является стыдливость женщины, ведь это не юная школьница или студентка начальных курсов; это ведь опытная в жизни тридцативосьмилетняя женщина, так зачем ей стыдливость? Так что правильно истолковывайте причину этой «стыдливости», когда женщина стремится быть и вблизи, и в отдалении одновременно. Это замечательное качество женщины.

◆ Близость открывает новые качества в красоте и полнее передает все безобразие уродливых черт тела, лица, души и сердца.

◆ Женщина приближается из отдаления, все ближе и ближе. Как в свете разгорающегося после утренних подслеповатых сумерек дня выступают только одной ей присущие черты; все это вместо общего, нивелированного маской отдаленного абриса.

◆ Скажи, что за женщина идет рядом с тобою по пути жизни, а я найду ее, поговорю с ней, взгляну на нее прямо и со стороны, а тогда пойму, наконец, кто ты есть сам.

◆ *Tat twam asi.* — Это ты сам, — суть главная формула ведической философии. То же самое я скажу о твоей женщине.

◆ Много нового приносит с собою женщина, переходя из отдаления в близость: печального и радостного, миролюбивого и скандального, великолепного и отвратительного, великодушного и мелочного, светлого, чистого, грязного как одежда ассенизатора. Умей пересилить себя в первый момент и тогда поймешь, что все низменное, отвратительное преподнесено тебе же на выбор: захочешь оставить и останется при ней, при тебе; не захочешь — женщина тотчас отбросит. *Tat twam asi!*

◆ Вблизи даже китайцев между собой различаешь, так что и женские характеры на поверку оказываются не столь уж схожими и монотонными.

◆ В молодом возрасте люди склонны к фантазиям, туманным миражам, которыми они зачастую подменяют реальность; словом, взгляд их незорок. Отсюда и ошибки, по поверхности суждения о различных предметах. Например, смотришь и видишь, как на тебя мчится разъяренная львица и... вдруг пасует, а это было овечка или кошечка в маске. Другой же смотрит, как в отдалении бродят серенькие птички-невелички, подкрадывается к ним и только: цап-царап! — Птичка извернулась, а это — змеиная голова, и в ответ ядовитой пастью с жалом: ш-ш-пух! И отправлен молодой охотник.

Поистине юность получает уроки рассудительной жизни исключительно на неумении познать в отдаленной женщине те качества, которые она выявляет вблизи.

◆ Есть тип женщины-миража, она существует только в отдалении. Противоположностью является тип женщины-кошечки. Всегда вблизи и лишь вблизи заметна. Такие женщины очень теплолюбивы, их греет ласка и губит холодный туман отдаления. Когда она голодна и бездомна, то нет в мире существа ласковее и привязаннее; сытая же живет домом, но

дом становится только ее домом. В гневе укусы ее страшны.

◆ Страх перед женщиной, столь знакомый юнцам, а также многим застарелым холостякам, происходит из-за неумения либо затянувшегося желания предпочесть практическую *in vivo* любовь в близости грезам платонических мечтаний Ассоли, издали, с берега высматривающей алые паруса надуманной любви-фантазии.

Уже ребенком человек познает это неловкое чувство разрушения мечты-идеала; как хочется съесть новогоднего шоколадного зайчика, но еще более хочется беспечно им любоваться, не прикасаясь руками и ртом: борьба равнозначных зачатков идеального и рационального подходов в жизни.

◆ Вблизи-то трудно уже спутать голубя с крокодилом или кошку с собакой; сравнение это безотносительное и несопоставимое конкретно; просто такие несхожие пары пришли на ум.

◆ Вблизи женщина всегда меньше ростом, причем не обязательно из-за смены туфель на высоком каблуке на домашние шлепанцы, хотя эта причина решающая. Точно так же у женщины вблизи икры ног заметно толще; не будет же она дома ходить в сапожках? Нет, конечно, ради высокой цели поддержания своего женственного реноме она бы и дома ходила в сапогах, в туфлях на каблуке и пр., но здесь преобладают более практические соображения: не будешь же вытаптывать собственный паркет или ковер? Вот и приходится надевать шлепанцы; хорошо, если женщина догадливая и шлепанцы найдет себе персидские, расшитые; это несколько отвлекает взгляд мужчины от роста и полноты икр.

Рассуждая умозрительно, заметим, что всеобщее, почти что эволюционно наблюдаемое стремление женщин удлинять свои ноги каблучками (в балете —

вставанием на пуантах) имеет сложную природу; одну из версий см. у стаинного Ивана Ефремова в «Лезвие бритвы».

◆ Очень яркая женщина вблизи порой то же, что и яркий огонь (клубный прожектор, например) в полуметре от глаз: быстро устает от необыкновенного впечатления. Такие огни предназначены светить многим и в отдалении.

На всякий случай — не завидуй слепому.

◆ Опять о ногах; так почему они вблизи или слишком худы, или полноваты относительно нормы? Здесь есть и тонкости; пропорционально полноватые или худые икры и бедра — в небольших отклонениях от нормы — не вызывают каких-либо нареканий у мужчин; полноватые бедра в сочетании с худыми икрами отнюдь не украшают женщину, но вот обратное воспринимается мужчинами как очень сексуальное (Такие ноги и их владелицы, конечно, очень нравились тонкому знатоку Лаврентию Павловичу Берии, как рассказывал, не Лизе, но домочадцам, прадед).

◆ Предельная близость мужчины и женщины включает, кроме близости половой, конечно, идеально подстроенные под единый ритм направления мышления, мировоззрения, миропонимания и миросложения. Они так хорошо настроились на единый взгляд на окружающий мир, жизнь в нем, борьбу с ним, что порой воспринимаешь двоих как единое физическое целое. И приходится делать определенные усилия, чтобы воспринимать — при необходимости — их порознь.

Сами же они не нуждаются в словах общения друг с другом; их мысли текут одинаково и параллельно развертываются, а минимальное речевое общение обслуживает бытовые мелочи. Поэтому многие, неправильно понимая сущность общения при предельной близости, полагают, слыша их разговоры, что-де

они и говорить друг с другом разучились, а все их интересы сводятся к варке щей и мытью полов.

◆ Характер женщины, мало тебе еще знакомой, представляется по отношению к твоему характеру воинственно протянутым в обороне острием меча; затем он переходит в кинжал, а в пору достигнутой максимальной близости — это перочинный ножик, как напоминание о некровном родстве. Не искушай судьбу, порой таким ножичком основательно бьют в печень!

◆ Тщеславие женщины при выборе престижного объекта внимания всегда осторожно; во всяком случае не тщеславие как таковое, но извечные, интуитивно чувствуемые ею законы отбора претендентов на брак с ней, законы продолжения и совершенствования рода решают дело. Тщеславие же чаще удовлетворяется в полублизости, а в не в совершенном слиянии телом и душой.

Вот почему умная природным умом женщина очень четко проводит границу между кандидатами в мужья и кандидатами в любовники, хотя не всегда (а чаще никогда) может объяснить самой себе причину и критерий такого отбора.

◆ Я, рассуждая о женщине «со стороны» мужчины, вполне осознанно, твердо и обоснованно утверждаю, что все размышления о порядочности или непорядочности женщины, как объекта мужских притязаний, есть занятие бесполезное, ненужное и совершенно абстрактное. Ибо знание степени порядочности имеет практический смысл только тогда, когда женщина находится вблизи, но кто будет размышлять о порядочности, как об абстрактной категории, самого близкого вам человека? — Разве что холодный циник, но тот не допустит женщину близко к своей душе, ограничившись телом.

Домыслы же о нравственных качествах неблизкой вам женщины напоминают сапоги всмятку, калоши из картона; чаще всего приговор «о непорядочности» делается обойденным вниманием или просто озлобленным успехом другого человеком; он полагает: она спит с таким-то, какая же безнравственная женщина, сегодня с одним, завтра с другим... Ну и что? Положим, не завтра с другим, а через какой-то более продолжительный срок, но ведь и тот, и последующий за ним и мыслью не задаются о ее нравственности, наслаждаясь объятиями красивой и ласковой женщины.

Таким образом, ненужный никому из действующих в любви субъектов вопрос повисает в абстрактной пустоте чаще всего оскорбленного самолюбия.

◆ Слезы близкой женщины чаще всего вызывают раздражительность и гнев, в то время как слезы посторонней, во всяком случае неблизкой вам физиологически, женщины находят в душе вполне искреннее сострадание, жалость, даже сопереживания у натур очень чувствительных. В чем же дело? — В том, что первые слезы они же и ваши, а гнев проистекает от бессилия понять: почему я плачу, отчего мне плохо, то есть налицо худший вид бессилия — бессилие понять свое второе Я, *alter ego*, как говорят искушенные латинисты.

Близкая женщина есть твое отражение в зеркале. На твою улыбку она вторит, загрустишь — она потускнеет; каждое движение, каждая морщина повторяются у нее, как в детской игре «в подражание», сиречь в обезьянничество.

Но как во всяком зеркальном отображении у нее противоположное направление в повторении движений и действий оригинала; ты повернул голову вправо, она туда же, но ты судишь по себе, как об исходной точке отсчета, центре мироздания, и видишь:

она качнула головой влево. И это вызывает твое неудовольствие, дескать, почему не туда?

Маломыслящий! Ты не даешь себе труда подумать, что всякое копирующее тебя существо имеет и свои устремления, свою жизнь, но она *тебе* их подчинила, многое делает наперекор себе, противно своей натуре, воспитанию, понятиям, привычкам, но смиряет их, лишь в зеркальности и обнаруживая это различие между ней и тобой в совместной жизни. А ты кипишь праведным негодованием?!

◆ Женщина может находиться либо рядом с тобой, либо с другим мужчиной; стоять где-то посередине на голом месте для нее все равно, что озябшему человеку стоять неподвижно посреди огромной, промерзшей и продуваемой всеми ветрами площади.

◆ Вот для кого ужасом является женщина вблизи, так это для платонически влюбленного человека. Всякому возрасту должно перейти тот рубеж, за которым можно приблизить женщину издалека к себе, стать с ней рядом. Любовь интимная, со всеми ее откровениями и сложностями, требует возрастной зрелости. Каждому свое в свое же время.

◆ Приспособление женщины к практическому идеалу «женщина для мужчины» есть вещь настолько обычная, что женщина вблизи, независимо от особенностей ее характера, воспитания, чистоплотности, привычек и т.п., почти всегда предстает перед мужчиной такой, какой он хотел бы ее видеть.

Понятно, что так легче завоевать его, но не следует считать женскую мимикрию чистым притворством, приемом заманивания; нет, конечно, она делает это искренне, не считая мелочно, что-де это мое, а это твое... вообще, бескорыстие по отношению к избранному выгодно отличает женщину вблизи. И как более нигде исключение здесь подтверждает общее правило.

◆ Вблизи и у крохотной птички колибри не так уж чисты перышки. Так что порой не следует ничему удивляться.

◆ А вообще-то говоря, сближение с женщина^й есть тайна; ее трудно описать, но домыслить можно. Поэтому, будучи уверенными в разуме и чутье читающего эти строки, мы расскажем лишь о начале и конце некоторого диалога.

«О чём только не пишут в этих книжках в бумажных обложках,— сказала горничная.— Не понимаю. Я три раза была замужем, но здесь, в этой книжке, они что-то делают, а я не понимаю, что именно. То есть, я не понимаю, чем они занимаются...» (Дж. Чивер «Скандал в семействе Уопшотов»).— Это излюбленная тема кокетничающей с привлекательным мужчиной дамы. Тот, понятно, смекает в чём дело, но охотно включается в волнующую тело игру. Сложнее говорить о душе...

Однако (и увы!) все это в прошлом. Современную женщину в возрасте от детсадовского до преклонного мало интересуют любовные и окололюбовные игры с мужчинами. Ей свойственен крайний прагматизм: деньги, деньги и еще раз деньги. Даже если они ей особо и не нужны. Откуда такая алчность и озабоченность? — Причем у мужчин причина алчности совершенно в другом состоит. Нет, здесь истоки биологические, и женщина, как существо более природное, становится алчной в соответствующем мире. Да еще плюс к этому — покупательский инстинкт. Печально все это.

В древности, особенно в священных книгах, о чувствах говорили очень даже конкретно: «А я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействует с нею в сердце своем» (От Матф., 5—28). Со временем проявления чувственности утончились: «Счастье можно испытать только на двух полюсах человеческих взаимоотношений — где еще или уже не возникают слова: во встрече глаз, в объятии; только там царит безусловность, свобода, тайна и глубокая откровенность» (Томас Манн «Признания авантюриста Феликса Круля»).

Казалось бы, мы сейчас находимся в самом пике эпохи цивилизации и культуры *homo sapiens*... Какая же сверхутонченность должна соответствовать этому взлету? Увы, далеко не все так гладко и прямолинейно в истории цивилизации. И именно нам «повезло» оказаться (во временном, надеемся) в провале тонкости чувств. Хорошо бы это относилось только к возврату и биологическим началам любви... нет, «всеобщая монетаризация» превалирует ныне и здесь. Проституция — почти престижная профессия. Содержанки же, то есть проститутки единоличного пользования, вообще с презрением смотрят через стекла лимузинов на окрестный народ, снующий по тротуарам и перекресткам, а особенно — на бедновато одетые молодые пары. Вот он — парадокс нашего времени.

ДИАЛОГИ

◆ Есть такая категория счастливых семейной жизнью женщин в возрасте от двадцати пяти до сорока лет, которых хлебом не корми, но дай возможность устраивать личное счастье подруг и друзей юности, засидевшихся в одиночках и холостяках. В самой разнице этих названий заключен тонкий намек, что чаще всего действительно одинока незамужняя женщина. А мужчина? Он холостяк, но далеко не всегда одинок; и этим все сказано.

Вообще-то подобная тяга к жизнеустройству других людей отдает навязчивостью, но так устроен человек, что женская искренность заботы всегда с благодарностью принимается, во всяком случае мужчиной; за другой пол — не поручусь даже малым.

Так вот, такая-то благодетельница была и у меня; с Ольгой лет десять мы некогда были уличными соседями, потом учились вместе. Замуж она вышла за нашего общего приятеля почти с детства. Так что в качестве холостяка (это опять Лиза говорит за мужчину) я всегда находил в этой счастливой семье самое теплое участие.

Неудивительным поэтому и не новым был ее звонок накануне очередного Нового года:

— Игорь? Привет, как собираешься еще один год холостой жизни проводить? Давно тебя не видели, впрочем, турусы на колесах разводить не буду, а то у меня все конфорки на плите готовкой заставлены и духовка в деле; словом, «пар валит из кастрюлей и со сковород», — как бы твой любимый одесский классик сказал. Ясно я телеграфным стилем говорю? Того гляди и Димка в духовку голову сунет... К делу: ты где провожаешь — встречаешь?

— Мм-м, да-а...

— Ясно. Не мычи, ждем. Время, надеюсь, сам угадаешь. А ну-ка скажи, во сколько гости в Новгод приходят?

— Полагаю, что часов в десять; вечера, конечно.

— Молодец. Отказов не принимаю, слышишь?

— Слышу, не откажусь. Сватать опять будешь?
«Милая, умная девушка, почти совсем молоденькая, как раз по тебе умудренному...» Да?

— Угадал. Но на этот раз я уже предвижу вашу помолвку, не отвертишься. Нет-нет, Игорек, я уже серьезно: девушка в твоем вкусе, даже такой застарелый пень-холостяк, как ты, не устоит.

— Ты же знаешь, не люблю я этих твоих видений о светлом будущем...

— Не кипятись, я все серьезно говорю, обдуманно. Увидишь — за сердце схватишься, отдашься ей и сам победишь. Спасибо будешь всю жизнь говорить. Ждем. До завтра... Димка! Куда, дьявол, полез?

— Постой, постой, а что... — Положила трубку; вот уж старинной телефонисткой на междугородке ей бы работать. Гм-м, еще бы предложила и в постель уложить в Димкиной комнате...

Так я был приглашен.

◆ Назавтра, в полдень отметив смену «миллениумных» вех корпоративно на работе, ближе к вечеру собравшись — прогладившись, захватив заранее приготовленную бутылку вроде как неподдельного виски и пару «Токайского», морщась лицом и шеей от колкости ворота новой рубашки и тесноты непереносимого мною галстука (Ольга всему на свете предпочитает мужской бонтон), я доехал на автолайне до Советской площади, — на веселые дела на своих авто не ездят! — подождал нужный номер трамвая и покатил далеко-далеко, в другой конец

города в новопристроенный микрорайон. На ином транспорте туда ехать — в пробках стоять в центре города, который никак не объедешь...

Хотя и говорится, что быстро сказка сказываеться, долго дело делается, но в реальной жизни, наяву, не в грезах полуночного мечтателя получается обычно наоборот. Не успел трамвай переехать через Новый мост, выстроенный к московской Олимпиаде — 1980 взамен обветшалого Каменного, построенного еще пленёнными в Крымскую войну турками, и вкатиться в Глинки, деревню посреди города с домишками столетней давности, как на стрелке замер. Народ совсем не с праздничной руганью повалил во все двери; новогодний сюрприз от трамвайно-троллейбусного управления и его начальника Иосифа Марковича Гитофиса лично.

В неверном неоновом свете фонарей змеями свешивались в наметенные декабрьской пургой сугробы порванные провода линии. Порой они сталкивались, раскачиваемые слабым ветерком, и посыпали снег медленными, пушистыми и распадающимися на хлопья искрами. Потом и искрить перестали; сеть выключили где-то на невидимой за морозом и деревянным скопищем Глинок тяговой подстанции.

На часах было начало десятого; хорошо хоть заранее, не в обрез времени собрался. Народ, уже весело гудя — кого не порадуют даже недетские шалости в канун всеобщего праздника, — растекался кто и куда мог. Ловили редкие в этой занесенной сугробами деревне такси и частников, кто-то штурмовал автолайн на ближней дороге, а живущие или направляющиеся в гости неподалеку двинулись в пешем порядке. Горемычных вроде меня, то есть с дальним прицелом устремления, мало надеющихся на редкие лихие таксомоторы и не менее редкие, набитые по-сельдяньому лайны, осталось

около потухшего трамвая совсем мало, дюжины не наберется.

Потоптавшись с пяток минут, и вовсе остался сам — двое с молодой женщина^й, кутающей напудренный морозом носик в рыжий лисий воротник зеленого, в талию пальто — последний крик моды этого сезона... исключая норковые шубы. «Вот и послал Господь спутницу!» — подумалось безотносительно. Тотчас, словно отзываясь на мои мысли, она заговорила устойчивым, хорошо поставленным и надолго запоминающимся голосом, да еще промодулированным морозной хрипотцой:

— Вы не посоветуете, как теперь можно доехать до конечной остановки этого несчастного? — она нарочитым жестом указала рукой в рукаве опять-таки с рыжелисьей оторочкой на потемневший от горя, безмолвный трамвай.

— Здесь вообще бы выбраться, — буркнул от неожиданности вопроса, а точнее — от запоминающегося голоса я, но, почему-то спохватившись, высказал ей все возможные, а точнее мыслимые варианты пути. Здесь гипотетически предполагалось зеленоглазое такси, услугливый молодец-частник, автобус. Под конец — все-таки днем с коллегами на работе приняли за успехи последнего года капиталистической пятилетки — стал развивать фантасмагорию о встречном трамвае (на той колее провода цели), поездке обратно и вновь, но уже на чем-либо другом... Рассмеялись уж вместе.

— Ну так давайте пойдем в ту сторону, откуда реально можно доехать, — вполне доверительно и дружелюбно предложила она и, спохватившись:

— А-а... вы тоже до конечной?

— К несчастью да, то есть к счастью, я хотел сказать... тьфу! — Я совсем запутался в своей контрвежливости; действительно, мороз отъединяет язык от

головы. Похоже, что и в минус пятнадцать она заметила выступившую на моих щеках краску неловкости. Вот тебе, дылде, на четвертом десятке! Тут же успокоился, ведь в моем-то возрасте уже следовало знать, что женщина, если ей больше шестнадцати лет, все и всегда поймет как надо. Она и поняла, улыбнулась еще раз, слегка заинтересованно посмотрела на меня, развела с определенной игривостью руками; что, мол, поделаешь, что-то надо предпринимать, решать как добираться.

— Может, как вы говорите, такси попробуем, а? Или на лайн, далеко это?

Попытка оказалась, опять-таки вопреки народной разумности, настоящей пыткой. За двадцать минут по полузаметенной дороге вдоль трамвайного пути промчалась лишь одна машина из числа похожих на такси. Промчалась, даже не помычав о занятости. Впрочем, еще был самосвал с двумя седоками в кабине.

Вырисовалась за это время и вся тщетность автобусного варианта, да здесь еще нужно брести по снегу до обозначенной остановки с тем, чтобы напрасно ждать. Общественный транспорт при капитализме обиделся за невнимание к нему...

◆ Время не терпит, стрелка маячит почти у десяти — оговоренного часа приезда. Я было совсем впал в мужское чисто отчаяние, то есть когда вроде бы пустяковое дело, но ты бессилен что-либо сделать, но неожиданная спутница Вера, как она уже успела ввернуть свое имя и многое другое, впрочем обезличенное, рассказать, радостно указала на трамвай. К нему подъезжала характерного вида, с площадкой на крыше аварийная «летучка». Вера потянула даже меня слегка за рукав.

— Да ведь сколько же они провозятся?

— Нет, вы не поняли, рано или поздно провода починят, а мы тем временем по линии, время чтобы не тратить, да так и надежнее, на всякий случай пойдем, а трамвай нас нагонит.

Помнится, одна моя студенческая знакомая как-то сказала — мы стояли на задней площадке скверно и медлительно продвигавшегося троллейбуса: «Вот смотри, за нами «четверка» очень быстро идет, нагнала нас, может пересядем?» (Для справки: «четверка» — это был следом шедший троллейбус...). Почти такой же логикой обладало и предложение теперешней спутницы,— что важно и реабилитирующее — с поправкой на то, что на морозе лучшее идти, чем стоять, а второе, что, правда, может к утру починят, но пешком мы приDEM все же раньше. С доводами ее я не мог не согласиться.

Скрылись мы за поворотом от освещенного фонарем «летучки» трамвая, домишкы Глинок веселились по обе стороны колеи маленьками святыми щелками старинных ставен окнами. Над нами колко мерцали... ну, те самые, что в стихах: звезды, дорога впереди бесконечная, а за приятными откровениями и вовсе не так скучно и трудно.

...Время обежало идущую пару стороной, постучалось в дворы, где нас ждали — порознь, конечно, забеспокоило хозяев и хозяек, хотя и получивших звонки мобильников. Дед Мороз уже загодя вставил огромный амбарный замок в скважину того механизма, что щелчком переводит Землю из одного года в другой. Архивные короли и настоящие главы поделенных на государства материков уже готовились вместе со своими подданными посмотреть на телеэкранах и послушать загодя записанные президентские, а где и королевские новогодние поздравления, а они все шли и шли, порой смеялись, иногда замолкали, очевидно, сожалея и грустя, что давно уже им дед

Мороз подарков не дарит, хотя и нестарые вовсе. В разговорах их приоткрывалась суть того общечеловеческого чувства, что зовется влечением, к которому подходят с опаской люди, достаточно уже повидавшие в свои три десятка лет. Речь их называлась диалогом.

— ... (Через двадцать пять минут неспешной, но имеющей цель ходьбы по трамвайной линии и около нее, где осталась незаметенной дорожка) Игорь? А тебе не кажется, что мы опоздали?

Он посмотрел на свои почти «швейцарские» часы, на которых минутная стрелка готовилась отдать по-военному честь римской цифре XII и начать приближения к двенадцатому, полуночному часу, но не теплому римскому, а русскому, снежно-морозному новогоднему часу.

— Но отчего же, успеем к двенадцати. Простят, думаю, тем более — мы отзвонились, то есть я не знаю, как у тебя, а за себя не опасаюсь, розгами пороть не будут. К тому же ты не хочешь, то есть хочешь к своим друзьям попасть?

— Нет, мы пойдем вместе, если ты не возражашь, пойдем к твоим. Всегда удобнее мужчине сюрпризом привести девушку, а наоборот — это уже очень смело, прямо-таки геройство.

Она уверенно и в то же время легко тронула его локоть свободной руки и, достав из сумочки мобильник, полуотвернувшись, что-то проговорила, не слышимое для него.

— Но и ты позвони, чтобы не совсем уж сюрпризом было.

Он, от нахлынувшей в груди теплоты, не думая ни о чем и не помышляя, уже набрал было номер, как вдруг пот неловкости прошиб его; а «нареченная»-то ждет, ей объявлено кто придет... Но он позвонил.

Читатель! Я тебя несколько разочарую, чтобы ты не воспринял этот рассказ как надуманную святочную историю. Нет, звонили они по разным номерам, а «нареченная» девушка нимало не обиделась; была она спокойной и компанейской. Все.

«Гости пожирали все кушанья, как свиньи, после того лакали вино, как коровы, и при этом вели себя как ослы, а под конец все блевали, как отравленные собаки». В этой фразе Иоганна Гриммельсгаузена из его знаменитого «Симплициссимуса» мы отнюдь не собираемся высматривать гневную филиппику против зажравшихся нынешних спекулянтов-торгашей, явных воров и бандитов, взятколюбивого чиновничества, для стола (табльдота и достархана) которых кухарки не устают волочить с рынков горы мяса... Извините, бог, ибо и статья 29-ая Конституции прямо запрещает возбуждение социальной розни, а право частной собственности охраняется статьей 35-ой того же документа. Нет, мы все-го лишь о культуре художественного перевода. «Симплициссимуса» перевели на русский язык в далекие советские времена, когда эта самая культура достигла невероятной высоты. Это всем цивилизованным миру признано. Но любой деревенский житель расхохочется, прочитав эту фразу: «Как, коровы лакать умеют? Ха-ха-ха!»

Действительно, коровы, в отличии от других наших ближних — собак и кошек,— лакать не умеют. У них строение морды иного биологического фасона. Так что занимательную эту книгу озвучивал по-русски очень известный, маститый переводчик, лауреат и так далее, но, увы? — не бывал он в деревнях и селах, даже в полусельско-хозяйственных пригородах. А вот инженеры 60—70-х годов это хорошо знали, часто бывая в подшефных колхозах.

Встретились две дамы в модном салоне-бутике, вспомнили молодые годы, когда работали начинающими бухгалтершами на резиново-техническом заводе. На заре переустройства всего уклада жизни в стране чуть было не победившего коммунизма ловко выскочили замуж — обе забывших комсоргов, только не их завода, но макаронной и кондитерской фабрик. Их и поставила братва, штурмом взявшая оба предприятия, директорами.

Дамы давно уже не работают, воспитывают детей в привилегированных частных лицеях и гимназиях, допущены в городские женские бомонды, но так получилось — в разные: макаронщица в опекаемый вице-губернаторшей, а кондитерша — супругой градоначальника. Видятся потому редко, но вот встретятся, как сейчас в «Этуали-люкс», и как будто ничего не изменилось со времен работы на «резинке».

— Ах, Верунчик, мой-то кобель стерву длинноногую новую завел, «форд»-маломерок ей уже подарил.

— А мой, голубушка Танечка, как всегда: две тонны зеленых вчера в казино спустил.

...И обе принялись вспоминать славные, ностальгические времена, когда макаронный комсорг за очередную интрижку расплачивался дешевыми бирюзовыми серьгами, а кондитерский проигрывал десятку-другую в кинга, да и то из комсомольских взносов.

ЖЕНЩИНА НА ЛОЖЕ ЛЮБВИ

◆ Нет ничего нового под луной, но всегда присутствует веками и тысячелетиями выработанный консерватизм. Как скоро всплывает в мыслях, в беседе, в книге слово «сексуальность», так первое, что приходит на ум в словесном или образном обрамлении как мужчине, так и женщине, то это женское имя и женский образ. И никто не даст себе труда подумать, что на самом-то деле постоянно сексуален мужчина; он никогда не откажется в рамках возрастных возможностей, конечно, удовлетворить постоянно снедающее его желание, в то время как женщина, наоборот, далеко не всегда соглашается.

И действительно, ведь не на мужчине, а на женщине лежит физиологическая ответственность за генетический отбор, евгенику, то есть постоянное улучшение человеческого рода. Всякий мужчина толкаем инстинктом на продолжение своего рода, каждая женщина ведома инстинктом к улучшению своего рода.

Но обыденное и неизменное редко бросается в глаза, всякое же избирательное заметно. Потому-то и перенесено созвучие интимных отношений и постоянного желания мужчины в область женской сексуальности.

Можно подойти к этому вопросу и с чисто эстетической позиции. Действительно, образ женщины привлекателен из-за гармонической законченности и богатства форм ее тела: изящные выпуклости грудей, точенные линии бедер, восхитительная форма живота; здесь же ягодицы, атласная кожа, роскошные волосы, темный треугольник лона... А у мужчины? — Какие-то топором срубленные бедра, кривоватые ноги, поросшая обезьяням волосом впалая грудь, а детородный орган только и воспринимается как нечто непристойное.

Кстати, подтверждением сказанного являются и

принятые критерии, определяющие эротику и порнографию; обнаженное женское тело — это эротика, но когда в кадре или на фото появляется обнаженный, с «предметом», мужчина, то это уже порнография.

◆ Многажды неправы те, кто измеряет сексуальность женщины в количестве, качестве, изобретательности и готовности к совершению актов голой любви с кем угодно и когда угодно. Это так же грубо, как грубо (и глупо!) от всего любовного комплекса чувствований оставлять только постель с конвульсивно барахтающимися на ней переплетенными в неэстетичных позах потными телами.

Пусть не покажется слишком оригинальным, но у слова «сексуальность» есть вполне однозначный и полностью совпадающий с ним по всем оттенкам смысла синоним, а именно: «женственность».

◆ Из ведической книги «Дхамману»: степень возбуждения пропорциональна степени глупости. Если глупость понимать в смысле отсутствия логики поступков и мышления, то это истинно о женщине; если же глупость понимать как неспособность осознания мира и природы человека, то это только о мужчинах.

◆ Принято считать, что темперамент женщины находится в прямой связи с ее чувственностью и даже, что заметный темперамент есть избыток последней. Во всяком случае в сексуальной женщине есть запас темперамента, но собственно темперамент и чувственность в женщине находятся в отношениях совершенно случайных, примерно в таких, в которых состоят ботинки первого встречного и наличие на их каблуках подковок. То есть это есть вещи совсем необязательные друг по отношению к другу, хотя и имеющие определенную причинную, но весьма опосредованную связь.

◆ Чувственное вожделение вовсе неплохое качество, ибо есть такое же составное звено жизни, как и разум, слух, зрение. Плохо, когда всеми осталь-

ными звеньями руководит *чувственное вожделение*. И не периодами, что требуется женщинам, а иногда и мужчинам, но постоянно: от момента полового созревания до мощей. Плохо, как плохо блюдо, перенасыщенное пряностями.

◆ Кажущаяся любвеобильность женщины — это когда пресыщенная любовными бурями жизни, полностью испытывающая счастье удачного сочетания в себе матери и женщины, наконец, измученная страстями только что прошедшей бессонной ночи, она тут же, незамедлительно принимает вид готовой к новым чувственным наслаждениям. Что это? — Порочность от знаменитого завтрака Евы, раз и навсегда с яблоком Змия вкушенного женским родом? Или патологическое неравновесие — с женским превышением — в запасе страстей обоих полов?

То, что женщина, только что поднявшаяся истрепанной с постели, первым делом чисто инстинктивно поправляет прическу и красит губы, стареющая матrona изводит все свободные деньги на девичьи наряды, а многодетная и многосчастливая мать, выкроив свободные два часа между кормлением, стиркой, мойкой, тратит их не на сон-отдых, ни на что другое, полезное себе, а бежит в парикмахерскую или, если денежна, идет в фитнесс-клуб — *не для себя, хотя и на свое лицо*, — все это есть великий инстинкт всегда быть готовой.

Она, скромница, и подумать стыдится: к чему быть готовой? За нее природа думает, как часто в нашей жизни обязательно кто-то думает за нас.

◆ Зигмунд Фрейд в одной из своих лекций по психоанализу (а ведь я, Лиза, — тоже психолог!), заключая вопрос о способах выхода либидо, которое может реализоваться либо сексуальностью, либо более полезными энергетическими затратами организма, например, физическим или умственным трудом, либо их сочетанием, предостерегал как раз против

неразумного сочетания в расходовании либидо. При этом он напоминал об известной немецкой побасенке про гулльскую лошадь. Экономные граждане города Гулля решили приучить свою общественную лошадь к малой толике пищи. Постепенно уменьшая, они свели паек овса почти к абсолютному нулю. Но в тот день, когда лошадь должна была работать без пищи, она... сдохла. В нашем фольклоре это про цыганскую лошадь...

Что же мы видим вокруг себя, в среде людей? — Счастлив тот или та, у кого имеется оптимальный запас либидо и кто полностью расходует его, отдавая Богу богово, а Кесарю кесарево?

Не очень-то счастлив человек с малым запасом чувственности. Его холодность, как правило, неприятна окружающим. Но вовсе интересное положение у людей с избыточным либидо; они при всем своем старании не могут воплотить его в сексуальность. Половой гигантизм, как всякая гипертрофия, есть аномалия и поэтому не очень-то приветствуется. Хорошо еще, если излишек этот воплощается в мирные дела; здесь выдающимся образом является Дюамате^ц (впрочем, и Жорж Санд); в них вряд ли за правлял художественный вкус и талант, скорее излишняя чувственность выливалась в громадное число исписанных листов.

Но не все отцы являются Дюома и не каждая Аврора Дюеван воплощается в Жорж Санд. Что делать обычному офиснику и рядовой домохозяйке? Им затруднительно полностью реализовывать даже среднестатическое либидо, ибо его могучий эквивалент — творчество — их не посетило. Поэтому мужчина пьет, дурит, смотрит в одурманивающий телевизор или в «комп» и коллекционирует марки, если деньги водятся. А женщины? Как это ни неприятно, но от фактов окружающей жизни не уйдешь; в них избыток сексуальности выливается в какие-то странные поступки. У старой девы наблю-

дается выход в ложный эстетизм; она не пропускает ни одного фильма, ходит без разбора и на концерты выдающихся исполнителей, и на цыганские ансамбли областной филармонии, и даже в театры глухих, хотя сама болтлива как сорока.

У дам средней замужности либидо выходит через интрижки, легкое пьянство, курение и питье кофе круглый день, незлобное сплетничанье. У них либидо дремлет во временной консервации, готовое вновь расцвести.

Наконец, у приснопамятных домохозяек, то есть женщин замужних основательно, обзаведшихся детьми, чувственность полностью и бесповоротно утрачена, все, что остается от приевшихсяочных, поспешных ласк усталого мужа, выходит через язык. Не подумайте, в силу своей испорченности, дурного; речь не идет об оральном сексе.

Это язык сплетен на службе; язык кричит, все и всея бранит дома. Язык, язык, язык... он все мелет и мелет, компенсируя некоторую неустроенность личной жизни.

◆ Инфантильность полового чувства совсем не обязательно является результатом воспитания в духе «аистиного приноса»; более того, всякое сексуальное образование девушки, еще не живущей половой потребностью, существенно не воздействует на ее характер; она его попросту не воспринимает, как не воспринимает женщина любое абстрактное знание. «Успехи» современной нам сексуальной революции девяностых годов в России есть вовсе не государственная вседозволенность развратающей пропаганды, но социальное, экономическое и пр. прямое подталкивание к раннему и безразборному совокуплению. При нормальном устройении жизни в стране эти «крамольные» сведения отскакивают от невинности, как горох от стенки.

Только потеряв девственность, став физиологически женщиной, она жадно впитывает познания и

опыт постельной жизни. Вот здесь-то дозволенность или недозволенность массовой информации, а точнее пропаганды, играет решающую роль.

Для сравнения обратите внимание, как в наше время интенсивно используют приемы половой любви самые, казалось бы, солидные женщины, заботливые и нежные молодые матери, молоденькие девушки, стыдливые создания. В постели они, хотя бы на первых порах неумело и внутренне скованно, вытворяют вещи, о которых большинство женщин предшествующего поколения подумать бы постыдились, а если и использовали, то с очень любимым (опытным к тому же) мужчиной в начальной эйфории сближения телом.

♦ Странная эта дифференцированная из общей физиологии человека наука сексология! Странны ее доводы; принято с молчаливого согласия женщины бранить в их же половой холодности... мужчин.

Но помилуйте! Если женщина ошиблась и избрала себе в партнеры неподходящего ей в половом тяготении и темпераменте человека, то последний хоть из кожи вылезь, совершай еженощно трижды три тринадцатых подвигов Геракла над ней одной, но тем не менее она останется ледышкой.

Но дай ей соответствующую пару, таинственными законами биологии подобранного партнера, и при всей его возможной робости, лености, неумелости, половой неоригинальности и малосилии она будет пылкой, энергичной и, главное, глубоко удовлетворенной и насыщенной любовью счастливой женщиной.

♦ О доминантности сексуального начала в женщинах можно судить хотя бы по тому житейскому факту, что пьяный мужчина вполне может найти удовлетворение только в вине, но пьяную, даже умеренно хмельную женщину неотвратимо тянет к совокуплению; даже с незнакомым мужчиной, даже на центральной площади города.

♦ Ноги женщины стареют последними, поэтому они и есть главная ее сексуальная афиша.

Зима в сегодняшнем году выдалась ранняя и морозная. А в вымороенной деревеньке Колотылино осталось всего два наследника: бабка Агафья с дедом ее Мартыном. Пришло время выборов, а до их избирательного участка, что в бывшем сельсовете, двадцать верст пути по бездорожью. В един день не обернуться, а за хозяйством-то следить нужно постоянно. Порешили: захворавший ногами Мартын останется за хозяина, а Агафья пойдет голосовать, может упросит и за деда бюллетень опустить. Переночует в селе у дальней родственницы, а на другой день также пешком возвратится.

Вот бредет Агафья по легкому морозцу, выбирая чусть приметную тропу и так думает: «Раньше одна партия была. И все голосовали за нее. Теперь же их много, каждый волен выбирать ту, которая ему больше люба. Значит и начальников много изберут, да все разнопартийных. И как они только друг с другом уживаются? Небось и подрасться могут. Нет, правильно по радио говорят и по телевизору (электричество от деревни еще не отключили): снова нужна одна партия!»

Содержательница публичного дома — под маркой салона красоты «Жизель» с бутиками-мансардами индивидуального обслуживания клиентов — госпожа Коробочкина, несмотря на свой серьезный возраст, слыла в округе женщиныой прогрессивной. Такой же энергичной и передовой была она и на заре перестройки, имея за плечами почти двадцать лет партийного стажа и руководя — в качестве завхоза-распорядителя — загородным комплексом областной школы комсомольского актива. Она же в начале «боевых девяностых» открыла если не первый, то уж во всяком случае второй-третий публичный дом в губернском городе. Далее о ее удивительных нововведениях по несколько раз в год восторженно писала главная желтая газета области «Толока»: завезла из столицы темнокожих массажисток, открыла кредитную линию для постоянных клиентов, устроила экспресс-диагностику на СПИД, гепатит-С, сифилис и гонорею — для охраны здоровья персонала и посетителей... И многое, многое другое.

...Но о чем сейчас задумалась Елена Феодосьевна? — А вот замахнулась она почти на столичную штучку в духе времени, когда все СМИ с утра до ночи проливают крокодиловые слезы, призывая состоятельных людей к благотворительности, а именно: раз в месяц на целый час устраивать день открытых дверей для малоимущих.

ДЕНЬ МАРТОВСКИЙ

♦ В месяце марте на улицах много котов; даже кто и не был котом все остальные одиннадцать месяцев года, то становится усатым, пушистым, ласково мяукающим. Поэтому март и зовется котовским месяцем.

От древнего бога Солнца, что празднует пробуждение от зимней спячки, идет этот котовский месяц март, месяц восстания ото сна, когда всяк думает о цветении, тело и душа наливаются сладостным соком вожделения друг к другу. Жеманно зевают кошки, распускают усы и хвосты коты-котики. Мряу-мряу! Мряу да мряу... Цап-царап коготками.

Игравая эта пора заставляет и людей-котов, и кошечек являться по утрам на службу с невыспавшимися лицами, кругами под глазами, зевать до самого обеда, рассеянно тыча пальцами по клавиатурам «компов» и перекидывая листы пыльных дел. И часто-часто, чаще чем всегда, девушки-кошечки по утрам вынимают из сумочек заветные, тайные календарики, что не доверяют гэджикам, где на месяц вперед, а то и на весь год зачеркнуты или обведены некие заветные числа, долго рассматривают их, что-то шепчут, по-детски надув припухшие с ночи губки, прикидывают в уме и, смотря по полученному результату, либо веселеют, либо же грустнеют и остаток месяца живут в видимой тревоге: что-то надела-ла? Что-то будет?

Тревожный и веселый месяц март. От древнего бога Солнца дано людям и котам время чувственной тоски и важных перемен. Жены, если они благоверные сами, очень бдительны в мартовские дни.

♦ В один из таких мартовских, к тому же субботних дней Игорь Летовский (кстати, скромный в обыденной жизни человек) распушил свои усы и хвост, выпустил цап-царапкины коготки... доняла-

таки его мучающая неясным томлением позднемартовская талая погода.

Случилось, что с самого утра это томление выгнало из дома и носило до тех пор, пока не привело к дому приятеля, а тот был накануне нежданно зван на день рождения к своей «постоянной» подруге. Чтобы не огорчать так искашего его общества в неуютный и хмаревый мартовский день Игоря, он перед явкой на торжество заскочил с приятелем в кафе-стекляшку, где они и распили бутылочку не очень легкого, но и не слишком тяжелого для головы и желудка вина.

Характеры сдружившихся людей обычно схожи, потому они и находят друг друга в разобщенном мире. Схожесть же характеров Игоря и его приятеля наиболее проявлялась в том качестве русского человека, которое принято именовать как « заводной по этой самой части». Словом, они опорожнили и вторую бутылку, после чего приятель махнул рукой на условности, утверждая что-де у нас уже сто лет как нет настоящей аристократии, и повел Игоря на подружкины именины. Главное — преодолеть условность, а так все выглядело проще, то есть Игорь был встречен благосклонно, тем паче, что пришел он, как оказалось, не в совсем незнакомое общество; кого-то он знал шапочно.

Известно, что именины — дело веселое, чай, не поминки, и ни в какой другой ситуации незнакомые доселе люди не сдружаются так скоро, как на свадьбах и именинах. Еще не нахмурилось в сумерках небо, как Игорь сдружился с очень подвижной, приятной полноты — но в меру, дамой тех лет и наружности, что нравятся всем мужчинам от шестнадцати до семидесяти. Да еще в полную меру захмелевший приятель шепотком подзуживал: «Бери, Игорек, не теряйся, дева что надо... тридцать шесть или семь лет, но — во!». И далее пояснил, что муж у нее — по торговой части «бизнесментер», как всегда — в

отъезде, а сама она приходится родственницей Инне по матери, любит повеселиться — с мужем-то, толстяком, много не порезвишься...

Никогда еще Игорь, ухарь не из последних, не встречал столь приятной женщины. Известное дело, что в веселии, а не в угрюмом хмелю, знакомства идут так быстро и так близко, что трезвым, вспоминая наутро, только диву даешься. Тем более интересно вспоминать такому человеку как Игорь; ухарь-то ухарем, любитель прекрасного пола, но вполне уравновешенный, не половой безразборный разбойник.

Кто-то предусмотрительно, по наущению, конечно, приятеля, усадил его рядом с Еленой, а все остальное сделали ее женская привлекательность и все понимающий ласковый взгляд. Когда он, в первый раз сказав про себя: пан или пропал! — сжал в своей руке ее ладонь, лежавшую на бедре удивительной округлости, осмелев от вина и ощущаемого поощрения, от тепла крепкого, приятно пронизанного ароматом духов женского тела, то, чуть помедлив, сдвинул руку вбок и провел ладонью по ласкающей гладкости колготок чуть ниже границы на середину бедра отошедшего платья. Впившись хмельным взглядом в ее глаза, он медленно повел ее ладонь в самый вверх, коснулся кружевной оборки платья и, сминая его тонкую шелковистую материю, весь напрягшись, поднимал все выше и выше блудливую руку с ее зажатой, спокойной ладонью. В какой-то момент он ощутил, что ладонь его разжата, уже свободна и скользит по самой вершине теплого, гладкого, чуть вздрагивающего от назревавшего возбуждения бедра.

Уже он чувствовал самую верхнюю границу, за которой позволяющая это продвижение женщина становится чьей-то женщиной, как она наклонила голову, щекотнув его шею завитками своих волос, и прошептала со значением: «Игорь, И-игорь!». В голосе ее слышалась ласковая укоризна. Он было от-

розвел, но шепот продолжался: «Игорек, подожди, милый, не торопись», — и погромче: «Потанцуем?».

Уже понимая друг друга, они, имитируя движения танца в затемненной комнате, мало кого замечая из присутствующих, но в то же время умело огибая другие прильнувшие друг к другу пары, не сговариваясь, продвигались к кухонной двери, а когда добрались, то оттуда вышла пара, улыбнувшаяся им.

На кухне также стоял полумрак, только с улицы подсвечивало от дворового столбового фонаря. Дверь же в комнату уже была закрыта, а Игорь, мало задумываясь, подпирал ее спиной. Они сцепились губами и не отрывались друг от друга, напряженно дыша, задыхаясь. Его обезумевшая рука сминали все без разбора: платье, еще что-то шелковистое, невесомое, — сжимали защищенное колготками и кружевной полоской мягкое, пушистое, набухающее ответным желанием тело. Другой он сжимал в любовной яности, собрав в одну ладонь, притискивая друг к другу, ее полуосвобожденные груди с крупными коричневыми сосками.

— Тише, тише, Игорек, — жадно шептала она, на миг убегая губами, — тише, милый, ну, потерпи еще немного, сейчас уйдем...

Он же, стеная, до боли прижимал заведенными за ее талию и пониже ладонями ее бедра к своим чреслам, втискивался своей грудью в ее холмики, теперь уже разгоняя их вправо и влево. Она явственно ахнула, когда на вершине исступления он до хруста сжал в ставших клещами руках эту податливую и теплую плоть, отдававшуюся ему.

Более трезво соображающие, они обратным путем из кухни, скользя между вечность танцующими парами, добрались до прихожей. Одеваясь, Елена немного пошепталаась с выглянувшей в коридорную дверь именинницей, та ласково махнула им рукой.

Вышли. Господи! Посылай чаще эту мартовскую ростепель с морозцем под вечер.

— Ну, куда же мы?

— В тепло! Вон-вон там такси... останови, пожалуйста. Это далеко.

◆ За окнами вовсю чернела мартовская полночь, морозец подергивал разошедшиеся за день лужи, а здесь тепло ласкало тело. Тепло от мягкого ворса ковра, от батарей отопления, забранных в фигурные обрешетья, от нелепого, но такого полезного никелированного электрокамина. Даже от сумеречного торшера тепло.

Хмель то уходил, то возвращался вновь; бутылка коньяку стояла поодаль в углу ковра, тут же лежали на боку рюмки, нестойкие на ворсе настоящего, ручной работы таджикского ковра. Тело измучено, но только до поры до времени, до прикосновения к телу неистрапанному, упругому, цветущему последней и самой яркой расцветкой молодой женской красоты. Только-только стоит прикоснуться, обнять, впиться губами, руками, грудью в эти упругие и теплые прелести, ощутить всем телом изнутри пышущие страстью окружности, почувствовать ладонями крупные, шелковистые завитки волос, зыбкость грудей, мягкую линию живота, роскошных бедер с золотистыми — вопреки глупой моде! — волосками и сладострастные изгибы лона.., как утомленная дряхлость собственного тела прогоняется прочь, упруго наливается желанием, которое с каждой секундой сосредотачивается в той части, что становится как бы нечувствительной, распирамой, готовой вот-вот лопнуть, если она не извергнет из себя в нее... Губы впиваются в губы, распухшие от нескончаемых долгих соитий, твердеют соски грудей, а зыбкость их охватывает все прильнувшее к ним лицо. Руки деревенеют, мертвой хваткой впившись в атлас бедер. Тело вмиг становилось пружиной, а плоть нечувствительно входит в плоть, легко

преодолевая первую и вторую упругость, соединяясь в единое и подвижное, как пароход на качающихся его волнах, с нарастающим темпом бежит к истомленному крику страсти, его стону, к заключительным конвульсиям пароксизма и освобождения, к наступлению временной пустоты. В эту вожделенную минуту два тела в одном замирали, до боли впиваясь одно в другое через соединяющий их гибкий мостик, но тут же, истомленные, распадались, разваливались до следующего касания. Жаркий шепот.

— Игорек, милый, ты не считаешь меня...

— Что?

— Может, я романтическая дура... а я нравлюсь тебе?

Молчание было ответом, но ответ — долгим поцелуем.

— Нет-нет, я ведь почти лет на десять, наверное, старше тебя; я тебе правда нравлюсь? (Здесь читающая свое же написанное Лиза покраснела ощущенным теплом щек — надо же, какие страсти меня почти непристойные в молодые годы посещали, а?)

И хмельные слова уверения, и снова страстная борьба, и победа торжествующей плоти.

— ...Что же делать, муж-бяка, я уже внимание не обращаю на его похождения, весь город говорит. Даже его дружки-приятели полагают, что у него не все дома: жена-красавица и моложе намного (Извини, не себя рекламирую, но повторяю чужие слова), а он секретарш раз в полгода меняет. Наверное, предстарческая дурь началась, на клубничку потянуло... Понимаю, конечно, только дети и могут мужа, какой он ни есть, привязать к семье и жене, а сын уже почти взрослый — я очень рано вышла замуж,— такое впечатление, что семья на три отдельных части все больше и больше разъединяется. Ты меня понимаешь? Вижу, понимаешь. Еще мне нравится, извини, когда мужчины мне на ухо шепчут...

— Что шепчут? Мужчины?!

— Да ну тебя, дурачок! Мужчины, конечно; разумеется не сто мужчин в год, а один-два... Что называлось раньше, по санаторно-курортным путевкам.

— А я?

— Ты пьяненький и обидчивый мальчик. Теперь — ты, и ты шепчи мне на ушко.

— Леночка, будь моей...

— Я твоя, вся-вся твоя.

— Нет, совсем будь.

— Не говори благоглупостей, милый. Пока ты со мной, я буду твоя. Будь и ты со мной, а все эти глобальные перспективы... время прошло, я уже люблю комфорт, полусвободную жизнь; пойми правильно, я не развратница, не расчетливая бабенка, но я женщина в самом расцвете лет. Да и не забывай: мне тридцать восемь!

— Это все глупости.

— Не глупости, милый мой, ох, далеко не глупости, напротив, самые-пресамые ясности. Ну их, разговоры ненужные, люби меня, как в восемнадцать лет, и скажи на ушко: «Я люблю тебя, я хочу чтобы ты со мной...».

Разрешающий все пароль. Ночь вступила в свои мартовские права. Порой ему становилось стыдно (?!), но в какой-то момент он, наконец, почувствовал себя полным владельцем этого сказочного тела, а она покорною рабыней ласкала его и принимала с восторгом все его изощренные ласки, что возникали образно в несколько хмельной голове и тут же воплощались в действие. Он уже был разгорячен не столько вином, сколько чудом обладания этим прекрасным, всепринимающим, верным и отданым ему телом цветущей и вожделеющей женщины. Таким опытным, очень опытным и безудержно страстным. Наступил с началом ночи сладостный туман, когда голова уже не знает, что делают руки, тело, губы.

В начале второго часа ночи они разомкнули объятия, а еще через десяток минут закрыли за собою чужую им обоим гостеприимную (ей, видно, не только с ним!) квартиру подруги Елены. «И когда они успели договориться? — мелькнуло у него в голове, — вроде бы все время он от нее не отходил».

— Не провожай, милый, я сама доеду (такси — по телефону еще из квартиры). Впрочем, садись, довезу тебя до дома бани.

Они замерли в объятьях на заднем сидении, затем она вышла, успев-таки сунуть таксисту купюру. О дальнейшем они договорились еще в тепле приветившей их квартиры. Поцеловала, нагнувшись в дверь машины, и эмейкой улизнула в подъезд. Там на каком-то этаже ждал или не очень ждал равнодушный сын в хулиганском переломном возрасте.

— Куда дальше, оплачено? — подмигнул таксист.

◆ Одному в такси стало неуютно и он попросил шефа-армянина остановить уже через пару кварталов, совсем забыв, что на часах без четверти второго ночи.

Он вышел, но и ночной мартовский морозец не остудил его восторга. Тело еще трепетало в лихорадке сильнейшего возбуждения. В руке он держал шапку, забыв о ней, по инерции шел в направлении, где угадывался за массивом микрорайона центр города, где дом... Его дом.

Немного прия в себя, он догадался-таки в районе цирка вскочить в запоздалый последний трамвай, шедший в депо с далекой Носковской окраины, на котором сам-друг и доехал до центра. По-прежнему держа шапку в руке, забыв о ней, шел. В таком-то состоянии восторга души его окликнул звонкий в морозной ночной тишине девичий голос:

— Игорь? Да ты, я вижу, крепко подшофе!

Это была — так кстати, так не хотелось уходить от людей, от ласкового женского присутствия в су-

мерки заснувшей квартиры — ...Леночка, но уже Леночка-меньшая, как он сразу окрестил свою давнюю (если год-полтора есть давность в отношении мужчины и женщины) знакомую-соседку. Она только-только прошлым летом поступила в пединститут; познакомился он с ней опять-таки в общей компании разновозрастных людей, раза два провожал до дома. Наивное пока создание. Пока. Но уже усиленно старается подражать взрослым «телкам»: пьет, правда, морщась, курит, а в душе такая детскость? Вот и сейчас, наверное, идет навстречу родительской ругани из клуба, да еще после нее полтора часа болталась со своими подружками на холоде, без конца куря.

— Слушай, Ленок, давай выпьем?

— Совсем свихнулся, сейчас почти два часа.

Что почти два это ерунда, в своем районе он знал все нарушающие все строжающие законы «ночники»; были бы деньги. Через пяток минут он уже выходил из веселой торговой точки сто десятого дома навстречу Леночке, имея в карманах две холодящих кожу бутылки чего-то темного, крепленого.

По опыту зная, где тепло, они поднялись на шестой, верхний этаж ближнего, к счастью бездомофонаенного, дома. Дом был с мусоропроводом, поэтому на площадке предусматривалась почти что отдельная комната. Они уселись на подоконник, пили по очереди из горлышка, курили. Леночка пьянала и стала вздыхать, он поцеловал ее раз, другой. Она прильнула, обняла, расстегнула — дитя, дитя непосредственное! — его пальто, свою шубку. Он прильнул к ямке в излучине ключицы, она расстегнула кофточку; он помогал ей, расстегивая на ощупь в темноте площадки нижние пуговицы кофточки, боковую застежку ее брючек. Заведя руку за ее спину, щелкнул застежкой бюстгальтера, отвел его чашечки вниз, зарылся пылающим от вина и нового возбуждения лицом в ложбину между освободившихся отнейлоно-

вой тесноты, затрепетавших девичьих грудок, затем прильнул к крохотному, только кончиком языка и угадываемому соску.

Леночка прижалась к нему бедрами, обтянутыми брюками, стащила с него галстук, расстегнула рубашку, прижалась своими грудками к его груди, замерла.

Тело его, пресыщенное соитиями с тем другим, роскошным телом, опять заволновалось, уже хотелось повторения. Что-то сказал ей, она отошла от подоконника, он скинул свое пальто, освободился от мешающего, прижался пылающим телом к ложбине девичьих грудок, затем погладил ласково по ее гладким волосам с пучком на затылке и слегка прикусил ее ушко. Тепло трепетавших грудок отошло, она неумело и слишком торопливо целовала сухими губами его пылающее тело.

Он снова ей шепнул, впился в чуть подрагивающие, припухшие губы. Он гладил ее волосы, ушки, подбородок, немного отодвигаясь, когда возбуждение нарастало и еще больше разбухало желание, вся твердость которого была взята Леночкой-старшей. Застилизировавшийся хмель поддельного подмосковного портвейна поддерживал возбуждение, но и не давал ему прорваться и освободиться. Она все так же ритмично следовала за движениями его усталого тела. Возбуждение бесило, кричало, и он сам, всем телом вошел в ее ритм... и все прорвалось, он обессилено откинулся спиной на высокий подъездный подоконник; она же что-то невнятно произнесла, а через несколько секунд прошептала:

— Невероятно!

— Голова его, насквозь проколотая прихлынувшей кровью, плохо соображала.

— Что, Леночка? Что невероятно?

— Господи, как хорошо...

Он похолодел от ее юного восторга и умиленно

что-то забормотал ласковое, заботливое. Бережно ласкал ее пылающее лицо, облизывая, как кошка котят, своим языком часто и быстро. В душе творилось что-то непонятное, но тело все расслабилось и плыло в незнамой ранее истоме.

Они не хотели расставаться и, чуть придя в себя, еще раз полностью проиграли весь акт блаженства. Не хотели и сейчас расставаться, но Игорю некуда было ее вести к пушистому ковру и теплу жилья в эту мартовскую ночь. Она же еще не понимала, что эта ночь именно мартовская, а значит ночь безумных случайностей, и повторений в этом качестве уже не будет для нее. Зато он хорошо понимал и благодарили единственную в году ночь всепрощения за полученное греховное блаженство.

Дом их был рядом, он бережно поцеловал ее засмутившееся на фонарном свету лицо — губы, глаза, носик — и тихо затворил за стуком взбегающих по лестнице легких девичьих каблучков подъездную дверь. Дошел до своего подъезда и еще раз вздохнул полной грудью свежий воздух мартовской ночи, пошел к себе, хорошо зная, что даже разбуженная (ключ-то он забыл!) мать не будет ворчать в эту мартовскую ночь. Душу терзали злые звери укора и ласкало пушистой шерстью мартовского похотливого зверька (Еще раз покраснев теплом своих щек, Лиза поскорее перелистнула страницу).

◆ Сексуальное чувство девственницы есть еще только мечты ребенка, играющего в капитаны, о настоящем командирском мостике.

◆ Путь интимной жизни женщины складывается из нескольких отрезков, не совсем четко ограниченных, но в общем-то укладывающихся в определенные возрастные периоды.

От сознательного пробуждения потребности любить до расцветшей юности это есть неясная, зовущая и томящая мечта, очень неконкретная, стыдя-

щаяся самой себя, насыщенная инстинктивным патоническим любопытством к отношениям полов.

В юности это всеподавляющее влечение, осознание предмета влечения, боязнь реального осуществления тяги тела, первое соитие с его ужасом, горечью и нарастающей сладостью. Далее идет временное остранение, потом недолгие колебания и, наконец, окончательное осознание; «сдвиг мотива на цель», — как бы сказал иной последователь Зигмунда Фрейда, теоретика психофизиологии любви.

В продолжение юности до мысли о необходимости замужества происходит семимильными шагами становление чувственности, осознание неизбежности и притягательностиовой жизни. Этот период начального сексуального опыта с его наивностью и прозрением, преувеличенным вниманием к внешности (своей и избранника) и ковой активности мужчины. Первая любовь начинает этот период, а заканчивает его замужество или вообще регулярная, удовлетворяющая физиологию половая жизнь.

Замужество прекращает полигамность телесной любви, устанавливает исключительную роль мужа в продолжении полового взросления. Период до рождения ребенка характеризуетсяовой гармонией, где чрезвычайно значима роль эротики — стимулятораовой жизни в браке.

Рождение ребенка знаменует кратковременное изменение ориентиров привязанностей, за которым следует возобновление активной интимной жизни на более высоком уровне страсти. Но потом идут критические годы, где есть символические изменения, вспышки ревности, искаания и метания и, наконец, преодоление кризиса — чаще всего рождением второго ребенка.

До бальзаковского возраста, условно отсчитывающегося от половины четвертого десятка, идет нормальная интимная жизнь с мужем; нередко у натур тем-

пераментных и раскованных она тоже нормально разделяется с постоянным любовником. Случайные контакты не выходят за пределы курортных романов.

С сорока лет и до климакса идет медленное успокоение, приостанавливаемое редкими бунтами плоти и ненавязчивыми связями. В самом начале этого периода, когда дети становятся взрослыми, женщина вновь начинает чувствовать себя свободной, выполнившей основное женское предназначение перед мужем, детьми и социумом. Она неясно мечтает о переменах, о любви обновленной... но уже поздно, и она это хорошо понимает. Поэтому чаще успокаивается в ожидании внуков, реже заводит серьезного и постоянного любовника-друга, порой «раскручиваясь» в благоприятной обстановке. Отпускное время предпочитает проводить в отдалении от семьи.

В климаксе угасает и далее женщиной себя не ощущает; только матерью, бабушкой, пресловутой «старухой» — в глаза и за глаза — своего доброго мужа.

Однако в каждом периоде данного этапа жизни ею движет одна самодовлеющая надежда и мечта: все впереди, в том числе лучшая любовь, не — встреченный мужчина. Все впереди! Любовь, любовь, любовь — все впереди, а сегодняшнее и вся предыдущая интимная жизнь это только затянувшийся пролог.

Так она думает.

◆ Взбалмошность не есть последнее основание женского полового чувства и действия.

◆ Любовь и половое чувство есть два полюса, между которыми женщина порою мечется, но чаще спокойно прохаживается. Лишь в счастливейшем случае эти полюсы в женщине гармонично сочетаются, но обычно они не в дружбе, увы...

◆ Эротика — пьянящая, зазывающая витрина полового чувства, а порнография есть ее блудливая

сестра, хотя и родная, почти близнец, нет, скорее двойняшка. Потому-то так просто перейти в область порнографического, художественно иллюстрируя сексуальность женщины.

◆ Говоря о сексуальности женщины, всегда помните, не упускайте из виду основного, без чего все самые глубокомысленные рассуждения могут оказаться мыльными пузырями, а именно: если у мужчины половое чувство имеет конечной целью и своим назначением удовлетворение любви телесной, в половом акте — этом фарсе на случку животных, вообще-то говоря, то сексуальность женщины имеет совсем иную конечную цель и другое назначение. Женщине очень важен сам факт подготовительной любви; ей хочется нравиться мужчине, привлекать-заносить, подманивать его; ради этого она вступает в половую связь с мужчиной.

Я вовсе не говорю, что ей не нравятся поцелуи, объятия, не нравится лежать вдвоем в постели, что ей не доставляет сладостного удовлетворения половина акт, его фривольные разновидности. Нет, ради Бога нет. Но повторимся — это для нее не цель, не назначение, а самое мощное и неотразимое средство нравиться для того, чтобы продолжить род человеческий.

◆ Если тебя, женщина, спросят: кто подогревает и питает твое вожделение,— то скажи: «Вот он!» — И укажи на похотливого, довольного собой и удовлетворенного тобою самца, что стоит в изголовье твоей постели и — пардон — застегивает свои штаны.

(«А ведь и моя выросшая дочь может это прочитать?» — И Лиза встала, нашла в ящике своего письменного стола степлер и накрепко запечатала страницы про месяц март...)

Пришла в комнату к бабушке внучка:
принесла фотографию своего жениха. Пос-
мотрела та, внешний вид одобрила:

— А теперь рассказывай: кто таков, ка-
кой бизнес имеет, состоит ли депутатом в
какой-никакой думе?

— Нет, бабушка, он доцентом в универ-
ситете работает, физику студентам пре-
подает, докторскую диссертацию сочиняет.

Ужаснулась бабушка, запричитала:

— Да ты, милая, ума решилась совсем!
Это на двадцатом-то году реформ за до-
цента физики замуж выходить?

Поуспокоившись чуть, деловито и с на-
дежной спросила:

— Взятки хоть со студентов берет?

— Фу, бабушка, что ты такое гово-
ришь...

Весь вечер и половину ночи горевала ба-
бушка: «Как в воду глядела, когда всеми си-
лами сопротивлялась браку дочери с учите-
лем математики. Яблоко от яблони недале-
ко падает».

Собрались как-то после обеда три старушки, пансионерки богадельни высокого класса, бывшего санатория для обслуживающего персонала ЦК КПСС в Подмосковье. От нечего делать две из них сцепились друг с другом:

— И правильно сделал сын твой, даром что владелец трех заводов, отправив тебя сюда: за язык твой пакостный, за сплетничество твое!

— А еще вернее дочь твоя, что замужем за президентом банка, рассудила: такой неряхе и бездельнице только в пансионе место!

А третья старушка, не имевшая таких высокопоставленных детей, попавшая в богадельню по социальной разнарядке, все молчала. Домолчалась до того, что обе спорщицы, помирившись, набросились на нее:

— Что затаилася, тихоня? Мы-то за дело сюда попали, а ты по блату!

МАРЕВО (АННА), ИЛИ ПЕРЕДЕРЖАННАЯ СТРАСТЬ

◆ За эти две ее ночи новой жизни, совсем не похожей на прежнюю, хотя в прежней, едва научившись связывать друг с другом понятия вещей, думать, она только и делала, как любая девушка, что готовилась к этой новой жизни: тайно, краснея, а затем обстоятельно, тревожась и замирая от предвкушения счастья... за две эти ночи ей впервые снился — не урывками, не эпизодами между томящими, страстными объятиями Его, мужа, трепетом его тела и ежечасными обвалами-потрясениями, так казалось ей — чувственный сон о бесконечном соитии, чувственном, сладострастном. И в том сне уже была забыта первая, хотя совсем недавняя резкая боль первого сближения.

Редкое явление в наши дни — она принципиально в свои двадцать четыре года встретила брачную ночь девственицей, непорочной, ужасаясь наивности этого слова, в то же время гордясь этим чисто поженски. Это шептала она ему, когда тот ласкал ее, дрожа от возбуждения и любви, склонившись над ее лицом, проводя рукой по груди, бедру и говорил, что любит ее и... не больно ли ей будет сейчас.

И после начальной боли, затемненной страстным, бурным выходом чувственности в очередном, бесконечном соитии брачных ночей, он, чуть дрожа от минутной усталости, гладил ее волосы, касался сухих губ. Тогда она на час-полтора забывалась, ей снились обрывки бесконечных, непонятных, суматошных от дней этих все перепутавших снов.

И вот в конце второй ночи, когда насытил он свой первый порыв любовной чувственности, устал от многочисленных взрывов накопленной за месяцы жениховства молодой страсти, она впервые заснула

по-настоящему и увидела, измученная, свой первый связанный сон:

*В том сне стыдом горела дева молодая.
Ее ласкали, целовали в грудь, любили страстно.
Она лежала, бесстыдно тело оголив, нагая,
Ей от соитий бесконечных становилось страшно.*

*Ей страшно было расточать объятья, поцелуи,
Скупая старость грезилась в холодном ветродуе,
Хотелось сохранить навеки теплоту и ласки,
шепот...*

А тело отдавалось вновь, послушный робот.

*Но главный ужас, что ее любили двое,
Ласкали оба, целовали в грудь, шептали,
А лица близнецов — одно похоже на другое.*

*И голос монотонный, как звучащие скрижали,
Сказал, что боги дочек Евиных прокляли,
Когда они способны стали на такое...*

(Лиза, читая свои неумелые стихи, застыдилась: правильно Егор Фомич ее наставлял: делай только то, что дано тебе!)

Анна проснулась и с минуту лежала, не открывая глаз, затем медленно-медленно подняла веки. Стояло утреннее марево душного июля. Тело невесомо, сон одновременно рассмешил и взволновал душу за две ночи повзрослевшего ребенка. Да, теперь она считала себя ребенком за две ночи до этого душного утра.

Она сладко, не стыдясь уже перед ним, мужем, своего желания, влекущей нежности, потянулась, так что приятно заныло в бедрах, опустила глаза и чуть покраснела, но и чем-то возгордилась, увидев — простынь сползла на пол — свое обнаженное тело. Прижалась к груди подбородком, ниже скосила глаза и рассмотрела свои груди в овальных сиреневых отметинах его губ. Ногой отодвинула оставшийся

край запутавшейся простыни, ощущив меж бедер легкие покалывания от застоявшейся крови. И вместе с отголоском той первой боли, сигнала потери принципиально хранимого целомудрия тела, на нее нахлынуло вожделение, накопившееся за много-много лет поста уже созревшей плоти.

Только растрачивать начала сокровище свое. Вид розовых овалов на груди вызывал уснувшую на несколько часов чувственность, она повернулась набок к нему. Груди всколыхнулись и затвердевшими от долгих поцелуев ребенка-мужа сосками чиркнули по его спине. Как от сигнала токовым разрядом, он проснулся, повернулся к ней, обнял, еще не раскрывая глаз. Сразу пыхнуло жаром, в полусне еще он прильнул к груди, оставляя на нежной, никогда не загоравшей коже следующее овальное пятно, перенес часть тела на ее бедра, слился с нею, на миг замер.

Снова кольнуло, но боль захлестнулась волной сладострастя, она закрыла глаза, отдаваясь ожившему, овладевшему ею мужскому телу. Через какое-то время, а она уже стала привыкать к нему, к этому положенному, отпущенному природой для утешения тела, времени теплая волна конвульсивно прокатилась по ней от вошедшего с ним в нее тепла до затуманившихся глаз. Оба они глухо и сладострастно застонали и застыли на несколько секунд. Только июльское марево окруживало их вспотевшие тела.

Через час он поел приготовленный ею, набросившей на обнаженное тело лишь легкий японский шелковый халатик — свадебный подарок тетки, — завтрак и, сожалея до слез, что защита проекта в курирующем их холдинге, увы, не подчиняется стаинным брачным традициям (три дня ни шагу из дома), долго-долго продержав Анну в поцелуе, ушел. Уехал на день до позднего вечера, но расставались они на полжизни. Такие дни, наверное, и стоят полжизни.

◆ Бесцельно побродила по комнатам, по кухне,

включила в ванной воду, встала под теплый душ, после чего постояла перед большим, от пола, зеркалом, съела конфету и прилегла, не снимая полюбившийся ей халатик, на постель. Неубранная еще постель вернула ее к той мысли, что не отступала эти два дня: все-таки я из тех, кого врачи-гинекологи называют «трехпроцентницами»... не будь у Виктора такой мощный... при этом она чуть покраснела и сама себя успокоила: нашла чем гордиться, девственница эта! Но и подумала с грустью за него и за себя. Снова усмехнулась, вот дурочка-придурочка, не будь у Виктора такой мощный, наверное и без тех капелек крови обошлось бы, была бы вечной девственницей до родов, а точнее — вечной недевственницей.

Впрочем, хорошо что так случилось, а то бы он не поверил в мою... А какое значение это имеет? Ну, немного не пощекотала мужское самолюбие. Сам-то он не скрывает, что все у него было, да и глупо скрывать, сама не один год наблюдала: то с одной, то с другой, да с такими, что уже с четырнадцати лет одними поцелуями не довольствуются.

И все-таки ей было очень приятно, что она не такая как все, редкость для нашего времени. А хорошо-то как... Но мысли ее, медленные и лениво-грешные, под стать июльскому мареву, прервал неуместный звонок; это на третий-то день после свадьбы? Недоумевая, она запахнула длинный, до полу, халатик, защелкнула поясок, бросила на неубранную постель плед, отвела за спину распущеные волосы, встряхнула ими, приведя хоть в какой-то порядок, мимоходом взглянула в зеркало, чуть помассировала веки под глазами, тронула припухшие губы, после чего повернула рычажок замка двери и — вот это да!

— Проходи, проходи, Юрик.

Она мигом вспомнила, что приехавший вчера (традиционный «второй день») почему-то на машине

Юрик, их общий с Виктором приятель, конечно же, напился, хотя и кричал, что он на автомобиле и больше двух бокалов шампанского в рот не возьмет, тем не менее уехал на такси, оставив машину под их окном.

— Доброе утро, дорогая,— чмокнул в подставленную щечку, извинился, что незваным зашел.— Счел невежливым взять машину и уехать, не заглянув к вам. Заодно счастлив поздравить с началом медового месяца...

Она, улыбаясь, дослушала дурашливую тираду еще не полностью отошедшего от двухдневного хмеля гостя, тоже извинилась за наряд халатный и повела на кухню освежиться, хотя он не только отказывался попить кофейку, но и вообще входить дальше порога в «интимную квартиру». Но вошел, деликатно отворачиваясь от насpx прикрытой постели.

— Ты знаешь, Виктор к себе на работу уехал,— сказала она, ставя на газ кофейник и разливая по бокалам сухое,— впрочем, что я говорю,— она подевичьи прыснула — он же твой начальник, тебе ли не знать.

Последние слова она произнесла абсолютно безо всякого умысла.

— Конечно, мне ли не знать,— он-то повторил с умыслом, улыбнувшись и особенно пристально взглянув на нее, и уточнил:

— Не начальник, Аннушка, а руководитель группы. Мы с ним в равных чинах.

— Ну-ну, вы, мужики, и на такое обижаетесь? Пей кофе.

Они выпили вино, Анна спохватилась:

— А как же ты на машине? Оставлять ведь опять?

— А, ерунда. Все равно с утра жара, марево как в болоте, гаишники в теньке-прохладе попрятались, а голова-то трещит. Кто не рискует...

Уже он разлил по второй, но выбрал бутылку с массандровской крепкой мадерой. Потом пили кофе, он закурил.

— Да ладно,— махнул он рукой, поморщился и вновь взял бутылку.

— Нет-нет, мне не надо,— запротестовала Анна, но пригубила.

Снова пили кофе, жмурясь на солнце, нагло залевавшее через окно на кухню. Догадавшись, хотя и с опозданием, она перенесла — от солнца подальше — кофейник, чашки, вино в комнату, усадила гостя в кресло у дивана, сама села на диван; их разделял теперь овальный угол низенького журнального столика.

Она пьяна легким маревым хмелем от вина, солнца и неизбывного счастья и не заметила, как гость пересел на диван, и опомнилась только, когда ощутила на плече его ласково поглаживающую руку, но промолчала, лишь внимательно посмотрев ему прямо в глаза. Он слегка улыбнулся, но руку убрал. Нега и сладостная лень охватывали Анну, выпившую еще полрюмки. Стало совсем уютно, она полуприлегла, голова кружилась, приятная теплота растекалась по всему телу. Она слышала, как через вату, ласковый мужской шепот, ощущала через тонкий шелк халатика теплую руку, гладящую ее плечо, затем волосы.

В какой-то миг ей стало страшно, что это? Но воспоминание прошедших двух ночей, этих ласковых рук и сильного тела все затмило. Кто с ней рядом? Конечно он, ее Он.

Странным было ее состояние; пьяной не была, вообще в жизни никогда не была. Ей было лишь весело, счастливо, смешил сон о близнецах, а тело, как самостоятельное от головы существо, до краев наливалось чувственным желанием, которое, как сегодняшним утром, требовало разрядки, выхода и — немедленно.

Он же незаметно расстегнул хитроумный замочек пояска, предательский японский шелк соскользнул с колен, с бедер, с грудей. Она натянула простынь, выглядывавшую из-под небрежно наброшенного плаща, но упрямые руки нашли ее и под простынь; свет заслонило его лицо, а в распухшие губы мягко, но и властно вошли, впились жесткие его губы, пахнущие так волнующе, по-мужски, табаком, вином, одеколоном.

Свет был закрыт от ее глаз. Он что-то делал, и она обнаружила в панике, что ее охватило уже обнаженное и сильное мужское тело, до боли сжались их губы, а крепкие ладони метались по ее телу, возбуждая теплеющую в мареве утра чувственность. Все, все уплыло из головы, только желание, проснувшееся в ее жизни всего два дня тому назад, крепло и требовало выхода. Хотелось неиспытанных еще ласк.

Он нашел своим телом ее сокровенное, и его тепло упруго вошло в нее сладкою истомой с той воскреснувшей вновь легкой болью. Она счастливо вздохнула, раздвинула бедра и бесповоротно отдалась затрепетавшему, пружиной обвившему ее телу. Вожделение нарастало и выплеснулось стоном освобожденной страсти.

— Юрка, Юрик,— шептала она усталому мужчине, что мы наделали?

Он глухо и невнятно шептал, уткнувшись лицом в ложбину ее грудей, сам донельзя пораженный. Затем он запутал свое лицо в ее растрепанных волосах, вновь обнял, прильнул и, уже без слов, в немой яности страсти, вновь овладел ею и терзал ее нежное тело, оставляя все новые и новые овалы на груди, на шее, на плечах...

Порой в ней вспыхивал протест против власти чужого тела, но это только распаляло его вожделение, и он вновь яростно, как ненасытный самец, овладевал ею. Она смирилась.

Ближе к полудню, безумцы, они заснули, не в силах противиться маревой усталости дикого до нелепости начала дня.

◆ Анна проснулась первой. Жара спала, солнце перекатилось за крышу дома; в окно потянуло предвечерней прохладой. Тело ее разбито, смято, но только она пошевелилась, как проснулся и он, дурашливо потянулся, обнял ее и лениво-выжидательно поцеловал.

Она промолчала. Молчала и когда он, выпив сам и протянув рюмку ей, затянулся пару раз сигаретой, бросил затем ее в пепельницу и, освеженный, не спеша, наслаждаясь, вновь вошел в нее, безмолвную. После чего пошли на кухню, немного поели, Анна приготовила кофе. Говорили немногословно и о постороннем. Потом он попросил ее надеть подвенечное платье и фату. Не понимая зачем, одурманенная маревом дня, Анна безропотно надела на голое тело платье, причесала волосы под фату. Он взял ее на руки, крепко поцеловал в губы, поочередно в соски, темневшие сквозь кружево платья, отнес на диван и нежно-нежно овладел ею, взбадривая свою обессиленную чувственность видом полузакрытого свадебной одеждой тела.

— Слушай, Аня, а ты не боишься забеременеть? — деловито поинтересовался он.

— Нет, тетка позаботилась, таблетки пью, вот,— она взяла с наддиванной полочки облатку, повернула в пальцах и положила на место. Затем встала, сняла платье, фату и снова прилегла к нему. Молчали. Молча обнимались, стонали.

— Тыпротрезвел?

— Почти. Что, пора?

— Да, конечно, Виктор к шести должен приехать.

Он в последний раз, опустошенный, прильнул к ней. Через полчаса он, одетый и причесанный, поцеловал ее, хмурую, молчащую, спросил:

— Как дальше будем?

— Никак. Забудь.

Он понимающе кивнул, сказал, что завтра позвонит с утра, когда она одна будет. С этим ушел. Анна тупо смотрела в окно поверх тронувшейся с места машины. Затем она убралась в квартире, оделась, причесалась, тщательно подкрасилась, печально улыбнулась сама себе в зеркало и пошла на кухню готовить мужу ужин. На всякий случай выпила лишнюю теткину таблетку: время с утра много прошло.

Виктор задержался на полчаса сверх обещенного; она ужасно переволновалась за это время, стояла у окна, ждала мужа и думала:

*Печально девы день окрашенный кончался,
Вступала ночь в права супруги верной
Всякому, кто в ней нуждался и искал
Любви, восторгов, отдыха и радости безмерной.*

*Неверный, верный — как относительны понятия?
Создавший мир поставил мудро все на место:
Ночь — белоснежное нагой, неверной девы платье —
Покрыло грех, простившей всем грехи невесты.*

*Кто строго судит — мыслит недалеко, узко,
Не понимает, что за миг забвенья и паденья
Она себя даст повязать навечно недоузком
Супружеской любви, грехов долготерпенья.*

Так Анна начала свою супружескую жизнь и во все веки ее сама была счастлива и боготворила мужа.

♦ Заглушенная, угнетенная чувственность женщины есть патология рождения, но чаще — воспитания.

♦ Если тебе объяснят, что одиннадцатилетняя девочка, собираясь утром в школу, подтягивает на поясле платьице, чтобы как можно выше обнажить свои бедра для произведения наибольшегоексуального

впечатления, то ты рассмеешься. Но почему же охотно веришь и не сомневаешься, что того же *сознательно* добивается взрослая женщина, обнажая в вечернем туалете груди до самых сосков, открывая линии бедер, делая завлекающий макияж лица? Погодумай.

Кстати, в любом случае ты будешь прав.

◆ Единственная и естественная апология сексуальности — основное назначение женщины, сущность ее природы: продолжение рода.

Пришла бабка в ломбард к старухе-процентщице продлевать закладную на свое золотое колечко:

— Катерина Евстафьевна, голубушка, продли беспрецентно срок выкупа еще на две недели; вот пенсию получу и расплачусь. Ведь полвека кольцо-то носила!

— А почему же, старая, живешь не по средствам, деньги заняла и внучке подарок на свадьбу барский купила, а?

— Да какой барский-то, всего сережки за полторы тыщи! А меньше — стыдно перед женщиком, он из богатых, два ларька имеет. Так подождешь до пенсии?

— Два ларька, говоришь? Ладно, считай уговорила. Прощу по давней дружбе. Иди уж, убогая...

Вспомнила-таки Екатерина Евстафьевна, как во времена комсомольской юности нынешняя ее посетительница, тогда подруга Света, цеховой комсорг на швейной фабрике, замяла дело с неуплатой загулявшей Катей взносов за три месяца. И даже в долг на уплату ссудила.

Истинно, долг платежом красен... даже в наше время.

Супруга литератора Хрякова Елена Аполлинарьевна проснулась в глухую ноябрьскую ночь сам-одна в холодной постели. А из крошечного рабочего кабинетика писателя пробивалась через неплотно прикрытую дверь теплая полоска света. Набросив капот, Елена Аполлинарьевна бесшумно приотворила дверь, прокрались и замерла неслышной статуей ангела за спиной трудящегося мужа. Она обожала литературный дар супруга, видного сочинителя областного масштаба. Даже сейчас, когда ему ни копейки за труды не платили. Затаив дыхание, она читала через плечо писателя начало нового романа: «...В роскошном клубе фирмы за трибуной стоял ударник капиталистического труда, знатный менеджер по торговле бананами в розницу Труфанов. Восторг охватил всех сотрудников фирмы «ООО «Купи-продай» при заключительных слова менеджера: «...Итак, господа и очаровательные дамы, я сумел через подставных лиц сбагрить нашему главному конкуренту большую партию сгнивших эквадорских бананов, тем самым выровняв сальдо-бульдо нашей фирмы с общевойской планкой высоких показателей!»

Слеза радости и умиления выкатилась из правого глаза Елены Аполлинарьевны: «Наконец-то за ум взялся».

ИСКУССТВО ОБОЛЬЩЕНИЯ

◆ Глубоко и неизмеримо отличие целей мужчины, добивающегося любви, и женщины. Первый добивается приятнейшего способа удовлетворения своих естественных потребностей вожделения, чего он и достигает, мало обременяя себя как в настоящем, так и в будущем. Задача женщины неизмеримо сложнее; добиваясь любви, она ищет единственное свое настоящее, будущее своих детей и рода своего. Именно поэтому природа поставила женщину в ситуацию наибольшего выбора.

◆ Искусство обольщения у женщины врожденное, в отличие от мужчины, где оно благоприобретенное. Так что школа женского обольщения только шлифует это искусство. Даже не развивает, а именно наводит окончательный глянец.

◆ Если задаться целью назвать искусство, наиболее близкое по задачам и методам к женскому искусству обольщения, то в смысле методологии и онтологии таким родственным искусством будет спекулятивная философия. В обоих случаях исключительно пользуются методами, адекватными самому предмету исследования.

В практической же области искусство обольщения близко к политике беспардонной дипломатии кнута и пряника.

◆ Женщина, добивающаяся любви, издали похожа на тяжелый танк (типа «Иосиф Сталин», которыми — и танком, и Генералиссимусом — так восхищался мой боевой прадед Егор Фомич), что, двигаясь к цели, давит и сметает все на своем пути: робкие попытки любви некоего третьего лишнего, неизменные и неуместные предостережения заинтересованных лиц, трудности нравственного, морально-го характера, бытовые неустроенности *etc.* — Только вперед, только к нему!

Вблизи же это тонкий, по необходимости коварный, предельно лживый политик, дипломат школы Маккиавелли — Гвиччардини — Меттерниха с изрядной долей лоуренсовского авантюризма. (*Nesciuta est magistra sueta!* — Необходимость есть жестокий учитель).

◆ Притча. Жили двое любовников, у которых появился завистник, то есть некто третий. На пущую беду любовников был он злым волшебником и так заколдовал их, что некогда нежные в привязанности и горячо любящие, они сделались злейшими врагами, готовыми вцепиться друг другу в волосы, расцарапать лица в кровь, побить друг друга безо всякого на то повода. Нечего и говорить, что теперь только вид одного из них внушал другому отвращение.

Злой волшебник-разлучник от души радовался, наблюдая за ними, а для пущего своего наслаждения решил их еще больше заколдовать и поселить одних в непроходимом лесу, сам-двоем, но с общим хозяйством, то есть поставить в условия постоянного — по необходимости — лицезрения друг друга, что должно было закончиться убийством.

Так он и сделал, но глубоко ошибся. В первый день лесной жизни они царапались, дрались и бралились. На другой день молчали. Наутро третьего дня к изумлению мужчины его визави заговорила; из врожденной вежливости он отвечал. Еще через день она плясала перед ним танцы сладострастия, называла его умнейшим и прекраснейшим из мужчин, земным олицетворением Аполлона. Эту ночь они провели, не засыпая ни на миг, на одном ложе и были беспредельно счастливы.

Пришлось злому волшебнику их расколдовать и вернуть к людям. Сам же он с горя запил и бросил свое нехорошее, малоумное занятие.

Мораль: если женщина не совсем полный духовный и физический урод, но вовсе необязательно и

красавица, то она сможет обольстить любого мужчину, даже поначалу нетерпимого по отношению к ней. Самодостаточное же условие обольщения — это оставить мужчину с ней наедине.

*Виденье Патмоса, видение Киферы,
Блаженства рай, души надрыва крик;
Страшусь себе представить ясно миг
Познанья полного Ее натуры, существа и меры.
В своем искусстве обольщенья многомерном
Так спутала Она познанья качеств мира!
И только цели первозданной остаться верной:
Ищи, найди, создай любовника, супруга и кумира.*

(Не пиши, Лизавета, больше стихов — не пиши, психология!)

◆ Вершина искусства женского обольщения часто зиждется на последнем мазке губной помады, то есть это искусство из рода отделочных, доводочных.

◆ Обольстить равно может и красавица, и дурнушка. Вопрос не в том, кого обольстить, но как обольстить?

◆ Аналогия играет в искусстве женского соблазна малую или неявную, но подспудно учитываемую ею роль. Ничем так не соблазнишь ребенка, как конфетой; в мужчине же так много от ребенка, дитяти малоразумного остается до седых волос! И не удивительно, что инфантильных, детообразных мужчин, добрых и безвольных, увлекающихся, чаще всего окружают пышные, сладкие, расписные как пряник, яркие, как конфета в цветной обертке, женщины.

Ничего так мужчину не привлекает, как азартные игры: от дворового домино до многомиллиардных грабежей своей страны и народа игровыми методами «прихватизации» и финансовых пирамид. Женщина это учитывает, делает для него такую игру, так искусно играет своими и его страстями, что самое простое и естественное, то есть соединения разнополых

существ в союз, обставляет трагедийными конфликтами, отчаянием, опасностями, ревностью. В результате этих игровых ситуаций бедный мужчина порой готов стреляться, топиться и уж в лучшем случае отделаться седой головой или инфарктом. Если, конечно, он не сдастся сразу, причем по правилам полной и безоговорочной капитуляции.

Каждый мужчина, даже ростом «метр с кепкой», считает себя силачом в физическом и любовном проявлениях мужественности. А она, сама порой способная без особых усилий завязать иного тщедушного в морской узел или пышущая вулканом страстей, охотно подыгрывает: «пугается» и изумляется физической, любовной выносливости своего благоизбранного.

Наконец, редко кто из обладающих женщиной не считает себя средоточием ума и красоты. А она, тысячemuдряя от природы, охотно слушает и восхищается плоским изощрением школьных умозаключений и сама, роскошное изваяние природы, благоговейно ласкает дряблые жировые отложения несостоявшегося Антиноя.

◆ Однаково принадлежат к искусству завлечения мужчины женщиной и многолетняя игра на нервах и сердце мужчины с мучительным постоянством переходов от нежного внимания к холодности, от влекущих улыбок и жестов до непререкаемого «нет», и... полуторачасовое знакомство и сближение в обоюдо-пьяном виде.

Но здесь особое внимание мы обращаем на эстетическую аранжировку процесса обольщения; ведь есть разница между упоительным обладанием женщиной после месяцев, даже годов сближения в условиях комфорта, располагающих к взрыву чувствительности и тщательному утолению так долго подогреваемого желания, и животным актом спаривания на лестнице промерзшего подъезда после нескольких часов знакомства, выпивки и грубого «ухаживания».

Ведь есть разница, да?!

Бабушка с внучкой Настей наблюдают в окно за народом, в разгар трудового дня снующим по центральной улице города:

— Бабуля, а что это дядя, тети, девочки и мальчики все куда-то идут, бегут, стоят, разговаривают? А мама с папой как утром уйдут на свою работу, так только поздно вечером и приходят. И мы с тобой целый день дома, только ненадолгоходим в парк погулять, белочек и уточек семечками и черствым позавчеришним хлебцем покормить.

— Да-а, Настенька, были времена, когда днем на улицах было пустынно, все дяди и тети на заводах, как твои папа с мамой, работали; дети в школе учились, а после уроков шли в Дом пионеров в кружках заниматься поделками. И время то называлось нехорошими словами: застой и тоталитаризм. А сейчас другое время — демократия, то есть кто хочет, тот работает, а кто не хочет — по улицам гуляет. Вот и папа с мамой твои тоже хотели бы гулять целый день, да завод их пока не закрылся.

Купец Хафизов, торгующий вразнос, зашел в дом к представителям среднего класса показать свежий товар из китайской мануфактуры. А среднеклассные дамы в это время горячо обсуждали накануне просмотренный по каналу «Культура» старый фильм Марлена Хуциева «Застава Ильича». Расхваливает Рэис

Нигматуллович свой товар, а между делом с интересом прислушивается к дамским благогу-
постям, благо когда-то давно, еще в прошлом
веке и в другой стране получил филологическое
образование в казанском университете.

— ...А я вот, Леночка Трофимовна, утверждаю: поэты-шестидесятники, самые из них — Женя, Роберт, Андрюша, Риммочка, прямо-таки предвосхитили возрождение в России среднего класса. Ведь в их стихах тоска по светлому будущему, ожидание чего-то нового, свежего, оптимистичного, где не серый труд за станком или кульманом всю жизнь занимает, но высшее развитие человека как уникальной индивидуальности. Вот ты, Рэис, согласен со мной?

— Да-а, пожалуй. Вот взгляните, Елена Трофимовна и Нателла Епифановна, на скатер-
ку: прямо из Шанхая товар!

— Фи, Рэис, какой-то ты pragmatичный, все товар-деньги-товар. Прямо по Марксу-Энгельсу. Ты о душе больше думай, о гармонии человеческой. А скатерки точно такие же я сама в своей лавке продажу.

ЭССЕ О СОБЛАЗНЕ

В основе соблазна лежит невоздержанность желания, желания анархического, потребительского, эгоистического и прочих ...ого; сколько же этих атрибутированных прилагательных можно привести для описания сущности того любопытного желания, что одинаково заставляет ребенка красть конфеты из вазы на парадном столе, а взрослого солидного мужчину возжелать в тягчайшем случае жену ближнего, а в легчайшем — вообще ничью, либо пока еще ничью жену.

Правда, этот же мужчина, дожив до глубокой старости, вновь возвращается к соблазнам детства и, опасливо косясь на уже желающих чужих или пока ничьих жен внуков, тайком лакомится украденными из буфета конфетами детства.

Соблазн в его чистом виде мы наблюдаем в жизни кошек, когда они, облизываясь, смотрят на рыбку или принесенную с базара печенку.

Но уже у детей соблазн прикрыт хитростью, вообще свойственной высшим животным. Хитер и мужчина, искусно маскируя свое анархическое желание соблазниться...

Но попробуйте проникнуть в мир женщины, и только тогда вы увидите чудовищно гипертрофированное искусство соблазна. Не зря же в словаре человеческого общения сформулированы расхожие эпитеты; о мужчине говорится, что он представительный, сильный, ловкий, пройдоха наконец. Ну, а о женщине? — Да только так: соблазнительная женщина (девушка тоже), если, конечно, действительно и в потенции способна вызвать желание соблазна. Но ведь таких большинство, которые природными данными, либо искусством одежды и косметики могут заставить мужчину пожелать ее, даже когда это ей ни к чему... так, на всякий случай. Случай не подведет (не корова, не мычит и есть не просит), но поможет запастись долей уверенности в своих еще не

ослабевших чарах, поддержать оптимизм в нелегкой для сохранения далеко не вечной женской красоты.

Итак, оружие женского соблазна есть ее естественная, либо искусно сработанная *Красота*. В то же время древнее искусство игрушечного промысла, помноженное на современные возможности фабричного производства, способно по дешевой цене изготовить куклы, намного красивее по цветам и чертам чем женщины. Но ведь никто, даже сугубые последователи старика Анания, не соблазняются такой куклой — имеются в виду не дети. Есть много и женщин-кукол, прелестных, изящных, ажурно-красивых и пр., но — кукол; внутри их холод и пустота там, по костяной оболочке чего обычно стучат костяшкой согнутого пальца.

Таких кукол ставят на полку вместе с куклами матерчатыми и никогда ими не соблазняются. Значит, красота это не все, а все — это обаяние. Счастливейшее сочетание — красота и обаяние (ум составляющим входит в последнее, если он вообще нужен в данном случае) — способны соблазнить любого и не только соблазнить, но и заставить приложить все силы, чтобы добровольно стать рабом соблазненным, сбитым с панталыку, рабом внушенной страсти. Так гибнут города, открывая ворота войскам двух союзных императриц: *Красоты* и *Обаяния*.

Только в пустыне не может быть соблазна, там некого и некому соблазнять. Во всех иных местах он есть.

Несомненно, что соблазнитель активно участвует в самом процессе и получает удовольствие, чего не скажешь о соблазненном; например, конфета, украшенная из буфета и съеденная, получает сомнительное удовольствие... Но цель у него есть, даже немного более глубинная, чем у соблазнителя.

Не будь соблазна, миру не доставало бы десятка-другого гениев и всех полезных изобретений. Без соблазна же женского увяло бы искусство и, как это ни странно, пуританские религии типа лютеранства и

кальвинизма, ибо исчезла бы их основа и содержание: обличение грехопадения.

Соблазн женщины есть синтез животного чувствования и изощреннейших, утонченных плодов цивилизации (не культуры!). Как человек умудряется после тонкой игры ума и нежных всплесков витийных чувств раздеть донаага свою богиню-небожительницу, нимало ему не противодействующую и, более того, стремящуюся к этому же, и грубыми, болевыми, от собак и быка неизмененными эволюцией *homo sapiens* жестами и движениями мять, сжимать, массировать нежное тело, великолепное творение искусницы-природы? Не укладывается в голове, как сам-то после тонкой игры... и т. п.

Не отсюда ли проистекает человеческое чувство ревности, то есть не только боязнь потерять живую собственность, но скорее странное непонимание этого сочетания животного и эстетического в любви... непонимание, когда сам не являешься участником этой любви. Ох, соблазны, соблазны! И твое оружие, женщина.

«Прочь рассудительность! Прочь постыдные суждения! В иных страданиях таятся наслаждения...»

(Мартин Опиц)

◆ Горе тому, кто соблазнит хоть одного из малых мира сего,— учilo столько веков Писание. Но почему, собственно, горе? Не горше ли горе тому, кто даже единственного из малых сих не способен соблазнить?! А для женщины воздержание от соблазна есть прямой и скорейший путь к стародевичеству, то есть к грубейшему искажению предназначений природы.

◆ Легко соблазнять женщинам в Италии, в Испании, где климат позволяет ходить круглогодично едва не обнаженной, петь громко и зазвивно, не опасаясь ангины, любить в тепле открыто на виду у радостного бога сладострастия, отдаваться горячему и

темпераментному мужчине с всегда кинжално готовым... Но попробуйте все это проделать в условиях вечной мерзлоты? Здесь, по всей видимости, в цене иные качества соблазна; ведь не зря идеал домовитой женщины (*Kirche — Kinder — Kuchen*) родился в климатически умеренной Германии, а кодекс Домостроя — в заснеженной России. Тогда почему же сейчас такое непотребство в северной Скандинавии?!

◆ Корень женского соблазна троекратный, причем эта триада вложена друг в друга подобно матрешкам. И то, что из этой триады соблазна действует в данный момент, определяет жизненный опыт, возраст, характер и более мелкие нюансы, что присущи женщине в тот или иной период ее жизни.

Самое общее и обширное использование (наружная матрешка) женского соблазна есть соблазн нравиться; абстрактно, в общем, нравиться всем и более направленно нравиться мужчинам. Это присуще всем женщинам и в любые годы, то есть когда она только готовится стать женщиной, когда собственно женщина и когда вспоминает о том, что она была женщиной.

Вторая, что поменьше, матрешка, вложенная в первую, ассоциируется с соблазном любви и желанием иметь детей. Это более очерченный круг женщин или период жизни женщины. Для этого уже следует стать женщиной или быть готовой к этому; обязательно отсутствие патологий душевного и физиологического характеров.

Наконец, в соблазн любви вложен соблазн плоти — голой физиологии любви. В чистом своем виде, то есть без любви душевной, он присущ ограниченному числу женских характеров и есть либо следствие патологии, либо половой распущенности и разболтанности, преимущественно внешними стимуляторами, чувственности.

Нормальный антураж женского образа — когда все три матрешки в сборе.

◆ Некто считает, что он постиг все тайны, при-

роду и способы женского соблазна. Пусть его считает... Заодно же пусть он полагает себя открывшим смысл жизни, структуру Вселенной и доказательство теоремы Ферма, ибо обо всем этом догадывается кроме него только Создатель Мира. Но тот — далеко, а смертный не посмеет усомниться в любых уверениях открывателя тайн природы и женщины. Отметим попутно, что и сама обладательница качества соблазна мало что может сказать вразумительного о происхождении оных.

◆ «Соблазнить-то можно, было бы кого!» — лейтмотив мыслей оптимистической женщины.

◆ Порой и даже нередко встречаешь в женщине такое средоточие мерзости, пакости и гадости, что флюиды соблазна побарываются чувством презрения и брезгливости. «Любовь» с такой женщиной мыслится не иначе как, не глядя ей в лицо, сорвать одежду, поставить перед собой в позу случающейся сучки, изнасиловать, удовлетворив животную похоть, и в лучшем случае уйти прочь, даже не взглянув на чувственную самку.

Такие женщины встречаются во всех социокультурных слоях общества. Но ведь у этих женщин есть любящие мужья, любовники, дети? Крепнет предположение, что есть целые классы, группы, кланы общества, где мужчина и женщина живут не по законам любовного соблазна, а поддерживают такие вот отношения врагов — от сучки до сучки, — переполненных взаимной ненавистью.

◆ Обаяние и соблазн женщины не оспаривают до тех пор, пока она не откроет рта, а лучше бы она молчала с мужчиной всегда. Это в большей степени относится к красивым женщинам; для дурнушек характерно обратное, как один из немногих шансов быть любимой.

◆ Отмечается характерный контраст в поведении женщины: всегда предупредительно-соблазнительна к мужчине и одновременно беспринципно ненавидит любую другую женщину, видит в ней потенциального

врага, грызется с ней и подпускает шпильки даже в «мирной» обстановке. Это качество изумляет наивного простака-мужчину. Точно так же изумляют младшего школьника собаки, что пасутся в ожидании подачки по утрам в школьном дворе. Они так приветливы с детишками, машут им хвостами, улыбаются, а за бутерброд с колбасой готовы с визгом радости облизать им ноги, руки, лицо... Но тут же начинают грызню, свалку между собой, так что шерсть клоками летит.

♦ Создавая соблазн женщины, природа наверняка имела конечную цель в сближении полов по их индивидуальному желанию. Но кажется мне, что в нашем малосчастливом отечестве женский соблазн стал холостым выстрелом; он возникает и поддерживается женщиной, но и только. Реализоваться ему не в чем.

Действительно, если в более благополучных частях земли (в государствах «золотого миллиарда», как говорят сейчас) любые женщина и мужчина, привлеченные друг к другу соблазном, могут вступить в нормальные отношения, характерные для разнополых людей, то у нас — и раньше и сейчас — многое этому противодействует.

В этих самых благополучных странах, да и у нас сейчас, к услугам сблизившихся личные квартиры, на худой конец — номера гостинец, где никто не спросит: кто ты и она, откуда и зачем? Безопасность женщины гарантируется пилюлей за десять евроцентов, съеденной утром; оба гарантированы от специфических заболеваний эффективной системой профилактики, а также доступностью и конфиденциальностью излечения в короткий срок.

Но здесь, если женщина решается дать выход соблазну, вступить в связь с мужчиной, то что ожидает ее за несколько часов, а порой, и минут приятных отношений близости? Это означает пользование вредными гормональными средствами для «третьего мира», в противном случае — регулярное хождение на неприятную, болезненную и варварски обставлен-

ную процедуру, если денег нет на более комфорта-
бельный аборт. При случайных связях, которых
трудно избежать даже целомудреннейшим из жен-
щин, особенно молодым, и девушкам, нужно посто-
янно бояться заболеть той болезнью, что лечиться
либо приватно за бешеные деньги, либо в общем
порядке — в ветеринарных условиях. Наконец, где
же любить, обнимать, целовать, спать, наконец?³
Даже в нынешнее время трудно, имея деньги, по-
пасть в гостиницу на ночь с разнофамильными пас-
портами. Не всякий же решится позвонить по объ-
явлению на столбе: «Сдается на сутки от трех ча-
сов». А квартиры? — хотя проклятые партократы и
успели-таки решить жилищную проблему, а славные
демократы по приказу МВФ успешно сокращают
число жителей России, в результате чего плотность
заселения квартир резко упала, но все равно они ос-
таются квартирами семейными, где крайне затруднен
и адюльтер, и свободные отношения. Что же делать?⁴

Вот почему они встречаются, обменяются зовущи-
ми взглядами и... расходятся. Даже СПИД не урав-
нял «нас» и «их». Может к лучшему?

◆ Мир многообразен желаниями. Некто желает
стать президентом суверенной деревни, найти сто
рублей образца 1998 г, а лучше 100 USD на дороге,
завладеть княжеским особняком в 25 комнат, полу-
чить фельдмаршальское звание или Нобелевскую-
Шнобелевскую премию, обладая всего лишь велико-
русским курносом, наконец, стать великим поэтом
всех времен и народов. Продолжение бесконечно.

Но почему же со взрослением человек, если он
не сумасшедший, оставляет эти беспочвенные поже-
лания, но уверен до маразматических склеротических
лет, что его может соблазнить прекраснейшая из
женщин? — Так велика власть случайного, ласково
зовущего женского взгляда.

◆ Легко быть соблазнительницей, имея пышный
турнюр. Намного сложнее тощей; приходится и ума

набираться, и одеваться компенсирующе, и манеры изящные и завлекающие приобретать.

◆ Красивая женщина может позволить себе роскошь быть абсолютно глупой.

◆ Суммируем. Женское обольщение, как искусство, метод и тактический способ, есть проявление самодовлеющей брачной идеи. Когда женщина, подчиняясь надсознательным законам природы, встречает самим Богом (или высшей мировой идеей — по Канту и Гегелю) назначенного ей в пару мужчину, она и подсознательно, и ясным практическим умом становится для него обольстительницей.

Брачная идея обольщения распадается на ряд составляющих. Это идея красивого, здорового, плодоносящего тела, то есть здесь сформулированы основные требования к собственной конституции и возможным исправлениям последней: чаще — похудеть, реже — пополнеть, но не настолько, чтобы это отмечалось особо. Короткие ноги зрительно удлиняются каблуками, подбором длины платья, цвета колготок и пр.

Идея одежды направлена к выбору такого покроя, чтобы представить тело в наиболее зовущем антураже. Идея макияжа суть стремление придать лицу, волосам, рукам, пальцам... впечатление физической красоты и здоровья, нравственной чистоты, невинности, девственной свежести; вообще говоря, число назначений этой маски велико.

Наконец, идея поведения, разговора и пр. направлена на тонкую брачную игру завлечения и улавливания мужчин в сети Гименея, в простейшем варианте — полового единения.

Достигнув своего, женщина, как правило, оставляет эту требующую многих усилий и почти всего своего времени модель соблазнительности; кое-какие идеи вроде одежды, украшения, макияжа остаются при ней либо как традиция, либо в качестве дежурной меры готовности на случай возможного возобновления соблазна.

Молодая со-
держанка владе-
льца сети супер-
маркетов «Ко-
пейка рубль бе-
режет» Авдотья
Никитична под-
готовку к ежего-
дному бизнес-ба-
лу городского ку-
печества начала
уже пополудни. И
как положено у

женщин — с прически. Горничная Глаша не нах-
вается роскошными волосами хозяйки:

— Ах, барыня, что за роскошь у вас волосы:
прядка к прядке, локон к локону, на перхоть да-
же намека нет. А все потому, что не исполь-
зуете все эти рекламируемые химикалии, а
только натуральные отвары. И травы подби-
раете все правильные; это я вам как кандидат
биологических наук, ранее доцент, говорю. И от-
куда вы только эту рецептуру знаете?

— А я, Глаша, ведь химик-фармацевт по об-
разованию. И бабушка моя покойная была дере-
венской энхаракой, траволечением на жизнь за-
рабатывала.

— Почему же, Авдотья Никитична, по спе-
циальности не работаете?

— Обе мы, Глаша, давно уже не по спе-
циальности на хлеб насущный зарабатываем. У
тебя, вот, наверное, НИИ за ненадобностью
прикрыли, а я после конкурса красоты по рукам
пошла, пока не закрепилась за нынешним хозяи-
ном.

— А не грехно, барыня?

— Грехно, Глаша, это когда грехишь, а я
работаю, вот как и ты, но только по другой
специальности — из самых древних женских.

Собрались три давние подружки и устроили посиделки-перемойки, то есть кости перемывают всем — от мужей и любовников до... аж страшно вымолвить! Перемыли и легче на душе у каждой стало. О чем еще потолковать? Тут Глафира, как на бывшем партсобрании, слово взяла: глупые мы, бабы, не можем всю жизнь мужиков своих около себя держать, то есть что-

бы они обязанности свои мужскиеправляли все время. Как лет пять проживут с нами, так и на сторону их, кобелей, тянет. А надо, как в Америке; вот недавно по ошибке вместо «Дома-2» на ТНТ включила какую-то лекцию американской активистки, как его? Да, гендерного движения за права женщин и сексуальных меньшинств. Так она такого порассказала! Оказывается, при регистрации брака у них женщина заключает с будущим мужем брачный контракт, где все оговорено. Не выполнил, допустим, муж в какую-то ночь свою обязанность — плати ей поутру сто долларов. Заснул во время этого самого дела, не завершив его — двести гони! Против ее воли свершил, так и вовсе — либо в отсидку, или неустойку в агромадную сумму. Вот бы нам такой закон дума, или кто там их пишет, принял?

Федосья промолчала, что-то считая на пальцах, а Христа потупила глазки, поерзала на скамье и все же выпалила: «Я пробовала со своим так-то, без всяких контрактов и гендеров, так он, паразит, деньги-то давал, хотя и с матом, но в получку их же и вычел. Здесь, мол, тебе не Америка! И вообще, она нам не указ, сказал».

ЖЕНЩИНА, ПРЕСЛЕДУЕМАЯ МУЖЧИНОЙ

◆ Слишком часто дежурная, ненаправленная (как наши ракеты в девяностых годах со «свинченными» головками...), дремлющая в боевой готовности сознательность женщины неправильно воспринимается подпавшими под эти дежурные соблазны, а то и просто случайно оказавшимися рядом мужчинами.

Последний, особенно молодой или просто не избалованный женским вниманием, или старый, потерявший ценность как любовник, или невротически возбудимый, наконец, если он сексуальный маньяк, не обладает или утратил опыт различения женского направленного соблазна и дежурного ненаправленного. Поэтому он принимает признаки последнего за соответствующий интерес к нему и начинает подогревать чувство ответное.

Это грустная и печальная картина. Мужчина, встречая сопротивление дальнейшему развитию чувства, по естественному закону диалектики усиливает свой напор; и чем больше сопротивление, тем интенсивнее напор и фанатичнее. Мужчина полагает себя обманываемым, терзается муками ревности, но влюбленность его автокефально, самодавлеюще разошлась с предметом ее столь далеко, что он теряет чувство реального восприятия положения вещей. Он готов в одно и то же время униженно просить ее о скучной, пустячной милости, благоговейно целовать следы ее ног, и тут же носится с мыслью зверски ее убить, насилино и по-скотски овладеть ею в отмщение своего унижения.

Всякое преследование есть побег от догоняющего; женщина убегает. Она не в силах понять, зачем он ее преследует. Ведь дежурный соблазн — это ее естественное, ни к чему не обязывающее состояние; естественное к тому же логически не осмысливается,

как любой из нас удивлялся бы беспредельно, если кто из руководящих пожелал брать налог за пользование атмосферным воздухом для дыхания (наше сведенное с ума отечество не в счет, здесь ничему уже не удивляются). Вот поэтому, не осознавая причину преследования, женщина не знает четко куда бежать; она петляет, запутывает следы, хитрит и вообще всячески маскируется.

◆ А ему, раз она не в состоянии открыто и прямо сказать «нет», с его логикой восприятия мере-щится, что она искусно дразнит и завлекает, и изде-вается над ним в то же время. Возникает мучитель-ное, неразрешимое состояние-ситуация, которое и называется «женщина, преследуемая мужчиной».

◆ В этой погоне редко загоняют преследуемую, гораздо чаще сдают нервы у преследователя; он начи-нает или уставать, задыхаться, иногда (сейчас только в романах) имеет глупость совсем прервать дыхание...

◆ Преследование женщины неудовлетворенным мужчиной есть охота со всеми ее страстями и эмо-циями.

Точно так же принимает правила охоты и сама преследуемая; она петляет зайцем, делает лисьи зигза-ги, огрызается собакой и, как всякий зверь при гонь-бе, неизбежно уходит кругами, постоянно возвращаясь с неумолимым преследователем на место исхода. По-лагаю, что нет особой необходимости разжевывать эти аналогии; например, петлянье — стремление сбить с преследования. Обычные петли женщины та-ковы. Сегодня она молчалива и одинока, завтра же холерически весела и прогуливается под руку с некоей личностью мужественного вида. Зигзаги — это под-манивание и новые препятствия, то есть погоня на измор. Когда же она чувствует, что ее вот-вот до-гонят, то прибегает к глубокому и хищному оскалу.

Но то, что преследуемая все время идет по кру-гу, неизменно выходя на место исхода, иногда помо-

гает ее догнать. Во-первых, охотник может не гнаться, а сидеть там в засаде. Эта тактика очень опытного ловца женских душ и тел. Иной же случай, когда гонец очень терпелив и верен поставленной цели, а преследуемая есть покладистая, добрая натура. Бесконечно вращаясь по кругу, то возвращаясь к началу (временное примирение), то вновь затевая гоньбу, они привыкают друг к другу и открывают для себя одну из разновидностей любви — любовь узнавания и привыкания.

◆ Самой своей конституцией женщина не расположена долго убегать от преследователя; она обороняется до тех пор, пока не подоспеет сикурс в виде истинного любовника или мужа, но может и пересидеть неприятеля.

◆ Женщина, конечно же, не зверь бесчувственный; она может искренне раскаиваться, когда в ее сети попадает не тот мужчина, что может стать ее любовником, почти что публично сожалеть и каяться. Честь и хвала ей, но что ее сожаления и терзания в сравнении с горем и отчаянием, и обидой невольно или намеренно обманутой мужественности отвергнутого кандидата в любовники?

◆ Благоприятный признак, если женщина еще способна возбуждать любовную тягу и быть преследуемой; это значит, что она женщина в цвету.

Как ни странно, этот факт радует и успокаивает мужей, хотя должен бы вселять тревогу в их души. Иное дело любовник; его просто бесит, что его любовница вызывает восхищение других мужчин (стадия жениховского эгоизма). А чему радуются мужья? Дурачки; или это добрая и несокрушимая уверенность в супружеской верности своей красавицы.

◆ Если понятие «женщина, преследуемая мужчиной» представлять в том прямом, наивном восприятии, что свойственно, например, детям, слушающим непонятные им образно-аллегорические речи взрос-

лых, то видится прекрасная, полная динамики и экспрессия сексуальная группа, достойная ваяния Микеланджело.

Бегущая от преследователя женщина прекрасна; это великолепная пластика; правая нога высоко занесена в бедре, что подчеркивает отчаянную стремительность бега; левая же нога напряжена и вытянута в красиво и естественно изогнутую линию. Впечатление такое, что она отталкивается от гречной земли и хочет в последнем порыве воспарить в облака и там укрыться от неистового преследования. У нее сильные, изящно обрамленные, овально-круглые бедра молодой женщины, во всем облике которой еще так жива девическая свежесть и тонкое, хрупкое изящество.

Овалы бедер во всех трех измерениях плавно переходят в эластично напряженный живот — дароносцу урожая любви. Лоно, скрытое в этом переходе, обещает неземное наслаждение и безумие влечения. Но это — по движению фигуры; с другой стороны скульптуры бедра упругим своим идеальным овалом мягко, но и четко переходят в полушиария ягодиц, основания которых через перешеек талии по косой боковой линии в гордой посадке, в порыве *elan* — вперед! — грациозно венчаются бастионами грудей, самой выдвинутой части тела.

Узкие и покатые плечи отведены назад и слегка тонируются усилием лопаток. Груди еще сохранили твердость девичьих овалов, но женственность уже омягчила их, оттенила и укрупнила соски, придала зыбкость и впечатление распределенной тяжести. Невидимым штрихом скульптора они растеклись, чуть вмялись под напором ветра от бега.

Руки разбросаны и отведены назад, волосы — парусящий плащ всадника на скаку. На прекрасном челе, чуть повернутом вбок, чтобы боковым зрением видеть действия преследователя, но одновременно

это и выражение усталости, ужаса и негодования, но тут же и любопытство: а что дальше? И еще гордость выражает ее лицо: за мною, не за кем другим, за мною бегут и неистовствуют!

Он же — воплощенная страсть распаленной чувственности и обманутой мужественности. Ноги терзают не отпускающую его землю, резко и бешено отталкиваясь от нее. Он весь — полет, но полет земной, корпус наклонен вперед, руки в спортивном размахе прижаты к телу, бугры мускулов вздыбливают плечи и мощную грудь, икры и бедра — сплетение свитых каналов напряженных мышц. Фиговый скульптурный листок сдуло ветром бега, а плоть мужественно напряжена и является собой грозное оружие любви, обрамленное могучими плодоносящими ятрами, заставляет зрителя прочувствовать силу страсти преследователя. Лицо искажено гримасой последнего усилия, великого гнева и всеохватывающей любви.

Трудно передать все великолепие и весь великий замысел такой скульптуры.

◆ Самый надежный и скорый способ убежать женщине от преследователя — убежать к другому мужчине.

◆ Убегающая от преследователя женщина никогда не впадает в панику, даже в самых пиковых ситуациях. Это свидетельство того, что искусство спасения от преследователя, как и искусство обольщения, является врожденным, а не благоприобретенным.

◆ Женщина предпочитает убегать от преследователя в коротком платье; в длинном можно запутаться, потерять скорость и упасть. Кроме того, попутно можно с помощью полуобнаженных бедер приобрести и настоящего любовника, спасителя от преследователя.

◆ Очень эффектно убегать от мужчины, не покидая общей с ним постели; мужчина теряет чувство настороженности и бдительность.

◆ Вековой мудростью оформлена мысль: Если я тебя люблю, то что тебе до этого? (Леонардо да Винчи «Атлантический кодекс»; Гёте «Ученические годы Вильгельма Майстера»; Ницше «По ту сторону добра и зла»; Моруа «Из писем к незнакомке», etc). Однако она справедлива в случае сочетания сильных страстей и характеров, то есть когда мужчина, почувствовавший влечение к избранной им женщине, способен влюбить ее в себя и завладеть всецело. Либо, убедившись, что ответное чувство невозможно, затаить любовь, не показывать и вида, страдать молча, тайно, глубоко. Либо же раз и навсегда отвергнуть мысли и воспоминания о несостоявшейся любви.

Если же мужчина, не добившийся ответного чувства, начинает преследовать женщину, терзаться открыто, со всхлипами, словом, «высоко страдать», коверкая свою и ее жизни, то эта мудрость не для него и звучит кощунственным оправданием насилия над женщиной в любви.

◆ Имея дело с сильным и опытным преследователем, женщина старается скрыть борьбу от постороннего глаза и слуха хотя бы потому, что имеет в мыслях и возможный вариант отказа от побега. Но если преследователь слишком горяч, неопытен или просто не знает техники дела, то тут уж женщина постарается оповестить всех вокруг о домогательствах в тот же час, когда преследователь раскроет ей свои карты.

Это самый эффективный способ отделаться от натуры впечатлительной, наглядно показав ему, что для женщины действительно и свято только взаимное чувство и никакое другое.

◆ При всем уважении к женскому бескорыстию — вспомните ее доверчивую растрату самой себя в любви, в воспитании детей — должно сказать, что редкая женщина не переведет мужчину из сословия пре-

следователей в категорию любовников, если это человек состоятельный, разумный в обеспечении ей хорошей или хотя бы приличной жизни. При этом он также должен обладать хотя бы минимумом воспитанности, культуры поведения, а на лицо — несколько отличаться от человекообразных приматов. Извиняет этот шаг высокая цель — продолжение рода человеческого в более или менее комфортных условиях.

Наиболее романтизированной личностью является профессиональный преследователь; по его поводу говорятся диалоги с противоположными смыслами, например, когда женщина разговаривает с мужчиной:

Она: ... Такой мужчина! Бабы от него без ума.

Он: Не от него... от природы своей.

А в это время одновременно в осиротевшей душе преследователя и на вечернем небе взошла одинокая звезда публичных домов — Венера.

◆ Женщина только в одном-единственном случае может убегать от преследователя в прямом смысле этого слова, а именно, когда самозванный любовник прибегает к грубости, в том числе и в ее крайней форме физического насилия. Это означает, что преследователь не умеет, не способен к другим, более тонким способам преследования, то есть он есть ограниченный деспот.

Вообще говоря, женщинам импонируют мужчины-деспоты; по определенным причинам внушают им симпатию и любовники ума ограниченного, но только в том случае, если эти два качества проявляются порознь, не в совокупности, а дополняются другими, более приятными чертами характера и поведения.

◆ У каждой преследуемой любовником женщины есть свой ангел-хранитель; у каждой свой. У юной и невинной девушки это ангел целомудрия и непорочности; чистотой помыслов, непониманием грубой первоосновы любви, неиспытанностью чувства телесной страсти отгоняющей преследователя.

Девушка в расцвете охраняется ангелом сознающей себя красоты — идеалом мужчины-рыцаря. Этот ангел этакой кошечкой, несерьезными обещаниями, верчением глупых мужских голов держит на коротком поводке распаленных вожделенцев.

Ангел избранной любви сторожит молодую женщину, ангел святого материнства стоит у колыбельки. Ангел добропорядочности сопровождает женщину, счастливую в браке, в долгой и устойчивой любви, материнстве, и успешно побеждает демона измены.

Все это ангелы-помощники. Но случается, что своим чрезмерным усердием они портят своей подзащитной жизнь. Ангел может случиться излишне цепломудренным, например, столь сильным и воинственным, что невольно превращает цветущую женщину в старую деву. Увы, не всегда усердная помощь во благо; не хочется приводить более грубую пословицу...

◆ Женщина всегда убегает к другому мужчине, точнее говоря, она бежит от преследования, пока не упадет в объятия поджидающему ее мужчине. Если же такого не встречается, а женщина убедилась, что бежать не к кому, то она, пересилив себя, останавливается и сдается преследующему ее любовнику.

◆ Успеху бегства женщины от преследователя немало способствует и то обстоятельство, что она от природы наделена неким чувством превосходства над мужчиной. Обратите внимание на проходящих мимо вас школьниц. Какое торжество и насмешка, какая горделивая осанка при ногах-палках и еще отсутствующих грудях, как победителен их взгляд? Они уже почувствовали, что женщина есть товар природы, который покупается серьезной ценой, за которой мужчина редко постоит. Золото-серебро, золото-серебро! Подставляй шапку, насыпай, кто больше. Этот? — Гренадерской внешности красавец, да еще в мундире... Годен, бери. А вон тот в начальнической тройке с галстуком и в шляпе, с сильно развитой челюстью

покорителя человеков и банков? — С удовольствием. Этот? Этот, невидный собой, несмелый рохля. Иди вон к той девочке, она тоже невидна собою и робка.

◆ Кто знает, что творится в душе преследуемой женщины? Трудно докопаться до истины; она и сама сообразить-то в точности не может. Мысли разбросаны, раскиданы, как и все вещи у женщины с собой наедине. Но можно выделить из них две основные и противоборствующие: ой, не напрасно ли, а то, может, завтра красота моя увянет, никого со мной не будет рядом? И другая: не слишком ли я растрепалась во время бега, не потеряла ли изящество? Все ли в порядке с платьем, туфлями. Ой, не дай, Бог, увидят, а я прическу помяла, губы наспех подкрашены... Вот и пойми их.

Страшный сон приснился директору департамента культуры областной администрации Амалфееву Венедикту Фемистокловичу, бывшему доценту античной истории и мифологии местного пединститута. Видно, перекушал он деликатесов на банкете по случаю открытия досугового центра на Старопавшинской (бывш. Новоиндустриальной) — нового очага культуры местного торгового олигарха Жоржа Кидалова. А снилось ему, что усиление вертикали власти добралось-таки до его департамента. С утра вошла в уютный их особняк пятиметрового роста Афродита и непрекращающе велела содрать всю позолоту со стен, побелить потолки, а восемьдесят процентовувольняемых за ненадобностью чиновников от культуры собрать в корзины и подносить к окну, куда она самолично их опорожняла. Под конец подозвала бледного, с дрожащими коленками Венедикта Фемистокловича:

— Зачем позоришь свою фамилию? Ведь ее родоначальница, олимпийская коза Амалфея подарила человечеству рог изобилия, а ты же из этого рога наполнил толпы никчемных, бездельных людышек! В наказание тебе лишаю должности, права на повышенную пенсию госслужащего и отправляю обратно доцентом в пединститут.

Проснулся от таких страшных снов Амалфеев с сердцебиением и в холодном поту. Потом до утра не мог заснуть, пугая добрую свою супругу и милых девушки, бездельников-переростков. А на утро предпринял контрмеры: явился к вице-губернатору с опережающим проектом сократить аппарат департамента на 0,35 %. Хмуро посмотрел тот на Амалфеева; он тоже вчера был на презентации у Жоржа Кидалова.

СТАДИИ ЛЮБОВНОСТИ ЖЕНЩИНЫ

◆ Женщина любит в жизни несколько раз, увы, лишь несколько. Любит куклу Машу, потом маму, затем первого своего мужчину, наконец, ребенка. Все остальное суть имитация, инерция, привычка и увядание любви.

◆ Когда размышляешь о пути женщины по жизни, то неизбежна ассоциация с плодом. Мне более всего памятно яблоко из прадедова сада при Доме на горе (а что же ассоциировать негру с его бананом?); женщина в пору зрелости вызывает такое же влекущее, почти вкусовое чувство, то есть тягу, желание завладеть, поласкать и... съесть всю без остатка, как румяно-нежное, спелое яблоко. И также долго она крепится, маскируется, живет былым впечатлением. Сама старость и увядание ее долго скрывается под буреющей, все старающейся закрыть и скрыть кожей.

◆ Январский зимний вечер. В городе искусственный свет на изогнутых глаголю фонарных столбах. Под ногами чуть примятый, раскрупленный морозом снег. Час между восемью и девятью вечера, когда люди разошлись по домам, лишь запоздалые тянутся из запирающихся пивных, бандиты и знатные воры следуют из подкатывающих «мерсов» отдохнуть от трудов праведных в своиочные заведения, да мерзнут не нашедшие на вечер приюта и тепла старазаветные безденежные парочки.

На улицах вообще малолюдно в это время, но где-то в четверть девятого небольшое оживление: из магазинов, лавочек-ларьков, больших супермаркетов и роскошных новопостроенных торгово-развлекательных заведений выталкиваются толпы или группки женщин — продавщиц, уборщиц, кассирш и их на-

чальниц. Гремят амбарные замки, засовы, бронированные ставни от фирмы «Вольфшанц». Затем женщины расходятся, уволакивая за собой тугу набитые сумки; самое странное, но внешний вид этих женщин и непременное наличие переметных сум вовсе не изменились за последнюю четверть века, хотя за это же время государство наше успело проиграть Третью мировую («холодную») войну и было откинуто из передовой общественно-экономической формации в старозаветную эпоху торгово-воровского и чиновничьего феодализма. Так что это лишний раз подтверждает ту диалектическую истину, что историю невозможно повернуть вспять.

...Итак, наступил короткий час исхода сумчатых. В тот час не верится, что эти традиционно-отечественно полноватые, хорошо кормленные бабы находятся в высшей стадии любовности, ибо им по тридцать с небольшим, в основном, лет. А их темперамент, неудовлетворенный в дневной торговой сутолоке, где жизнь вроде бы должна казаться дивной и удивительной, хорошо упитанное тело — даже вопреки суровым наставлениям хозяев и директоров ООО и АО о «дресскодовом внешнем виде» работников прилавка, здоровый труд без умственного угнетения, почти полное отсутствие первобытных житейских забот,— все это говорит о их высокой любовной страсти.

Действительно, в постели они любят страстно, жарко (хочется сказать — жирно!) и самозабвенно. Детей они холят, они у них игрушечки, на которых приятно остановить взгляд их отцам, преимущественно из сословия «полисменов» и таксистов. Этот тип женщин не угрюм, не замкнут. Они любвеобильны, их очень охотно пользуют бобристые любовники из погонного городского начальства (владельцы же ООО, АО и палаток, совсем зажрав-

шились, предпочитают нанимаемых на сезон восемнадцати летних девушек).

Странно это думать, глядя на сбитые, плотные и мощные фигуры, гнувшиеся под пудовыми тяжестями традиционных сумок.

◆ От первого заинтересованного взгляда на мужчину до первого соития — вот тот путь, что вмещает в себя все стадии любовности женщины. Все остальное уже не то; до этого есть игра, подготовка, а после наступает бесконечное повторение, нега в поту.

Первый путь долог, огромен по богатству впечатлений и деяний, повторения же скоротечны. Если первый тянется годы, то повторения укладываются в месяцы, но чаще в недели, дни, нередко в часы и даже минуты.

◆ Переломный момент в женской любовности, изменяющий все в корне,— это начало половой жизни, первая плотская любовь. В ранних человеческих формациях это считалось естественным, нормальным и приветствовалось всеми членами общины: мужчинами и женщинами, стариками и молодыми, глупыми и умниками. День вступления в роль жены, женщины (тогда это совпадало по факту дефлорации) был ее праздником и торжеством всего рода.

Но откуда в более поздних, цивилизованных обществах появились характерные термины: потеря невинности, лишение чистоты, целомудрия *etc*?

Разгадка предельно проста, если вспомнить, что это резкое изменение взгляда на потерю девственности совершилось именно тогда, когда люди перешли от группового брака к парному, интимному. Заметим в этой связи, что «сексуальная» революция последней трети XX века де-факто означила обратный переход, потому-то в наше время роль целомудрия, непорочности и пр. опять нивелировалась до пещерно-каменных традиций.

Именно тогда появился стыд, скрытие от окружающих актов плотской любви. Было же это следствием зависти. Да, ранее, при общей доступности женщины, такой зависти не было. Интимная же любовь подразумевает соревнование, избранничество, а при этом неизбежна масса обойденных, отставших в соревновании, то есть завидующих победителям, получившим призы. Они-то и придумали, тоскуя и злясь, всю эту модель целомудрия, чистоты, сохраняемой девственности. Это самый сильный, глупый и нелепый предрассудок из дошедших до наших дней. Так считают «сексуальные революционеры» прошлого XX века. Им противостоит, порой успешно, традиция, отчасти искусство и здравый смысл, овеществляющий законы биоценоза популяции *homo sapiens*.

♦ Когда в конце пути встречаются две женщины, два корабля — один истрепанный житейскими бурями, другой же — истомленный штормами любовных перепетий, — им есть о чем поговорить, что вспомнить. Как одновременно вышли из гавани, плыли поначалу по тихой, безмятежной заводи залива, вместе встретили первую рябь, первые волнения вод — отголоски далеких океанских бурь, а потом их курсы разошлись по противоположным румбам. Одну трепала жизнь, быт и неустроенность, болезни ее самой, мужа, детей, внуков. Вторая иссохла в беспрерывных спазмах любви, в конвульсиях терзаемого сладострастием тела.

Как различен был их путь! Шел он по разные стороны океана жизни, но вот теперь они вошли вновь в одну и ту же тихую пристань старости, снова они подруги, товарки, вместе вспоминают жизнь и, что удивительно, оставляя в стороне конкретные подробности, они обнаруживают полное сходство содержания своей жизни: небольшие женские радо-

сти, мужчины и еще раз мужчины, отрада в своих детях и детях вообще, нервотрепки и полное отсутствие времени для себя; некогда и подумать: что вообще-то хочешь в жизни? Для чего живешь?

◆ Каждому периоду жизни женщины вполне однозначно соответствует и своя форма любовности. Смутная и восторженная мечтательность, поиски рыцаря-идеала смешны в любом возрасте, исключая раннюю юность. Доверчивость в любви есть прерогатива восемнадцатилетней девушки. Сильное, страстное чувство лежит в основании женственности. В зрелом же возрасте женщине должно быть матерью, ровно и спокойно, что называется счастливо,— любящей женой. Но вполне возможны легкие, ни к чему не обязывающие любовные связи: «для отдыха и для развлечения» (взрослые незамужние женщины называют это более прагматично: «для здоровья», «для секса», наконец,— предельно откровенно и физиологично: «нужду справить»...) Они же, в конечном итоге, лишь стабилизируют и укрепляют семейную жизнь; с точки зрения женщины, конечно. Как исключения, случается однажды единственная, имеющая следствием разрушение всего ее привычного уклада жизни, сильная любовь. Еще раз отметим, что это очень редко встречается. Женщине страшно менять все предбывшее, устоявшееся. Только сильная натура и неординарная любовь способны на это.

Всякая женщина понимает, как нелепо любое нарушение этого порядка. Как нелепо замужней на первом году женщине играть глазками и вздыхать при виде проходящего мимо красавца. Точно так же лишь о ранней развращенности говорят меняющиеся постельные партнеры у шестнадцатилетней девицы. Всему свое время и место. И если мужчина не всегда понимает, то женщине-то ясно: как красиво и

привлекательно было вчера ее новое праздничное платье! Но редко она наутро наденет его, так нелепо оно смотрится утром, помятое, без дополняющей его прически, макияжа, обстановки, намерений и времени суток. Халат или джинсы более к месту; мужчина ждет завтрак.

Весь путь любовности женщины — от трусливости до агрессивности в любви.

♦ Неправда, что с течением времени и при большой практике любви бесстрастная девушка непременно превращается в чувственную женщину, а в сплошных любовных разочарованиях темпераментная натура гибнет и обретает устойчивую фригидность. Нет, запас любовности дается от рождения, как обычное, общечеловеческое либидо и ничто, никто и никакие обстоятельства жизни его не изменят: не пополнят, не убавят.

♦ Время любить и время ненавидеть. Это слова проповедника Экклезиаста. Время любить взглядом и время любить душою; время любви рассудком и время любви телом; время любить страстно и время любить умиротворенно; время чувства и время похоти; время перемен и время измени; время привлекать и время завлекать; время быть красивой и время уметь быть красивой; время выбирать и время предлагать. Время любви и бремя любви.

♦ Есть категория женщин, у которых все стадии любовности суживаются до одной. Такая женщина обычно называется скучной, квелой и пр., бесприметно растет, потом в один короткий миг у нее просыпается половое стремление, она находит мужчину из тех, кто сам не особо ищет, женит его на себе и тотчас беременеет. Таких, как правило, бросают скоро; она же потом всю жизнь вяло бранит всех мужчин на свете, но чувство страсти и желания у нее более никогда не возникают. Зовут таких

почему-то чаще Изольдами и другими чудными именами.

◆ Из трех средоточий привлекательности и любви женщины — губ, грудей и лона — с возрастом последнее остается единственным; оно менее всего подвержено старению, да и не демонстрируется.

◆ Посмотрите, как женщина перешагивает через дорожную лужу. Старушка боится потерять единственное, что у нее осталось: жизнь и остатки здоровья,— и переходит вброд, осторожно, не думая о грязи, испачканной обуви и одежде.

Зрелая, на перевале последней любовности, женщина аккуратно перешагивает лужу, стремясь сохранить то, что у нее есть: здоровье и имитацию привлекательности и красоты, то есть одежды.

Девушка или молодая цветущая женщина легко и красиво перепрыгивает через лужу; кроме сохранения здоровья и наряда она еще заботится о своем изяществе в прыжке.

...Так и в любовности. Девушка хочет нравиться всем; одновременно же нравиться и быть любимой одним, но сохранить запас своей любви впрок, на будущее.

Испытавшей много любви зрелой женщине достаточно того, чтобы ее любил *кто-то*, но и другие по виду ее понимали, что она еще может быть привлекательной для *кого-то*.

Со старостью уходит любовность, привлекательность. Хорошо хоть сохраняется жизненная первооснова существования.

◆ В жизни женщины есть свои палеозои и мезозои, свои третичные и четвертичные (не путайте с фазами известного вензаболевания!) периоды; они приходят и уходят естественно, особенно не волнуя женщину, но всякая из них трепещет, ожидая наступления последнего рубежа любовности, конца бабьес-

го века, неприятного психологически климакса — антипода провозвестника любви — менаархе.

◆ Специфическая черта женского характера — вневременность в части собственных лет.

◆ «Школьный» период любовности есть не совсем обязательно любовь школьницы или к школьнице; очень часто школа любви начинается во вполне зрелом возрасте, может — даже в возрасте начала увядания, и может длиться годами и десятилетиями. Некоторые же так и остаются всю жизнь в приготовительном классе любовной школы. Так возникает этот класс активных девственниц.

◆ Очень приятно общаться с женщиной замужней или просто сексуально удовлетворенной. Ощущаешь человека со своеобразной и тонкой душевной организацией. Но нет ничего неприятнее вынужденного общения с женщиной ищущей. Последняя есть воплощение одной и самодовлеющей идеи, а потому со стороны невыносимы ее обезьяньи ужимки, глуповатые смешки и бедные смыслом, но авторитетно-напыщенные слова. Разумеется, это в том случае, если вы не являетесь объектом ее притязаний или сами в нее не влюблены. В последних случаях справедлива присказка: любовь глаза туманом застилает (или: любовь зла...).

◆ У всех женщин любого возраста одна и та же причина таких стереотипных черт характера, как направленная нежность, избранная уступчивость, вспыльчивость, ослабленная воля, мстительность и коварство,— это любовь и реакция на любовь ответную; либо нелюбовь или равнодушие.

◆ По внешнему виду женщины, выражению ее лица невозможно определить, в какой стадии любовности она находится, любит ли вообще, любят ли ее, или она навек засохшая смоковница. Это есть только обычная женская маска «на всякий случай всякая

любезность». Лишь только юная, впервые серьезно полюбившая девушка и любящая в последний раз отцветающая женщина раскрываются для стороннего взгляда. Лицо первой озарено восторгом, любовью, охранением сокровища души, впервые расцветшей. Вторая же нежна и грустна, ласкает взглядом этот уходящий от нее мир любви.

Банкирша Агапья Федоровна, родом из бывших райкомовских комсомольских инструкторов, втихую отмечала свое 50-летие. И так ей захотелось любви — большой и чистой?! Ужаснулась: как это я без любви до сих пор жила? Да некогда было; в комсомольскую молодость все большую карьеру строила, из постели

в постель ответственных партийных шалунов шастала — до высоких ли здесь чувств? А потом бизнес ни одной свободной минуты не давал. Но застоявшееся, прекрасно сохранившееся тело своего сейчас жутко потребовало. Как быть? Замуж выйти — засмеют; платного любовника завести — стремно, комсомольская стыдливость не позволяет; бесплатного — так все банковские авуары из нее вытянет. Одноразовых мальчиков для услуг по объявлениям вызывать — очень она дурных болезней опасалась. Совсем отчаялась и вызвала начальника своей, то есть банковской охраны, большого спеца по интимным делам: так, мол, и так, Семеныч — выручай, найди приличного, главное — интеллигентного, но и крепкого мужчину лет сорока для большой и чистой любви. Почесал Семеныч репу и пошел исполнять производственное задание. А сам внезапно впал в запой. Оклемался — уже все ранние сроки вышли. Сагитировал наспех соседа, безработного кучера, видного собой, грудь колесом, ростом в косую сажень. Только предупредил насчет стеснительности и особенно интеллигентности. Привел к хозяйке и представил. Понравился, стала намекать насчет высоких чувств, а кучер вспомнил инструкцию Семеныча да и ляпни для убедительности:

— Кому здесь трахаться надо? Давай скорее, а то мне в библиотеку пора идти книжки читать.

ДОПОЛНЕНИЕ К СКАЗАННОМУ

◆ Известная доля нечуткости, прямолинейности суждений и характеристик, негибкости в личном общении, все это часто доходящее до прямой бестактности и глупости — даже своеобразно украшают юную девушку в пору первоначального привлечения мужского внимания, придает ей определенную пикантность. Все это независимо от подлинного содержания ее ума и души, впрочем... поскольку речь идет о женщине, то правильнее сказать — души и ума. Итак, эти качества могут считаться солью (с перцем, впрочем!) своеобразия характера девушки и молодой женщины.

Все это проходит с возрастом при нормальном течении жизни женщины. Но случается и аномалия. Вроде бы женщина удовлетворяет все естественные, природные устремления — любовь, постоянный мужчина, дети, быт,— но черта детской прямолинейности, всей этой нечуткости и задиристости остается, закостеневает. Это выглядит нелепо, смешно, порой раздражительно до злости; расплачиваться приходится ее ближайшему окружению. Она же этого не понимает, да и не в состоянии понять. Как она остановилась на уровне десятиклассницы в части человеческих отношений, такой и остается всю жизнь. Это уже не соль, не изюминка, ибо особенно привлекать-то уже не требуется! А все вместе становится докукой, неудобством, своего рода глупостью ума и недоразвитостью характера, хотя во всех других отношениях душа и ум такой женщины могут быть превосходными. Всякая аномалия объяснима, эта тем более; здесь исключителен пример родителей: яблоко от своей яблони... (Опять и вдругорядь Лиза вспомнила прадедов сад).

◆ Кто не досадовал, когда, торопясь либо просто обладая нетерпеливым характером, наконец, имея

достаточно длинные ноги или приученно-ускоренную походку, приходится обгонять женщин. В узком коридоре учреждения женщина впереди есть неодолимое препятствие. Две женщины наглухо загораживают широкий тротуар, а три и чуть более способны перекрыть для стремительного ходока и небольшую площадь.

Даже обходя сам-один идущую женщину в свободном месте, вы обязательно натолкнетесь на вибрирующий, покачивающийся бок, руку, плечо обгоняемой женщины. Самое интересное, что никакой роли не играет ее комплекция!

Что за чудо? Чуда нет; во врожденном характере женщины запечатлено: всегда обращать на себя внимание. Поэтому ей и в голову не приходит, что громкое сопение, нетерпеливое стучание каблуками и пр. есть требование раздосадованного мужчины освободить путь. Нет, она как шла, так и идет себе. И если он обгонит ее, то непременно (и неосознанно!) следует все же задеть его плечом, рукой, то есть обратить на себя внимание физическим контактом.

Именно так надо понимать, что не глупость это, не легкомыслie, не отсутствие элементарной логики пешехода, а именно неосознанное стремление создать препятствие, хотя бы на миг задержать, дотронуться до него, обгоняющего: остановись на секунду, посмотри на меня, запомни! Я не вредная, не глухая, не дура — просто... я женщина, поэтому обрати на меня внимание.

Хорошо зная эту женскую черту, опытный мужчина в автомобиле лучше остановится и переждет, нежели станет обгонять машину с женшиной-водительницой. Я уже не говорю о старой морской традиции вообще близко не подпускать женщину к военному кораблю...

Когда императрица Екатерина Вторая в 1763 году подписывала указ об учреждении воспитательного дома с полным пансионом для сирот и сироток, она как чувствовала: благое это дело будет жить вечно. Об одном не догадывалась самая умная русская царица, кор-

респондентша Вольтера: количество брошенных родительницами детей с течением времени окажется прямо пропорционально степени цивилизованности того или иного государства. Хотя вроде бы и читала труды Жана-Жака Руссо, который и сам приказывал своим любовницам подбрасывать новорожденных от него, и обосновал неизбежность этого с позиций философии общественного договора... Давайте и мы с вами рассуждать философически. Чем образованнее общество и составляющие его человекоединицы (даже если каждый из них, взятый поодиночке, и есть полный идиот), тем эгоистичнее сам дух социума; обратная картина в СССР и некоторых его сателлитах есть то исключение, которое подтверждает правило... А чем эгоистичнее нравы, тем меньшие желание и стремление человека к продолжению собственного рода: свой собственный (якобы) разум ревнует даже к детям и внукам. Отсюда и стремление избавиться от гипотетического конкурента. Обычно в этом вопросе принято ссылаться на относительно высокий жизненный уровень в цивилизованном мире, при котором уже нет необходимости рассчитывать на детей в старости. Но ведь это то же самое, но только в сугубо материальном выражении.

Принято считать, что феминизм и женская эмансипация возникли где-то в начале второй половины XIX века и преимущественно в вольнолюбивых Северо-Американских Соединенных Штатах — САСШ — тогдашнее их самоназвание. А в России первый пик (помните из классики стриженых барышень-курсисток?), наэлектризованный двумя романами — более известным «Накануне» и ныне подзабытым «Подводным камнем», пришелся на последнюю третью того же века; в начале же века двадцатого отечественная э м а н с и п э как-то просто и естественно переросла в обычную половую распущенность... Основные девизы эмансипации: «Нет большие завтра — все сегодня!», «Нет большие мужей!», «Да здравствует только один закон: закон моды!», «Половой акт — как выпить стакан воды!» (Коллонтай) и ряд сопутствующих, но не афишируемых, типа: «Земля — землевладельцам, фабрики — фабрикантам, моря — судовладельцам, но при условии, чтобы они были моими содержателями». Более всего эмансипантки не любят трудиться физически; об умственном труде скромно умолчим.

...Но на самом деле эмансипация, то есть бездумное своеолие женщин, берет начало в библейской поре и следует весь период цивилизации и культуры человечества. Самое существенное, что истоки э м а н с и п э предельно просты: невнимание мужчин к не очень красивым женщинам, к тому же неряхам, бездельницам — даже в постели.

ЭССЕ О МУДРОСТИ И СУДЬБЕ

Леонардо да Винчи оставил в «Атлантическом кодексе» одну стройную и осозаемую мысль, что всякая женщина находит избранника, по телу которого судит о питающей, родственной ей душе. Таким образом, в необозримом разнообразии человеческих характеров рано или поздно, но неумолимо закономерно она находит свою мужскую судьбу, свою пару.

Со времен Восрождения афористическая мысль претерпела определенные изменения, свернув по преимуществу к скептицизму. Поэтому иозвучное нашему времени дополнение к максиме Леонардо гласит, что, при всей индивидуальности женского характера, последний имеет стереотип мышления: отображение первенства в женской натуре первородного, природного, а точнее — естественного начала.

Не в этом ли причина затаенного стремления женщины перевоплотить дух своего избранника, отвлечь его от чисто мужской игры в серьезность, в умозаключения, в философию и пр., вернуть в лоно первородного, то есть практического разума? В этом источник неиссякаемого стремления женщины к перевоспитанию даже совершенно в своем роде мыслящей особи противоположного пола.

Самое интересное, что даже в мыслях женщина не пытается поучать женщину же...

Мудрость и судьба — это японский рисунок «Девушка с веером». Здесь линиями очерчены только складки одежды; черты же лица, рук есть только сочетание нежных тонов. Мудрость — способ воплощения женской души в плоском, двумерном изображении, судьба — объект всякой мудрости, неизменно замещающий ее, выхолощенную мудрость, портретом в сливающихся тонах.

Боль есть самый откровенный крик обнаженной души; по-другому, боль — отпечаток характера. И ничего нет откровеннее зубной боли, боли зуболечения. Но здесь присутствует четкая дифференциация; мужчина охотнее удаляет зуб, женщина же предпочитает долгое, малоприятное сверление, неизмеримо более мучительное. О чем это говорит?

В общежитейском понятии мудрость суть качество глупое, опасное, восхитительное, полезное и вредное, достойное и недостойное... сколько людей, столько и мнений.

В понятии женщины мудрость есть качество излишнее и вредное. Мнение это проистекает не из злобы, зависти, глупости,— нет. Здесь проявляется извечное стремление женщины к покою и определенности.

*Ты ослепи меня, я все равно увижу,
Возьми мой слух, тебя услышу,
Без ног я до тебя дойду,
Без уст я гимн тебе спою,
А руки спеленаешь у меня,
поймаю сердцем навсегда,
А сердце отберешь, так ум его заменит,
Безумным сделаешь — кто не поверит? —
в крови горячей растворю тебя!*

Р.М. Рильке*

Кант осчастливили мир понятием «вещь в себе». «Женщина в себе» — вот антропоморфный эквивалент агностическому определению сущности мыслителя из Кёнигсберга.

Женская любовь есть коллаж из парадоксов. Ее следует отличать от обычной, мягкохарактерной привязанности.

* Перевод с нем. наш.— А. Я.

Старейшая в этике мысль, что каждый любит в другом лишь самого себя. Это так, но все софисты, подтверждавшие это, были мужчинами. А они, как мужчины, были правы, но глубочайшее заблуждение полагать и обратное утверждение справедливым.

Не поддается сравнению женское и мужское достоинство. У последнего оно чаще всего вырождается в спесь, скепсис, отчаяние, хамство, самоуничтожение, подозрительность *etc.* У женщин же это есть **ДОСТОИНСТВО** — великолепная тога собственного самоосознания. Посмотрите хотя бы, с каким достоинством женщина проводит ритуал собственного обеда даже в замызганной столовой арматурного завода!

◆ Затронутая тема глубока и бесконечна, точнее бездонна. Смесь приоткрытых выше аспектов любви и женской природы следовало бы продолжить в следующем порядке: женщина в детстве, женщина в девичестве и девственности, первый грех, сладость любви, итоги замужества, зрелость женщины и матронаж, увядание женщины, первое материнство, женщина и дети, эдипов комплекс, старые девы, женщина и дьявол (женщина и искуситель), распутство, проституция, свободная любовь, женщина в быту (женщина и кухня), ученая женщина (здесь Лиза хмыкнула в свой адрес), ведьмовство, наряды, женское тело и искусство афиши, женщина с книгой — искусство, бальзаковский комплекс, последняя любовь, супружеские измены, любовь как самоцель, любовь как средство, женщина — актриса спектакля жизни, женщина в мире животных и растений, женщина на службе, женщина-начальница, очарование мундирем, женский либерализм, интернациональное в женщинах, еврейская женщина, восточная женщина, женщина в русской идее, американский синдром, последний шанс, эволюция жен-

ского типа и характера, о вырождении, женщина-преступница, физиологизм женского характера, женские типы (психологические), коллективный брак, алогичность женского мышления, жизненный опыт женщины, женские пороки, женщина и религия (идеология, политика *etc*), женская самоотверженность, апофеоз любви, преданность, хранительница очага, национальный колорит, фантазии о будущем, теория и практика эмансипации, феминизм, половые извращения и патологии, лесбиянка, христианка и мусульманка, идиллия, советы матери, любовь и платоника, женщина и сексуальная демагогия, любовь в отсутствие возможности половой жизни и пр. и пр.

Однако, по здравому размышлению, мы решили ограничиться изложенным выше по следующим причинам. Во-первых, суть-то исследования хотя и начерно, но раскрыта; все возможное последующее есть растекание мыслью по древу, высвечивание собственного субъективизма и пр. Это уже малоинтересно.— Особенно, если пишет женщина... Во-вторых, многие разделы уж давно и авторитетно раскрыты; например, психологические типы, в том числе и женские, прекрасно описаны Карлом Густавом Юнгом в одноименном его классическом труде. Женщина-преступнице посвящена отдельная глава в труде Чезаре Ломброзо «Гениальность и помешательство»; уже излишне напоминать о «Вырождении» Макса Нордау. Наконец, бесчисленные афоризмы и максимы о женской природе и сущности женского любовного чувства рассыпаны в широко известных афористических книгах Ларошфуко, Вовенарга, Паскаля, Лабрюйера и пр. и пр. Фундаментальные «Опыты» Монтеня, «Письма к сыну» Честер菲尔да, «Путь жизни», «На каждый день», «Круг чтения» Льва Толстого доскажут остальное.

Наконец, это, пожалуй, основное, в перечисленную выше роспись феминистки целиком и полностью входит... вся мировая романтическая проза и поэзия. Так что читайте себе всю жизнь и мотайте на ус, а если зрения жалко, то, приходя со службы (от любовницы и пр.), не смотрите в телевизор, не слушайте радиопропаганду, не читайте лживые газеты, но почаще смотрите на свою жену.

(Прежде чем подумать на тему прочитанного, Лиза вскочила с дивана и, все неотступно держа в голове подрастающую дочь, открыла прадедов сейф, где сейчас хранились боевые награды Егора Фомича и его же именной «кольт», и упрятала в него исписанную тетрадку...)

Вот добрались и до самой животрепещущей темы современной моды; она же и образ жизни. Приходит гласный городской думы Своекорыстнов со службы домой, а супруга его, почтенная Изольда Порфириевна, уже на звук открывающейся тройной двери горделиво кричит из дальних комнат:

— Венечка! Посмотри, какое я себе платье купила в «Торгсити» к балу у предводителя торгово-промышленной палаты! Ну-ка, оцени, мой благоверный?

Посмотрел гласный на свою супругу, недавно спривившую «бабью пенсию» и обомлел:

— Изольда, мне кажется, что у тебя уж слишком все открыто?

— А я и не намерена ничего скрывать — теперь время гласности, вот и мода под нее подстраивается. Небось, у себя в думе-то все глаза проглядел, пялясь на всяких ваших секретарш, у которых и вовсе груди до сосков торчат, животы, спина и попы до половины голые!

— Так то, Изольдочка, молодежь. Им, девицам-то, женихов надо выискивать, вот они голышом-то и скачут, аки козочки стрекопытистые.

— Ах, кобель ты старый, дурак гласный! Так я стара уже для тебя, козочек ему подавай стрекопытистых! Да на себя посмотри, а в постели уже и виагра не помогает...

Здесь и Своекорыстов обозлился:

— А кто тебя тридцать лет назад из работниц швейной фабрики «Чайка» вытащил и в люди вывел? Иди, иди со своей порнографией во двор, пусть тебя дворник Кизилов рассматривает. Вот ему и про гласность расскажешь!

«СЧАСТЛИВАЯ ДУРА», ИЛИ ТРЕТИЙ ТИП РУССКОГО ЖЕНСКОГО ХАРАКТЕРА

*У людей дураки — любо каки,
а наши дураки — вона каки!*

Из словаря Владимира Даля

◆ ...Дочитав свои «росписи феминистки», к зоологическому отряду которых сама ни в коей мере не принадлежала — даже в страшном сне, накануне крепко повздорив с бывшим своим мужем, Лиза кстати вспомнила и отзыв на свое «философско-беллетристическое баловство» Светланы. Ей единственной она и дала почитать, помятуя университетское, советское еще, то есть основательное, филологическое образование старшей подруги. Следующий вышел разговор.

— Недурно, очень даже впечатляет. Конечно, чувствуется статус кандидатши психнаук, поставленная, так сказать, рука... как у пианистки, что уверенно стучит по клавишам, не вспоминая по отдельности ноты, bemоли и диезы. С другой же стороны глядя, именно этот статус привносит на страницы этакий «филологический академизм». То есть, не напрягая себя, ты исполнила и урок Егора Фомича: размышлять на бумаге не от женского естества, но именно глядя со стороны. Неважно чьей: женщины ли, мужчины... Ибо пресловутый академизм нивелирует акценты по части половой принадлежности. Как говорил классик: «Добру и злу внимая равнодушно». Таким образом, установку своего геройского прадеда и собственную сверхзадачу выполнила «на пять». Правда, сейчас в университетах американско-болонская стобалльная система оценок, то есть «на все сто»! Понимаю, что основной твоего сочинения на тему женского характера являются афоризмы. Дога-

дываюсь и о роли вставок в форме беллетристики, то бишь рассказов. Рассказики, конечно, нарочито простенькие, зачастую хулигански «ню», но роль их архипонятна...

— Но я ведь, Светик мой ясный, не писательница, то есть...

— Я и говорю, что понятно все. Требуется пробуждать от серьезного чтения афоризмов — и расталкиваешь читателя остреньким, на грани фола, незамысловатым сюжетцем. Это ведь не на мужское чтение ориентировано, да? Они-то по воспитанию и опыту житейскому придерживаются замечательного английского правила, которое тебе хорошо внушил Егор Фомич... Что и позволяет говорить что угодно, не опасаясь нарваться на злобно заблестевшие глаза, а то и на кулак собеседника. У нашей же сестры ни воспитанием, ни образованием не исправленный бабский подход: а ты? А я! Это ты, сучка растакая, про меня? Да я о тебе и не то могу рассказать! И пошло, и поехало, особенно если у слушающей товарки кошелек в троллейбусе или лайне вытащили. Или, вообще не дай дод, бабенка в самом соку, кровь с коньяком, а мужик ее с утра не оприходовал! — Поленился, а скорее для секретарши своей суточный сперматогенез приберег... Вот и правильно: для баб писать, так и тыкать их любопытным носом в самые паскудные их же дела по постельной части! Что ты и делаешь.

— А фантазией взбаломошной эти рассказы не выглядят? Мол, без мужика осталась, вот и рвет-мечет словесно, едва не ревет как стельная корова...

— Лизавета! Тебе ль, психологу-профи, не знать: реальная жизнь такие сюжеты наяву преподносит, что любой записной фантаст в части писательства отдыхает. И далеко отдыхает — подальше Бали и Гоа. Вот в сельском хозяйстве, дорогая, совсем не разбираешься: в стельном состоянии корова как раз самая спокойная; это тебе не беременная баба, что дурить начинает...

— Извиняюсь, не подумала, не в ту сторону язык повернулся. Вот у вас, городская леди в седьмом поколении откуда такие познания в рогатом животноводстве, позвольте поинтересоваться?

— Все оттуда же, дорогая, как ты пишешь о нашей сестре — из постельных разговоров, когда мужик отдыхает со своим предметом, пить я ему не даю, чтобы не расслабился, а время надо чем-то занять. Короче говоря, был у меня хахалем крупный чин областной администрации. Да ты, небось, помнишь его. В медовый месяц половой активности часто забегал ко мне; как-то интересовался: что за миловидная соседка у тебя на втором этаже? Я, дескать, встретив ее выходящей из квартиры, шутливо — от «чувств» перед встречей с тобой! — приобнял прекрасную незнакомку, а она меня кухонным ведром, с которым шла к мусоропроводу, пониже спины да со всего размаха!

— Как не помнить, Света! Ты еще наутро порекомендовала: повторится — бей кобеля по голове, вреда все одно не случится, чугунная она внутри, а ниже пояса не надо, здесь уже мой интерес...

— Он самый. Его, значит, натаскивали на замгубернаторскую должность по аграрной части, в которой Витек ни в зуб ногой. Вот он в свободные от заседаний и воровских дел часы и зазубривал сельхозтермины по советского еще издания пособию для агроруководителей. И я, играючись, зачитывала ему в постели про стельность коров и их искусственное оплодотворение.— По теме, так сказать, наших занятий... Впрочем, мало чем быку уступал по этой части. Жаль, при попадании, как у нас в области принято, тогдашнего губернатора на отсидку сам еле уцелел и сгинул в неизвестном направлении.

— Сочувствую.— При упоминании о мусорном ведре Лиза, вспомнив излечение матерью отца от блудодейства, инстинктивно постучала костяшкой пальца по виску.— Лжеаграрий в постели? Это как

недавно, чисто машинально прочитала в нашей областной сплетнице, ну-у, в «Толоке», объявление: «В расширяющуюся российско-канадскую фирму требуются: зав. отделом логистики (зав. складом) и мерчендайзер (грузчик)». Всем все ясно и понятно, а в скобках — для не знающих современную американо-нижегородскую мову. Хотя бы хохлы здесь ни причем.

— Смутно говоришь, подруга, но — с читаемым смыслом. И я алаверды тебе анекдот из реальной жизни. Позавчера за утренним кофейком включила для словесного фона приемник на кухне, а там интервьюируют пенсионера: «Раньше, отец, в советское время как жили-поживали?» — «Хорошо, дочка, жили». — «А сейчас?» — «Еще лучше» — ...и подумав, — «Все же хотелось бы хорошо жить».

— Эх, прадеда на них, на радиотелевизионщиков нет! — безэмоционально сказала Лиза, — впрочем, алаверды тебе на твоё алаверды, по-бабски, чтобы последнее слово за ней оставалось. Словом, любимый анекдот-присказка моего прадеда в начале девяностых годов. У пенсионера спрашивают: «Когда лучше вы жили: при Сталине или сейчас?» — «Конечно, при Сталине; возьмешь два пузыря, девку — и в лесопосадку! А сейчас? — Эх-ма-а...»

— Да-а, Лизовета, заканчивай свое очаровательное бумагомарательство и постельный пост. Мужика тебе надо, раз своего Ямщикова разогнала. Все одно, мы с тобой в третий тип русского женского характера не вписываемся. Ох, порой завидую счастливым дурам навроде *нашей Надьки*!

♦ Новый Дом на горе и задумывался как полуэлитный, так... серединка на половинку. С одной стороны — фигуристые башенки по углам, балконы в треугольных выступах, кирпичная кладка, но два подъезда без вахтерш-консьержек явно на полную элитность не тянули. Хотя бы имелся поместительный отгороженный внутренний двор под стоянку

машин жильцов. Собственно говоря, при возведении дома двор этот не планировался. Здесь совсем интересная история. Сколько Лиза себя помнила с детских времен, их старый Дом на горе с небольшим садом при нем лишь нешироким палисадником и символической оградой из штакетника отделялся от культурно-досугового, как бы сейчас сказали, центра этого барабанного рабочего поселка при резиновом заводе. В народе — Новой Китаевки.

По принятой послевоенной планировке в Тулуповске, который противник почти и не бомбил — заводы вывезли, а тратить бомбы на почти сплошь застроенный одноэтажными домами-избами город экономные немцы не видели стратегического и любого иного смысла,— в каждом квартале преимущественно частных домов была организована зона коллективного отдыха. Официально такие места назывались агитплощадками, но народ, с подачи молодежи, скоренько переименовал в устойчивое название «зеленка», что вполне соответствовало их облику: квадрат земли, отделенный со всех четырех сторон от порядков одноэтажных домов — частных владений — немощеными проездами, причем поросший то ли самостийно, а может и циркулярно осемененный зеленою травкой. Поскольку Тулуповск стоит на пологих холмах, то у каждой зеленки наличествует верхняя грань квадрата, хотя бы она на метр-другой и выше нижней, но все одно — в табели градоустройства она есть верхняя, верховодит, как наша партия и лично <имя рек> верховодят, в смысле руководят, над опекаемым народом. Это из юмора Егора Фомича, навечно запечатлевшегося в памяти Лизы.

Соответственно, у кромки верхней стороны зеленки расположен грубо сбитый досчатый стол и обок трибуна для ораторских упражнений. На двух столбах уличной электропроводки — одесную и ошуюю официального этого места — громкоговорители типа «колокольчик»; на всех столбах по сторонам зеленки —

световые фонари. И еще обок стола и трибуны на врытых в землю водопроводных трубах квартирного диаметра орамленные, фабрично нанесенные на фанерную основу портреты наиболее важных руководителей партии и правительства и злободневные — от пятилетки к пятилетке — партийные лозунги. Сам Егор Фомич не мог разгадать одну плакатную особенность всех зеленок города: почему обязательно присутствует портрет славного ленинца, несостоявшегося (по мечтаниям и делам Иосифа Виссарионовича) вечного председателя Верховного Совета объединенной (с Финляндией — Суоми) Карело-Финской ССР Отто Вильгельмовича Куусинена? Егор Фомич — после праздничной седьмой стопки — усмехался, дескать, чтобы унизить донельзя врага, Хозяин планировал сделать Почетным председателем... маршала Маннергейма, и делал заключение: «...Не скорая оккупация Финляндии пугала маршала, но именно эта издевательская должность! Будучи царским русским генералом, он хорошо знал наши нравы: заздравный кубок с бывшим врагом поднимай, а затем тот служи ему вернее дворового кобеля...» Дальше малолетней девочке Лизе уже наскучило слушать прадедовы слова о ловком румыне короле Михае, что вовремя сдался и даже орден Победы схлопотал, и глупом болгарском царе Борисе, который объявил войну СССР, а через три дня капитулировал. Без ордена остался и вообще безо всего...

...Перед председательствующим столом и трибуной в землю врыты с десяток рядов скамеек, а остальная, большая часть зеленки отведена под танцплощадку и совмещенное футбольно-волейбольное поле: с «корзинными» вышками для любителей ручного мяча и воротами, правда, без сеток — городской бюджет урезал — для футбольных состязаний.

До середины семидесятых годов окрестные пожилые женщины еще собирались на лавках послушать ораторов в табельные дни, в основном, по гор-

комхозовским докукам, зато от рассвета до заката местная ребятня с азартом гоняла ногами мячи, а по вечерам «колокольчики» гоняли шлягеры попсовой музыки, а молодежь танцевала, готовясь к скорым свадьбам. На лавках целый световой день летом сидели окрестные бабки со своими пересудами, а молодые мамаши, укачивавшие младенцев в колясках, сплетничали о чужих мужьях и женах...

Нет худа без добра и наоборот. На их зеленке в полной мере сработала с самого ее основания обратная пословица. С неподдельным ужасом наблюдали коренные жители Горы, как их новопостроенная зеленка мигом превратилась в хулиганско-воровское, хотя бы и по мелочи, гнездо, где ни то что по наступившей темноте, но и при ясном солнышке собирались и главенствовала вся шпана, которую выплеснула Китаевка и бараки завербованных на резиновый завод. И во всем центральном Тулуповске слова «сходить на зеленку» однозначно понимались как заявиться с молодым зазором и любопытством, пусть даже с ущербом для лица и кошелька, на зеленку у резинового завода.

Поскольку прадедов Дом на горе зеленковская шпана, свято исповедуя воровской принцип «не балуй где живешь», объявила зоной нейтралитета, то все разрастающее потомство главы рода неудобств от проживания с неспокойными соседями не испытывало. Наоборот скорее; по всей линии бараков новой Китаевки строжайше было запрещено зеленковскими авторитетами хоть чем-то задевать жильцов Дома на горе — от мала до велика. И даже самые хулиганистые, сдергивая с вихрастых голов модные у шпаны кепки-восьмиклинки, приветствовали Егора Фомича, выходившего из дома в направлении своей службы в военном училище: в полковничьей форме, со звездой Героя на кителе, с наградным «кольтом» в кобуре. Хотя бы последний и являлся предметом зависти переростков, уже балующихся «перьями» и «ствола-

ми». На дворе стояли самые воровские послевоенные годы...

Чтобы еще строже, не только для своего семейства, но больше для мирных жителей-соседей, приструпить зеленковскую шпану, Егор Фомич обратился к бывшим сослуживцам из Танкового городка. Надо сказать, в послевоенные годы по всей стране демобилизованные старшины и сержанты, уже обзаведшиеся семьями, преимущественно из кадровых, то есть начавшими службу еще до войны, потому знавшие только один вид трудовой деятельности — служить и воевать, массово пошли на работу в милицию. И лучше, старательнее и справедливее, по-отечески строже участковых и младшекомандных милиционеров страна не знала. Так и служили эти старшины и лейтенанты с пшеничными прокуренными усами до начала шестидесятых годов... Вот таких-то из числа наследников Танкового городка полковник Сиваленков и настропалил на зеленку. Шпана поутихла.

Шли годы, к началу горбачевщины и последующего слома всего уклада устоявшейся было жизни прадедов Дом на горе окружали уже не частные домовладения с огородами, но квартал пятиэтажных домов-хрущевок. Агитплощадка утратила свое назначение, оставив после себя только зеленый квадрат со вбитыми столбами, меж которых на натянутых веревках окрестные хозяйки развещивали для просушки выстиранное белье, а зимой на свежем снегу мужья-подкаблучники, вместо того, чтобы пить на кухне водку сам-друг, по вечерам дубасили палками вынесенные для чистки ковры — явный признак роста благосостояния трудящихся. И бывшие бараки давно перестроили под квартирные двухэтажные дома.

Все менялось в стране, только по-прежнему ближе к темноте народ опасливо обходил зеленку с оставшимися скамьями в верхней стороне поросшего травой квадрата ничейной земли. Такое впечатление возникало у окрестных жителей, что вороватое хули-

ганство передавалось из поколения в поколение, чему отсчет дан был первыми жителями новой Китаевки, заселившими километровую линию бараков... Самое занимательное в том, что из того же поколения в поколение передавалось и строжайшее табу не трогать обитателей Дома на горе!

Когда же на месте Сиваленковского появился новый Дом на горе, то купившие в нем квартиры жильцы, как правило, родом из других частей Тулуповска, или вовсе из иных городов и весей, на себе почувствовали уже полстолетия сохранившийся дух зеленки. В первые же месяцы после заселения дома форточники обчистили три квартиры первого этажа. Дальше — больше: на третьем этаже болгаркой спилили петли стальной двери и вынесли все подчистую. Благо новые собственники повсюду затяли всякие евроремонтные благоустройства: там пилили, здесь строгали, сновали работяги. Где тут уследить! В ход пошли и отмычки, против которых (ведь Тулуповск — исторический город металлистов!) не устоят и патентованные, впрочем, все китайский цветмет, замки на бронедверях. Даже чердачники возродились, что на веревках проникли в одну из квартир верхнего этажа — на том торце дома, где по вечерам шумел-гулял ресторан «Заводной апельсин».

На общедомовом собрании ситуацию с зеленкой объяснил Лизин дед, оружейный конструктор Николай Егорович, и предложил единственно возможный выход: огородить ничейный квадрат, сделав из него внутренний двор, он же автостоянка жильцов дома. Старший по дому, только недавно оставивший службу в органах, все согласовал с городскими властями. Жильцы сбросились на ограду и асфальтирование. И все, зеленка, а с ней и духовный рассадник воровства канул в пучину времен.

...Лиза уже не удивлялась, что все воровские действия проводились исключительно в первом подъезде. А у них во втором — тишь да благодать. И

здесь действовало историческое, со времен прежнего Дома на горе, табу: где живут Сиваленковы, потомки героического танкиста-полковника, не ша-а-лить!

◆...А раз дом изначала планировался как полуэлитный, то и заселяли его «по ценам» представители столиц запиаренного в девяностые годы среднего, то есть торжественно спекулятивного, умеренно воровского по своим чиновным кормушкам, класса. Как распевали в радиорупоры СМИ: «Средний класс — предприниматель, отечества спасатель!» Исключением стало лишь семейство Сиваленковых — по правопреемству старый — новый Дом на горе.

А вот Светлана стала владелицей такой же четырехкомнатной квартиры, что и у Лизы, в свои великолепные двадцать пять лет и с ленинградским филологическим образованием сама-одна (у родителей — своя квартира на другом конце города) в «подарочном» порядке от первого своего солидного друга — управляющего тулуповским филиалом столичного банка, молодого выходца из бывшего обкома комсомола, энергичного донельзя в делах финансовых и постельных. «Мой половой парнокопытный,— смеясь, доверительно рассказывала она Лизе за бутылкой мартини, вспоминая шалости молодости,— страстно обожал натуральных блондинок высокого роста. Квартиру мне купил, планируя долгие годы отдыха от семейной идиллии, но... человек предполагает, а бог располагает, как любил повторять твой Егор Фомич, жаль полгода всего его знала по-соседски... Так и мой парнокопытный удалец зарвался со своим экс-комсомольским задором, не по чину хапнул, пришлось от братков спешно спасаться. Сгинул в небытие».

Кстати говоря, когда Лиза только сдружилась с блондинкой с четвертого этажа, поначалу испытывала некоторое осязаемое неудобство: ведь Светлана не ведает, что я про нее знаю из случайно подслушанного в отрочестве еще в московской электричке откровения незнаемой Веры Тимофеевны. Это как по-

стоянно камень за пазухой держать, совсем побабски? Но Светлана это начальное неудобство сняла, когда они познакомились получше, то есть без экивоков начали говорить на сугубые женские темы. И Лиза, чтобы снять этот камень с души, как-то рассказала про Веру Тимофеевну из экспресс-электрички. Светлана расхохоталась, правильно поняв некоторую сдержанность молодой подруги ранее, подыскивавшей осторожные слова и определения, как только их беседа касалась «того самого». «Какая неловкость, дорогая! Мы люди взрослые, особенно — и увы — я, сантименты нам не к лицу, лицемерие тем более. Не с Надькой же беседуем! Хотя бы баба она душевная из разряда счастливых дур».

Общая знакомая Лизы и Светланы, живущая «между ними» на третьем этаже Надежда как раз принадлежала к преимущественному «среднеклассному» разряду жителей дома. Хотя бы семья ее не принадлежала к числу первопоселенцев. Трехкомнатную квартиру муж ее Борис, владелец небольшого, квартального, как такие называют, продуктового магазина, купил от трудов праведных четыре года тому назад. В год столетия революции Наде было тридцать семь лет, девочка ее закончила первый класс, а сын — пятый. В новомодные гимназии и лицеи их не определяли, потому учились они в той же школе, что в свое время окончила Лиза. Называла себя условной домохозяйкой, поскольку числилась работницей у мужа — для пенсии далекой и составления на дому всяких финансово-налоговых отчетов по магазину, ибо закончила финэк. Впрочем, летом, когда детей пристраивали к родителям, тулуповским же жителям, Надя на месяц становилась к прилавку — подменяла одну из двух штатных продавщиц, уходившую в отпуск. Словом, настоящий торговый средний класс.— От слов «средний троечник», как беззлобно порой и к случаю именовала это семейство Лизина мать, учительница все в той же школе Татьяна Филипповна.

Учила она детей географическому уму-разуму в старших классах, но по-бабски умеренно хитроумная Надежда загодя оказывала всякие мелкие знаки внимания будущей наставнице своих ребят. А муж-подкаблучник, не переставая кланяться, так и расцветал при встречах в подъезде и на улице с Татьяной Филипповной, но как-то терялся при виде Лизы, трусовато обегая замасленевшими глазками точеную фигуру первой — наряду со Светланой — красавицы дома. Впрочем, Надежда даже и не пробовала имитировать ревность: явная не пара, и говорить нечего тут. Они с Лизой скоро и необязательно, по-соседски, завели приятельство. Не дружбу — и здесь говорить нечего.

Точно такая же женская корысть, а у мужа Витюши оробелость и маслянистые глазки при виде роскошной и знающей себе цену блондинки молочно-восковой спелости, связала, замкнув приятельский треугольник, Надежду и Светлану. Последняя через предыдущего, перед налоговым полковником, сердечного друга в большем губернском чине, шестидесятилетнего шалуна, выправила себе должность зама в торгово-промышленном департаменте. Теперь же, когда при новом губернаторе департаменты переиначили в областные министерства, носила звончательный титул замминистра. Хотя бы и зама по общим, организационным вопросам. Как сама себя именовала в дружеском кругу словами Маяковского: вице-министрша по вопросами «согласования, увязки и конкретного охвата...» Этого ей вполне хватало для реноме и кошелька (плюс добротный счет в банке от прежних лет) этакой элегической дамы в затянувшемся бальзаковском возрасте, когда подруг и друзей-мужчин выбирают уже не с холодным расчетом хищной молодой охотницы, но поестественному велению души и прихоти разбалованного мужским вниманием холеного тела, которое никакой искусственный фитнес не в силах создать и поддерживать.

...Понятно, что для Надежды с ее магазинчиком и торговым супругом Витюшой вице-министрша от коммерции Светлана Анатольевна если не богом единосущим, то во всяком случае архангелом земного проживания полагалась. Крепким бабьим умом Надежда понимала: в России, даже при конституционно объявленной священности частнособственничества, все решает чиновная власть. И если частник из правил арифметики предпочитает сложение и умножение — в свой карман, то последняя явно склоняется к вычитанию и делению, часто путая, как бессмертный товарищ Саахов, свою шерсть с государственной... Для Тулуповска, где из четырех предшествующих постсоветских глав области только один ушел в отставку незапятнанным и по истечении двух выборных сроков, это более чем актуально.

◆ «Лиза, еще вчера мы были вдвоем... Лиза, когда мы вновь увидимся с тобой?» — Она рассмеялась, услышав в трубке Надин позывной:

— И тебя, дорогая, с прекрасным июльским утром. Ты не за прилавком сегодня? Или Витюшины продавщицы по-стахановски решили без отпусков обойтись?

— Да нет, Лизочка, Танька как раз где-то загорает. Светка одна управляет. Ну, и бог ей на встречу, не перетрудится. Я сейчас улетаю к родителям — детей проведать, а затем с ними же по магазинам пройдусь тряпичным и обувным: к первому сентября прикупить чего надо. Растут, особенно летом, как на дрожжах; вчера все в меру было, а сегодня выросли! Ладно, Лизок, я побежала.

Лиза с полминуты бездумно смотрела на поясной портрет прадеда, выполненный еще до ее рождения известным в Тулуповске художником. Портрет вскладчину заказали к семидесятилетию героя-полковника однополчане из Танкового городка и сослуживцы Егора Фомича по военному училищу. Но тут она ухватила хвостик мелькнувшей мысли: а зачем

звонила Надя? И ответила сама себе: от своего, не отделявшегося от семьи, счастья она звонила. Какая же она хлопотунья со своими детьми, а как боготворит своего довольно неказистого и недотепистого мужа, что трусливо оглядывает, сглатывая слону несбыточного желания, при встречах точеные формы Лизы и заматеревшую роскошь фигуры Светланы. Даже выходя замуж, сама и безо всяких уговоров сменила свою звучную фамилию Соболева на неказистую мужнину: Замарашкина. Хотя бы тем самым обрекла детей на устойчивое пожизненное прозвище...

От детских же выходок Надя приходила в неописуемый восторг. Года четыре назад она с Лизой и почти погодками их дочурками, только перешагнувшими трехлетний возраст, гуляли по центральному городскому парку, не далекому от Дома на горе, теплым весенним днем. Местные власти, явно следя «курсу» верховной думской власти, с азартом взявшись за принятие исключительно запретительных законов, а то народ беспредельно разбаловался в девяностые — двухтысячные годы, с неменьшим энтузиазмом стали украшать публичные места тож предостерегающими плакатами навроде рекламных. Появились они и в парке: «Курить запрещается», «Выгул собак категорически запрещен», «Распитие спиртных напитков не разрешается» и прочие, гармонирующие с назначением данного объекта соцкультбыта.

Обе мамы консервативно относились к нынешнему поветрию раннего обучения детей грамоте, поэтому зачитывали девочкам все встречающиеся на пути надписи, включая запретительные. Правда, переводя на понятный им язык. Нагулявшись и покатав детей на доступных их возрасту аттракционах, так же прогулочным шагом вернулись ко времени обеда, заранее сгоношенного. По входу в подъезд разминулись с Надиным мужем, тоже почитателем домашних яств. Супруга готовила отменно. Витюша, торопясь в свою торговую точку, все же не преминул чуток

потешшкать дочурку и расспросить: что видели в парке и понравилась ли сегодняшняя прогулка? Но кроха вдруг скучилась, готовясь расплакаться. Витюша вопросительно посмотрел на супругу. Та развелла непонимающе руками, взглядом приглашая Лизу подтвердить: все в их прогулке было ровно и неогорчительно для детей. Та в свою очередь посмотрела на Наташу: может она знает об огорчении подружки: «Мама, Вике очень жаль собачек». — «Каких собачек», — уже Лиза встревожено посмотрела на дочь. Здесь Вика, раздумав реветь, но глотая комок в горле, всех ошаршила: «Жалко собачек. В парке везде написано большими буквами, что собакам нельзя пить и курить. Они и помереть ведь могут, да?»

С полминуты взрослые остолбенело смотрели друг на друга, затем, исключая тугодума Виктора, к тому же не бывшего, как сейчас на птичьем языке говорят, «в теме», расхохотались. И Витюша тоже посмеялся, когда супруга разъяснила на родном для того торговом наречии, что вышла в детском восприятии пересортица смысловых текстов запретительных плакатов... Надя же еще неделю с восторгом рассказывала о курящих собаках всем встречным знакомым, а на разговоры об этом по мобильнику почти исчерпала за пару дней месячный лимит, установленный экономным аккуратистом Витеем.

◆ «Сейчас мужики пошли хуже баб, а хуже них никого и нет!» — Конечно, в часто произносимой Надей сугубо тулуповской присказке подразумевался не муж Витюша, и вообще акцент ставился не на мужчинах, даже современных дельцах или малохольных. Более того, она, как истинно природная, стихийная женщина, которую даже высшее образование не испортило, в глубине души, что у прекрасного пола синонимично обычному подсознанию, интуитивно полагала: мужчины и женщины есть различные виды животных организмов. Как кот и кошка —

внешне очень схожи, но ведут совершенно различный образ жизни: кошка воспитывает котят и ловит мышей, а кот вовсе ничего не делает, только постоянно клянчит у домашних своих хозяев еду.

...А раз мужчины и женщины не одного рода, то и пенять им друг на друга нечая. Сравнивать же можно и должно только в рамках своего рода. Поэтому в этой присказке Надя и имела в виду только женское сословие. Но про подсознание и всякие там синонимы в голове Нади — это Лизины размышления. Сама же она никакими учеными терминами свои чувствования женско-мужской различности не замутняла. Словом, как слышится, так и пишется.

До известного происшествия прошедшей зимой, взвудоражившего не только околоток Дома на горе, но и всего городка, коль скоро его живописала самая читаемая в Тулуповске желтая газета «Толока», Лиза полагала Надежду обычной семейной бабенкой, в меру привлекательной для мужского глаза в свои тридцать шесть лет — следящей за собой, в меру использующей макияж, но не способной на поступки, выходящие за пределы домашнего круга забот и интересов. Еще такому статусу Нади, по мнению Лизы, вполне соответствовал мелкотравчатель женский конформизм, дескать, все мужики сволочи блудливые и пьяницы, а нам, женщинам, следует всегда держаться друг дружки, хотя бы и в неправых дела... Оказалось же, что Лиза не до конца знает «счастливую дуру».

Дело заключалось в следующем. На третьем этаже первого подъезда в двушке, выходящей окнами во двор, недавно поселилась пара, где-то лет по сорок с небольшим каждому. Квартиру они купили у прежнего владельца, вошедшего «в капитал», требовавший более престижного жилья. О роде занятий супругов никто точно не знал, вернее, просто всем это было малоинтересно. Надя краем уха слышала от

дворового прогулочного «женсовета» с маленькими детьми, ровесниками ее Вики, что новые жильцы имеют дочь, рано выскочившую замуж и переехавшую в районный город, а сами вроде как работают на механическом заводе, муж — начальник цеха, то есть умеренные деньги на квартиру нашлись, а прежняя хрущевка «уехала» по обмену в приданое дочери. Еще востроглазые «женсоветовские» бабенки заметили: оставшись семейными бобылями и сохранив заводскую, пролетарскую закваску, в окончании трудовой недели умеренно выпивают, а наутро выходного дня глава урезанной семьи опохмеляется в «Заводном апельсине», где для своих жильцов не особенно соблюдают ограничительные часы... На дворе шел очередной, после горбачевского, а ранее хрущевско-брежневского, период «борьбы с трезвостью», как иронизировал уже привыкший к приливам-отливам народ.

...Как выяснилось — со слов «Толоки», городской сплетницы, — в последнюю неделю января механический завод словно вспомнил штурмовщину золотых советских времен: в цехе военной продукции, которым руководил глава усеченной семьи, а его супруга трудилась старшей нормировщицей, случился большой аврал, к которым работный народ в последние годы реставрации оборонной промышленности уже стал привыкать с радостью: старики воспряли советским духом, а молодежь мысленно подсчитывала сверхурочные надбавки, так же умственно пересчитывая их на доллары и евро. — Будет на что летом слетать в Турцию, если только басурманы снова не сбывают наш штурмовик... Словом, во внеурочную рабочую субботу супруги явились домой уже в наступившей темноте.

Надо отметить, что не зря новый Дом на горе котировался в категории полуэлитных: к его двухподъездности и отсутствию церберов-консьержек

добавлялась специфика планировки, то есть раздельные санузлы стали привилегией трех- и четырехкомнатных «апартаментов», а однушки и двушки обидели хрущевскими совместилками. А тут еще супруга едва не с порога заняла это причинное место — давно задуманную перекраску волос и именно к завтрашнему торжеству: юблею кумы. Дело долгое и хлопотливое, не терпящее — чтобы не сглазили! — чьего-либо присутствия. Глава же семьи с устатку — сказалась расширенная неделя хлопотного ненормированного рабочего дня — принял на грудь несколько стопок хорошего качества водки, закусывая похолостяцки сальцом и колбасой из холодильника. Разгонял аппетит перед домашним ужином, что грозилась соорудить супруга после процедуры превращения из натуральной брюнетки в искусственную шатенку... или наоборот? Жора Теленков точно этого не знал. Часто Инна перекрашивалась, благо волосы обильные, рассыпные и от природы выющиеся крупными локонами. И как здесь упомянуть о несомненных достоинствах любимой (изменял по пьяни не чаще двух раз в год!) жены, если после утяжеленной рабочей недели в голове даже после водочного расслабления все вертелось заводское: «Мать вашу, если...» — это от зав. производством, до самостоятельного: «Баринов, твою <тоже мамашу>, ты за что трудовое знамя из рук самого министра оборонной промышленности СССР в двадцатипятилетнем возрасте, как ты всем осточертело хвастаешься, получал, если сейчас свой горизонтально-фрезерный на нужный допуск настроить не можешь!»

Но установившийся мороз и принятые на грудь вмиг выгнали в организме острое желание облегчиться. Но на стук в дверь совмешенки Инна мягко, но безапелляционно отвечала через дверь: «Не мешай, не до тебя, самый ответственный момент сейчас!»

Вспомнив, что моча может и в голову броситься,

Жора, выматерившись по- заводскому, схватил на кухне подходящую посудину и, урча от блаженства освобождения, опорожнился в алюминиевый кувшинчик с пластмассовой ручкой. На очередной стук в туалетно-ванную дверь Инна и вовсе не ответила; судя по звуку льющейся воды, она приступила к самой ответственной части процедуры: смыву. И самой волнующей: какой цвет получился? На несчастье Жоры кухонная раковина была заставлена посудой, накопившейся за последние два дня. Не то чтобы супруга неряхой была, но аврал, когда затемно уходишь на завод и в поздневечернюю темь приходишь, выбил из колеи: наскоcо готовить, поесть и отсыпаться. Не до постельных даже утех, лишь бы выспаться.

◆ ...Два десятка без малого лет семейной жизни в согласии и особенно в любви, так что Инна порой смотрела на него по утрам или (после отъезда дочери) к вечеру воскресного дня с домашним отдыхом со смешанным чувством гордости за супруга, полнейшей женской удовлетворенности, но и невольного, уже чисто бабского подозрения: может завел какую, что мысленно так возбуждает, что на мне и в меня изливает накопившееся в разлучных перерывах — словом, все это заставляло супругов, словно вечных молодоженов, избегать приедающейся обычно бытовой грубы, натуралистичности. Отсюда и Жоре было, с одной стороны, неприятно дожидаться освобождение санузла и на глазах Инны выплескивать непотребное из кувшинчика в унитаз. Но с другой — оба они родом из сельских, — воспитанная родителями чистоплотность не позволяла выплеснуть злосчастную посудину в раковину с обеденными тарелками и ложками-вилками. Не долго размышляя, да и выпитые наспех стопки прибавили вольнолюбия в зашумевшей голове, Жора отворил дверь на балкон, далее балконное окно на створку приоткрыл, оглядел двор: ни единой души в поздний морозный вечер на

дворе! Не долго думая, выплеснул за окно. И тотчас с холодком, мигом взобравшимся от нижепоясного места до грудины, услышал истошный крик Нельки с седьмого этажа их подъезда: «Ты чтотворишь, мерзавец! Мочишься с балкона на мою дочь!» И так далее, с переходом уже на вопли, проникающие через закрытые окна во все квартиры дома.

Как потом выяснилось, Нелька, работавшая в офисе компании, содержавшей с полдесятка spa-салонов с фирменной вывеской «Технология красоты», недавняя разведенка с мужем, среднеответственным коммунхозовским чиновником, нагло отобравшая у него квартиру и высудившая алименты, на которые собственно и жила с матерью и четырехлетней дочуркой Аллочкой, как раз в это время шла с ней с остановки троллейбуса, возвращаясь из гостей у подруги, тож разведенки. Только по торговой части.

Злющая от природы, чем была знаменита на весь Дом на горе, да еще взбудораженная «днем воспоминаний» о них, подлых кобелях, с подругой той же стати, Нелька, выйдя с дочерью из троллейбуса как раз напротив торца дома с рестораном «Заводной апельсин», решила срезать малые метры пути до подъездной двери — не идти по дворовому тротуару вдоль палисадниковой оградки полуметровой высоты, а по слежалому снегу прямо вплотную к стене дома. Потому-то Жора их и не обнаружил. Нелька же, отскочив в палисадник с захныкавшей дочерью, на шубку которой попала одна из размахившейся струек Жориного кувшина, тотчас зафиксировала опытным взглядом офисницы балкон третьего этажа с распахнутым окном и самого Жору в конусе света из балконной двери.

Ее вопли заставили выглянуть из форточек некоторых жильцов первого подъезда — потенциальных свидетелей. На его невольную беду после развода Нелька нацелилась было на Жору: дочь взрослая, не

алиментщик, с бабой своей давно живет, наскучила небось, начальник цеха на заводе резко возрождающейся обронки... Но Жора, которого она позвала починить, «как серьезного и мастерового мужчину, специалиста по *всем делам* (при этом изголодавшаяся бабенка упорно смотрела на бугор брюк пониже пояса)», посудомоечную машину, с порога, узрев под полураспахнутым шелковым халатиком весь комплект *а ля простить ѿшень*, порекомендовал соседке обратиться в городскую службу «Муж на час». О чем с удовольствием верноподданнически и доложил Инне. Та же поднялась на седьмой этаж, вызвонила Нельку, надавала ей оплеух и словесно-матерно остыдила соседушку. А супругу за его безупречную верность, распалившись, подарила такую бурно счастливую ночь, что наутро у него тряслись колени и руки, а Инна поздравила супруга с абсолютным рекордом, притворно смущенно показав на пальцах сразу обеих рук. Любящие женщины не только мужину зарплату считают...

Но настал час мщения Нельки, в каковом женщины, обиженные мужиками, никаких разумных пределов не знают. Так случилось, что средневозрастная, незамужняя судейша их округа, мечтающая о продвижении по службе, оказалась постоянной клиенткой «Технологии красоты», а прокурор, заставший по причине давнего, но начальством не забываемого скандала в щекотливом уголовном деле, в сиротском (сирота — одна звезда на погонах!) майорском звании, оказались, как на зло, в судебном слушании по «мочегонному делу» Жоры, возбужденному Нелькой.— Она в тот же вечер, невзирая на поздний час, сходила с дочерью и в полицейский участок, и в медэкспертизу на предмет идентификации «биологической жидкости» на заячьей шубке дочери.

В итоге, вместо обычного административного правонарушения с приемлемым штрафом и грозным

предупреждением их участкового капитана Мусы Файзуллина, прокурор с судейшей раздули громкое дело, тем самым поставив «галочку» в их службе: «мелкотемье; нет серьезных расследований, учитывая накаляющийся общественный резонанс по делам нарушения прав детей и пр.» — Как грозно говорил с трибуны на недавнем межрегиональном совещании генерал от юстиции Вертьянилов, горделиво кивая вправо-влево взгляды на свои погоны с новенькой второй большой звездой... Исправились, взяли под козыrek: перед заседанием с вынесением приговора Жоре грозила архижестокая статья о педофилии в особо извращенной форме: демонстрации в пьяном виде прилюдно полового члена в возбужденной форме (в уголовном деле значилось: размером в 19,5 см.) и целенаправленном мочеиспускании на малолетнюю девочку.

Никакие увершевания, просьбы и уговоры жильцов дома на Нельку не подействовали. Женщина простит все, но только не прямой отказ мужика в приглашении воспользоваться ее телом. Точно такая же категоричность, как и в рассуждениях их пола: у мужика может быть сколько угодно недостатков, но — кроме одного.

На счастье негласного комитета по спасению Жоры, возглавленного супругой Инной, Лизой и Надей, в это время вернулась с зимнего отдыха в Доминикане Светлана. Не будучи особо в курсе происшествия, она выслушала подругу-комитетшу, мигом все поняла и, взяв с собой мобильник, удалилась в соседнюю комнату, плотно прикрыв за собою дверь («Извините, девушка, дело тонкое»). Через четверть часа вышла и предложила за удачу дела распить, естественно, сильно разбавив чем-нибудь отечественным безалкогольным, бутылочку рома крепостью аж восемьдесят градусов! — «Полковник в *duty free* для сослуживцев купил, но по ошибке в мой чемодан положил».

...В итоге Жора пошел по статье о злостном хулиганстве — с условным малым сроком и посильном штрафе, на время лишился должности начзеха, но скоро восстановился, ибо работник он был незаменимый. «Побольше бы нам таких... морально неустойчивых», — отметил директор завода, подписывая приказ о переводе Жоры вдругорядь на должность.

Светлана, забеременевшая на отдыхе в свои сорок семь лет, но сделавшая аборт, ибо уже имела взрослого сына-мужика, пришла после забугорного отдыха в такое доброе расположение духа, что посодействовала надежному застопориванию карьерного роста лавролюбивых судейши и прокурора.

Но всех изумила тихая семейная Надежда. Инне подарила дорогой комплект эротического белья (чтобы муж и далее крепко любил, дорогая!), курящему Жоре ящищек настоящих гаван, а Нельку — без свидетелей — десятиэтажно обматерила и навек запретила своей дочери общаться с ни в чем не повинной девочкой Аллочкой...

Только на Руси счастливая дура — лучшая из женщин! Инна от счастья забеременела, но, в отличии от Светланы, решила подарить дочери младшего братика, как засвидетельствовало в положенный срок УЗИ. Жора возгордился и перестал обращать внимание на заводских девок даже после серьезных производственных «корпоративов».

«Из всех удовольствий жизни, исключая, конечно, общение с молоденькими женщинами и девушками, главное — вкусно поесть... И выпить при этом», — размышлял доцент Енукидзе, возвращаясь с лекций в университете домой. Осень, слякоть, хмурый дворник Кизилов у подъезда что-нибудь о вреде пьянства скажет, сопроводив цитатой из Корана... А вот войдет он в уютную свою, светлую квартиру о трех комнатах — и как хорошо-то! Дети еще не пришли с занятий в бизнес-лищее, а через кухонную дверь так и валит душистый, теплый, прямо-таки ощущаемый кожей пар готовящегося ужина. Нина-ханум в шелковых восточных шароварах священнодействует у плиты, любимая тещинька на разделочном столике свой фирменный пирог с рыбой формует, готовясь поставить его томиться в духовку. И никаких неуместных вопросов о прибавке к жалованью с тещиными язвительностями: «А еще грузин! Другой на твоем месте уже рынком бы владел или сетью ресторанов, либо автозаправок. И в кого такой уродился? Философией он занимается...» Нина же ханум уже доводит до ума настоящий плов из молодого барашка, приготовила и чихиритму из цыплят, а теперь вот и до люля-кебаба дело дошло. А теща, заговорщицы подмигнув зрячим левым глазом, достает из заветного шкафчика початую пузатенькую бутылку коньяка «Грэми» 10-летней выдержки: «Выкушай, зятек, с устатку!»

...Гортанный голос Кизилова о необходимости оттаптывать свою обувь вне двора, вернул к жизни: «Ах, черт, забыл купить пельменей на ужин, надо возвращаться в магазин».

ВТОРОЙ СОН ЛИЗЫ

*Свершилось! Свершилось! О юность!
О полдень! О послеполудень! Теперь
наступил вечер, и ночь, и полночь,—
пес воет, ветер... Как она сейчас трезво
говорит, это пьяная мечтательница!
Она должно быть, перепила свое опья-
нение? Она стала чересчур бодрой? Она
снова пережевывает?*

Фр. Ницше «Так говорил Заратустра»

◆...Чтение своих «росписей феминистки» и промелькнувшее воспоминание о зимней истории с «извращенцем» Жорой как-то засело в голову, хотя бы и малосочетаемые вещи. В отсутствии домочадцев, бабушки Натальи и дочери Наташи, Натальи-внучки, Лиза, расслабившись, не утруждала себя ежедневной готовкой, но, воспитанная прадедом с его армейским культом горячей пищи «щи да каша еда наша», на бутербродно-фастфудовские «перекусы» не подсаживалась. Потому, желудочными часами ощущив обеденное время, достала из холодильника кастрюли с позавчерашней готовки супом и любимыми фаршированными перцами, отложила в посудины поменьше требуемое аппетитом и поставила на плиту разогреваться. Поев, так же методично — от наставлений Егора Фомича, всех в семье приучившего к армейскому порядку и чистоте на кухне — вымыла посуду, второй раз за полдня заварила чай, уже и не стоило ей самой себе пояснять — опять все от прадеда-полковника: «Когда боев нет, а всю водку не выпьешь, самое милое дело стакан за стаканом, чаще кружка алюминиевая за кружкой, чаем себя баловать!» Очень она во взрослой жизни сожалела, что девочка Лиза невнимательно слушала неинтересные ей пространные рассуждения Егора Фомича о достоин-

ствах заварки различных сортов чая, что довелось ему пить от Барселоны и Мадрида до Харбина и Порт-Артура, огибая чуть более окружности земного шара замысловатым жизненным маршрутом: на восток, потом на запад за Пиринеи, снова на восток, опять на запад, а от Праги в третий раз на восток... Но что-то, уже не со слов прадеда, но от готовки тех давних времен в старом Доме на горе она запомнила. Потому иногда заваривала чай то с тмином, то с гвоздикой, не говоря уже об отечественной душице и ромашке. Но особой ее страстью была заварка со свежесорванными колокольчиками, кампанула по-ботанически; хотя бы этот синий цветок и внесен в «Красную книгу»... Светлана добродушно посмеивалась: «Если есть подозрения в залете на очень малом сроке, то заваривай с полынью или ревенем!» И, хохоча, как-то особенно ласково касалась ладонью ее живота. Непонятно почему, но Лизу это мимолетное касание не то чтобы волновало, нет, скорее настороженно расслабляло; словом, сочетание несочетаемое, но только мимолетно, тут же забываясь.

...Но этот послеобеденный чай она сделала безо всякого купажа, благо настоящий английский «твингс», в числе прочего презентованный Светланой после поездки на Кипр, сам по себе ласкал обоняние и вкус. Что-то похожее на те мимолетные касания ее живота... «Тыфу! Изыдь!» — Лиза бабкиными словами, даже притопнув ногой в домашней обувке, направо отогнала навязчивое ощущение.

Снова прилегла на диванчик, поставив небольшой жостовский поднос с чайными делами на журнальный столик. Выпила стакан (Егор Фомич только стаканы тонкого стекла в мельхиоровых подстаканниках признавал)... и здесь ее окутал дымчатый сон в жаркий летний пополудень. «Как второй сон Веры Павловны из романа русского классика-демократа», — только и успела она с мысленной усмешкой подумать.

◆ Дневной сон, как «дважды два-четыре» знала психолог-профи Лиза, отличается от естественного ночного, во-первых, большей фантасмагоричностью; во-вторых, заснувший пополудни бездельник или отдыхающий расслабленно труженик в дневном сноведении как бы раздваивает свое «Я»: вроде и участник разворачивающегося сюжета, но в то же время и хладнокровный сторонний наблюдатель. Как, скажем, условный фиксатор в общей теории относительности в принятом изложении в учебниках квантовой механики. Понятно, с непременной ссылкой на Алика Эйнштейна... Словом, как припевал прадедушка Егор Фомич, внимательно прочитав газету времен горбачевщины: «Сам пью, сам гуляю, сам чего-то подбираю...»

...И как будто Лиза снимала дубль-кадр, если бы избрала профессию кинооператора: ехала все по тому же, знакомому по первому недавнему сну, шоссе «Нижний Новгород — Пенза». И что ей далась эта Пенза? Может привлекали лермонтовские Тарханы? Кто знает, но она этого не ведала. На сей раз не на автобусе со случайными попутчиками, а на «рено-логане» морального хулигана Жоры и в компании Светланы и счастливой дуры Нади.

И все светились счастьем и восторгом солнечного жаркого полудня. К месту, что называется, получившая ленинградское филологическое образование Светлана чувственно проскандировала:

*Хохот, свежий точно море, жаркий точно кратер,
Лился лавой из коляски, остывая в выси сфер,
Шелестел молниеносно под колесами фарватер,
И пьяnel вином восторга поощряемый шоффэр...**

А примерная жена и мать Надя, сидевшая впереди, поощряла Жору, повиснув на его могучих плечах

* Игорь Северянин «Июльский полдень. Синематограф», 1910.

из-за спины, которую он отнял от своего водительского сидения, почти навалившись грудью на руль, и покрывала мелкими поцелуйчиками бронзово загорелую мужественную шею, подбородком все сдвигая и сдвигая ворот его расстегнутой до пупа рубашки. Светлана же, прия в полный экстаз восторга, сорвала с себя легкомысленный топик «кипрского оттенка», щелкнув кнопкой в ложбинке моднущего подпружиненного бюстгальтера, тотчас отлетевшего за плечи и упавшего на сидение, открыла *urbi et orbi*^{*} свои великолепные, немыслимые для поздней бальзаковки еще не опавшие груди формы «аэродром» третьего размера. Естественно, никогда не знавшие силикона и прочей «химической дряни» — по ее же определению.

Опустив полностью окно, Светлана по пояс высунулась из него, крикнув Лизе, чтобы та ее держала, и, размахивая прихваченным бюстгальтером от Кардена, приводя в изумление и половое возбуждение до посинения носов водил встречных авто, продолжала во весь голос декламировать любимого с юности Северянина:

*Вонзите штопор в упругость пробки,—
И взоры женщин не будут робки!..
Да, взоры женщин не будут робки,
И к знойной страсти завываются тропки...***

Лиза, мертвой хваткой вцепившаяся в пояс шорт подруги, вторым своим Я-наблюдателем мигом сообразила возможный исход такой ассоциации: во вчераших теленовостях показали кадры съемки на телефон, как ошалевшая на отдыхе в Доминикане девица из Челябинска точно также с голыми грудями высунулась по пояс из окна мчащегося автомобиля,

^{*} Городу и миру (лат.) — Традиционное начало папских посланий.

^{**} Игорь Северянин «Хабанера II», 1909.

явно дразня аборигенов монашеской страны^{*}, но на крутом повороте дороги ей оторвало глуповатую голову фонарным столбом... Испугавшись, Лизино Я-участник сна с силой втащило Светлану в салон и нагло затворило окно с ее стороны. Но та продолжала вырываться из рук подруги до того момента, когда Лиза чисто случайно не дотронулась до сосков роскошных грудей. Ей стало и неловко, и неведомое тепло пошло от коленок ног все выше и выше. Светлана внимательно, совершенно трезво и прозрачно посмотрела на нее и притихла.

Меж тем через ветровое стекло, поверх голов уже целующихся Жоры и Нади, Лиза увидела давешний пятиэтажный дом, построенный прямо на дороге.

◆ Вспомнив из предыдущего сна о переноске автобуса через чердак пятиэтажки, Лиза засомневалась в теперешнем успехе дальнейшей поездки к якобы лермонтовским местам. Во-первых, в автобусе было два десятка крепких мужиков, а сейчас один Жора, каким бы могучим во всех частях его крепко сбитого крестьянского тела он ни был; во-вторых, имелась главная загвоздка. Тот-то автобус — отечественный, едва ли не советской еще постройки, разбирался-собирался до последних гайки и винта. Так что женщины-пассажирки в своих дамских ридикюлях мелкие запчасти через чердак переносили. А сейчас авто Жорино калужской или ленинградской областной отверточной сборки.

...Как на исходе второй капиталистической пятилетки нового тысячелетия здравствующий еще Лизин дед Николай Егорович, и не собиравшийся в начале восьмого десятка уходить из всемирно прославленного оружейного НПО «Меткость», с ухмылкой зна-

* Доминиканская республика изначально была создана как государство католических монахов.

щего себе цену конструктора пояснял домочадцам, в том числе и Лизе, суть и задачи отверточной сборки: «В поскудном этом деле счастливо, так сказать, совпали интересы мирового империализма по окончательному разрушению нашей страны, превращения ее в сырьевой полуколониальный призрак и нашей внутренней, вольной или невольной агентуры влияния: от олигархата и чиновников всех мастей до лоббистов всевозможного окраса; а для народа — продажные до последней нитки на пиджаке или юбке средства массовой информации, правильнее — массового оглушения и превращение в то библейское гадаринское свиное стадо, что ихний Гапон-вожак направляет в пропасть. Всю эту разношерстную агентуру интересуют только и исключительно деньги. Лучше — в долларах и евро, но не брезгуют иенами и все более матероющим юанем. Лишь бы платили не торгуясь.

Отверточная же автомобилизация страны, во-первых и в главных, есть реализация основы экономики империализма, то есть безудержного наращивания производства и навязывания совершенно ненужного потребителю товара, той же пропасти скородельных автомобилей — все это, конечно, ради получения сверх- и гиперприбыли; во-вторых, это полное и окончательное добивание остатков тлеющего отечественного автопрома...»

— Дед, — невежливо перебила Лиза, — а зачем собирать ихние «ниссаны» и прочие «форды» с «ситроенами» у нас? У них что — рабочих не хватает в своей загранице?

— Ха-ха! В точку внучка попала, не зря о диссертации задумалась. В корень зришь! Отверточная сборка по своей гениальности в части обирания народа и всего государства в целом разве что Чубайсовым «ваучерам» бесфамильным уступает. И сыты от пузза здесь все: и зарубежные автофирмы, и наши

чиновники-откатчики, и депутатские лоббисты. Есть закон, этими «нашими» протащенный: если через таможню провозится готовый автомобиль, то ввозной налог один, более или менее ощутимый; а вот если якобы детали и узлы ввозят эшелонами, не менее чем в Отечественную войну с техникой с Урала на фронт перед крупной наступательной операцией-сражением, сам в малолетстве видел, то на них таможенные пошлины в несколько раз меньше. Может в пять, не исключено что и в десять раз. Точно не знаю, а по радио и телевидению молчок на этот счет.

Но деталь и узел — той же детали и узлу рознь. В законе это не оговорено. Небось, сами в теленовостях слышали, как диктор, а то и иной губернатор или московский министр — и бери куда выше! — радостно сообщают, дескать, в районном городке Кантемировске такой-то депрессивно-дефективной области...

— Дотационной, отец,— поправив очки, менторски по-учительской вьевшейся привычке поправила свекра мать Лизы, школьная «географичка» Татьяна Филипповна.

— Хрен редьки не слаше, Татьяна. По мне хоть горшком назови, только в печь не ставь. Так вот, этот самый слуга народа с домом во Флориде и виноградниками во Франции сообщает, что в Кантемировске открылся завод по сборке японских или китайских легковых (не грузовых!) автомобилей с производительностью двести тысяч штук в год! И далее слегка смущенной скороговоркой — и он в полном курсе операции «Ы», и народ перед телевидением у нас не совсем полный дурак — что-де теперь в Кантемировске прибавилось сто пятьдесят рабочих мест.

— То есть каждый работяга в год больше тысячи машин собирает,— изумился, явно кося под дурочка, сын заслуженного конструктора и отец Лизы Василий.

— Ты, Васька, выпил так помалкивай. Пochaще

вспоминай как свой партбилет на торговую спекуляцию лихо поменял. От таких-то и воля отверточным заводам!

— Все, батя, молчу.

— И правильно сделаешь. Я всю жизнь в промышленности тружусь, на всех оборонных заводах довелось побывать. Так что не совру, если такой расклад сделаю: из этих ста пятидесяти человек на заводике, за месяц-два возведенном в чистом поле из листов гофрированного оцинкованного железа, а в цехах — примитивные конвейры-транспортеры,— только два-три десятка собирают. Все остальные — охрана, грузчики, бухгалтера и уборщицы. И, конечно, «совет директоров» с повышенными окладами и дивидентами. По нашему прежнему: бригадиры и цеховые техники.

А почему, скажите мне, двум-трем десяткам работяг с помощью кран-балок и электроотверток в год не собрать двести тысяч машин, если к каждой из забугорного эшелона сгружают только шесть (!?) «узлов-деталей», как-то: собственно вся машина в сборе, даже обшивка кресел из эрзац-велюра накрыта полиэтиленовыми чехлами для сохранности от пыли; весь кожух авто в сборе и четыре колеса — даже с накачанными шинами. Но — в таможенных декларациях все чин-чинарем: в графе «узлы» — цифра «6», а в графе «детали» — прочерк. А какой гиперсупернавар забугорным капиталистам и нашим чиновникам и лоббистам? То-то столица нашей родины только третьим транспортным кольцом окружила, а дворцово-котеджным кольцам счет уже за десять перевалил!

— И все дороги в сплошных пробках,— опять встряла Татьяна Филипповна, привыкла, что последнее слово всегда за учительницей,— весь воздух отправлен, дышать нечем. А ты, отец, еще и дома куришь!

Здесь Николай Егорович, очень уважавший стар-

шую из своих снох, к тому же единственную жившую в семейной квартире в Доме на горе и только недавно переехавшую с сыном Василием в их новопостроенный коттедж на северной окраине Тулуповска, вспылил на ее слова:

— Логики и ума у вас, у баб, исключая Лизавету, конечно, не было и не будет! Как говорит наш новый президент, котлеты отдельно, а мухи тоже отдельно! — Затем чуток помолчал, подобрел и даже похвалил сноху:

— Впрочем, Татьяна, в точку попала! От нынешнего обилия машин вреда дыханию в тысячу раз поболее, чем от курильщиков. Но нашего брата в тиски ужесточающих законов крепко взяли. В магазинах рублем бьют по табаку. Владельцам же машин — одни поблажки. Даже если слегка взялись по части поведения на дорогах, но и то, так получается, для их же блага: чтобы не калечили друг друга и постоянно покупали все более престижные машины.

Николай Егорович обреченно махнул рукой и занялся раскуриванием своей трубки. — Еще в ранней молодости взялся курить только трубку, беря пример с отца Егора Фомича. «Яблоко от яблони недалеко падает», — говорила на этот счет супруга главы семьи «старшая бабушка» Катерина. Жена же Николая Егоровича врач-хирург Наталья Сергеевна, кстати, сама курившая тогда исключительно «беломор», уважала другую народную мудрость: «Дурной пример заразителен». Долг медика обязывал...

♦ Давнишнее разъяснение дедом Николаем «политики партии и правительства» в части автомобильных отверточных технологий тотчас вспомнилось Лизе во сне. С тем большим изумлением она наблюдала, как Надя, совсем распалившись от жаркой лавы всеобщего июльского полуденного счастья, уже снимала, вслед за Светланой, свою расстегнутую коф-

точку. Жора же, поручив левой руке штурвалить, правой закогтил уже обнаженное плечо соблазнительницы, а та все вжималась и вжималась в скалисто напряженное тело аморального начхеха оборонного завода... Надо же, внутренне закипела от возмущения Лиза, впереди необъездный дом, надо ведь думать: как переносить через чердак машину отверточной сборки, если ее по самому определению можно разобрать только на шесть узлов? Допустим, они со Светланой, прикроющей свои роскошные «аэродромы» легкомысленными топиками, и Надей, застегнувшей кофточку тож на своих грудях дважды рожавшей женщины, но сохранивших тов æалов εοεæа* свою форму, вполне справятся с транспортировкой четырех колес, благо их не нести на плечах, но катить. А как Жора, даже при его аморальной стати и жилами крестьянского генеза, в два приема перетащит на себе два оставшихся узла: собственно автомобиль в сборе и громоздкий кожух его?

Кстати или некстати, но вспомнилось ей семейное предание о старшем дядьке по отцу Егора Фомича, стало быть Лизе он приходился кем-то вроде прапрадядьки, по имени Филимон Пантелейевич. Старинную пожелтевшую, но очень четкую, что умели делать на чисто серебряных солях в девятнадцатом веке, фотографию дядьки Филимина Егор Фомич любил показывать гостям, но с подковыркой: угадать род занятий? По всей череде глав семейства старинный альбом в выцветшем красном плюше переплета, вместивший в себя четыре поколения рода Сиваленковых, в итоге сейчас оказался на хранении, попечении и пополнении Лизы. Так что облик позировавшего — а иначе сто с гаком лет тому назад не снимали! — столичному фотографу («Фотографическое

* Во имя прекрасного (древнегреч.).

дѣпо I. Канцельсонъ», было оттиснуто на углу карточки) Филимона Пантелейевича у Лизы сейчас, в мчащемся по шоссе «Нижний Новгород — Пенза» автомобиля с тремя ошалевшими от всеразрешающей июльской страсти невинными развратниками и хладнокровно наблюдающей «здесь и со стороны», прямо-таки высвечивал в лучах всепроникающего жаркого солнца. Двойной прадядька стоял на фоне дѣповской декорации, изображавшей что-то схожее с видом на Пятигорск, если смотреть с вершины одной из гор этого названия: рост под два метра угадывался по размеру инкрустированного столика с вазоном искусственных роз, непременного атрибута тогдашних фотоателье. Но что сразу бросалось в глаза: одетый в пасхально-выходную сюртучную тройку тонкого сукна с галстуком, пододетым под целлюлOIDНЫЙ стоячий воротничок рубашки с угловыми отворотами, в картузе с лаковым козырьком, с жесткими усами, явно подкрученными с опалиной на нагретом металлическом прутике ради такого, как фотографирование, дня, а левой рукой деланно опирающийся тоже на дѣповскую прокатную трость с витиеватой ручкой — словом, принаряженный в свое и чужое для даггеротипирования Филимон Пантелейевич имел вид тощего пристенного шкафа, что в давние — не сегодняшние офисные! — времена являлись непременной принадлежностью всяких приставочных мест, где требовались такие вот шкафы-стеллажи, полки которых уставлены плотными рядами всевозможных дел «хранить <столько-то> лет», как оттиснуто на тонкокартонных корочках прорыжелого цвета. Кстати говоря, половину страны в советские времена такими папками снабжала тулу́пowskaya подгородняя картонажная фабрика. Это был ее вклад в план ширпотреба. Основное же производство — тубусы из прессованного и пропитанного фор-

мальдегидными смолами картона для контейнирования ПТУРС'ов*. Как говорится, одновременно куем мечи и орала...

...Поэтому гости Егора Фомича, а потом его родопродолжателей, включая и Лизу, глядя на старинную фотографию, но более ориентируясь — особо кто был из начальников средней руки и ушлых баб, на извечный — от главы семьи Сиваленковых до его воспреемников — хитрованный вопрос о роде занятий дореволюционного Филиона Пантелеимоновича, как-то терялись, совсем не попадая в лад: дескать, явно не господского звания, не из интеллигентных сфер и — изображением лица извиняясь перед героя-полковником — не из военных. Кто-то именовал мастеровым высокой квалификации навроде Алилуева**, что Ленина у себя прятал перед Октябрьским восстанием — это из подхалимов; женщины более склонялись к лавочному приказчику, а случайно загостивший местный литератор, успевший на дармовщину еще перед первым общим тостом хватить лишку, вообще признал на фото полуизвестного поэта под псевдонимом Ариэль-эль-Кастальский. «Степан Сидорович, как мы в своем кругу его дружески называли», — икнул областной классик, перепутав века и обстановку.

* Противотанковый управляемый реактивный снаряд (воен.)

** В классике советского кинематографа «Ленин в Октябре» — выдающееся явление. Использовались реальные события: Владимир Ильич скрывался от охранки Временного правительства на квартире Алилуева, тестя Сталина, рабочего, очень квалифицированного, Путиловского завода. Его зарплата позволяла снимать семикомнатную квартиру, нанимать служанку, обучать детей в гимназии. То есть не якобы низкая (а она была высокой!) зарплата подвигала рабочий класс России к революции, но чисто русское неприятие имущественного неравенства, а главное — система штрафов, которую сейчас вновь пытаются ввести. История, как известно, никого и ничему не учит...

Когда нового полуизвестного отправили общими усилиями отдохнуть в фуршетную комнатку (из нее кроме как на такси до дома не добраться...), Егор Фомич с удовольствием рассеял все предположения насчет профессии старшего дядьки: «Вы говорите: шкаф мол, книга на торец поставленная, тощий аки вобла безыкрянная, в версту ростом, а в плечах сажень, при этом даже в тонкосуконном костюме ни намека на мускулы. А что такое мускулы, нынешние особенно, шварцнегерские? — Мясо, накаченное для бабского (извиняюсь перед присутствующими дамами; как говорят англичане, речь идет не о присутствующих...) восторга! Да, Филимон Пантелеевич этих мясомускулов не имел, а по своей крестьянской наследственности был тощ, высок, могуч в плечах и жилист! И был он — здесь Егор Фомич делал торжествующую паузу — артистом Императорских театров, а именно, главного из них, Большого театра! Правда, в табели о рангах числился артистом четвертого разряда, по-нынешнему массовки, но платили ему оклад содержания по отдельной ведомости, не ниже актеров ранга второго! Хотя бы он принимал участие в единственном спектакле — опере «Жизнь за царя», по-советски «Иван Сусанин»! (Здесь поэт в перерыве между двумя «отрубами» пробовал присоединиться к гостям с хулиганской присказкой «Сусанин с усами, куда ты завел нас, а ну вас, поляки, я сам заблудился», но его невежливо вытолкали обрат в фуршетную). И роль его относилась к завершению действия оперы: избранный, понятно кем — читайте учебники истории, первый царь династии Романовых отрок Михаил по сценарию въезжает на коне на сцену. Понимаете, каково его лошадиной голове? Тут тебе ослепляющий свет прожекторов и софитов, оркестр на предельных децибелах наяривает «Славься ты, славься, наш царь-государь!» Шаляпин дает баса аки труба иерихонская, массовка, то есть народ, не молчит,

как в окончании «Бориса Годунова», но восторженно кричит, а? Самый спокойный мерин не выдержит, а из императорской ложи сам царь, навестивший первопрестольную, заинтересованно наблюдает, государевым оком все мелочи фиксируя, каково? И здесь звездный час Филимона Пантелейевича, неприметного с виду тяглового крестьянского силача: в одежде ведущего под узды лошадь прислужника, а ростом с поднятую голову коня, он, маскируясь заботой о седоке, вносит коня на сцену; тому, бедолаге, поневоле остается только перебирать ногами и щекать копытами. А так куда деться от железной хватки Филимона? Один такой он был в Большом, потому и ценили достойно.

...Егор Фомич, в малые свои, но уже разумные и памятливые годы заставший в жизни знаменитого дядьку, обращал внимание гостей на медаль на дядькином сюртуке, отчетливо видную на даггеротипе: «Это к 300-летию дома Романовых юбилейная медаль, да не простая, а алюминиевая». Гости смеялись, дескать, сразу видно артиста четвертого разряда — люминиевая медаль-то! Но «младший дед» Лизы, много чего знавший по части металла Николай Егорович, прекращал неуместное веселье, поясняя, что во времена 300-летия дома Романовых алюминий стоил дороже серебра, производилось его в России и вообще в мире ничтожно мало, поэтому медали и другие знаки отличия из нынешнего «крылатого металла», он же кухонно-кастрюльный, в то время ценились высоко.

А Егор Фомич все припоминал в детстве слышанное от силача-дядьки. Получалось, что удаль его на сцене лице зерели оба последние российские императоры: Александр Третий Миротворец и Николай Второй Кровавый, ныне святой по ведомству Русской православной церкви. Поскольку в курс физвоспитания и предуготовления к императорской дол-

жности цесаревичей, наследников престола, входила служба в конногвардейском полку, то оба достаточно разбирались в тонкостях обращения с лошадьми, а значит и отметили — каждый в свое время царствования — роль Филиона в finale спектакля. В Большом театре бытовало, что Александр Александрович намекнул директору Большого насчет прибавки жалования водителю коня, а Николай Александрович, просматривая для утверждения списки награждаемых в 1913-м году к юбилею династии по департаменту всех пяти императорских театров, не преминул вспомнить могучего конновожатого и повел в оные внести Филиона...

◆ Вспомнив об обласканном сразу двумя императорами дальнем своем пращуре и фотографически точно воспроизведя в памяти пожелавший дѣловский снимок, Лиза перевела взгляд на расшалившуюся с Надей Жору и засомневалась: нет, явно не подстать легендарному Филиону Пантелеевичу, хотя тоже потомок тягловых крестьян, но жилы не те и мускулы жирноваты. Не сдюжит в одиночку перетащить через чердак, да еще с подъемом и спуском по пятиэтажным подъездам, такие крупногабаритные, многопудовые узлы, не поддающиеся по определению отверточной разборке и заново сборке!

Меж тем автомобиль с веселыми от духмянного июльского полдня обитателями уже скатывался с пологого холма. За полверсты до знаменитого дома вся дорога запруженна вставшими в трехполосную — по всей ширине шоссе с плавящимся на жаре асфальтом — очередь машинами: преобладали лаково отсвечивающие на солнце иномарки отверточной сборки. Впрочем, как со знанием дела пояснил Жора, перекрывая страстную, в полный голос, однообразную мольбу Нади: «Ну-у, давай, милый, давай скорее!» — недавним указом велено все отверточные авто именовать и в статистике учитывать как изделия отечеств-

венного автопрома. «Наверное, опять как-то с занижением таможенных пошлин связано», — ухмыльнулся аморальный шоффэр,shalовливо отбиваясь от наседавшей, уже полуголой соседки.

Но глаза выхватывали из плотного полотна, напоминающего скопление майских, овальных и отсвечивающих лаковыми расцветками, жуков, и более габаритные машины: фургоны дальнобойщиков, коробчатые сельские автолавки, белорусские трактора с прицепами, японские автокраны «КАТО», бензо- и цементовозы, старинные советские львовские и ПАЗ-овские автобусы, перевозившие таджикских и узбекских гастарбайтеров. Дико и грозно смотрелся танковый взвод, перебрасываемый своим ходом на плановое учение. Рядком с боевыми машинами соседствовали конские упряжки с копнами свежескошенного сена на телегах. В открытых вагончиках бродячего цыганского — под титлом румынского — цирка ревели на жаре верблюды, ослы и состарившаяся на манежной службе стая разнородных хищных зверей...

С высоты пологого холма в ярком полуденном солнечном свете, как на экране широкоформатного кинематографа, четко и бинокулярно выпукло просматривалась деловая суeta у ближнего торца пятиэтажки и первого подъезда дома. Все напоминало Лизе кадры старой советской кинохроники, что сейчас иногда показывают по телевизору в разного рода обличительных для прежнего режима «авторских» передачах, а именно с упором на использование рабского труда и примитивную механизацию «на так называемых великих всенародных стройках сталинских пятилеток». При упоминании Генералиссимуса пожилой «автор-куплетист», лауреат всех советских премий, в том числе и Сталинских, с такой ненавистью передергивался всеми своими одряхлевшими мышцами, словно его в един миг ужалили с десяток пчел...

Вот такой рабской колонной двигались к первому подъезду бесчисленные пассажиры и водилы, неся на плечах коробки передач, бензобаки, автомобильные дверцы, передки с бамперами и фарами. Женщины тащили неподъемные сумищи в мелкую синюю клетку, с какими в девяностые годы бабы-челночницы мотались в Турцию и Китай за бросовым тряпьем. Сумки металлически позвякивали винтами, болтами, карбюраторами и другой автомобильной мелочью. Зато вовсю резвились ребятишки, наперегонки подкатывая к подъезду колеса.

«Воин-танкист,— порой ударялся в философию и психологию людей по их роду занятий Егор Фомич, имея в лице девочки Лизы единственного благодарного слушателя, за что та всегда имела признательность в виде горстки шоколадных конфет «Буревестник» и «Кара-Кум»,— среди представителей всех других армейских специальностей обладает наивысшей сообразительностью в самых непредсказуемых ситуациях...» И, действительно, экипажи спешивших на маневры боевых учений танков подошли к преодолению домового препятствия творчески. Комвзвода, как догадалась Лиза, договорился — по литру спирта из армейского НЭ каждому — с водилами двух сорокатонных японских автокранов КАТО: один, еще не разобранный, стоял у ближнего торца дома, а второй, уже собранный после переноски,— у дальнего торца, от которого дорога продолжалась в пензенские просторы.

Как только во сне бывает, правнучка героя-танкиста Лиза усилием воли замедлила время спуска Жориной машины с холма до показания спидометра «0 км/час» и с половину часа, пока Жора с Надей резвились, а Светлана с одобрением изучала свои нестареющие «аэродромы», с интересом наблюдала за переправкой «танков наших быстрых» через пятиэтажное искусственное препятствие на их целеуст-

ремленном пути. Кстати, в сновидении, где начало и окончание перепутаны, что Лиза — психолог, знакомая с работой бессознательного мышления, хорошо знала, она уже загодя ознакомилась с соответствующим приказом по танковой воинской части: за проявленную смекалку и воинское мастерство при форсировании неожиданного препятствия во время учебных маневров командиру взвода была объявлена благодарность, а танкистам предоставлены краткосрочные отпуска для побывки дома — по месту призыва. Один танкист за время отпуска успел жениться...

Итак, самый близкий к дому танк бойцы, безматерно (указ такой уже вышел) поощряемые комвзвода, обязали боевую машину буксировочным тросом, завязанным узлом поверх башни. Под этим узлом трос подхватил крюк подъемника *КАТО*. «Японец» поднатужился, недовольно пофыркал форсажным дымом двигателя (мол, когда же вы, черти экономически малоэффективные, отадите нам Курилы!) и начал подъем танка на высоту дома, а затем, выдвигая свои телескопические стрелы, довел ввыси груз до середины крыши дома по его длине. Здесь ему навстречу, но с другого торца пятиэтажки, придинулся крюк другого же *КАТО*, с ловкостью циркового эквилибриста на канатах перехватившего трос с завязанным им танком и через несколько минут опустившим грозную машину по другую сторону дома. Лиза в полном восторге зарукоплескала и велела (во сне каждый сам себе командир...) Жоре трогаться.

♦ Аморалист Жора яростно газанул. Стрелка спидометра («Раз аморальный, то не заразит ли он Надю спидом?») — испугалась за подругу Лиза) прыгнула сходу за «100 км/час». Женщины в ужасе закричали: до начала хвоста очереди на переноску машин оставались какие-то считанные десятки метров. Даже Надя в испуге отскочила от обожателя и прижалась к правой дверце. Но Жора, полуобер-

нувшись к Светлане и Лизе, лихо подмигнул им и нажал на приборной доске красную кнопку с надписью «Главная». И — о чудо! Лиза увидела в свое и Светланино окна, как с низу машины, из-под днища вылетели и замерли самолетные крылья, засверкавшие в солнечных лучах аэрофотовским блеском полированного алюминиевого профиля. «Как медаль на сюртуке двойного прадядьки Филимона Пантелеевича», — только и успела подумать Лиза, путешественница по лермонтовским местам, а Лизино Я — наблюдающее со стороны рассмеялось облегченному удивлению путешественницы: позавчера, также как и сегодня, в охотку высавшись днем, Лиза никак не могла поймать сон ночной. Пробовала читать, а после курортного часа включила от отчаяния телевизор: дескать, найду какую-нибудь *дебильную*, впрочем, других сейчас и не сышешь, мелодраму про ушлую девицу, что под видом няни или горничной пробирается в коттедж дворцового типа с хозяином-простаком, долларовым миллионером и разведенным, охмуряет того, а в финальной сцене счастливая парочка венчается, а за подол новобрачной держутся еще более радостные их малолетние детки: двое его от предыдущего брака, и двое же ее — ранее нагуленные.

Но уже на первом же включенном канале с удовольствием увидела добroe лицо памятного с детства Луи де Финеса. А через пару минут он же в резиновой маске Фантомаса, уходя от погони, взлетает на своем модернизированном «*renault*» или «*citroën*», из-под днища которого откидываются крылья...

Но Лиза-путешественница, забыв про Фантомаса, проассоциировавшего эту деталь ее дневного сна, по плечи высунулась из окна набиравшего высоту автомобиля и с неподдельным интересом в плане «вид сверху» рассматривала панораму, чем-то сходную с виденным все по тому же телевидению обзором

сверху на строительство космодрома на Дальнем Востоке. Этот вид, как она вспомнила, показывали в заставке передачи о расхищении госсредств руководством и генподрядчиками стройки... Сколько украли — она не рассыпалась, поскольку находившаяся в гостиной комнате бабушка Наталья, ближе к восьмому десятку жизненных лет несколько ослабившая свой слух, а потому говорившая громко, начала прикидывать: скольких бы начальников стройки расстреляли, будь это дело при Иосифе Виссарионовиче. Выходило, что многие бы имена дополнили мартirologi «жертв сталинских репрессий»...

Оказывается, не так прост был этот дом посередине межобластной дороги, поскольку сверху на потемневшей от дождей и времени крыше его читался отчетливо написанный белой краской, явно ежегодно подновляемой, во всю площадь кровли лозунг: «Глобализм есть дарованная народу власть плюс единение трех «И»: инвестиции, инновации и информатизация всей планеты». Но рукой с краскопульверизатором местного, идеологически подкованного хулигана-граффитиста слово последнего из основополагающих «И» было зачеркнуто, а сверху над ним надписано: «дебилизация».

Миновав имитацию-инновацию стройки XXI века, Жора снизил свой автолет и убрал крылья, когда машина коснулась кипящего на жарком солнце асфальта. Путь к лермонтовским местам был свободен! Но ждал ли наших весельчаков дух великого поэта с его байроническим жизненным скептицизмом?

— Жора! Где ты такое авто воздухолетное взял?^{*} — изумилась Светлана,— даже в рекламе по

* Эта героиня романа застала советские времена, когда в части автомобилей терминология была иной: вместо «купил» и «продал» употреблялось: «взял» и «сдал»... «Петро, я «волгу» взял!» «Да, Серый, пришлось свою тачку сдать, деньги нужны». И так далее.

телеку такое не показывают! Это у вас на военном заводе такие мастерят, да?

— На нашем заводе, госпожа полуминистерша с такими вот замечательными сиськами,— Жора, отвернувшись от руля, слюну при виде Светланиных округлых форм, за что Надя дала ему шутливую затрещину,— делают что надо. В основном стреляющее. А свой «отверточный» вот этими руками,— Жора растопыркой ладоней попробовал было, словно невзначай, дотянуться до Светланиных «аэродромов», но был остановлен уже настоящей оплеухой Нади,— значит, доработал. Крылья из алюминиевых, то есть дюралевых, с военной приемкой листов вырезал и отрихтовал в нашей кузне, а движок реактивный скоммунизмил с конвейера под видом выбраковки по внешнему виду. Точнее — два движка, схема тяги у моей «ласточки» двухконтурная, как у современных истребителей...

Здесь Надя, увидев как у Жоры от возбуждения сизеет нос, за плечи отвернула его от лицезрения достоинств Светланы, оставшейся единственno в минишортах, сама сбросила остатки одежды и начала раздевать визави, после чего с помощью Жоры набросила на верхние крючки над спинками передних сидений свою юбку, расстегнутую во всю длину по молнии, отгородившую от Лизы и Светланы передний отсек салона. Судя по страстным стонам Нади и довольному рычанию Жоры, они по-серъезному занялись прелюбодеянием.

— Эй, вы, черти аморальные! — встревожилась Светлана,— вы что, ногами рулем правите?

— Чего волнуетесь, дорогие пассажирки! Я ведь на заводе «ласточку» еще и системой беспилотного движения оснастил.

— Опять ты, Жора, что-то с ракетного конвейера списал в свою пользу?

— А то как еще? Конечно, блок слежения и кор-

ректировки полета позаимствовал в соседнем цехе за литровку казенного спирта тамошним работягам. Кончай, Светлана, мешать нам. Надька уже поплыла...

Обе же Лизы — участница сонного действия и Я-со-стороны-наблюдающая за развертыванием сюжета — тотчас вспомнили внезапно вспухшую в начале этого лета трескотню СМИ о последнем чуде Запада — автомобилях без водителя, движущихся на автопилоте-беспилоте. Ее отец откровенно хохотал: «Обезьяны они и есть обезьяны с мартышковыми очками! Страна с полностью разбитыми дорогами, а где бюджет на ремонт выделяет — подчистую чинуши разворовывают. Вот других забот нет, кроме как... — здесь бывший партийный функционер, а ныне средней руки предприниматель-торгаш, на секунду задумался, подыскивая сравнение, вспомнил из прежней профессии, — задрав штаны, бежать за комсомолом! Уже по «ящику» некие директора департаментов и заводов рапортуют наперебой, как с кремлевской трибуны двадцать с чем-то съезду нашей партии, дескать уже в следующем году на улицы городов и весей <имярек> выйдут беспилотные автобусы...» — «Понятно дело, — резюмировала его мать, Лизина бабушка Наталья-старшая, — под разговоры эти бюджетные денежки по-чубайсовски распилият, как сейчас говорят. И забудут о бесшоферных машинах, новую тему для обезьянничества с Запада найдут. — Вспомнив же почти пятьдесят лет своего хирургического стажа, добавила, — например, операции на грыже, а, впрочем, и под черепной коробкой, без врачей. На автопилоте, так сказать!»

Меж тем за юбкой-занавеской в переднем отсеке автомобиля-беспилотника завершался первый по счету акт любви в экстриме. Надя страстно кричала в голос, а Жора ревел орангутангом... нет, скорее отечественным медведем в брачный период.

— Однако, — озадачилась Светлана, — какова

наша семейная хлопотунья и счастливая дура Надюха, а? Надо же догадаться, рога, нет, разветвленные лосиные рожища, своему ненаглядному Витюше наставлять прилюдно и на сиденье автолета-беспилотника! Потом будет целый год с покаянным выражением, словно круглосуточно зареванного, лица будет ходить, не поднимая взора глаз. Конечно, по-бабски все понятно: женщина не женщина, если не тянет порой сорваться.

Вспомнив свое филологическое ленинградское образование, продолжила размышления, вроде как машинально, не думая, что руки сами по себе творят, расстегивая пуговки на кофточке Лизы, что поверх топика надета:

— И фамилией, хотя и не своей, а мужниной, оправдывает такое поведение...

— Это о чём ты?³ — заинтересовалась до того ступорно молчавшая Лиза, поеживаясь от царапающего прикосновения накладных наманикюренных Светлановых ногтей, все также машинально расстегивающих пуговицы на ее кофточке.

— А вспомни из нашей классики, из Федора Михайловича значит, навечно вошедший в мировую литературу тип кающейся грешницы Настасьи Филипповны?

— Так та была содержанкой, но это же профессия, и не Надин вольнолюбивый срыв, хотя бы Жора всегда ей нравился? Особенно на сравнении его мужской стати с Витюшиной малохольностью по женской части.

— Во-во, в точку зришь, дорогуша! Но я о другом, внешнем, как говорится, совпадении, хотя бы просто совпадений и не бывает. Иначе бы и класса гадалок не существовало... Фамилию Настасьи Филипповны помнишь?

— Разве у нее в романе имеется фамилия? Только по имени-отчеству она там фигурирует.

— Все верно насчет имени-отчества. Только один раз, если не ошибаюсь по давности лет, и упоминается фамилия: Марашкина. Каково? — Почти наша греховодница Надя Замарашкина! Ну и пусть себе с Жорой милуются. Мы не проболтаемся Витюше и Жориной Инессе. Пусть наши автолюбовники сами в душах своих покаятся. Хотя... нашей с тобой сестре каяться природная сущность не рекомендуется, а времена Настасьи Филипповны давно канули в Лету. Да и раскаивалась-то героиня Достоевского вовсе не за прелюбодеяния, но за порицаемую христианской моралью профессию... вторую древнейшую...

— Но она же не проститутка, а содержанка?

— Ну-у ты, психология моя, удивляешь. Чем отличается проститутка от содержанки? И наоборот. Если исходить из где-то читанной мною статьи в журнальчике даже не глянцевом, а на что-то претендующем, то все женщины по определению есть профессионалы этой второй древнейшей. А значит, содержанка есть нечто срединное между девицей «на точке» и добropорядочной семейной женщиной! Все от матери-природы и по-библейски: жена да прилепится к мужу. Цивилизация же, с одним исключительным перерывом на семьдесят лет советского социализма, особенно капитализм-империализм, сделала женщину содержанкой одного или многих мужиков... А ведь начиналось-то все с матриархата!

Лиза тотчас вспомнила слышанный ею, школьницей, рассказ в экспресс-электричке некоей Веры Тимофеевны, где впервые для нее высветилось имя Светланы. А та, уже расстегивая последние пуговки на кофточке Лизы, с Нади перешла на Жору:

— ...Про мужиков и говорить в таких ситуациях нечего. Той же матерью-природой и цивилизацией они по определению лишены всяких там угрызений совести по части кобеляжа. То ли дело, Лизок, мы с

тобой свободные от всего женщины! Порой и побаловаться друг с дружкой не вре...

Здесь мигом сбросившая с себя сонную июльскую одурь, то переходящую в восторг, а затем сменяющуюся полным безразличием ко всему, Лиза рывком отбросила руки соседки, уже добравшиеся до поясного крючка юбки.

— Ты что, Лизок, монашкой себя вообразила? Давай же, поиграемся. Не все Надьке с Жорой развлекаться!

Лиза заметалась во сне, как то бывает под конец сноведения: все двери в доме заперты, дороги перепутаны, нет пути никуда, а душа и тело стремятся вырваться из цепкости сновидения.

На свое счастье услышала из-за юбки- занавески голос Жоры, ничему в жизни не удивляющемуся:

— Никак Светкин полкаш нас тормозит. Придется подобрать.

Машина остановилась. На обочине стоял полковник в полной парадной налоговой форме, включая застегнутую на все пуговицы зимнюю шинель и мерлушковую шапку. В руках он держал букет из полу сотни роз и сумку-авоську с полудюжиной шампанского «Новый Свет». Лиза выскочила из машины, уступая место полковнику. Машина тронулась, а Лиза, застегивая крючки на поясе юбки и пуговки на блузке, двинулась в сторону лермонтовских, а может и чьих других, памятных мест.

Снится дворнику Кизилову сладостный сон в душном общежитии для гастарбайтеров при коммунхозе города. Будто он заработал чемодан денег и вернулся на историческую родину. А там в это время американцы устроили оранжевую революцию и провозгласили все города, оазисы и кишлаки самостийно-незалежными ханствами, эмиратами и султанатами.

Земляки же Кизилова выбрали его своим ханом, как долгое время жившего за границей и знающего иностранный язык — для приема послов. Вот обходит Кизил-хан свой новопостроенный дворец в сопровождении великого визиря, бывшего председателя сельсовета, и зашел на женскую половину. Там встречает его главная жена — выписанная из России Нина-ханум, ханским рескриптом разведенная с доцентом философии Енукидзе.

— Ну, как дела в гареме? Нет ли пьяных из четвертого подъезда? Проводятся ли занятия по толерантности и женскому равноправию?

— Конечно, мой сладостный повелитель. Только вот чужеземный евнух Енукидзе опять где-то ханки достал и громко потом пел песню о победителе басмачества Буденном. Еле утихомирили сковородками.

— Да-да, надо принимать меры, оргвыводы уже не действуют. Чего бы еще ему отрезать?

...Проснулся Кизилов и вспомнил огорчительное: вчера кто-то украл во дворе его метлу, и Енукидзе опять пьяный явился домой.

...И ВТОРАЯ ЭКСКУРСИЯ ЛИЗЫ ЗАМУЖ

От Колы до ада три версты.

Поморская приказка

*Хорошо из далекого моря
Возвращаться к родным берегам,
Даже к нашим неласковым зорям,
К нашим вечным полярным снегам...*

«Усталая подлодка» (слова С. Гребенникова и Н. Добронравова; музыка А. Пахмутовой)*

◆ В последний раз обернувшись к уходящей за горизонт, темно маслянеющей на светозарном июльском полуденном солнце, ленте шоссе из Нижнего Новгорода в Пензу, Лиза невольно оправила свой цветистый сарафан и дозастегнула пуговки блузки, расстегнутые расшалившейся Светланой. В контексте явления налогового полковника в модном сейчас арктическом обмундировании не к месту вспомнила в концовке сна его веселую филиппику на дружеской посиделке этой зимой сам-тroe. Светлана зазвала подругу: «Давай pari на плитку шоколада? В твоем присутствии мой полкаш выдует за ужином литровку с прицепом своего любимого шотландского виския

* Может не совсем удачный эпиграф из знаменитой песни о подводниках Северного флота к главе о чисто женских делах, но... как только сюжет романа «уводит» автора в город его детства и юности Полярный, так он тотчас вспоминает, что чисто случайно стал первым слушателем «Усталой подлодки» в исполнении ее создателей в процессе работы над ней... См. книгу автора «Тяжёло дышит синий норд (Северные рассказы)», Тула, «Тульский полиграфист», 2003. Но все же эпиграф сугубо по теме сюжета главы...

Club'99, а наутро я тебе позвоню и скажу счет ночного матча». Поскольку домочадцы, то есть бабушка Наталья-старшая и дочка Наташа-правнучка, на весь вечер нашли себе занятие по воспитательной кухонной части с тестом и начинкой, Лиза и поднялась на четвертый этаж. Полковник, третий день обмывавший в разных компаниях высокую ведомственную награду, был в ударе и даже превысил заметно литровый барьер. А наутро сонно зевающая в телефонную трубку Светлана сообщила счет: «Пять-ноль в пользу сильного пола и все не в сухую! С тебя, дорогуша, шоколадка».

...Где-то к последней трети времени посиделок полковник, с намеком кивая Свете с целеуказанием волевым подбородком на почти пустую литровку, перешел от армейских похабных анекдотов к философствованию: «А знаете, мои очаровательные, уже через полгода с небольшим столетняя годовщина *нашего* Великого Октября! Заранее не загадываю, все мы люди с погонами под богом ходим, но предлагаю на этот праздник веселой компанией под десяток бойцов обоего пола завалиться на пару-тройку дней на мою скромную дачку. Она, конечно, не дворцового пошиба, но на двух этажах с мансардой, галереей-верандой и спортзалом в полуподвале есть где разгуляться. В генералы выйду, если сослуживцы не сожрут, два флигеля пристрою... А отметим наш великий праздник на славу и в революционном стиле — хвесте, как сейчас недоумки из телевидения народ к американскому языку приучают. Из бухалова — только самогон, поскольку в революционном году в России был сухой закон. Закажу в соседней деревне, там превосходный мастер по этому делу, дедок почтенный из бывших учителей химии, практикует. На просвет — слеза божия, а в организм введешь стакашек, так райское тепло ощутимо и не торопясь от желудка вверх и вниз по тулову этак радостно, с

переливами волной накатывает! Он же и должник мой: не было у него, виши ты, серебра для облагораживания напитка. Как на пасху святую воду церковники изготавливают. Так я ему в прошлом году десяток царской еще чеканки рублевиков и полтин с портретом Николашки ссыпал прямо в трехведерную стеклотару с готовым продуктом.— Из неучтенного конфиската таможенный друг, тож полковник, удружила: пару разрешительных бумаг по нашей службе ему подмахнул.

Ну-у, а закусь революционная есть самое святое дело. Половинка браконьерского кабанчика — от тамошнего лесника. Уважительный мужик. Стюдню, как у нас в деревне в моем детстве холдец называли, наварим пару тазов люминиевых. Само собой с полпудика сальцу в три-четыре пальца толщиной, хренку со свеколкой, винегрету с крошеной селедочкой, соленых огурчиков-помидорчиков.— Все под дух той революционной поры...» — «И что прикажешь, мой полковник, дамам этим салом с кабанятиной давиться и блевотную, извиняюсь, самогоновку хлебать?» — «Светочка моя дорогая, я же говорю — все будет в революционном духе. Для дам — все как положено: у меня на дачке антикварная посуда вся из того же неучтенного конфиската, обеспечим от благодарного мне городского купечества французскую шампанезию, оттуда же коньячок, десертные итальянские вина, изысканный закусон со всего мира!» — «А как же революционный дух при таком буржуазном изыске?» — «Просто, моя дражайшая, изобразим умственно, что это революционные матросы все вынесли из соседнего помещичьего дома, разграбив усадьбу... а может и из Зимнего, каково? Кстати, для полного антуража у ворот дачки поставим на дежурство парочку моих подчиненных из числа молодежи, переодетых в братишков с Балтфлота. Все же входящие должны на штыки их вин-

товок накалывать пропуска...» — «А винтовки тоже из вещдоков или конфиската?» — «Не-е, Светочка, в вещдоках только «калаши» и снайперские Драгунова из снаряжения киллеров. Настоящие же винтовки Мосина с трехгранными штыками возьму напрокат у знакомого коллекционера оружия. Опять же обязан он мне кое-чем по налоговой части. О-хорохо, за всем пригляд нужен, так и вертишься всю жизнь по службе треклятой. Оно и понятно, без труда и рыбку деликатесную из домашнего холодильника не вытащишь. Словом, под лежащего полковника портвейн не течет! Одно удовольствие — с вами, чаровницами, повоселиться накоротке, да с боевыми — на налоговом фронте — товарищами пообщаться...» — «Вот-вот, мой геройский фронтовик, пообщаться и напиться по русскому обычаю, а здесь две концовки: фейсом об тэйбл или не хватило, гонца посыпать надо! Лизавета, что в рот воды набрала, подружка?» — «Да спектакль какой-то в стране со столетием готовится загодя: и вашим, и нашим, только не трогай те полтора десятка олигархических кланов, что все на бывшей 1/6 части земной суши к алчным рукам прибрали. А про полную несовместимость разнузданного частнособственничества и Октябрьской революции ни пол слова! Прадеда Егора Фомича с его Краснознаменным танковым полком на всех их нет!» — «Ну-у, дорогая Лизавета, надо жить сегодняшним днем. Об остальном пусть *наша* партия и правительство, как мы когда-то говорили, думают. И чем тебе не угодил такой сценарий празднования славной годовщины? Все ведь довольны. Вот и потомки обиженных в тридцать седьмом свою стену памяти, это как в Израиле стена плача, в столице получили! Но, Лизочка, ты в самую точку попала в части олигархеров: здраво подумав, получается, что именно они со своими «шестерками» должны идти с красными знаменами в первом ряду празд-

ничной колонны, даже впереди папы Эю с членами его ЦК. И ответ здесь на ожидаемый недоуменный вопрос прост: не будь революции, не было бы и СССР, ставшего сверхдержавой, в том числе и по созданной гигантской материальной базе. А далее как дважды два четыре: не будь этого колоссального богатства, то где бы они столько наворовали, чтобы попасть на самые почетные места списка журнала «Форбс»? Всякие там семьи Дюпонов, Рокфеллеров, Морганов и прочих разных Фордов веками создавали свои капиталы, кстати, работая на благо своих стран, а тут — из грязи в князи за какой-то десяток лет! Молодец, Лизанька, сразу видно серьезную кандидатшу психнаук: в сердцевину метишь. Хвалю!»

...Здесь полковник, которому Светлана, одобрительно посмотрев на опустевшую литровку *Club'99* и, подмигнув Лизе, принесла с кухни поллитровку освежающей сорокоградусной настойки «Калгановая», по советскому рецепту возобновленной серьезным водочным заводом в Ленинградской области, совсем расслабился: «С тобой, Лизанька, как с умной женщиной, наверное, приятно и наутро разговаривать». На что Светлана, впрочем, безо всяких признаков бабской ревности, но сугубо в трезвительных целях (ночь подвигов гвардейца впереди!) врезала фронтовику затрешину, пояснив: «Ты к Лизе не подкатывай, кобель мой сердешный. У нее уже год как аллергия на носителей всяких погон. Хватит ей пробы со вторичным хождением замуж за кавто-ранга* из Полярного! Пей «калгановую»... и к делу. Лиза, извини дурака моего».

◆ Лиза очумело вертела тяжелой, как то бывает после летнего дневного сна, начинающегося так легко

* Капитан второго ранга (воен.-мор. сокращение). Соответствует подполковнику сухопутных войск и пр. служб вне моря.

и беззаботно, головой. На старинных настенных часах малая стрелка утвердилаась на четвертой римской цифре. Еще через пяток секунд минутная перескочила на двенадцать, заставив сложную немецкую механику проиграть начальные ноты шубертовского вальса. ...Сам Егор Фомич по ранению под Прагой не подоспел к «дувану» — сбору и отправке домой трофеев победителей, хотя бы ему по геройскому званию, полковничим погонам и должности комполка и полагалось по негласному порядку нетто-место в половину товарного вагона. Но подчиненные позабочились о бате: полувафон был доставлен в Калугу, а потом разрозненно и был акклиматизирован в старом Доме на горе Тулуповска. Самое достопримечательное теперь исправно (немецкое качество!) служило в Лизиной квартире. В том числе настенные часы работы вошедшего в историю искусств и ремесел (Лиза как-то справлялась по Интернету) мастера из Саксонии, поставщика двора тамошнего короля первой половины девятнадцатого века.

...И мучительно захотелось объятий крепкого мужика. А как профессиональный психолог поняла: неуместные сцены во сне с приставаниями Светланы есть сигнал: застоялась, бабенка, в самый цветущий возраст, до греха недалеко... Так и год назад, прожив столько же после развода «со своим Ямщиковым», ее неостановимо потянуло в мужские руки-замки. Природу не обманешь ни ученой степенью, ни заботой о любимой дочери... вообще ничем на свете.

Светлана сейчас гуляет со всем губернским бомондом в «Серебряном хуторе», загородном московском — от лишних глаз — отстойнике, организованном столичными бизнес-шоу-дельцами на самой восточной окраине Тулуповской губернии на стыке с Московской и Рязанской областями. Обе Наташи, бабка и дочка, на вольных загородных хлебах. Ей

же остаются только воспоминания и ничем не истребимое женское влечение... Словом, жаркий июльский полдень... Как у Северянина:

*Элегантная коляска, в электрическом биенни,
Эластично шелестела по шоссейному песку;
В ней две девственныe дамы,
в быстро-темном упоеньи,
В ало-встречном устремлены —
это пчелки к лепестку.*

Машинально поправив взлохмаченную после сна прическу, Лиза столь же бездумно прошла на кухню, в третий раз за день поставила чайник и закурила, постепенно отходя от суматошного сна. «И чего это меня в Пензу, в лермонтовские места потянуло, где я ни разу не была... и никогда не собиралась при всем уважении к Михаилу Юрьевичу?» — четко произнесла она вслух. Но сны без воспоминаний и желаний на будущее не бывают? И Фрейд здесь нам не указ. Сами с усами, психологи то бишь! И продолжила: «Какая, к черту, психологиня! Баба я русская, что всегда хочет любви! Настоящей, не импортного «секса», но — любви! От заката до рассвета в бурной постели, а все остальное время суток, впрочем, совершенно не исключая и постель, ощущать около себя присутствие любви ответной: во взгляде, в нечаянном (лучше чаянном!) прикосновении, в разговоре, в аппетитном поедании им наскоро приготовленного *ею* обеда, в чувственном — устал, бедняжка! — выпивании им подблудной стопки, в совместном от *его* и *ее* дыме сигарет, что выкуриваются все в той же постели с раскаленными от взаимной страсти простыней и подушками...»

Лиза, совсем осатаневши от видений сна и изустного монолога в пустой летней квартире, смяла в пепельнице едва раскуренную сигарету, сделала пару

шагов к холодильнику, вынула из нижнего ряда дверцы початую бутылку текилы.— Все из тех же презентов часто путешествующей Светланы — настоящей, не краснодарского самодела, с пакетиком засушенных бродильных червячков, которые она, еще открывая посудину, брезгливо выбросила в мусорное ведро. Чуть подумав, достала из кухонного настенного шкафчика самую драгоценную вещь в доме — фронтовую стопку прадеда Егора Фомича, из которой тот все военные годы «принимал на грудь» наркомовские сто грамм, а в затишье между боями и иные напитки, в зависимости от местонахождения позиций: от мутного скороспелого среднерусского самогона до изысканных европейских трофейных вин, ликеров и коньяков, что ящиками вытаскивали бойцы его полка из подвалов замков и просто зажиточных домов на стремительном пути к завершению великой войны...

Столь памятная ей с ранних детских лет стопка была сделана, как, наверное, и миллионы других, из подсобного материала — из жести банок «второго фронта», аргентинской тушенки: свернута конусом и пропаяна, насажена на такую же трубочку из жести и укреплена на жестянном кружке. Надписи же на тыльной стороне стопки, нанесенные на металл несмыываемой цветной краской, читались знающими по-английски.

«В дни радости и горестей, Лизавета, не премини наливать в эту стопку. И вспоминай своего непутевого, а может и путевого, главного деда», — завещал на последнем году жизни Егор Фомич. И для практического навыка показал как это делать: налил во «фронтовую» сто грамм и лихо опрокинул, молодцевато посмотрев на присутствующую при этом наказе соседку Светлану.

♦Наполнив до половины конуса «фронтовой» текилы, Лиза вдруг рассмеялась, даже не успев пригу-

бить этого «мексиканского самогона», как его пре-небрежительно аттестовал Егор Фомич, когда в начале девяностых годов эта выгонка из забродившей сердцевины тамошних здоровенных кактусов, ранее знакомая, пожалуй, только по стаинному немому фильму Эйзенштейна «Восставшая Мексика», начала приобретать статус бонтонного пойла у «приличных людей» тех славных времен. Впрочем, самые из приличных, то есть братки, текилой брезговали, будучи патриотами вскормившей их родины...

Рассмеялась же по той простой причине, что ровно — с накинутой неделей — год назад, также осатанев от июльской истомы и такого же по времени безбрачия, и ровно (по бою часов и шубертовскому вальсу) в четыре пополудни она также налила в прадедову «фронтовую», правда, почти до краев и не текилы, а настоящей мадеры с корабликом на этикетке, которую уважал Гришка Распутин — Светлана с полковником только что прибыли с отдыха на одноименном острове, — но не успела и сделать глотка, как звонок позвал ее ко входной двери. Светлана не просто стремительно вошла — она влетела эффектной тропической бабочкой-белоголовкой, поскольку была в вечернем длинном платье и в украшениях. Понятно — не из дешевой бижутерии. Зорко углядев из гостиной через открытую кухонную дверь бутылочку и «фронтовую», констатировала служебным голосом вице-министрши:

— Та-ак, голубушка, уже в одиночку пьем?³ Четверть часа тебе на сборы. Форма одежды — люкс номер один.

— Постой, не так стремительно: куда и зачем?

— Недалеко, в наш «Заводной апельсин». Как говорится, не уходя из дома. Давай, прикидывайся согласно названной форме, а я все расскажу. И-и вроде как сватовство намечается — как я сама по телефону поняла.

— Твое? А как же бравый полковник?

— Полковник-то при мне вечно остается. А сватать будем тебя. Хотя и не за полковника, но на одну лишь звезду меньше: за флотского капитана второго ранга. По-ихнему, каперанга или кап-два. Одевайся предельно ярко. Здесь не вариант «пенсия есть, член стоит», а всего на три года старше тебя и уже командир подводной лодки с последующей адмиральской перспективой. Главное, алименты за ним не тянутся, хотя бы и в женатиках побывал. Цени! Каблуки — самые высокие, платье длинное, как у меня, но разрез боковой — до середины бедер. Знаю, есть у тебя такая секс-уловка! Лиза для проформы поморщилась на рассуждения о сватовстве, но без ужимок подчинилась приказу Светланы. Знала, что та ничего глупого не делает, а только польза от нее. Ее же, пользу, она сейчас видела в отвлечении от нахлынувшей женской тоски. В «Апельсин», так в «Апельсин». Сватовство — глупость несусветная, зато с людьми новыми пообщается. Тем более, что Светлана заинтриговала. Получалось так, что свой родной Тулуповск в отпуске навестил очень далекий по матери родственник Светланы. «Так, седьмая вода на киселе, моложе меня лет на шесть-семь, но в моей юности, а в его школьном детстве мы по-семейному общались: он даже с детской трусливостью порой засматривался на меня». Потом, рассказывала Светлана в перерывах между оценками примеряемых Лизой платьев и туфель, их пути разошлись, тем более и семьи разъехались по разным городским районам: два-три звонка по телефону в год по праздникам — вот и все общение.

Только и знала она, что Игорь исполнил мечту своего деда, флотского офицера и поступил в бывшее ленинградское, а теперь уже петербургское училище подводного плавания — кузницу советских, ныне российских «ныряльщиков». Она к этому времени

уже закончила филологический факультет уж точно Ленинградского университета и вернулась в Тулуповск. То, что оба учились в Северной столице — не совпадение, но общесемейная традиция: оттуда все их давние корни — по общему предку, в двадцатые годы переведенному по хозяйственной гражданской службе в Тулуповск... Кстати и сын Светланы не изменил семейной традиции, но с поправкой на дух времени: окончил в Питере тамошний институт президентской академии народного хозяйства и госуправления по экономической специальности и сразу же укатил в Штаты, где и по сей день занимается чем-то торговым.

Из все более и более редких телефонных звонков — шла смена поколений с почти полным разъединением родственных связей — знала Светлана, что морская карьера ее прежнего мальчика-воздыхателя шла успешно. Сначала служил на Тихом океане, затем перевели на Северный флот. Ходил на атомных подлодках там и здесь. За все прошедшие годы она с Игорем не то что не виделась, но и по телефону не общалась. Порой даже забывала, что есть у нее такой троюродный родственник. Наконец-то одобрав внешний вид Лизы и торопясь на выход из квартиры, Светлана вкратце дорассказала основное:

— ...А два часа назад звонок на мобилу: так, мол, и так, дорогая троюродная сестрица, Игорь тебя тревожит. Небось, вовсе забыла о таком? Я же, конечно, последняя сволочь — ни разу тебе не позвонил, не зашел, когда наездом в Тулуповске бывал, но — повинную голову не секут! Только сейчас от дядьки своего — помнишь Михалыча? — узнал твой номер; а главное то, что через пару часов в кабачке твоего Дома на горе, как его весь город называет, собираю на дружескую попойку при дамах всех знакомых тулуповцев.— И повод достойный: контр-

адмиральских погон сподобился! Итак, время пошло, сестрица! Да, со мной тоже новоиспеченный кавторанг из наших краев. Заметь, сестренка, в данный момент холост, так что захвати с собой свободную красотку! Обрати внимание, Лиза, до чего моряки народ порядочный и конкретный: сразу мне и факты жизни кавторанга выдал — как отчет по уставу. Все, пошли! Адмиральский час вот-вот грянет!

◆Как потом разъяснилось, «Заводной апельсин» для адмиральского банкета посоветовал все тот же Михалыч. Как чиновник средней руки районной администрации (сейчас на американский колер городские районы стали именовать округами...), начинавший карьеру еще по исполнкомовской советской линии, он прекрасно разбирался во всех тонкостях организации внеслужебной жизни в чем-либо ответственных людей. Да и сами Лиза со Светланой, выйдя из подъезда, пройдя по двору и обогнув угол дома, за которым на торце отсвечивала на чуть отклонившимся от зенита солнце зеркальная входная дверь «Апельсина», тотчас сообразили, почему для «адмиральского часа» выбрано опытным Михалычем это заведение, хотя и на престижной, но все же полуокраине города. Главное — с хорошим сервисом, но не купечески шумное.— Самое место для неафишируемых широко банкетов приличных людей. ...А именно: перед входом в ресторан, но вроде как интересуясь троллейбусами, один за другим подкатывающими к остановке, что в нескольких метрах и прямо напротив двери в «Заводной апельсин»*, стоял мало чем обращающий на себя внимание спортивного вида моложавый мужчина. Завидев подруг, он заулыбался, шуткуя под швейцара растворил перед ними дверь и

* Название полупорнографического фильма, в середине семидесятых годов с триумфом прокатившегося широким экраном по миру, минуя, разумеется, СССР. Но вот в Югославии и Венгрии его показывали...

поприветствовал как давнюю знакомую: «Светлана Анатольевна, милости прошу! Все уже в сборе, вас дожидаются», — и цепко окинул наметанным взглядом Лизу. «Со мной, со мной, Костик, не сомневайся. Никак в такой прекрасный летний день и на службе?»

Спускаясь по довольно длинной лестнице в глубь полуподвального ресторана («малая одесская» — так эту лестницу прозвали в Тулуповске), Светлана заметила: «Смотри-ка, нашего адмирала уже и люди из Кленового переулка охраняют! Это большая честь».

Еще более подруги удивились, спустившись по лестнице и сворачивая перед пустовавшим по летнему времени гардеробом налево: с обтянутого кожезаменителем низкого топчана-пуфика для дамского переобувания в зимний холод или в осеннюю слякоть воспитанно, по-флотски лихо вскочили два моряка в белых летних форменках с гюйсами*, с треугольниками тельняшек в вырезах, с квадратами погончиков: один — старшины первой статьи, второй — на статью меньше. Что-что, но в определении званий по погонам прадед Егор Фомич еще Лизу-девочку научил почище школьных «дважды два».

Поскольку военморы все же поленились надвинуть на головы свои старшинские фуражки, лежавшие на гардеробной стойке, то ограничились вытяжкой в струнку, поприветствовали дам «здравия желаем» и, столь же лихо разлетевшись по обе стороны двухстворчатой стеклянной «под богемский узор» двери в зал, распахнули ее во всю ширь. «Молодцы, мальчики», — улыбнулась Светлана, обернувшись сначала вправо, к первостатейному старшине, затем налево — к младшему по чину. Лиза коротко хохотнула: все же не зря Светлана вице-министршей

* Откидной на спину удлиненный воротник форменки с черно-белыми полосами по контуру (флотск.)

служит, во всем ранжир соблюдает, даже в таких мелочах.

...Как уже в разгаре веселья выяснилось, виновнику торжества, прямо перед отпуском произведенному (только сорок лишь стукнуло!) в контр-адмирала и назначенному на должность командира стратегической атомной подводной лодки* Северного флота, по статусу полагалась даже — и тем более! — в отпускное время и вообще в разъездах и пребывании вне своей военной базы, а также городов из владений Северного флота — Североморска, Полярного и «точек» поменьше, куда и так лишнего человека не пустят, личная охрана из двух старшин, именовавшихся ординарцами. И сам новоиспеченный контр-адмирал кроме кортика при парадной форме, в которой он, правда, скинув китель, сейчас красовался, все по тому же порядку обязан был всегда находиться при пистолете. Явно, тяжелый механизм Игорь «давал поносить» старшему из ординарцев... И еще о прибытии в тот или иной «пункт пребывания», как сейчас в родной Тулуповск, заранее извещенная военная комендатура оповещала местное управление «конторы», которая озадачивала по части службы того же знакомца Светланы старлея Костика.

— Не потому, дорогая моя и как всегда очаровательная сестрица, — с флотским пиететом рассыпался в перерывах между тостами разгоряченный адмирал Светлане, — меня так опекают, что нехорошие люди, те же игиловцы, могут меня завербовать, закодировать и так далее. А я, одурманенный, на боевом дежурстве с их подачи начну третью по счету мировую войну! Это смешно, команды с их сверхсложными шифрами мне неведомы, подаются кем надо и откуда следует. Мое же дело вместе с эки-

* По-флотски ПЛАРБ, то есть подводная лодка атомная с ракетами баллистическими.

пажем содержать наше подводное хозяйство в ожидании команды, которой, слава богу, мы никогда не дождемся. Но все же я теперь — штучный товар, который у любого бережливого хозяина требует сохранности...

— А я полагала,— вступила в разговор уже освоившаяся в компании Лиза, возможно, чтобы и показать, дескать, не «блондинка» она,— адмиральское звание предполагает командование эскадрой, во всяком случае, не одним кораблем? И вообще, Игорь Сергеевич,— игриво польстила Лиза,— вы непростительно молоды для такого звания.

— Э-э, прелестнейшая Елизавета Васильевна; сразу по постановке вопроса чувствуется обладательница ученой степени! Спасибо за комплимент, а я бы вам семижды семи аналогичных сделал, но полагается некомильфо говорить женщине по части возраста, даже столь малого как ваш! Кстати, я еще не самый маловозрастной из адмиралов на флоте. А поскольку, в отличии от сухопутных генералов, в нашей среде не наблюдается «паркетных адмиралов», то все плюс-минус-сороколетние с большей звездой на погонах и есть командиры стратегических ПЛАРБ-ов. Должность же эта адмиральская — слишком велика ответственность за поддержание боеготовности и скрытности атомного подводного крейсера! Вот такто, дорогие дамы. Все под флаг, товсь! Михалыч собрался тостовать!

♦ Непрекаемый тамада банкета Михалыч, зайдя входящих в зал Светлану и Лизу, за спинами которых мелькали белые летние форменки старшин, затворявших двухстворчатую дверь, с неутраченной с советских времен исполкомовской прытью этаким живчиком подпрыгнул на коротковатых ножках со своего креслица, жестом руки оборвал общий разговор за составленным длинным столом:

— Па-а-приветствуем укращение нашего сего-дняшнего праздника Светлану Анатольевну и Елизавету Васильевну! Штрафную шампанского от вдовы Клико опоздавшим... боже, что это я несу? Такие очаровательные гости, конечно, не опаздывают, а оказывают нам высокую честь принять приглашение.

И засуетился лысоватым колобком, рассаживая пришедших явно по заранее намеченной им диспозиции:

— Шерочка к машерочки, у дамы справа и слева гвардейские кавалеры, а те, в свою очередь, в приятном соседстве с лучшими красавицами нашего города! Госпожа министерша, прошу вас! С Елизаветой Васильевной мы шапочно знакомы, поэтому по молодости ваших лет прошу разрешить мне называть вас по имени... так-так, прошу всех присутствующих заискрить свои фужеры. А коль скоро предыдущий тост произнесла очаровательная наша адмиральша, боевая подруга Игоря Сергеевича, то сейчас беру инициативу на себя!

Ощую и одесную виновника торжества по-родственному располагались адмиральша и вице-министрша; за Светланой — тоже отчасти именинник, произведенный этим же летом в капитаны второго ранга, молодцеватый Вадим Николаевич, как его представил новым гостям неустанный Михалыч:

— ...Наш дорогой новоиспеченный в звании кавторанга, как и адмирал, что называется в унисон, вместе со звездами на погоны получили в полное подчинение и подлодки: Игорь Сергеевич хотя и заслуженную, но надежную атомную крейсерскую, что сейчас в Северодвинске подновляется — мол, под нового и молодого командира, а его сослуживец по прежней субмарине Вадим Николаевич — новехонькую, почти что прямо со стапелей Северной столицы, дизельную подлодку со сверхсовременным воо-

ружением, о коем мне и другим товарищам штатским и знать-то не положено!

Еще входя через любезно распахнутые старшинами двустворчатую дверь в зал, опытным взглядом окинув всех банкетирующих, как фотограф делает моментальный снимок, опытной рукой и глазами выбрав в видоискателе знаковые фигуры и лица, Светлана глазами указала Лизе на статного капитана второго ранга: «Слева от адмирала — твой! И кресла обок его пустые — для нас».

Михаилыч, опытный в руководстве коллективом как в трудовых буднях, так — и особенно — в событиях заслуженного отдыха, сократил свой тост, чутко уловив: вновь появившимся дамам надо себя показать и включиться в общий разговор. Да и аппетит у гостей явно занервничал после двух почти подряд фужеров шампанского. И еще отметил для себя: следует укорить хозяина заведения, мол, для адмиральского ранга банкета не из той коробки «абрау» разносишь!

Меж тем и Лизу со Светланой увлекли в разговор. Адмиральша Нина рассказывала, как за день до отъезда с Севера ее супруг в новых погонах, а она со скромными бриллиантовыми серьгами побывали в Доме офицеров флота в Североморске на концерте нынешней эстрадной дивы Елены Ваенги:

— ...Мы-то за полсотни километров от столицы нашего флота находимся. Накануне приехали со своей базы на машине в Североморск в Главштаб за погонами нашими. Вечером, как положено, в ресторане Игорь простоялся, а на другой день узнали: Ваенга приехала, как она часто делает, родной город навестить. Она ведь из Североморска родом, отсюда и ее сценическая фамилия. До начала шестидесятых годов главной базой флота был Полярный, он же райцентр, а Североморск стоит на месте старинного

лопарского^{*}, — объясняла с профессиональной до-тошностью учительницы Нина, — рыболовецкого по-селения, становища по-новгородски, *Нижняя Ваенга*. Вот Елена и взяла себе для эстрадной жизни такое имя...

— Вот именно! — терпеливо дождавшись окончания рассказа адмиральши, вернулся к исполнению своих обязанностей тамада Михалыч, — и звучит в духе времени по-импортному завлекательно, и в то же время с патриотической, ныне поощряемой, подоплекой: столица Краснознаменного, извиняюсь перед господами либералами, если такие здесь присутствуют, Северного флота, опять же воспоминание о стольном городе Древней Руси Новгороде Великом... и гм-м, не забыты и наши славные малые народы, ибо только в союзе ста языков сильна Россия...

Далее Михалыча как-то потянуло на исполкомовскую молодость, от ста языков на автомате речи перешел было на «единый и могучий», но ловко выправился в концовке, сглотнув совковое «партия и правительство», и без логического перехода предложил следующий тост произнести «боевому младшему товарищу адмирала, отныне тоже командиру подводной лодки, новоиспеченному капитану второго ранга Вадиму Николаевичу Чистоногову!»

Светлана незаметно, будто протягивая руку к фужеру, подтолкнула Лизу и вновь глазами показала ей на вставшего соседа. «Действуй, подруга», — ясно читалось в этом взгляде. Лиза по-девичьи вспыхнула, ужаснулась: токи провибрировали по телу.

♦ «... В Советском Союзе, как постоянно встречал с отрицающей это репликой герой всем вам из-

* Лопари — местное разговорное, еще от новгородских времен, официальное — саамы, название малочисленного коренного населения Кольского полуострова, а также проживающего на севере Финляндии и Норвегии. Уgro-финской группы народов.

вестного фильма, секс был! Но не было в обиходе этого слова. А то что сейчас называется таким термином — есть неформализованная проституция», — всплыли в памяти внезапно проснувшейся посредине ночи Лизы слова совсем разошедшегося к окончанию банкета Михалыча. Дружным понимающим смехом ему ответили все присутствующие: и флотские офицеры, проводившие нового адмирала до Тулуповска, тоже отпускники, путь которых лежал далее через этот город, и приглашенные штатские, в основном из родни Игоря Сергеевича, а главное, в особый восторг пришли женщины всех возрастов. На то и Михалыч, прирожденный оратор с изюминкой, чтобы сказать правду да никого ее сутью не обидеть. Благодамы захмелели, а только в таком состоянии они соглашаются с очевидным. «Да-да, Михалыч, любовь придумали мужики, чтобы, ха-ха, деньги не платить».

Все еще не выпутавшись из видений сумбурного сна, в котором доигрывалось, дотанцовывалось вчерашнее застолье, даже не задумавшись о давно забытой невесомости своего тела, в то же время горевшего с ощущением смятости до размеров детской куклы, Лиза с ужасом и лихорадящим восторгом, даже не прикасаясь, осознала свое неодиночество в этой постели, под этим легким летним одеялом. Затаенно, не выходя из ощущения кукольного своего размера, она лежала несколько минут. Все танцующие, поющие «Прощайте, скалистые горы», громко разговаривающие, в охотку пьющие и закусывающие персонажи недавнего веселья от души и тела забавной кавалькадой, почти что зrimой и скоро уменьшающейся в размерах, вытянулись в цепочку, дальний конец которой дымком потухшей сигареты утянуло в растворенную балконную дверь, через стекла которой уже проглядывала пока что неотчетливая синева грозящего народиться летнего утра... В гости-

ной трофеиные часы старинного европейского мастера пробили три часа.

Уже из начала ночи помнила почему-то только один фрагмент диалога: «Лиза, ничего, что мы так сразу, без ухаживаний положенных, а?» — «Ты, Вадим, по-флотски вежлив и обходителен. Это хорошо, но мы уже слишком взрослые люди...» Но не она одна проснулась в высветляющейся синеве грядущего утра:

— Три склянки, — услышала Лиза полуслепот в десятке сантиметров от своего уха, — это я по устоявшейся привычке. И чувствую — ты тоже проснулась.

— Тебе в Орел? — чуть помедлив и не поворачиваясь лицом к лицу, спросила Лиза.

— Курс держал до вчерашнего вечера туда, родню, главное, мать с отцом, проводать.

— И что с курсом случилось?

— Как у нас говорят, одограф* застопорился на точке. Извини за военно-морской техницизм. Если не прогонишь, то пару дней побудем вместе здесь, далее на недельку съезжу к своим, затем к тебе вернусь. А ты за это время придешь к какому-то решению. Добрó? Я всерьез воспринял наши с тобой разговоры, вчера... и сегодня.

— Добрó, мой кэптэн, добрó! Я тоже существо серьезное.

— Ты, моя дорогая и любимая уже сейчас, не существо, но ниспосланный мне выше небесный указатель как строить свою дальнейшую жизнь. Моряки, тем более военные, редко ошибаются выбранным курсом.

Лиза резко повернулась к своему моряку, обняла, закрыв глаза, успев к чему-то подумать: «А зачем вообще ночью глаза раскрывать?»

* Навигационный прибор, указывающий на карте путь, проходимый кораблем (морск.).

...Уже солнце заглянуло в балконное верхнее окошко, когда они, потрясенные и опустошенные, упали в долгий сон почти до полудня. Да и потому только проснулись, что Светлане, деликатно выждавшей до времени разгара дня, не терпелось услышать от подруги по телефону первые впечатления от успехов ее сватовства...

◆ Медовый месяц — по количеству и качеству, как мелькало шутливо в голове Лизы,— уложился в три дня. То есть в трое суток, ибо обычные «гражданские» часы с двенадцатью цифрами превратились, по замечанию Вадима, в корабельный хронометр с циферблатом от нуля до двадцати четырех часов... Любовному неистовству сопутствовал и азарт аппетита: только по кухонным перерывам они и замечали время. Слабо заходящее за горизонт в пике лета солнце здесь было плохим помощником.

Даже конфуз для Лизы-хозяйки случился. В это жаркое время, когда из года в год — после развода с мужем — Наталья Сергеевна с Натальей-правнучкой по месяцу-полтора беззаботно в город проживали в коттедже родителей Лизы или в прадедовой даче — соответственно, в северном и южном предместьях Тулуповска,— предоставленная сама себе, Лиза сокращала свое хозяйствование до минимума. Так и здесь холодильник уже к началу вторых медовых суток опустел до неприличия, а выходить из дома даже в «свой» магазин на первом этаже казалось непристойным безумием... Предложение Вадима заказать пиццу с доставкой (чего-чего, но коллекция коньяка и вин поддерживалась в доме еще по традиции от Егора Фомича) встретило возражение Лизы, ибо когда на склоне лет жизни прадеда, в начале девяностых, всю страну охватила эта нелепая жажда приобщения к «европейским ценностям», Егор Фомич своих домашних тотчас остыдил: «Ишь, едрень

твою, как все же русского человека на заморские диковины тянет! Сейчас вот и на едово поветрие пошло: пицца итальянская, японские эти... как их, не запомнил, что из сырой рыбы наверчены, извиняюсь, по виду собачьи какашки напоминают. А вершина всего — вчера по телевизору показывали ресторан румынской кухни в Москве, где, оказывается, экзотикой является особо приготовленная мамалыга с чесноком и черносливом. Тьфу! Я всю Евразию прошел — от Барселоны до Северного Китая, потому хорошо разбираюсь, без телевизионной подсказки, в еде и питье многих народов. И здесь одно могу сказать: то ли над народом нашим сейчас издеваются, а скорее надо всем миром! Ведь как раз пицца эта, мамалыга в особенности, то есть кукурузная каша, и японский «сушняк» — вспомнил-таки название! — все это исторически у каждого своего народа есть еда самых отъявленных бедняков и нищих.

Взять ту же пиццу, по которой сейчас вся наша молодежь и, замечу, женский пол без ограничения возраста, с ума сходят. В Испании, где мы со всего света интербригадовцы, местные анархисты и коммунисты, наши военные советники и бойцы на каком-то смесовом языке объяснились, но понимали друг друга не только в части военных команд, а и на чисто бытовые темы: бабы, извиняюсь, жратва, вино, конечно, кто кому и за что в морду дал... Словом, как-то разговаривал на этом самом языковом волапюке с итальянцем из Аbruццы, это самая гористая часть Апеннин. Народ там весь нищий, на склонах только низкорослый кустарник. Так когда третий, мексиканский коммунист-интербригадовец, в наш разговор встрял и что-то хорошее о пицце сказал, то мой Марко аж исплевался весь — а мы выдержанную малагу из подвала бежавшего от войны помещика здешнего закусывали копченой крольчатиной из

продовольственных поставок французского правительства Народного фронта. И Марко, горячась питальянски, а матерясь по-русски, интернационально так сказать, объяснил, что у них на родине пиццу делают и едят самые бедолаги. То есть, когда в доме более-менее нормальная еда заканчивается, из денег ни сольди не остается, то хозяйка, вздыхая, слезно выпрашивает у соседки горсть муки, творит и раскатывает на сковородке тесто, поверх которого рассыпает крошево из всего, что не успела в лучшие дни выбросить на помойку: подгнившие помидоры, обрезки зажелтевшего сала, случайно уцелевшую луковку и пару зубчиков чеснока, закатившихся за кухонный стол. Верх счастья — обнаружить в ящике того же стола сухую корочку сыра. Сприснув водой, все это жарит и подает сковороду с отдаленно пахнущим едом на стол мужу и семерым, мал мала меньше, отрыскам».

Лиза не стала пересказывать прадедово жизненное наблюдение суженому-ряженому, но позвонила Светлане и через полчаса приняла у нее в дверях «паек на двое суток», как пояснила очень даже опытная в житейско-любовных делах старшая подруга. «Фиеста продолжается!» — восторженно известила Лиза Вадима, — марш на кухню!»

♦Почти что насильно вынуждив Вадима в Орел, откуда родители его без конца звонили, обеспокоенные тем, что новоиспеченный командир подводной лодки застрял в совершенно сухопутном Тулуповске, Лиза начала приходить в себя.— Во всех смыслах: от уборки квартиры до покупки в ближней аптеке заветного или, наоборот и чаще, пугающего тестового предмета. Слава богу, тот успокоил ее, хотя прошедшие три дня и пришли в ее стройном, работающем без сбоев и задержек организме на самый неблагоприятный период... Все же опыт бывшей

замужней женщины не пропьешь, как порадовалась вместе с ней Светлана, даже в ситуации самой безрассудной страсти. Под вечер дня отъезда Вадима, сидя за бутылочкой итальянского «кьянти» на Лизиной кухне, Светлана, чуть погрустив о казавшейся сейчас такой давней их *prītae noctis** с полковником, по-бабски откровенно восхитилась видом подруги:

— Хор-р-ошо ты с подводником погуляла-поспала! Веса килограмма полтора явно сбросила, зато губы припухли, не хуже чем сама знаешь у кого после косметических уколов, а грудки-то, грудки? Посмотрись в зеркало — никак сразу полразмера прибавила!

Лиза молча кивнула, устало соглашаясь. Чуть помедлив, отпивала из бокала, Светлана сочла нужным и пожурить:

— Я не только насчет губешек твоих, а вообще: не следует мужиков так сразу баловать...

— Так взрослые уже более некуда. И в семейной жизни побывали, к чему это, как бы сказать,— постельное лицемerie, если все по страсти, предтечи любви, может быть, а?

— Вот и я к тому же. Только мужики не наша сестра баба, у нас с ними некоторое, но существенное разночтение имеется в части постельных дел. Да что это я тебя, кандидатку этих самых психнаук, поучаю! Сама прекрасно знаешь: здесь все наоборот в части соотнесения идеального и действительного, как в мою филологическую ленинградскую бытность — на последнем курсе уже училась — на полном серьезе объяснял мне в постели, в перерыве между этим самым, конечно, молодой профессор, что вел у нас античную литературу, на котором я опробовала свою неотразимость роскошной блондинки с

* Первая <брачная> ночь (лат.).

тогда еще — эх, где мои годы! — модельным вайт-лсом* девяносто-шестьдесят-девяносто.

То есть наша сестра, естественная по природному своему назначению, значит бесстыдная по канонам принятой морали, вешает мужику лапшу на уши своим лицемерным целомудрием — пока еще не в постели с ним. Они же, лопоухие, как-то наоборот неповоротливыми мозгами ворочают. Понятно дело, нет в них никакого природного целомудрия, но ведь и лживости нашей бабской нет! Но вот как-то им все хочется от момента полового созревания и до пенсионных лет, а то и подалее, видеть в койке гимназисточку смущающуюся, но не реальную заматеревшую, предельно плотоядную бабу, которой, как в извесной присказке, хоть на телеге что надо ей подвози... И получается постоянная игра, впрочем, в одни ворота, на постельном поле. Ха-ха, тот же мой давний «античный» профессор, когда я на второй встрече, несколько подпив, для разнообразия перешла на *парле ву франсе*, попробовал по преподской своей привычке даже нравоучительность на физиономию навести — представляешь? Но потом во вкус вошел. Правда, я ему скоро отставку дала, продолжай, мол, милый, с супружницей-доцентшей разнообразить часы утех...

— Спасибо, Светочка, за нравоучительность, которую ты явно хорошо усвоила от общения с профессором языческой античной литературы. Тронута заботой!

— О-о, мы и обижаться умеем? Это прогресс. Значит, дело серьезное. Никак размышляешь о повторной экскурсии замуж?

— Неуместная, Света, шутка: это я не об экскурсии, а по поводу обид. Женщины в тет-а-тетном

* Принятое в модельном деле название соотношения женских размеров грудь-талия-бедра.

разговоре, понятно дело бесстыдном в твоем, впрочем, верном определении, могут обижаться друг на друга в одном только и исключительном случае: когда одного мужика не могут поделить. Давай, пригубим твоего «кьянти», а я сейчас в полном раздрае по части соображаловки: все смешалось в доме Лизином. Пусть наш классик на меня не обижается за такое пародирование. Впрочем, и у него роман на бумаге такими словами начинается, и у меня вроде как... только в жизни. Знаешь, Светик, как же я в такой ситуации нашей Надьке завидую? Хорошо порой, а может и всегда, ощущать себя счастливой дурой: воспитанные едва не с колыбели дети, в доме душевное тепло, Витюша — по ее словам, но верю — ночью супружеский долг трудолюбиво исполняет. А если и согрешил со своими продавщицами Тонькой и Светкой, то несильный удар по башке,— Лиза машинально потерла пальцем висок, вспомнив давнишнее семейное происшествие,— да еще легкой алюминиевой сковородкой, мужа надо беречь, мигом вернет к семейной идиллии. А по вечерам Надьке и вовсе лафа: дети угомонились, Витюша ужином довolen, а сама перед телевизором расположилась и какую-нибудь несусветную дурь смотрит навроде «Поля чудес». Кстати, не знаешь: сейчас-то эту демилизацию продолжают?

Светлана, поняв, что Лиза не расположена больше говорить о своем, еще не перемолотом в мыслях, умело подыграла, уводя разговор в сторону:

— Не знаю. Как и ты телевизор включаю. Только классику редко-редко смотрю. Или для словесного фона, когда одна дома коротаю. Кстати, помнишь, на ихнее рождество в конце прошлого года под видом служебной командировки «по обмену опытом», как единственная в министерстве говорящая по-английски, летала сына в Америке прове-

даться? Так тамошние американские дуры точно такую же чушь смотрят.

— И у них «Поле чудес»?

— Это у нас все чудеса по телевидению слямзлены с американских один к одному. То же «поле дураков» с бессменным усачем Леней Якубовичем, а до него с этим... как его... словом, одновременно внучатым родственником сразу Троцкого и Каменева, и которого шлепнули за махинаторские денежные дела — знакомый полуполковник из Кленового переулка просвещал все меня, но до постели дело не дошло — в общем, собезьянничено со старейшей на штатовском телевидении игры, которую три десятка с лишком лет вел Боб Баркер. Только у них она на американский менталитет задвинута. Называется «Верная цена», где все вертится вокруг долларов: угадать стоимость товаров по заданию этого Боба и наиболее разумно, то есть потребительски выгодно, потратить свои деньги.

— Да-да, поддакнула Лиза, явно далеко в своих мыслях улетевшая от Якубовича с внуком Троцкого, от Боба с его общечеловеческой ценностью в долларовом эквиваленте, да и от пробующей растормошить ее собеседницы. Но та все продолжала отвлекать подругу от запутанных дум:

— ...Обычно для фона-то радио включаю. Знаешь, одно время, старею наверное, даже прислушиваться порой стала. Одного очень разговорчивого из общего хора болтунов на радио, как они сами свою профессию в дружеском кругу именуют, только похлеще, поматернее обозначают, начала выделять. А он-то таким соловьем разливается! Какую программу наугад пальчиком не включишь — всюду его голос. Порой вилку шнура утюга в розетку воткнешь — и вроде как сквозь потрескивание на разогрев его доверительный голос просачивается. А как его пред-

ставляют ведущие: великий философ современности, историк и талантливейший публицист! Впору и зауважать. Правда, почти что уважала до того момента, как он в своей еженедельной воскресной передаче, общаясь с задающими прямо в эфире вопросы гражданами, засомневался: разве румыны православные? Дескать, надо в справочнике посмотреть... Вот тебе и выдающийся историк!

Но вновь и искренне зауважала, случайно услышав последний его радиоэфир. Это когда на нас, курильщиков, власть ополчилась законодательно и морально, а главное — цены поползли неимоверно вверх. И наш философ и историк, как наш коллега курящий, хотя бы и в недалеком прошлом, оговорился, отвечая на злободневный вопрос по этой части, неосторожно оговорился, апеллируя к законодательной власти, что вся эта антиникотиновая кампания близка к клинической ситуации... Как-то в таком смысле высказался. Погорячился, перепутал в части свободы речеговорения девяностые и две тысячи девяностые годы. Бывает. Но больше я его уже ни по радио не слышала, ни на экране не видела. И утюг только потрескивает при разогреве, но голоса не воспроизводит...

Заметив, что Лиза совсем скучилась, даже похоже выкатившую слезинку смахнула с ресницы, Светлана поняла: надо заканчивать попытки растормошить приунывшую подругу, оставить ее наедине с накатившими тягостными мыслями — женским вариантом синдрома похмелья. Но у мужиков-то он просто и скоро поправляется. Эх, счастливая и горемычная моя! А ведь как красиво все начиналось: «В шумном зале ресторана... ах, какая женщина... мне б такую...»

— Ладно, Лизавета, наедине сама с собой взвесь все за и против, *pro et contra*, как даже в постели

щеголял ученой латынью мой давний античный профессор... молчу, молчу, Лизанька моя хорошая. Что бы ты не решила — все у тебя еще и долго впереди. Это у меня уже последняя серьезная любовь-чуюство.

И обе в едином порыве обнялись и расплакались.

— Все, пошла. Немедля вызвоню своего полковника на срочные налоговые маневры... и напьюсь с ним в мат... но только после трех моментов «икс». Не грусти, подруга, это лишь физиологически мы под мужиками, но в жизни мы их на поводке держим. Давай поцелуемся.

◆ Проводив Светлану, еще раз обнявшись и всплакнув с ней на недолгих расстояниях, Лиза взяла себя в руки. Заварив и выпив пару чашек настоящего «мокко», она вышла на балкон, села в полукреслище — опять же из старинных прадедовых немецких трофеев победителей — и начала выводить из закутков памяти воспоминания младшего брата деда Николая Егоровича — военного моряка Андрея Егоровича, служившего в семидесятых — начале восьмидесятых годов на Северном флоте и именно в Полярном. Особых звезд на погоны он не хватил: перед выходом на военную пенсию имел звание кавторанга («Как сейчас Вадим», — не преминула мысленно отметить Лиза) и должность заместителя командира соединения торпедных катеров. «Катерники — смертники войны, как и твои танкисты на суше», — говорил он отцу Егору Фомичу после пятой стопки, приезжая в родительское гнездо в отпуск с Севера, а на пенсии — из Ленинграда, потом Санкт-Петербурга (оба нецензурно плевались после переименования Собчаком названия геройского города), где он обосновался с семьей после выхода в отставку, возглавив досаафовский морской клуб. Егор Фомич соглашался: на флоте не служил, а военная

биография ни разу не приводила его на Север, тем более — за Заполярный круг, где все «ребята семидесятой широты». И Лиза школьницей, а затем и девушкой, женщиной — Андрей Егорович и посейчас, хотя и редко, приезжает в Тулуповск,— со вниманием слушала рассказы двоюродного деда о тамошней жизни.

«От Колы до ада три версты»,— любил повторять Андрей Егорович древнюю присказку, пояснял: КOLA — это сейчас южная окраина Мурманска, но сохраняет гордое звание старейшего города на Кольском полуострове, основана в шестнадцатом веке и четыреста лет являлась центром Кольского уезда Архангелогородской губернии. И только в последний год девятнадцатого столетия этот заполярный уезд возглавил вновь созданный город Александровск — как главная база задуманной еще провидцем-царем Александром Третьим Флотилии Ледовитого океана. В советское время город стал называться Полярным, а флотилия — Краснознаменным Северным флотом СССР. И только в самом начале шестидесятых годов «столицу» этого славного флота перевели из Полярного в Североморск...

Когда Лиза на третьегоднишнем адмиральском банкете слушала историю Полярного и Североморска в современном переложении, то в ушах ее точно голос Андрея Егоровича звучал: все одно к одному, военные моряки не рыбаки подледного лова, не приукрашают свое житье-бытье. И еще Андрей Егорович замечал, упоминая про три версты до ада, что получается — Полярный уже в самом аду, коль скоро на сорок километров севернее древней Колы.

Много чего цепкая детская память Лизы и посейчас держала в голове из рассказов обычно пофлотски скучного на слова, но расходящегося за гостепримно сервированным столом двоюродного деда.

Особо упоминал сопку, с восточной стороны нависшую над городом и Екатерининской гаванью, с высоты которой осматривали будущую главную базу Флотилии Ледовитого океана великие князья и граф-министр Витте, а в начале тридцатых годов на той же сопке Сталин, оценив защищенность и поместительность гавани, сказал приехавшим с ним наркому обороны Ворошилову и высшим военным и партийным лицам: «Здесь будет наш новый флот — Северный».

«Сразу после Отечественной войны, все четыре года которой Северный флот являлся единственным активно действующим,— продолжал Андрей Егорович,— в ознаменование годовщины флота и посещения Полярного Вождем ему поставили памятник на террасе перед Циркульным, то есть построенным в форме полуокружности, домом с видом на ширь Екатерининской гавани, а на вершине Восточной сопки установили огромную бетонную стелу с высеченными словами Сталина о новом флоте. Я их, конечно же, уже не застал: памятник снесли, а стелу варварски взорвали в хрущевщину...»

Андрей Егорович все же поддался уговорам добродушной своей супруги и занялся после шестой стопки закуской — искусно приготовленной невесткой^{*} Натальей Сергеевной, отменной хозяйкой на кухне, треской под грибным маринадом. Как истинный североморец, кроме нее и семги других водоплавающих кавторанг не признавал.

«Да-а,— закусив треской, перешел Андрей Егорович к другим злодеяниям, что принес Никита Кукрузник славному Северному флоту,— у этого во-

* Здесь в смысле жена брата (В. И. Даль указывает на равнозначность именования братиной жены и жены сына — невестка — для матери; для отца — сноха).

люнтариста и пробабилиста^{*}, каковые прозвища ему присвоили в Центральном комитете при отстранении от власти в шестьдесят четвертом году, бестолковка на плечах как-то странно соображала: текущий момент явно перевешивал долгосрочную реальность. Еще раз повторюсь, все это было задолго до моего появления на Северном флоте, но уже второе-третье поколение постоянно при случае упомянут про чудачества волунтариста; все с тягостным для людей и страны исходом. Вот вам два характерных примера.

В Карибский кризис на весь мир орал, что мы окружим всю Америку нашими атомными подлодками с ядерными ракетами. И вот в Главштабе Северного флота, заметьте, безо всякого предварительного согласования, получают приказа: отправить к берегам Кубы все эти атомные подлодки, которые тогда только на Севере и имелись. А кого отправлять, если все эти лодки пробной серии в этот момент не на ходу: кто в Северодвинске на доработке, кто в текущем ремонте. Как же можно такой приказ верховному главнокомандующему отдавать, элементарно справки не запросив? Вот и пришлось отправлять на Кубу под блокадой целикового американского флота бригаду из четырех дизельных лодок с обычными торпедами! Но там их скоренько обнаружили, заставили три подлодки всплыть и в надводном положении под улюлюканье американских матросов отправили восвояси через Атлантику в Полярный. Одна лишь подлодка под командованием адмирала, руководившего бригадой, сумела оторваться от американцев и затаиться в глубине. Так и получилось по

* Имелся в виду немецкий марксист Август Бебель с его супротивомарксовыми уклонами, но советские СМИ хотя и погромотнее нынешних были, но все равно произносили «пробабелист», что вызывало у народа ухмылку и непонимание... Хрущев не был бабником.

Хрущеву: одна дизельная советская лодка противостояла всему флоту США!

♦ Но те дела хотя бы одних военных коснулись, а вот что Хрущ учудил для гражданского населения всей Мурманской области, ударив по их карманам более чем чувствительно. Если помните, уважаемые, из школьной географии — вся эта область, то есть Кольский полуостров, расположена за Северным полярным кругом, то есть является Заполярем. И места эти сейчас совсем не дикие, какими являлись до первых десятилетий двадцатого века, напротив, достаточно населенные, с городами и рабочими поселками, с мощной горнодобывающей промышленностью, каскадом гидроэлектростанций на реке Туломе, с Кольской атомной электростанцией. И всю сложную инфраструктуру Северного флота обслуживают не один десяток тысяч гражданских лиц!

Учитывая специфическую суровость климата, те же полярные ночи, и необходимость привлечения людей в ранее необжитые места, еще в тридцатые годы сталинский наркомат труда установил оклады и зарплаты, намного превышающие привычные для той же Европейской России: к основной, единой в стране, квалификационной ставке добавлялся сорокапроцентный поясной коэффициент и, главное, стопроцентная заполярная надбавка. Последняя начиналась для вновь прибывших с десяти процентов и настолько же увеличивалась каждые полгода. То есть житель области через пять лет уже получал почти в два с половиной раза больше, нежели родственный ему по специальности труженик в той же Центральной России!

То ли случайно совпало, а может в высших сферах, где все друг друга интригуют, нашелся враг мурманской власти, но первый и единственный приезд Хрущева в наши места случился в самый пик

заполярного лета. А милостливая природа, словно компенсируя остальное время года, когда от Колы до ада три версты, для жителей арктического севера полуострова, где находится и Мурманск, удостоенный верховного визита, отпускает в середине лета месяц-полтора райской погоды. Не заходящее за горизонт солнце, круглосуточная комфортная температура в двадцать с небольшим градусов, тишины, зеркальные светло-синие воды Кольского залива и прибрежной акватории Баренцева моря. Единственно, что купаться в этих ласковых с виду водах обычному человеку, не физкультурному моржу, никак нельзя: течение Гольфстрим от зимы к лету все-го на считанные градусы отличает температуру воды; зимой — кипящая от переохлаждения, но не замерзающая при минус-двух из-за высокой солености, а в разгар лета — не выше плюсовых двух-трех. И во всей торжествующей природе ни малейшего ветерка, ни единого облачка на высветляемом круглосуточным солнцем небе! Истинно, как какой-то древний поэт сказал: в душе человека тех мест и того времени го-да музыка сфер царственна и величаво играет...

Даже вертикально уходящие под воду береговые гранитные, лишенные какой-либо растительности, в том числе и мха, скалы и те веселее смотрятся в от-светах солнечных лучей от водной глади: вроде как грозные декорации в пьесе со счастливым концом. Эк я после шестой-то заговорил, а?

Но вот в ложбинах между голыми гранитными сопками, в которые ветра сотен тысяч лет нанесли растительную пыль, спрессованную в тонкий слой торфянистой земли, в середине лета прямо-таки филиал Ботанического сада Академии наук, где как-то довелось с экскурсией побывать: все летнее короткоживущее в самой поре созревания. Ультрамариновые цветки «колокольчики» нависают над черничны-

ми и голубичными — ягода к ягоде, их и собирают-
то специальными совками-грабилками, от слова
«грабли» — полянами. Лишь морошка, розовато-
красная и еще хрустящая на зубах в эту пору, держится
чуть поодаль друг от друга. Еще на большей
дистанции краснеют низенькие кустики ягоды-
костяники. В низинах, где поболотистее, готовятся к
осенней спелости клюква и брусника. Наоборот,
сухие мшистые взгорья сопок сплошь усеяны чер-
ной вороникой, которой люди брезгуют, но над ней
с пронзительными криками вются и пикируют на
любимую ягоду сотенные стаи чирков — что-то
навроде маленьких чаек, не знаю как они по зооло-
гической науке именуются... С ладонь высотой, но
густо тянется к незаходящему заполярному солнцу
мелкая трава.

В том же Полярном три десятка тысяч его оби-
тателей, из которых не менее одного такого десятка
моряки, люди занятые. На окрестных сопках и их
ложбинах только ребятня в свои законные летние
каникулы обжирается ягодами и приучается курить
вдали от дома папиросы и сигареты, что стащили из
папкиного кармана. И еще по «народному уставу»
группками по три военмора в загородном раю отды-
хают от воинской службы в увольнительной матро-
сы, старшие («страшными» их в шутку называют)
матросы и старшины всех статей: от второй до глав-
старшин-срочников. Не торопясь, никого не опаса-
ясь, попивают водочку, рассуждают о жизненных
планах после дембеля, а закуска-то обильная и нату-
рально добротная со складов подплава*, все с воен-
ной приемкой по пищевому ведомству: консервиро-
ванные колбаса и твердый сыр с тмином, шпроты в
настоящем оливковом масле, баночка с черной икор-

* Принятое название частей, соединений и берегового хо-
зяйства подводного флота (флотск.).

кой и даже калиброванные по длине, все икряные тарани, что поставляются на флот в жестяных пятилитровых банках! Моряки кайфуют под теплым солнцем, угощают порой пробегающих мимо них ребят бутербродами с икрой, с колбасой, щедро отсыпают сигареты...

И в такое райское, увы, короткое, время нелегкая принесла Никиту в *наши* края. Пробыл он здесь недолго, тем более, как степной колхозный хохол, не любил военно-морской флот: за время своего правления отправил под распил половину всех советских крейсеров, добил сталинскую программу строительства линкоров и далее авианосцев. И все время с раздражением повторял, что-де я шубу и валенки, едучи к вам, захватил, а здесь — Крым да и только! Какое к черту Заполярье: впору загорать круглые сутки; всюду города и дороги, а где эта самая заполярная удаленность? Сел в Мурманске в пассажирский поезд, а на другой день уже в Ленинграде!

Робея, пробовали в мурманском обкоме объяснить — какой здесь «рай» в остальное время года, когда по три месяца люди солнца не видят, а на побережье по полгода стопроцентная влажность, круглосуточные лютые туманы легкие почти ощутимо выедают... Старый обкомовец, помнящий тридцатые годы, даже пример с Горьким привел. Прилетел зимой за литературными впечатлениями основоположник соцреализма в Мурманск, вышел из самолета, пару-тройку раз вздохнул своими туберкулезными легкими и в глубокий обморок свалился. Сопровождающий опытный кремлевский врач ему маску кислородную и команду: «Мигом обратно в самолет и — на Большую землю!» Еле откачали пролетарского писателя. Но Хрущев на все эти рассказы нуль внимания.

А через самое короткое время от трудового, уже

не сталинского наркомата, но министерства указ: полярную надбавку по Мурманской области снизить до шестидесяти процентов и набавлять по десятке их не раз в полгода, но через год. Вот так-то, дорогие «ребята семидесятой широты»! Правда, когда «и лично дорогой Леонид Ильич» дал Никите пинка под зад с пенсионным титулом волонтиста и пробебелиста, он же *пробабилист*, надбавку заполярную несколько подняли, но все одно не вернули сталинские размеры и сроки».

◆...У крепких здоровьем и душой мужиков, к каковым относился военмор Андрей Егорович, после седьмой стопки «очищенной» наступает этакая меланхолическая пауза, впрочем, уже следующей напрочь снимаемая. Все та же искусная по кухонным делам невестка Андрея Егоровича, то есть Лизина бабушка Наталья Сергеевна, как врач с большим опытом, объясняла эту паузу внучке Лизе, еще и не помышлявшей о психологической профессии, в рамках которой положено самим все знать о стадиях насыщения организма «злодейкой с зеленою наклейкой»: «Можно, конечно, смеяться, называя сакральные числа суеверием и невежеством, но вот семерка именно таким и полагается во всех сферах человеческой жизни: от религиозных вероучений до нашей, врачебной физиологии и анатомии. Психологии поведения тоже. Тот же Андрюха, для тебя — Андрей Егорович, понятно дело, за праздничным столом да под мою закуску порядковый счет опорожненным стопкам не ведет, но вот организм его с луженым военно-морским горлом после седьмой отдает команду: «Машина — временно стоп!» То есть надо сделать перерыв, чтобы прежде выпитое улеглось в желудке и стабилизировалось равномерное поступление спирта в кровеносную систему. А как все это дело устаканится — следует для Андрюхи военно-мор-

ская команда организма: «Полный вперед, но осторожно обходя рифы и мели!» Точно также,— утрачила временно воспитательную бдительность чуть захмелевшая врач-хирург,— когда мужчина с женой,— но тут же спохватилась,— ну тебе это пока неинтересно. Так вот, и организм нашего кавторанга, вернее его психика, после сакральной седьмой застопоривается, а оттого впадает во временную меланхолию...»

Сейчас же, будучи специалистом и даже кандидатом наук по этим особенностям психики, Лиза как дважды два четыре, даже разбуди ее среди ночи, могла и в ученых терминах, и в нормальной человеческой речи объяснить те меланхолические паузы двоюродного деда, когда от восторженного описания красот короткого закономерного зенита лета он переходил к брюзжанию в части унылой холодной и противно моросящей осени, тяжелой и долгой полярной зимы, запоздалой весны с бесконечными штормами и снегом, лежащим в ложбинах сопок до середины июня месяца. «Нет,— все более хмурился Андрей Егорович, даже с некоторой ненавистью поглядывая на бутылки с разноцветными наклейками и всю роскошь праздничного стола,— нормально в тех местах могут жить только те, кто там родился и вырос. А из других мест, с Большой земли кто туда попал хоть десять с лишком лет, как со мной случилось, проживи — все равно чужое, неприглядное, а тамошнюю вселенскую тоску даже водкой и на короткое время не зальешь! Особенно круглосуточно темной зимой такой порой даже крепкого телом и головой мужика ужас охватывает, что хочется все бросить, добраться рейсовым катером до Мурманска, сесть в ближайший поезд, а все они идут только в одну сторону «зюйд-зюйд»*, залпом опорожнить бу-

* Строго <по компасу> на юг (флотск.).

тылку и проснуться на полторы тысячи километров южнее. Подальше, как говорится, «от диких красот природы».

...Организм Андрея Егоровича явно уже перебарывал меланхолическую паузу, поэтому в предвкушении восьмой «со слезой», прямо из холодильника, матерый мореман подобрел к только что охянному им Заполярью: «Впрочем, все это по большей части относится к Кольскому заливу и всему северному побережью полуострова — от норвежской границы до Терского берега, омываемого уже не Баренцевым, а Белым морем, но все равно это под тысячу верст. Почти все это — владения Северного флота, а людей там держит служба, так сказать, долг перед советской, теперь перед нынешней родиной, а гражданских из obsługi флота на берегу — «длинный рубль». Понятие местного населения в тех краях весьма неопределенное, исключая редкие рыбацкие поселки-становища ближе в Терскому берегу. Еще с новгородских времен. А вот в середине полуострова-области, где Хибинские горы чередуются с болотистыми озерами, жить повеселее: туманы и ветры Баренцева моря досюда не долетают, многолюдные промышленные города, дороги — все больше на нормальную жизнь похоже. Опять же в Мончегорске коренные местные лопари-саамы стада оленей пасут... Все какое-то разнообразие. Ну-с, за здоровье хозяйки дома сего! И чтобы у нас при любых властях и режимах было семь футов под килем и восьмая соколом в желудок проваливалась!»

◆Годы и долгая флотская служба, особенно в Заполярье, брали свое. Андрей Егорович, разменявший вторую половину восьмого десятка, уже не так часто наведывается в Тулуповск. Теперь уже в бывшем Ленинграде (двоюродный дед избегал произносить реставрированное Собчаком наименование

Северной столицы) Лиза чаще гостила: то специаль- но служебную конференцию выберет там, а в про- шлом году возила дочку Наталью показывать тамошней родне. С ностальгическим огорчением отме- чала за праздничным столом: Андрей Егорович уже сдвинул меланхолическую паузу с сакральной седь- мой на третью, впрочем, тоже сакральную, стопку... Годы, годы летят.

...И вот сейчас, полулежа в трофеином прадедово- вом кресле, проведя почти полдня в размышлениях и воспоминаниях о слышанном от Андрея Егоровича, от недавней флотской компании на адмиральском банкете в «Заводном апельсине», наконец, от самого Вадима (при вспоминании его имени Лизу прохвати- ла сладостная дрожь, а голову, не хуже вечного се- вероморского тумана, вмиг накрыла пелена любовно- го безрассудства и женского бесстыдства, но она усилием воли выпуталась...) в те редкие минуты, что они, оголившиеся в часы любовных сoitий проводи- ли на кухне, она составила полное впечатление о тех, не ведомых ей воочию, краях, куда по-флотски пря- мо звал ее кавторанг Чистоногов. Странно, но име- нуя своего скоровозлюбленного по званию и фами- лии, Лиза не впадала в дрожь и пелену.

Получалось, что со времен пребывания в Поляр- ном Андрея Егоровича к сегодняшнему дню многое изменилось, хотя бы внешне. Погода и климат даже сейчас не особо поддаются пресловутому глобально- му потеплению. Даже слегка наоборот: замечено, что теплый Гольфстрим грозится со временем отвернуть- ся от моря Баренца к западному Ньюфаундленду. Даже может и похолодать, но это нивелирует таяние льдов в Арктике. Хорошие, хоть на «мерине» дви- гайся, дороги связали Полярный и все военно- морские «точки» с Мурманском: садись за руль и через неполный час входи в «Арктику» — самый

шикарный ресторан заполярной столицы. А оттуда в здешний международный аэропорт — и через три часа в Москве. Опасаешься летать, так на поезд — и все туда же по Мурманской железной дороге, построенной еще в первую мировую войну стройбатами-среднеазиатами, из-за рекрутства которых узбеки и киргизы подняли единственное при последнем Романове-царе внутреннее в стране восстание... Впрочем, как еще Лизе-школьнице объяснил прадед Егор Фомич, инспирированное вечным врагом России «англичанкой», хотя бы и бывшей тогда ее союзницей.

И сам Полярный в трехмесячную ночь сейчас иллюминирован. Только на пирсах его сугубо малые корабли. И те редко покидают Екатерининскую гавань, на рейде которой в семнадцатом году стоял героический «Варяг», поднятый японцами со дна корейской бухты Чемульпо и позже выкупленной царем. И подлодок раз-два и обчелся. Вадим — редкий счастливчик, что на Северный флот отправили новейшую дизельную «варшавянку» питерской постройки. А так... и двоюродный дед-моряк, и веселая адмиральская компания в «Заводном апельсине», и... кавторанг Чистоногов (Лиза вновь прибегла к психологическому приему фрустрационной синонимантики*) с нескрываемой горечью говорили о все ветшающем, советской еще постройки, подводном флоте, а главное, о заморозке поставок судостроительной промышленностью новых кораблей. Это мягко, политкорректно, как сейчас научают народ, говоря.

...На банкете тамада Михалыч и Светлана на пари раззадорили Игоря-адмирала в уже серьезном подпитии на откровенность. Но Игорь Сергеевич,

* То есть условного замещения ранее принятого имени собственного другим, например, официальным, не вызывающим ненужных в данный момент ассоциаций (психол.)

дружелюбно и поочередно поглядывая на свои погоны с большими звездами, хитрость дядьки и давно знакомой блондинки-министрши мигом раскусил, тем более, что новоиспеченная адмиральша Нина остерегающе подтолкнула супруга в бочок своим локотком, поэтому никаких военных тайн в публичном месте не выдал, ограничившись «рапортом» всем интересующимся известным из интернета и публикаций сохранившейся лоскутно с девяностых годов левой прессы. ...В декабре четырнадцатого года нашего века, конечно, северодвинскому «Севмашу» исполнилось три четверти века (официальная дата основания — двадцать первого декабря тридцать девятого года, приурочена к шестидесятилетнему юбилею Сталина).

Тогда же, в декабре четырнадцатого года, в рамках юбилейных мероприятий, в стапельном цехе «Севмаша» состоялась церемония закладки атомного подводного ракетного крейсера нового поколения — проект «Борей-А» — «Генералиссимус Суворов». Хотя, может быть, стоило бы назвать «Генералиссимус Сталин», учитывая заслуги Сталина, в том числе, в создании подводного флота страны и непосредственно «Севмаша». Что касается вопроса Михалыча, «что в Северодвинске зашевелились?», то ответ был неоднозначный. До советских времен и трудового героизма далеко. Потенциал завода значительно сократился. Численность персонала упала почти в два раза, а знания, опыт, мастерство и того больше. Да и на буржуев работать не рвутся, деньги (на них не разгуляешься) и работа лишь и держат людей на предприятии. Подводные атомоходы больше никто не строит. Судостроительного завода имени Ленинского Комсомола в Комсомольске-на-Амуре больше нет, а Амурский судостроительный завод, созданный на его развалинах, стал банкротом; прав-

да, сейчас реанимируют завод, есть заказы на корветы и ремонт. «Красное Сормово», это что из песни «под городом Горьким, где тихие зорьки», не строит больше атомные лодки. Подводного флота почти нет, эксперты отмечают невозможность эффективного патрулирования в мировом океане. Сейчас ведется локальное патрулирование в местах базирования флота. За несколько лет — при условии строительства хотя бы нескольких лодок в год — предстоит перейти к планируемому, наиболее оптимальному патрулированию в условиях крайне недостаточного числа кораблей. До советских объемов патрулирования вряд ли дойдет дело. Эта часть атомной триады страны сейчас не на должном уровне. В общем, ситуация не очень оптимистическая, но этим пусть занимаются специалисты, эксперты и руководители. Президент наш недавно открыто объявил, что число несущих дежурство в мировом океане ПЛАРБ'ов равно восьми. А дизельные «варшавянки», одной из которых сейчас будет командовать наш дорогой Вадим Николаевич, строят на питерских стапелях. По всей видимости, перебили и без того небольшой заказ у «Красного Сормово»... Вот такие дела, товарищи штатские. А мы, которые в пагонах, и сами все свое знаем.

◆Незаметно за воспоминаниями и размышлениями вечерело. Солнце вот-вот готовилось заглянуть своим краснеющим диском в окна второго этажа — попрощаться на ночь с мятущейся Лизой. Она же, как сопереживаючи читая роман или смотря добрый старый фильм, вроде примеряла остраненно на себя чужое платье. Даже и не помышляя о каком-то решении, точнее, отгоняя от себя даже саму мысль о нем, все продолжала перекручивать в мыслях все слышанное о том далеком Заполярье, знаемом только по рассказам Андрея Егоровича городе на скалах Полярном... И точно, усмехалась порой, чужая не-

веста скороспело примеряет чужое же подвенечное платье. Даже с полчаса «крутила» интернетовские картинки тех мест. Неприятно почему-то было видеть ей в заповедных владениях Северного флота, в Кольском заливе нефтяные платформы. А на берегу часто упоминаемой двоюродным дедом Белокаменки — из числа старейших рыбаких становищ — идет постройка сразу двух нефтяных терминалов: все на экспорт, на продажу. На словах власть призывает страну соскочить с нефтяной иглы, а на деле? — Даже до этих мест добрались: до Европы танкером, что называется, два шага по незамерзающему морю. Это не из Сибири качать, значит, денежки в госкарман, а большая часть мимо него, здесь грозятся быть пополновеснее. Этак и до Екатериненской гавани Полярного доберутся «игольщики»!

Все также примеряя чужой невестой чужое свадебное платье, притворно озабоченно Лиза просмотрела в интернете «Азбуку Александровска — Полярного». Прекрасное военное, героическое прошлое. И сам город: самые северные в стране (и в мире, конечно) Дом Красной армии и флота и стадион — оба постройки тридцатых годов. А какие имена деятелей культуры связаны с Полярным? — писатели Вениамин Каверин, здесь создавший своих «Двух капитанов», Лев Кассиль, Ярослав Родионов. А Юрий Герман с «Северными повестями»? Руку к украшению и воинской памяти города приложили скульпторы Лев Кербель и Вера Мухина: ее памятник героям прошедшей войны стоит перед аркой главного здания подплава — штаба и служебных помещений Краснознаменного ордена Ушакова первой степени соединения подводных лодок...

И уже совсем неуместно заинтересовалась учреждениями образования города: чужая невеста в чужом подвенечном убранстве не рассчитывала явно на

роль офицерской жены-домохозяйки, хотя бы на банкете адмирал Игорь на деловой вопрос супруги Михалыча о его зарплате, весело кивнув адмиральше Нине, ответил загадкой-ребусом: «Самой высокооплачиваемой профессией в стране среди гражданских лиц счастливо обладают капитаны большегрузных судов океанского плавания: полумиллионный месячный оклад.— Ответственность на них большая лежит. А у меня эта самая ответственность... сами подумайте и решите. И моего друга Вадима в его командирстве явно не обидят». При этом развеселившийся «адмирал с иголочки» непроизвольно посмотрел в сторону Лизы, правда, в этот момент отвлекшейся в разговоре с Вадимом и потому не слышавшей словесные ребусы виновника торжества.

Увы, из таких учреждений имелись только школы. К тому же старейшую из них, еще с тридцатых годов действовавшую, не так давно закрыли, а здание на самом высоком месте города передали «для нужд флота». А про нее-то так охотно и много рассказывал Андрей Егорович, особенно пропев (после восьмой) хорошим, не стареющим с годами голосом гимн Северного флота:

*Прощайте, скалистые горы,
На подвиг Отчизна зовет!
Мы вышли в открытое море,
В суровый и дальний поход...*

И, завершив пение, пояснял: «Автором слов этой песни был Николай Иванович Букин, только начинавший передвойной службу на флоте, Северном, понятно дело; на гражданке же закончил сельхозтехником в камском городе Сарапуле Удмуртской республики. Самое интересное, его же, не отставляя от флотской службы, сразу после окончания войны поставили директором тогда единственной в городе

Полярном средней школы номер один. Потом уже перевели в Москву на работу в военно-морской журнал «Советский моряк».

...Итак, школа. Значит, в лучшем случае, быть училкой биологии или на подхвате во внеклассной воспитательной, факультативной работе. Это уже слишком. А бабка Наталья-старшая в свои без малого восемьдесят лет? А дочь Наталья-младшая?

Все закрутилось в опамятавшейся голове Лизы: господи, да что она себе вообразила? Среди скал... дочь без бабушки... училка в школе... Вадим месяцами на своей «варшавянке» за тысячи миль в Средиземном море курсирует у берегов Сирии или за авианосцами Шестого американского флота приглядывает из перископа...

А полярная ночь, самый краешек-отголосок которой она наблюдала во время зимних поездок в Ленинград — Петербург к своему военно-морскому двоюродному деду. Некстати вспомнила немногое из рассказанного в кухонных беседах-перерывах Вадимом, что-де в зимнюю темень даже в иллюминированном городе главное развлечение — хождение по расплодившимся, как и по всей стране, магазинам и магазинчикам. И не только гражданские. В советское время, как вспоминал Андрей Егорович, матросы, старшины и офицеры находились на своих кораблях — в море или на пирсах. Сейчас же почти все матросы и старшины уже не срочно служащие и сверхсрочники, а новомодные *контрактники*. Мало кораблей осталось, почти всегда они к пирсам привязаны*. В береговых казармах плавсостав никто не удерживает. Вот они тоже по магазинам туда-сюда, зарплата в несколько десятков тысяч позволяет всякую чепуховину постоянно покупать. Словом — шопинг!

* То есть бортом к пирсу закреплены тросами (флотск.).

Тоска, обида и гнев на саму себя обуяли Лизу. Расплакалась и всю мысленную жалость перенесла на своего несостоявшегося мужа. Вторая экскурсия не состоялась, почти не успев начаться. А уж как она себя, чужую невесту в чужом свадебном платье, жалела? Под опустившееся до уровня окон второго этажа совсем покрасневшее солнце ее сморило в спасительный от дум, терзаний, жалости и любви сон. Был он безо всяких видений. Проснулась уже в темноте как от будящего толчка. Трофейные часы в гостиной отсигналили половину двенадцатого ночного часа. Уже ни о чем не думая, Лиза прошла на кухню, достала из верхнего шкафчика початую с ним бутылку коньяка, налила половину стакана («Пить так только стаканами», — явно расслышала она дурашливый нарочито голос тамады Михалыча) и залпом выпила. Также целеустремленно и сосредоточенно высутила на мобильнике номер Вадима и, не давая ему сказать не единого слова, четко и методично произнесла: «Моряк мой милый, ты все же ошибся курсом. Бог нас всех простит, а мы уж какнибудь и друг друга. Прощай, Вадим».

...И тотчас раздался звонок от входной в квартиру двери.

«Ах, заграница, ах, Европа!» — восхищенно и завистливо всплескивал руками рядовой советский обычайатель, лениво маскирующийся под активного строителя светлого коммунистического далека,— там молочные реки Сена, Темза и Рейн текут в кисельных берегах, улицы там импортным медом навощены, в магазинах двести сортов колбасы и сто сыра. А виски с содовой, пива баварского и бургундского с мозельским — залейся. Вытрезвителей там и в помине нет, как и очередей за чем-либо. Там не генсеки правят, а президенты и королевы английская, датская и голландская. И еще короли бельгийский, норвежский, шведский и испанский. Полицейские там как ангелы во плоти, а для плотских утех масса гостиниц и дешевых женщин. В Европе не дают статью УК за валюту, мужеложество, а кое-где и за наркоту. Там...там-там-та-ра-рам! Хорошо там, где нас нет!

Сейчас у нас все как в Европе, исключая грубых полиционеров, но отчего же не весел заметно постаревший обычайатель? Почему активно не строишь светлое капиталистическое будущее? А оттого, что славны бубны за горами, а когда они над ухом гремят день и ночь, то приедается любая мелодия, даже ранее недоступные битлы, роллингстоуны, квины и прочие, ныне тоже сильно постаревшие, назареты...

ЗАВЕРШЕНИЕ ДНЯ И БОЛЬШОЙ СБОР ЯЧЕЙКИ ЧЕЛОВЕЙНИКА

— Но, может быть, вы смущаетесь, когда я вам скажу ее звание!.. Она — простая крестьянка!.. Но не смущайтесь сим, ваше Боголюбие: она и по праотцу нашему Адаму, и по Господе нашем Иисусе Христе сущая вам сестра!

Сергей Нилус «Великое в малом»

◆...Как и тогда, год назад, в эпилоге несостоявшейся второй экскурсии Лизы замуж, тотчас после «отбойного» ее звонка кавторангу Вадиму Николаевичу Чистоногову в половине двенадцатого ночи к ней спустилась со своего четвертого этажа Светлана, магнетически почувствовавшая неладное с подругой, так и сегодня в день долгих и сумбурных воспоминаний, уснувшую вторым за день сном Лизу в этот же поздний час конечно могла разбудить только она. Так министерски требовательно жать на кнопку дверного звонка могла только Светлана. И по-соседски, без телефонного предупреждения, не надеясь вспугнуть в Лизиной постели «лицо мужского достоинства», как она выражалась, ибо уже год как подтрунивала над подругой, «подписавшейся в самый бабий расцвет на женский вариант целибата*». Лизу восхищало в ней, хотя и сама далеко не без ума, порой мысленно возгордившись, отмечала она, в Светлане умение в разговоре, в зависимости от категории собеседников и «к случаю», то простонародным матерком так щегольнуть, что их дворник-гастарбайтер

* Принятый в католичестве обет безбрачия священников. Хотя бы I-й Вселенский собор (Никея, 325-й год) тогда еще единой христианской церкви и постановил-выступил против целибата.

Кизим рот от восхищения надолго раскрывал, а в бомонде, прекрасно храня в своей великолепной памяти ленинградское филологическое образование, ошарашить «узкоспециальным» термином. Причем не заранее припасенным, «как истинный француз принес куплет в кармане», но сугубо разговорно всплывшем в памяти...

Вечерний сон еще более тяжелый при внезапном пробуждении, нежели дневной, поэтому на пути до входной двери, не озабочившись о растрепанности головы и домашности своего вида, позевывая в наступившей ночной прохладе, Лиза вспомнила-таки, что Светлана прямо с «Серебряного хутора», куда она сегодня с утра направилась на тамошние посиделки московской и тулуповской административной и торгово-воровской знати. «Там упражняются в безверье и расколе», — процитировала она Лизе из малосчастливого русского классика утром, прощаясь до позднего вечера. А Лиза-то в своих дневных видениях-воспоминаниях и вовсе запамятали об этом «позднем вечере». У женщин это бывает: то незримую пылинку или волосок на пиджаке супруга мигом отметят, или наоборот, признаки дефлорации еще несовершенолетней дочери-школьницы проглядят... Бывает.

Уже подойдя к двери и протянув руку к вертушке щеколды замка, Лиза сверхтонким после вечернего сна, как то у всех бывает, слухом явственно услышала через двойную дверь (опасливый по профессии отец Василий Николаевич на «бронировке» настоял) голоса и смех смешанных голосов: мужских и женских. Даже не от совсем прошедшего вечернего сна мыслишка о прадедовом «кольте» мелькнула, но пробившийся через все бронированные двери и смех компаний голос Светланы, хорошо темперированного контральто с хрипотцой от курения со школьных лет, дескать, «открывай, Лизавета, мы к тебе с приветом!», заставил ее весело рассмеяться и отворить одну за другой обе двери. Кстати, обе они после

утреннего Светиного захода так весь день и не были заперты. Эту беспечность советского воспитания Лиза так и не смогла до сих пор преодолеть.

— Лизавета! Как же я рада тебя видеть! — И в меру упитая Светлана впилась в ее губы, опутав непричесанную голову хозяйки завесой своих белокурых, смешанно пахнущих французскими духами, того же происхождения коньяком и острой «под индийскую» кухней «Серебряного хутора», волос. Слегка отпрянув от мощного напора возбужденной подруги, Лиза поначалу и не рассмотрела лица входящих ее спутников.

— Принимай, Елизавета Васильевна, полунощных гостей! Не все мы с «хутора», но в здешнем Доме на горе самых лучших собрали...

Меж тем — мужчины с солидно нагруженными пакетами — мимо зажатой в сестринских объятиях Лизы в дверь входили: Полковник, который, как вроде помнила она с утра, должен отдыхать и руководить семьей; «счастливая дура» с третьего этажа Надя, «извращенец» Жора, обнимающий Надьку, и незнакомый высоковатый, бородатый мужчина лет сорока с доброй улыбкой, которая сразу же расположила Лизу к себе («О, ужас! Опять, как год ровно тому назад, жениха Светка привела?»). Но блондинка-министрша, отпуская подругу из объятий, успокоила, поймав взгляд Лизы: «Не о том подумала, просто мужик хороший в «хуторе» попался, из наших, тулуповских, подвезли, а заодно и пригласили банкет продолжить. Не дурак даже совсем!»

♦ Пока Полковник, Жора и представившийся хозяйке Леней аккуратно, артистически подстриженный гость, под руководством хлопотливой Нади готовили на кухне горячее и сервировали в гостиной большой дубовый овальный стол, понятно, тоже вывезенный прадедом, вернее, его подчиненными, из поверженной Германии, Лиза в своей спальне приводила в порядок прическу и выбирала вечерний туалет.

лет, сидевшая на диване с сигаретой Светлана разъясняла диспозицию:

— «Серебряный хутор» — бардак и московский отстойник, как я уже тебе докладывала, но для нашего губернского бомонда почти высший столичный свет. И знакомства там полезные сводят, в основном, насчет где «отпилить» от бюджетных денег есть возможность. Меня там как приманку используют, не в постельном смысле, конечно, это уже не мой возраст и реноме должностное, но как сводящую и разводящую — слишком многим я знакома и, не хвалясь скажу, уважаема: по уму и повадкам, ха-ха-ха!

Про Полковника не спрашивай — он без меня места себе не находит, потому и здесь-стать. Он же и мысль здравую подал — не подумай, что от постели отлынивает, но мужик душевный, чисто русский по компанейству, потому предложил погулять по-нашему этой ночью у тебя с компанией. А тут все на мази сошлось: у Надьки Витюша с детьми к предкам на пару дней отлучился; она же сослалась на усталость — от чего? — дома осталась, благо и у Жорки его Инка к дочери умчалась, а его срочно из отпуска отзвали: видите ли «изделие» их завода срочно в серию потребовалось запустить, словом, припоздавшая милитаризация страны... А Леню я еще в «хуторе» заприметила. Как он туда попал? — Вряд ли сам сумеет объяснить. Вроде как с чисто мужской компанией сидел за соседним столиком, а обратил мое внимание — и очень любопытное! — тем, что когда объявили танго, а все мужики, что только и умеют топтаться на месте, потупились и притворно заинтересовались выпивкой и закуской, я же встала, мигом вспомнив ленинградский университетский танцкласс в самодеятельности и свое блистание в лихих девяностых на новорусских — из грязи в князи для нуворишей — балах, и Леня поднялся. Кстати, и платье сегодня утром надела под танго: боковой разрез на две трети бедра. Так мы нашли

родственные души друг в друге. Хор-р-ошо танцует, шельмец! А когда наша компания уходила, смотрю — он один за столиком остался. Махнула рукой, дескать, поехали! Безропотно поднялся и за нами пошел. Кто таков? — Сама выясни, если интересно... хотя бы как хозяйке грядущего застолья. Одно гарантированно скажу — не бабник! Хотя бы во время танго очень внимательно, можно сказать — квалифицированно, взглядом оценил мою грудь. Но — не масляно, а с пониманием... черт его знает: толи к своим среднестаршим годам огонь, воду и медные трубы по женской части прошел, а может из художников, так сказать, инженеров человеческих душ, неважно каких по жанру мастерства: живописцев, писателей, артистов... Ладно, уже говорила: сама разбирайся, если интересно. На «хуторе», фень-егорене, мы только схлопотали после танго аплодисменты всего зала, а в машине, нашей администрации фордовском полуавтобусике, и слова-вопроса нельзя было сказать: Белогривцев из «культурного министерства» всю дорогу народные песни — в советское время *кулек*^{*} закончил по фольклорному исполнительству — под баян, захваченный с собою, орал, впрочем, хорошо поставленным голосом, а в Тулуповск мы и вовсе въехали под русские народные, блатные, хороводные. Веселился же от сексуального счастья: спровадил-таки на архивную должность свою пятидесятилетнюю секретаршу, а на ее место взял длинноногую деваху — за обещание бескорыстной любви и связанных с этим радостных услуг. Н-д-да! Видела я ее — обдерет Валерьяныча до последней нитки. Ну-у, это его заботы.

Ладно, Лизавета, наводи, последние штрихи. И

* В советское время в каждом областном городе действовало училище культуры, на всеобщем сленге «кулек». Они и сейчас остались, только их в девяностые годы переинициили по-американски: колледж или что-то в этом роде...

так хороша на сто двадцать процентов, тем более — перед кем выкобениваться? Кроме Лени, все свои в доску. Слушай, подруга, но каковы наши тихони Надька и Жора, а? Ты думаешь, случайно они по-одиночке дома сегодня оказались, и не будь предложения Полковника, так бы и почивали эту ночь, холостяковали в своих холодных постельках сам-одна и сам-один?

— Светочка, ты перевозбудилась в этом «хуторе» и всех под свою гребенку стрижешь. Тебе не кажется?

— Когда кажется, Лизавета, как не уставал повторять твой славный прадедушка Егор Фомич, будь он и на том свете настоящим гвардейским полковником, креститься следует.

Лиза добро усмехнулась про себя, мимолетно оттеснив в памяти досужие туманные сплетенки их Дома на горе, что-де давно овдовевший, но бравый восьмидесятилетний Егор Фомич как будто порой заходит на чашку чая к двадцатипятилетней их соседке с четвертого этажа... Но Светлана, хотя и не имея психологической ученой степени подруги, мигом эту мысленную усмешку Лизы расшифровала:

— Ну и что? Заходил, пил чай, я ему глазки строила. Предложил бы — и проверила быль о нестареющих прежних крепких русских мужиках. Но он осторожно намекнул, что-де есть у него уже свой интерес, лет на тридцать его помоложе, вполне устраивающий. А затем, как старший по дому и член бюро обкома «нашей партии», также мягко и издалека начал соблазнять меня к активной гражданской позиции... раза три заходил, затем махнул рукой: «Хорошая ты женщина, Светлана Анатольевна, душевная и красивая. Молодость в тебе первозданная играет и бунтует, не до высоких политических идеалов тебе сейчас. Вот помню, в Испании, в небольшом городе обочь Барселоны, когда на пару недель затишье на фронте наступило — франкистских мар-

роканцев, что в бой шли в мусульманских халатах и с кривыми ножами за поясами, наша интербригада из мексиканских и немецких коммунистов сильно отпутила,— познакомился я с нашей юной поварихой из пищеблока...» И такую историю Егор Фомич мне поведал — я ему бутылочку коньяка под правую руку подставила к слухаю, — что всякая «Кармен» отдыхает. Не рассказывал домашним? — Понятно, что нет. Как говорится, не для семейного воспитания. Однако, уже Надька заглядывала — пора к незваным гостям.

◆ «Не счесть алмазов пламенных в пещерах каменных,— густопсовым деревенским басом приветствовал вошедших вставший по строевой стойке Полковник с поднятым «все под флаг» фужером... не шампанского, всякую винную дурь он не признавал, но водки,— заждались хозяйки и ее очаровательной подруги». При этом Светлана сделала укоряющий, только одним им понятный, знак тостеру: загнула мизинец правой руки за безымянный палец. Полковник спохватился, поставил фужер на стол и заменил его в грядущем тосте хрустальной (из Саксонии, военный трофей, неосознанно промелькнуло в голове Лизы) стопкой. Впрочем, с тем же содержимым. «Мужик в постели пьян должен быть в четверть меры,— шепнула Света подруге,— впрочем, у каждого мера своя».

— О каких это вы алмазах говорите,— подыграла Светлана,— неужели наш скромный Тулуповск, озабочив мирно спящую налоговую службу, Оппенгеймеры включили в контрабандный якутско-европейский трафик?

Полковник только сейчас рассмотрел «танговое» платье Светланы с показательно выставленной в левом боковом разрезе почти до основания бедра ноге и машинально перевел взгляд на Лизу в глубоко декольтированном, с овальным вырезом до середины спины вечернем платье-миди, причем Светлана сде-

лала ему другой масонский знак, означавший «фига тебе», и несколько запутался в комплименте вошедшем, обыгryвая бриллиантовую тему...

Тем временем хлопотуния Надя с посильной помощью Жоры, еще не отошедшего от почти суточного аврального — оборону страны надо крепить! — пребывания в своем цеху и распитого «на дорогу к дому» с близкими своими подчиненными в его крохотном кабинетике на уровне перемещения мостового крана литра казенного спирта, что нормировщица записывала в табели на промывку ракетных узлов перед сборкой, принесли с раскочегаренной кухни последние посудины с разогретыми явствами, принесенными гостями.

И Полковник произнес отложенный тост:

— Дорогие мои! Эта прекрасная летняя ночь неслучайно собрала нас в гостеприимном доме, в смысле в квартире очаровательной Елизаветы Васильевны. Хорошо зная с ее слов предысторию Дома на горе, его первоначального здания, построенного семьдесят с гаком лет назад геройским полковником-танкистом Егором Фомичем, не могу не заметить, что его добрый, но и строго попечительский взгляд безотрывно смотрит на обитателей нынешнего дома оттуда, с неведомо высоких небес, где и мы, увы, все со временем будем. Главное, чтобы это время длилось долго и счастливо для каждого из нас. А потому Егор Фомич так пристально посматривает — и присматривает! — что здесь он оставил свою щедрую на людское добро душу, которая по наследству воплотилась в характере нашей дражайшей Елизаветы, хозяйки сегодняшнего нашего ночного бдения и веселья. За тебя, красавица, ты и умница наша, виват! Мужчины пьют стоя!

Не дожидаясь утоления после тоста накопившегося к легкой ночной прохладе голода, Светлана искренне восхитилась:

— Полковник мой настоящий! Ты где это со

своим колхозным происхождением и суконно-цинковыми налоговыми трудовыми буднями научился такой словесной витиеватости? Даже меня, ленинградскую университетскую филологичку, по-хорошему задело.

Закусывая сложносочиненным бутербродом с семгой, икрой и попридерживаемыми всей пятерней маслинами, Полковник вовсе не обиделся. Вообще говоря, он обижался в жизни только в одной ситуации, а именно: когда, еще в младших чинах, его обделяли неучтенными налоговыми сборами...

— Дорогая моя Светлана Анатольевна! Должен же я хотя бы в словесном мастерстве как-то соответствовать всем твоим достоинствам? А из крестьян в той или иной степени все мы здесь собравшиеся. Леонид вот несколько сомнителен, да?

— Нет-нет, тоже по всем нисходящим предкам из черносоцных. Не сомневайтесь, дамы и джентльмены.

— Я и говорю: все от земли мы. И не стыдимся этого. А насчет господ наш генерал в умеренно-сильном подпитии не преминет подначить, если его этим титлом кто-либо из лизоблюдом, меньшего ранга, конечно, поименует. Мол, господ наши деды-прадеды в семнадцатом году в деревянные бушлаты упаковали. А нынешние господа, что от необузданного воровства, торговли цветами на Невском — сам он из Петера — или прямого гол-стопа с наганами в подъездах девяностых годов, что всю страну разграбили и во дворцах с толпой прислуги жиরуют, так для нас они дерньмо, извиняюсь, западлатое, а не господа!

◆ Отметив, что Полковник уверенной рукой потомка среднерусского хлебороба разливает по догоняющей второй, Светлана перехватила инициативу:

— При всем своем самородном воспитании наш боец налоговой службы куда-то в лес по дрова пошел: сначала тост за дам, а от них прямо на крестьянский двор! Или, как уже четверть века безуспешно пытаются вечно продажные журналоги нас переучить на

американский манер выражаться,— на фермерский. Впрочем, сейчас все мы живем в перевернутом с ног на голову мире, а значит в своем содержании и все слова перевертышами воспринимаются, как у Афанасия Фета: «*А роза упала на лапу Азора*» — как хочешь читай, направо или налево — все одинаково. Так и Полковник, упоминая всесветное воровство в отечестве нынешнем нашем, явно держит в уме русскую присказку на все времена, что-де алтынного вора вешают, а полтинного чествуют... Это я так сумбурно несколько к тому, что про всякие высокие политики, тем более колхозно-фермерские напевы под сурдинку американских банджо-балалаек, негоже вспоминать в теплую летнюю ночь и в столь прекрасной компании! Ночь для любви создана господом богом, или кто там за него миром нашим вселенским крутит по законам Ньютона и примкнувшего к нему Алика Эйнштейна, а любовь — это женщина, хотя бы сейчас и помещенная в безликий человейник, как в последнее время щеголяет подобными словечками Лизавета, начитавшись всяких ученых книг по своей специальности. Лизочка моя дорогая, чтение женщину не украшает, а лишь наводит неуместные морщины на лбу и переносице! Женщину красит любовь и только она единственная. За любовь! Все пьют стоя и загнув на заведенной за спину левой руке средний палец за указательный, закрепляя такой мнемоникой тайно загаданное желание. Ура!

— Ура-ура-ура,— дружно выдохнули Полковник, Жора и Леонид, коего на правах еще не очень хорошо знакомого осторегались именовать просто Леней...

— А теперь не ограничивайтесь, граждане мужчины, закусочными финтифлюшками, но прошу подналечь на горячее, пока оно в таковой температуре,— напомнила Лиза о своих правах хозяйки.

— Да-да, не напивайтесь сразу,— поддержала Светлана,— а затем легкий перерыв: танцевать хочу!

Чтобы соседей не беспокоить, Лизок, подбери на своей технике негромкий вальсок, лучше мой любимый «Осенний сон». Его хотя и не русский композитор^{*} сочинил, но он так мягко и обволакивающе ложится на наши коренные души! Кстати, в этом виде пластического искусства я сегодня партнера не меняю,— и, кивнула Леониду, тотчас соглашающе всплеснувшим ладонями обеих рук.

— А мы и не напиваемся,— несколько озадачился Полковник,— чего тут пить-то?

Спохватившись, сделал казенный комплимент хозяйке:

— Да под такой стол хоть кран не закрывай от винопровода с ликерно-водочного завода, хм-м, не подумав сказал: далековато тянуть его придется, винопровод-то. Сам восемь лет назад, когда нашу «ликерку», основанную еще при предпоследнем царе, подмосковные сивушники сожрали, чтобы конкуренции их пойлу из технического спирта не составляла, в составе налоговой комиссии навечно уже опечатывал... Да-а, не посмотрели, что завод наш до последних в стратегический резерв входил, чтобы на случай войны фронтовые сто грамм обеспечивать. Последний директор был жадnyющий хохол, вот и попался на своей алчности. Мигом столичные дельцы его в угол загна...

— Опять! — окрик Светланы, уже настроившейся на грязовый Арчибалдов вальс, заставил Полковника заизвиняться.

Меж тем полилась в четверть громкости мелодия. Леонид подошел к партнерше, отдавшей команду:

— Танцуют все!

♦ После вальса Полковник, оттоптавший носки туфель Нади, выпил на брудершафт с партнером

* Автор этого знаменитого вальса, полагаемого всеми ста-ринным русским,— англичанин Арчибалд Джойс, никакого отношения к России не имевший...

Светланы, после чего официальное Леонид охотно уступило место в компании дружескому Лене. Лиза же, понимая, что танцы на сегодняшнюю ночь закончились, поколдовала с техникой, составив программу умиротворенной, уже где-то в одну восьмую громкости, что называется для фона пространных бесед за столом, в основном, из мелодий ностальгических Джеймса Ласта и Поля Мориа. После «Одиночного пастуха» первого из них Светлана и вовсе отменила тосты, как не гармонирующие с ночным временем:

— Конечно, тост в дружеском кругу — чисто русское изобретение. Пусть грузины, которых среди нас нет, не обижаются; у них назначение и содержание тоста совсем иное. Но наш человек слишком свободолюбив и протестует против всякого навязывания регламента со стороны власти. Так и сейчас, когда мы наблюдаем наивысший, пожалуй, за всю историю страны взлет административно-бюрократического ужесточения, а это я вам, так сказать, квалифицированно, как вице-министрша местечкового розлива, подтверждаю, даже весело-разгульное тостирование в своем кругу уже чудится отрыжкой сукинно-цинкового государственного домостроя...

— Светик! Не агитируй за советскую... в смысле антисоветскую власть,— дружески посмеялась Лиза в адрес несколько захмелевшей от скорой смены вальсирования фужером любимой подругой крепленой мадеры.— Здесь ведь весь цимес не столько в администрировании и бюрократии, чем русского человека никогда не удивишь, а в сегодняшнем зазеркалье, когда все понятия на сто восемидесят градусов повернуты. Сама ведь не столь давно говорила об этом, даже процитировала перевертыш Фета о розе и собачке Азоре. Вообще говоря, нашу эпоху человека в глобализме я бы назвала *временем нофелета*. Помните старый фильм, где обыгрывается перевертыш телефон — нофелет? Коль скоро Свет-

лана на сегодня отменила тосты, то, мужчины, не забывайте наливать дамам... о себе-то вы всегда, эгоисты алкогольные, помните! Я же под бестостовый прием вовнутрь короткую, но очень характерную притчу из жизни на тему нофелета расскажу. Даже две притчи, коль обе относятся к книгоизданию.

По этой весне областной совет ветеранов выхлоптал у местных властей вполне достаточную сумму на издания книг тулуповских авторов по военной тематике. В числе других решили переиздать воспоминания Егора Фомича о боевом пути его гвардейского танкового полка, ранее еще в советское время опубликованные. И меня, как правнучку Героя Советского Союза Сиваленкова, ввели в состав редколлегии серии этих издаваемых книг. Я серьезно к делу отнеслась, подобрала фотографии из семейного альбома, кое-что отредактировала, подправила и так далее. Под конец же началась самая настоящая идиопатия: по новым издательским правилам, собезъянничеными с «*маде ин Запад*» с его демагогией в части ювенальной юстиции, на листе выходных данных любой издаваемой книги или журнала теперь надо ставить ограничительный для меньшего возраста предполагаемых читателей знак, например, *16+* означает, что предназначено для лиц в возрасте не менее шестнадцати лет. Ветераны из состава редколлегии хотели: и где это им в похмельном сне привиделся этот самый шестнадцати, — восемнадцати — и даже сорока-с-гаком-летний чудак, что раскроет книгу военных мемуаров, хоть на миг оторвавшись от своего «компа» ... ну-у, сорокалетний, впрочем, скорее от бутылки? Так и порешили с редактором издательства поставить на прадедовых мемуарах «высший балл», то есть восемнадцать с плюсом, убрав из текста всякий полунамек на матерную фронтовую брань... вообще-то не брань, а реальный язык тех людей в той ситуации.

Но воистину «бриллиантовый нофелет» мне по-

ведал отдаленно знакомый, точнее говоря, знаемый по его книгам, наш тулуповский писатель, с которым мы пару раз выходили во внутренний дворик издательства перекурить. Все тогда же, когда готовила к изданию фронтовые воспоминания Егора Фомича. Литераторы провинциальные люди осторожные в высказываниях: по старинке боятся доносов друг на друга. Но мне, как видно было, приглянувшейся ему, в среднестаршем кобелином возрасте, тем более не из их змеиного круга, излил свою докуку. Дескать, издал, как сейчас принято, на свои кровные крохотным тиражом книжку — повесть о своих детских годах в глухих сибирских местах. В частности, вспомнил как отец-охотник обучал его, мальца, катать в самодельной ветряной мельничке дробь и заряжать патроны для двустволки — гладкостволки ижевского производства. «И сейчас, дорогая Елизавета, разбуди, гм-м, посреди ночи,— при этом за масляневшими глазами окинул меня, как сейчас говорят дикторы на радио и телевидении, в «три-дизмерении»*,— безо всякого раздумья точно скажу: сколько бездымного или дымного пороха и дроби следует в металлическую гильзу шестнадцатого калибра, разделив их войлокным пыжом, засыпать»,— похвастался озабоченный писатель. Озабочен же оказалось тем, что сразу два его коллеги, конкуренты на областную литературную премию, прочитав повесть, понятно, в поисках «блох» и вообще компромата, уже пригрозили ему: не снимешь свою кандидатуру на премию этого года — мигом сообщим в Кленовый переулок, что ты в своей книжонке под видом детских воспоминаний приводишь рецепты изготовления самопальных взрывчатых устройств.

* Этот упорно насаждаемый у нас американизм «3D» — от английского «*three dimensional*», что имеет совершенно понятный русский перевод: трехмерный или объемный. Но как лихо вставить это «три-д»?

Как бы тебе, любезнейший, не угодить под статью о терроризме! Смотри у нас...

— Ха-ха-ха! — вставил свое лыко в строку развеселившийся Полковник,— намедни знакомый подполковник из дурконтроля, то есть наркоконтроля, анекдотец по части запрета употребления нецензурных слов в средствах массовой информации рассказал. Мальчик Вова вернулся из детсада домой, бегает по квартире и в полном восторге орет: «Жопа! Жопа!» Мать унимает его, ссылаясь на неприличность слова, а тот не унимается. Тогда рассерженная родительница, презрев всякую там детскую юстицию и права ребенка, положила дитятю на диван, сняла с него штанишки с помочами и давай лупцевать ремнем по причинному месту. А Вова притих, больно ему, но как будущий мужчина терпит, не плачет, а только размышляет: «Как же так: жопа есть, а названия ей нет?»

— Ну вот, грубиян солдафонский,— встрепенулась до этого замечавшаяся о своем, девическом, тихо напевавшая «в бананово-лимонном Сингапуре», растягивая под Вергинского на срединных слогах слов, Светлана,— как говорится, пришел поручик Ржевский и все испортил! Лизавета! И ты, подруга моя дорогая и единственная, туда же? Вроде договорились: этой ночью говорим только о женщинах и любви, что есть по сути синонимы. Жора! Надя! Леня! Вы что как на свадьбе у архиерея сидите молчком?

♦ Воспользовавшись дозволением пить без тостов, Полковник сам-один принял стопку гарантированно неподдельного коньяка — азербайджанского «Бакы», захваченного из дома, где у него в подвале хранилось несколько ящиков схожих напитков еще советского изготовления, реквизированных им в годы лейтенантской службы,— закусил осетриной и, смутно помня, что Светлана распорядилась говорить только о женщинах, ляпнул невпопад:

— Вообще-то бабы, извиняюсь, женщины после шестидесяти лет резко дуреют...

Поскольку Светлана посмотрела на него с интересом клинического характера — неужели готов и с чего это так рано? — а остальные озадаченно промолчали, Полковник продолжил:

— Помнится в девяностых, только-только погонь, тогда еще милицейские, начал на плечах разнавивать, зашел после службы по дороге домой в кафешку стопку-другую принять для самочувствия, а соседом по столику, как мы познакомились, оказался отставной подполковник из оперов. Где первая-вторая, там и дальше считай, раз компания ментовская случилась. Разговорились по душам, а подпол мне свой солидный опыт все передает, дескать, скажи, лейтенант свежеоперенный, в бытовых убийствах какой процент когда мужик уже в возрасте свою супружницу на тот свет в пылу ссоры отправляет? Я так-сяк прикинул, мол, процентов пять, ну-у, где-то до десяти. А тот смеется, как бы не так, бери все пятьдесят! Уж поверь мне, старому оперу, и к статистике официальной, что для очковтирательства и ответности с потолка пишется, не надо обращаться. Причина же самая простая. Дети повыросли, отдельно проживают либо шляются где по вечерам и в выходные дни. Мужик от скуки жизни водку на кухне умеренно пьет, курит, а жене надоест сериалы про нашу доблестную ментуру смотреть — и шасть тоже на кухню, давай от своей накатившейся с возрастом дурости супруга изводить. Вон, мол, Васька, что за одной с тобой партой в школе штаны просиживал, в какие миллионщики вышел? Даром, что три жены поменял и дважды на отсидке в новые времена был, зато сейчас первостатейный в нашем околотке *пренедприматель*, автозаправку и два магазина держит, участковый Сейфуллин ему за три шага честь козыряет, а ты, пьянь по жизни... И пошла, и поехала. Пока бутылка еще не опустела, мужик стара-

ется мимо ушей все пропускать, но вот и донышко обсохло. А жена в полную ярость вошла: «И зачем я за тебя, косорылого, замуж пошла, хорошо дети не в тебя, а в проезжего молодца ладными вышли, да если бы я знала...» Здесь мужик не выдерживает, хватает в мозолистую руку фрезеровщика-универсала уже ни на что не годную поллитровку и — соседи по телефону нас, ментовскую бригаду, вызывают. Досадно особенно бывало, если мы только-только присели в дежурке поужинать с водкой, что благодарный ларечник, крышуемый нами, принес...

— Хватит чушь нести,— в сердцах вскрикнула Светлана, которую взвесила цифра «шестьдесят» в соотнесении с упоминанием женского возраста,— моя бы воля, так вообще ликвидировала бы чин полковника!

— А я что? Я ничего, сама ведь предложила о женщинах в этом... как там Лизавета, в *человейнике* говорить. Вот к слову и вспомнил, уж извиняйте, если не то ляпнул.

Здесь и Светлана, отойдя от мимолетного гнева, рассмеялась:

— Да-а, Полковник, пора тебе отойти от вольницы девяностых годов и адаптироваться к сегодняшней, сплошь трезвой и некурящей жизни. Леня, пододвинь, пожалуйста, пепельницу.

— Вот-вот,— также развеселившаяся Лиза подначила по-доброму верного друга Светланы,— прошедшей зимой шла мимо корпуса гуманитарного факультета, или как их по новой моде именуют — института, нашего *универа*, подслушала, дожидаясь зеленого света на перекрестке, эмоциональную, в перемежку с отборным матом, беседу двух студиозусов, судя по теме один с социологической специальности: «... Вот только что преподша, хотя и молодая, грудастая и длинноногая телка, девки наши говорят — докторскую сочиняет, а потому трахается со всем нашим начальством — от кафедрального до бери вы-

ше,— пела на лекции по своему конспекту, что-де каждый человек уникален, но ваша задача, как будущих специалистов по работе с массами, адаптировать этого человека к принятой установке нашего социума,— далее, извиняюсь, потому пропущу, матом, которому и матери^й боцман сухогруза позавидовал бы,— фашистка недо...» Здесь светофор выдал зеленый. Пока переходила неширокую улицу, все в той же боцманской тональности будущий спец по промыванию мозгов серой массе народной дорисовывал социально-половой портрет длинноногой докторантше!

— Чего-то, Лизанька, не понял я с уstattку: как я, целиковый полковник, связан с сопливой пацантвой из гребаного нашего универа?

— Да никаких, успокойся и выпей, не забывая закусывать,— поощрила Светлана непроизвольное движение руки Полковника к вискарной бутылке,— а по-моему умен тот студент, а? Как он хорошо про адаптацию-то сказал.

Полковник снова было насторожился на обидевшее его упоминание об адаптации, но, хлопнув стопку, тотчас забыл, похвалив импортный напиток:

— Ну-у, чистая самогоновка, что в нашей деревне испокон веков в каждой избе гонят. Только наша забористее и вкуснее, главное соблюсти рецептуру закваски бражки, в нужной пропорции сахар, свеклу и толченную ржицу по времени в кадушку ссыпать. Особливо же — от свеколки только хвостовую часть надо...

Поскольку женщины потеряли интерес к техническим подробностям, Полковник нашел благодарного слушателя в лице Лени и продолжил пояснения, обращаясь только к нему.

— А что эта длинноногая,— обратилась Светлана к хозяйке, машинально выпрямив в разрезе тангового платья свою, ничуть не менее — по мысленному сравнению, как то принято у женщин — длинную ногу,— защитила свою докторскую сразу

из нескольких профессорских постелей? Ты ведь должна ее хотя бы визуально знать при такой-то ее секс-известности, ведь говорила мне, что как-то связана по своей работе с универом? А твоя психология и социология явно по соседству?

— Знаю, конечно. Потому и к монологу умного студента тогда прислушалась. Дамочка, как ты правильно определила, архизвестна. И тезка моя по имени, только с чьей-то подачи заглаза кличут ее Мерюлизочкой... Тоже кто-то очень умный сыскался.

— Специалистка большая по части самого сладкого для мужиков?

— Не могу, Света, сказать, не любопытствовала. Но скорее да. А прозвище это из далекой истории: в начале прошлого века француз Мерюлиз построил в Москве семиэтажный универсальный магазин, гипермаркет армянского купца по-нынешнему, где в продавщицы брали только красивых молодых девушек. Их-то и стали именовать мерюлизочками. По вечерам их у выхода дожидались поклонники из числа студентов, юнкеров и приказчиков из окрестных магазинов и лавок. А наша социологическая Мерюлизочка этой же весной нарывалась на большую неприятность со своими похождениями. Как говорит-ся — я в переводе на цензурный русский, — не спи, где живешь, не живи, где спишь. Пришлось уйти в какой-то захудалый филиал, где студентов обучают на дому по компьютеру. Ладно, господь с ней, что-то мы все не о том и кто в лес, а иные по дрова: мы с тобой сплетничаем классически, мужики о тонкостях самогоноворения. Леон... то есть, Леня! Слушаем тебя, как нового рыцаря круглого, в смысле у нас овального, стола короля Артура.

♦— Дорогие мои новые друзья,— прервал увлекательную беседу с Полковником Леня, привычно огладив жестом эстета по жизни свои артистически подстриженные усы и бородку,— и в особенности наши очаровательные дамы! Символично, что-де на

днях муниципальные власти Вечного города впервые открыли для посещения туристами верхние ярусы Колизея, в Древнем Риме предназначавшиеся только для плебеев. В чем суть и содержание такого символа? — в реалиях современной жизни человечества, превратившегося за весьма короткое время именно в *человейник*, как говорит наша гостеприимная хозяйка. Пусть у нас, вечно — и слава богу! — запаздывающей России, еще продолжается спектакль под названием «Из грязи в князи», а этих, с позволения сказать, «князей» и «новых дворян» мы сегодня со Светланой Анатольевной досыта насмотрелись в «Серебряном хуторе». Но во всем мире, повторяюсь, уже нет движений из грязи в князи и наоборот: остался единий и безликий *человейник*, аналог муравейнику и пчельнику. Извиняюсь за ученые слова, но их прекрасно знает Елизавета Васильевна, но этот *человейник* идеально кондиционирован и индоктринирован, то есть современный человек суть безликий винтик глобальной машины, неведомо куда мчащийся... скорее всего в бездну. Как библейские гадаринские свиньи.

Но еще раз слава Всевышнему, что за этим гостеприимным (Полковник потянулся инстинктивно к бутылке) столом собрались редкие ныне самодостаточно мыслящие люди, к тому же по служебно-рабочим своим занятиям представляющие, говоря казенным языком, совершенно различные слои современного нашего социума. Но задайтесь каждый из вас вопросом: что нас здесь объединило? — Правильно, только наши милые женщины, подруги, просто приятные знакомые еще вносят элемент человечности, людской индивидуальности во все сковывающий земной мир охлаждающий чувства ледник *человейника*. Так сказать, предтечу тепловой эмоциональной смерти.

И хотя по полунощному времени здесь не рекомендовано более провозглашать тосты, но позвольте мне на сомнительных правах нового вашего знакомца

все же предложить выпить за наше спасение в этом сухонном и остывающем мире — наших любимых — наяву и в мыслях — женщин. За вас, дорогие!

...За окном гостиной утреннее июльское солнце уже поменяло колер своего света от темных тонов берлинской лазури до набирающего с каждой минутой силу розовеющей зори. Выключенная за нена-добростью трофеиная прадедова люстра богемского хрустала, как будто и сама грустящая о своем почтенном возрасте, за который много чего повидала со своей потолочной высоты — от лощеных оберштур-банфюреров Третьего рейха до Егора Фомича со звездой Героя на кителе и его боевых друзей с по-званивающими при движении и жестах иконостасами фронтовых наград, а теперь и вовсе непонятную разношерстную публику, готовясь к долгому дневному отдыиху, с некоторым укором смотрела своими по-тухшими глазами, тяжелыми от свинца^{*} стеклянными висюльками, на овальный стол с остатками ночного пиршества. Убирать их скоро придется хозяйке, на-отрез отказавшейся от помощи Светланы и Нади: «...И не просите! Как-то это по-мещански: мужики допивают оставшееся, а бабы толкуются у мойки на кухне и перемывают косточки соседкам и сослужив-цам. Наконец,— шепнула она, пригнув их головы к себе,— вроде как вам есть чем сейчас заняться!»

Из квартиры парами вышли Светлана с Полков-ником и Жора с Надей. Первые — на свой четвер-тый этаж, а куда направились вторые — наверх по лестнице или вниз, в соседний подъезд,— Лиза как-то не обратила внимания, обмениваясь на пороге но-мерами телефонов с Леонидом. Галантно попроща-вшись с хозяйкой, он единственный из гостей покинул Дом на горе. Возможно не навсегда. Пока еще «есть женщины в русских селеньях»...

* Напомним, кто забыл со школьных лет: хрусталь более чем на 90 % состоит из свинца (окиси свинца).

«Мужики, мужики, принимайте «импазу». Ну все, девчонки — держись!» — Напевает популярный в этом сезоне рекламный шлягер главный редактор «Городской молвы», в мыслях своих готовя передовицу для завтрашнего номера газеты, а попутно вари супчик, ибо супруга с детишками отправились в соседний город погостить по

летнему времени у родственников. Вот и домашнее хозяйство на нем! В самый ответственный момент соления и перчения похлебки вошли в квартиру сотрудники его редакции с экстренной новостью: из городской управы позвонили и сообщили, что только что вернулся с охоты градоначальник и всем похваляется: кабана завалил с первого выстрела! Надо бы это знаменательное событие в завтрашней передовице отметить. Нахмурился редактор, ибо к концу суповарки уже продумал передовую статью об отдыхе директора департамента Сукичева на островах Зеленого мыса под предлогом и финансированием обмена опытом с зеленомысцами в части ремонта городской канализации. Теперь все заново сочинять! А не хочется снова мозги напрягать, к тому же время принять рюмку-другую и за супец-молодец браться. Но выход, чтобы не терять лица перед подчиненными, нашел: «Та-а-к, кабана, значит, застрелил. Ну-у, тиснем мы поздравление и идеологическое обоснование... а вы забыли, что сейчас не сезон охоты, партия «зеленых» имеет в гордуме шесть мандатов, а вице-губернаторша и вовсе вегетарианка? Так что поставьте в разделе губернских новостей, что-де градоначальник лично участвовал в кампании по истреблению кротов, заселивших все поля области, которые находятся под парами уже пятнадцать лет...».

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>К читателю: Предисловие Леонида Ханбекова....</i>	3
Китаевка и ее обитатели	11
Явное — обратная сторона тайного.....	33
Дом на горе, или где родился, там и пригодился....	77
Лиза от девочки к девушке на смене эпох:	
место действия и заветы прадеда.....	119
Любовь и женщина.....	135
Не так просто.....	141
Женщина в отдалении.....	151
Генеалогия любви.....	161
Женщина вблизи.....	169
Диалоги.....	183
Женщина на ложе любви.....	193
День мартовский.....	201
Марево (Анна), или передержанная страсть.....	217
Искусство обольщения.....	229
Эссе о соблазне.....	235
Женщина, преследуемая мужчиной.....	245
Стадии любовности женщины.....	255
Дополнение к сказанному.....	265
Эссе о мудрости и судьбе.....	269
«Счастливая дура», или третий тип русского женского характера.....	275
Второй сон Лизы.....	299
...И вторая экскурсия Лизы замуж.....	325
Завершение дня и большой сбор ячейки человейника.....	373

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

ЯШИН
АЛЕКСЕЙ АФАНАСЬЕВИЧ

ЖЕНЩИНА В ЧЕЛОВЕЙНИКЕ:
РОМАН ОДНОГО ДНЯ

18+

ISBN 978-5-6041074-0-9

9 785604 107409

Редактирование и корректура А. А. Яшин
Компьютерная верстка и изготовление
оригинал-макета С. В. Никитин

Издатель: Независимое литературное агентство
«Московский Парнас»
121069, Москва, Поварская ул., 52, комн. 24
E-mail: 6709449@mail.ru; тел. 8-495-691-63-41

Подписано в печать 30.05.2018 г.
Формат бумаги 84×108 1/32. Печ.л. 16,0.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Гарнитура «Akademy».

Тираж 500 экз. Заказ №
Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО «Аквариус»
300062, г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а.
Тел./факс: +7(4872) 49-73-73
E-mail: aquarius-press@mail.ru, grif-tula@mail.ru
<http://www.grif-tula.ru>

Алексей Афанасьевич Яшин родом из Заполярья. В числе его высших образований — Литинститут им. А. М. Горького. Член Союза писателей России (СССР) с 1988 года и член Белорусского литсоюза «Полоцкая ветвь». Автор 30 книг прозы и свыше 500 публикаций в периодике Москвы, Тулы, Воронежа, Екатеринбурга и др. городов. Главный редактор всероссийского ордена Г. Р. Державина литературного журнала «Приокские зори», член редколлегий ряда московских, белорусских и региональных периодических изданий. Лауреат литературных премий им. Л. Н. Толстого (дважды), А. С. Грибоедова, Г. Р. Державина, М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова, А. П. Чехова, В. В. Маяковского, Александра Фадеева, Валентина Пикуля, Ярослава Смелякова, Вениамина Каверина, премии «Белуха» им. Г. Д. Гребенщикова и «Московского Парнаса»; белорусских премий им. Симеона Полоцкого и им. Вениамина Блаженного. Награжден рядом литературных медалей, Почетной грамотой Министерства культуры РФ и Благодарностью Министра культуры РФ. Кавалер орденов «Г. Р. Державин», «М. Ю. Лермонтов» и «Владимир Маяковский». Академик Академии российской литературы, член ее Правления. Литературное творчество совмещает с научной работой. Ученый-биофизик с мировой известностью. Заслуженный деятель науки РФ, доктор технических наук, доктор биологических наук, имеет два ученых звания профессора, Почетный радиостанции России, лауреат премий Тульского комсомола (1977 г.) и им. Н. И. Пирогова (2008 г.), академик ряда российских, иностранных и международных академий. Почетный член Международного биографического центра (Англия, Кембридж). Удостоен ряда почетных наград, в том числе медалей им. А. Нобеля, В. И. Вернадского Н. И. Вавилова, И. П. Павлова, С. П. Боткина и И. М. Сеченова. Имеет академические звания «Основатель научной школы» и «Заслуженный деятель науки и образования». Почетный изобретатель Европы и Почетный деятель науки Европы (Гамбург). Биография А. А. Яшина опубликована в нескольких десятках энциклопедий и биографических словарей (Москва, Тула, США, Англия, Швейцария и др.); см. также книгу Л. В. Ханбекова «Тульский энциклопедист: Штрихи к творческому портрету Алексея Яшина» (М.: «Московский Парнас», 2008) и статью в «Википедии».